

Виктор (Виталий) Аршавский

(Постоянные места жительства → Удельная (Московской обл.) → Магадан → Рига)

БЫЛИ А, ВОЗМОЖНО, И НЕБЫЛИ

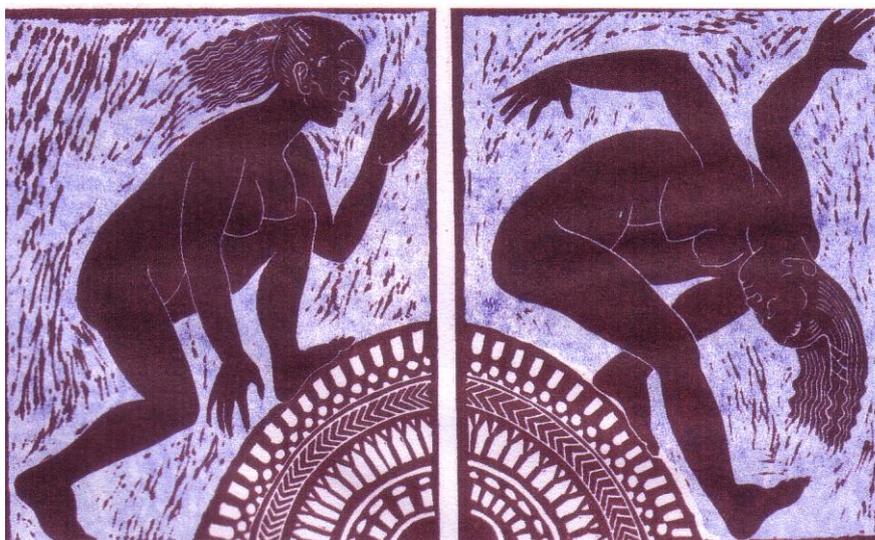
или «Выбранные места из ...»

(Калейдоскоп воспоминаний из моей жизни)

Редактировали текст
Аршавские
Лилия и Татьяна

Рига - 2011

Всем моим родным и друзьям,
а так же добрым и не очень добрым знакомым,
с которыми свела меня
уже достаточно долгая, жизнь.

Гравюра Илгнесы (Татьяны) Авотыни «Солнцеворот»

Вот в таком «Солнцевороте» я всю жизнь и вертелся.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Это не эпитафии, а что-то, вроде предисловия	1
Моя фамилия	3
Мои предки	4
Моя самая близкая родня	6
Беспутный и беспокойный ребенок	11
Война	15
Удельная и Удельнинская школа	22
Моя Академия	38
Поиски настоящей работы	52
Когда я был в сумасшедшем доме	60
Второй мед	76
Перед главной работой	90
Магадан – явление I – за здравие	95
Чукотско-эскимосское художественное творчество	124
Магадан – явление II - за упокой	128
Рига I - начало	136
Рига II – Об отце и моем гражданстве	153
Рига III продолжение	161
Мои дорогие потомки	175
Мы и наши гости	185
Наши животные	196
Походы и путешествия, в основном за счет государства	203
Несколько историй, не вошедших в основной текст «Былей»	246
Что то вроде заключения	252
Приложения	254
Приложение 1 Линия биологов в семейном древе фамилии Аршавских	254
Приложение 2 Коллаж - Статьи в журналах и газетах	255
Приложение 3 Альбом Материалы Аттестационной комиссии ИБПС ДВЦ АН СССР	258
Приложение 4 Мое путешествие в Израиль.	293

Это не эпиграфы, а что-то вроде предисловия

«Лишь одно действительно ценно: прожить жизнь, блюдя истину и справедливость и сохраняя благожелательность к людям ...»

(Марк Аврелий)

*«Писать свои *tétoires* заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистоимый. Но трудно. Не лгать можно; быть искренним – невозможность физическая».*

(Из письма А.С.Пушкина - П.А.Вяземскому)

*«... но для души еще страшней следить,
как умирают в ней все лучшие воспоминанья».*

(Ф.Гютчев)

*«Это рассказ о жизни, которую я прожил или мог бы прожить. Мемуары о том, что было и чего не было. Кроме того – память – свойство особое. Воображаемая жизнь напоминает жизнь прожитую. В этих записках я руководствовался тем, что нашептывало мне мое *alter ego*: «А что если?»*

(подражание Полу Теру «Моя вторая жизнь»)

«Возможно, что-то здесь домыслено. Не нарочно. Это как сон: вспоминаешь его и невольно добавляешь связи, детали, подпорки, в которых он и не нуждается, поскольку у него своя логика... Это все равно - говорит ли вспоминающий о себе чистую правду, или присочиняет. И в правде, и в выдумке, и в умолчании он выражается с достаточной определенностью. Нужно только уметь вслушаться... Эти тайны и живы лишь до тех пор, пока они тайны».

(Р.Добровенский «Райнис и его братья»)

«... в процессе воспоминаний на бумаге все перевру, перекрою и заврусь окончательно»

(В.Аксенов)

*«Наврет, поверит и напишет»,
(В.Гафт)*

*«Я нахожусь в том возрасте, когда есть, что вспомнить, жаль, что нечем.
«Про себя невозможно разговаривать, тем более писать. Не хочешь – совершь».*

(из афоризмов М.Мишина)

Однако, «... излишне серьезное отношение к чему бы то ни было (особенно к любому виду творчества) является, по сути дела, компрометацией оногo...».

(А. Окунь, И. Губерман «Книга о вкусной и здоровой жизни»)

«Надо сохранять разум даже в тех обстоятельствах, когда он совершенно ни к чему».

(Д.Самойлов)

И вот мы вдвоем с уважаемым господином Альцгеймером решились предоставить не менее уважаемому господину компьютеру этот «сумбур вместо» воспоминаний.

Я лежу на своем любимом диванчике и путешествую во времени – вспоминаю или придумываю различные истории из моей жизни. Ночью этот диван превращается в «раздиван», и тогда эти истории переходят в сновидения (за более чем семь десятилетий я не видел столько снов, где все действующие лица – мои старые хорошие знакомые, часто совсем забытые, вытесненные из памяти). Но сны эти какие-то странные, совсем поверхностные, но тоже, как правило, плохо запоминающиеся. И чтобы их воспроизвести, надо сильно напрягать мозги – вспоминать или додумывать заново. Иногда и непонятно – сплю или думаю в дремоте.

Мысли написать эти заметки неопределенно блуждали в моей воспаленной голове уже давно и так же давно – как минимум пять лет тому назад – было придумано название «Были а, возможно, и небыли» и тогда же появилась в компьютере иконка с соответствующим названием папки. Долгое время она оставалась пустой.

За это время я прочитал книгу К.Велишевского «Роман Императрицы Екатерины II», из которого узнал, что императрицей в журнале «Собеседник любителей русского слова» публиковалось одно из самых любопытных ее сочинений (к сожалению не оконченное) почти с таким же названием: «Были и небылицы». Это ряд отрывочных статей, связанных только общей направленностью: веселым, но нравоучительным высмеиванием современных ей нравов.

Этого «Романа» я не читал. Но в любопытном предисловии, приведенном К.Велишевским, читаем: *«Открывается поле для ... зараженных болячкою - бумагу марать пером, обмокнутым в чернила ... Уверяю, что хотя ни единого языка я правильно не знаю, грамматике и никакой науке не учился, не прощу сего удобного случая издать «Были и небылицы», хочу иметь удовольствие видеть их напечатанными – эту «добровольную исповедь кающегося».*

Какое сходство, хотя масштабы этих произведений, конечно, не идут ни в какое сравнение с моими убогими попытками. Тем ни менее, я решил не менять приглянувшееся мне и уже сросшееся с моими мыслями название. Пусть остается и не вступает в конкурентные отношения.

На собственную память нельзя полагаться: она избирательна, она маскируется, она искажает. Тем более с возрастом, когда кажется, что все было не совсем так, как на самом деле. И очевидно, всегда вольно или невольно пытаешься представить себя в более выгодном свете, приукрасив свое участие в событиях, которые другой их участник может рассказать совсем иначе. Но все это было. Возможно не всегда со мной, возможно, иногда припишу себе чужие «подвиги», но все было. А что же было? О, чего только не было...

Конечно, многого я не расскажу, скрою. Об этом я буду говорить только себе, и каяться только перед Богом, в которого не очень-то верю. Но все же, хочу рассказать о правдашнем и ... неправдашнем, ибо, как писал А.Мень, *« ... времени больше не будет!»*

Все, что будет здесь написано - вовсе не «для печати», а имеет лишь чисто семейную значимость.

Недавно сын спросил меня – А что сейчас делает твой брат Юра?

Я ответил: - *«Он по-прежнему работает в Университете, но экспериментов уже давно не ставит – сильно дрожат руки ... Да и я стал немного пописывать ...».*

У Анджея от удивления вытянулось лицо.

Так что в этой работе покажу, что я смог написать.

Ну и, конечно, надо помнить анекдот, в котором, на вопрос Чапаева: "Что Петька пишет?", тот ответил: *"Пишу оперу. Опер велел обо всех писать!"*

Моя фамилия

С самого рождения мне была дана фамилия не отца (Берман), а матери – Аршавский.

Что за фамилия такая и откуда она происходит?

Мои прародители по материнской линии – дед Аркадий, точнее Анкель (Аршавский) и бабка Анна, точнее Ханна (в девичестве Зарецкая) – происходили из Южной России (или Украины). В семейных разговорах часто упоминались Азов, Ейск, Ростов-на-Дону, и еврейское местечко Ивановка, где они держали портняжную мастерскую.

В самом начале моего читательского запоя (а это случилось довольно поздно – лет с 10-12-ти) меня буквально огорошило одно открытие. У Гоголя в первой же главе «Мертвых душ» на седьмой странице (в моем томе - Н.В.Гоголь – Мертвые души, Москва, «Художественная литература», 1976) мне попались на глаза и врезались в память следующие строчки:

Когда Чичиков отправился впервые посмотреть южный губернский город NN, ему *«Попались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; ...»*. Думаю, что не случайно такое совпадение фамилии, профессии и места действия! Как минимум два поколения предков деда и сам дед были портными.

Позже я узнал, что во времена раздела земель между Россией и Польшей, те дворяне, их дворовые, крепостные крестьяне, и евреи, селившиеся в российской части Украины, любыми способами старались избавиться от польского звучания их фамилий, а те, кто оставался на польских землях, напротив, стремились его приобрести. Наиболее известный пример этого является и сам Гоголь – урожденный Яновский. Вполне вероятно, что одним из таких способов, была утеря хотя бы одной буквы в фамилии, и Аршавские могли быть раньше Варшавскими.

Моя жена – Татьяна Аршавская рассказывала, что с удовольствием приняла мою фамилию, так как всегда несколько стеснялась своей девичьей – Попович, из-за того, что ее часто дразнили «попкой». И даже поначалу несколько статей она подписала двойной фамилией – Аршавская-Попович. Вскоре, на одной из очередных пьянок в Магадане по поводу свадебного торжества, наш близкий друг Женя Гельфгат, которого я с тех пор я именую Гельф-Гадом, шепнул на ушко Тане, мол де она напрасно сменила фамилию. Он вычитал в толстом немецко – русском словаре, что немецкое слова *Arsch (Ärsche)* на русский переводится как слово зад, задница, попа, грубо – жопа. Я тут же уличил его в плохом знании русского языка, ибо в моей фамилии корнем слова является не арш, и если сделать элементарный грамматический анализ, то корнем окажется аршав, а суффиксом – ский. Но все же, такое совпадение этимологического значения обоих фамилий мне показалось судьбоносным. Далее я, преодолевая хохот, заявил, что веду свою фамилию, как минимум, от гоголевского портняги Аршавского, а, как максимум, – от создателя армянского государства - царя Аршака II. (Кстати, в начальных классах школы и в Омске, и в Черноусово, а потом и в Москве моим первым прозвищем было «Аршак», правда, при этом оно рифмовалось со словом ишак – милым и трудолюбивым, иногда упрямым животным, но уж совсем не царской породы.

Так, где же затерялись истоки моей фамилии?

В интернете в популярном этимологическом словаре «Русские фамилии» написано: *«Аршавский – происходит от Аршава - так в старом русском просторечии иногда произносилось название польского города Варшава. В одном из «Севастопольских рассказов» Л.Н.Толстого солдаты говорят о смотре царском в Аршаве»*.

(Одна моя знакомая рассказывала, что, когда они путешествовали на машине по Белоруссии, ее маленькая дочка, увидев на развилке дорожный указатель направлений, сказала: *«Поедем в Аршаву, к твоему сотруднику Аршавскому!»*).

Мои предки

Деда Аркадия (по-еврейски Анкеля) Аршавского я почти не помню. Знаю только, что он был мужским портным. Но главным его занятием было страстная игра в карты.

Не знаю, выигрывал ли он когда-нибудь, но вот проигрывал постоянно. Несколько раз в их доме оставались только одни стены, поскольку всю мебель описывали и забирали в погашение карточного долга. А однажды какому-то ростовскому купцу даже проиграл свою жену (очень красивую и чем-то смахивающую на Екатерину II). Когда этот несчастный влюбленный подъехал на тройке с бубенцами к их дому, намериваясь получить свой выигрыш, то бабка выскочила на крыльцо и на весь Ростов устроила такой хипиш, что купцу мало не показалось, и он срочно ретировался. Не знаю, но могу представить, что свою горячую порцию получил дед. Позже, они все-таки развелись, и дед переехал в Киев, где вскоре заново оженился. Так что видел я деда очевидно всего пару раз.

Бабушка Анна Григорьевна (точнее - Хана Гершовна – так по-еврейски), - в девичестве Зарецкая была из семьи бедного местечкового раввина – веселого человека, но отъявленного забулдыги, а пьянство в еврейской общине не очень-то приветствовалось.

В семье рождались одни девочки (кажется, было их шестеро, но помню только четырех), и учить их грамоте не очень-то полагалось. Позже моя мама выучила всех своих теток читать и писать, чему они были очень благодарны. Но педагогических способностей на собственную маму у нее не хватило. Так бабушка и осталась безграмотной. Дрожащей рукой она могла вывести свою подпись, да и то, только печатными буквами, сверяясь постоянно с лежащим перед ней рисунком. Очевидно, дед выучил бабушку портняжному ремеслу. Думаю, что портнихой она была не очень удачливой, но вот красный цвет, был ее любимым. Помню, что когда зрение ее сильно ослабло, она постоянно ставила на мои черные штаны красные заплатки, при этом всегда рассказывала хвастливую байку о том, как она сшила красные шаровары аж самому Буденному. Но все же, бабушка была мудрой женщиной, и часто моего брата Юру и меня удивляла разными изречениями, вроде: «Дети это капитал, а внуки это проценты с него».

У бабушки с дедом было четверо детей, которые родились в еврейском местечке Ивановка.

Старший Илья учился сначала в хедере и, обладая красивым голоском и отменным слухом, пел в синагогальном хоре*.

* (Моя редакторская сноска из книги И. Аршавского «Мы все равноправны друг перед другом»): *Во время работы И. А. Аршавский постоянно слушал музыку, практически не выключая радиоприемник или проигрыватель. Он очень любил произведения И. С. Баха и П. И. Чайковского, русскую оперу и хоровое русское пение, позволяя себе иногда посещать концерты хоров А. Свешникова и В. Минина. Часто он напевал и еврейские песни, особенно любил Еврейскую колыбельную песню без слов. Возможно, эта незамысловатая мелодия имела для него значение побудительной «молитвы». Больше никогда, даже от профессиональных исполнителей еврейских песен я этого напева не слышал. Вот эта мелодия, (ноты которой, с моего, уже нечеткого, прокуренного и пропитого голоса, и ощутимо ослабевшего слуха, записали мои соседи - замечательные музыканты с музыкальной фамилией Сірсені, что с латышского на русский переводится Сверчки):*

Но с 10 лет он ушел из дома на «заработки». Внешне он больше походил на «лицо кавказской национальности», что однажды спасло ему жизнь. На поезд, в котором он ехал устраиваться на работу в какую-то москательную лавку, напали какие-то бандиты (кажется, махновцы), всех евреев вывели из вагона, а Илье, притулившись у окна и уже поднявшемуся выходить, сказали: «А ты, армяшка, можешь сидеть!». В Ростове на Дону в лавке на чердаке, где

За неимением фотографии деда я представляю его таким

ему определили место для ночлега, дядька по самоучителям «Гимназия на дому» изучил курсы школьных дисциплин. Для поступления в ВУЗ нужна была хоть какая-нибудь бумага о среднем образовании. Однако, Илья, ни в какой школе не учился. И он поступил на краткосрочные курсы сестер милосердия, после успешного окончания которых, ему была выдана справка, с замечательной заключительной фразой: «Дана сия сестре милосердия Аршавскому». Но этой смешной бумажки оказалось достаточно для поступления на Медицинский факультет Ростовского (Северо-Кавказского) Университета. (Эту справку я потом видел, и ехидно подсмеивался над «сестрой милосердия»).

Затем шли две сестры – погодки – Дора и Люба (моя мама). Они тоже учились в Ростовском Университете, но Дорочка совсем молодой девицей умерла. Ну а младший сын Абраша, которого в семье все любовно звали Абуля, совсем не был похож на своих брата и сестер. Это был высокий, голубоглазый, очень красивый блондин. (Мы с братом очень любили его, но иногда нахально над ним подшучивали, интересуясь тем, на кого же он все-таки похож, – вроде бы на маму не похож, и на папу тоже?!). Вокруг него постоянно вертелись молодые красотки, чьими услугами он, отнюдь не гнушался. Он уехал в Ленинград и учился в Текстильном институте.

Вот все это семейство.
Все они похоронены в Москве
на Востряковском кладбище в одной могиле.
(внизу)
бабушка Анна Григорьевна,
ее невестка Эся (жена Ильи),
(вверху)
дочь Люба (моя мама),
и старший сын Илья (мой дядя),
а ее младший сын Абраша (внизу),
умерший раньше всех, упокоился в Ленинграде

А это трагически погибшая в
молодости дочка Дора

О предках и родных отца, которых не знали ни мама, ни я, расскажу в соответствующем месте дальше.

Моя самая близкая родня

Самыми близкими мне людьми, во многом определившими мою дальнейшую судьбу, стали мой дядька Илья Аркадьевич Аршавский, его жена Эсфирь Исааковна и их сын Юра.

Мой дядя
Илья Аркадьевич Аршавский

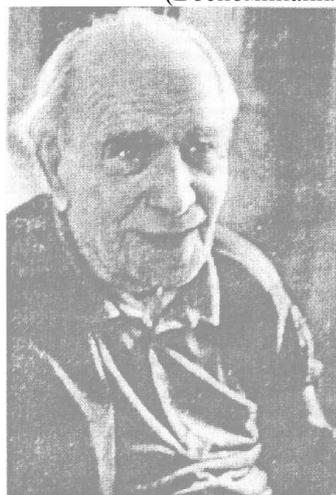

Его жена – моя тетя
Эсфирь Исааковна

Их дети – Юра, Наташа (показывает
фиг), а так же я
на даче в Валентиновке
(У Наташки с детства был фиговый
характер,
сохранившийся на всю жизнь).

О дядьке лучше приведу его биографию с Задней обложки его последней (уже посмертной) книги
«Мы все равноправны друг перед другом»
(Воспоминания об А.А. Ухтомском. Смысл и судьба доминанты нравственности)

Одна из последних фотографий
Ильи Аркадьевича

Профессор Илья Аркадьевич Аршавский родился 25 января 1903 года на юге России в селе Ивановка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. На медицинском факультете Северо-Кавказского Университета, он начинает заниматься научной работой на кафедре физиологии под руководством профессора Н.А.Рожанского. Окончив в 1926 г. университет, Илья Аркадьевич переезжает в Москву, где вначале работает в лаборатории физиологии труда у Ю.П.Фролова и В.В.Ефимова, а в 1927 г. поступает в аспирантуру к Л.С.Штерн. Через год для завершения аспирантуры по инициативе И.П.Разенкова, И.А.Аршавский был переведен в руководимую им лабораторию в институте им. К.А.Тимирязева. После окончания аспирантуры Илья Аркадьевич был рекомендован для прохождения «повышенной аспирантуры» (докторантуры) у И.П.Павлова и Л.А.Орбели. Однако, он выразил настойчивое желание проходить докторантуру в Ленинградском Университете на кафедре физиологии у А.А.Ухтомского, которого он впервые увидел на II Всесоюзном съезде физиологов еще студентом. Встреча с Алексеем Алексеевичем Ухтомским определила весь дальнейший жизненный путь молодого ученого, его научные и нравственные ориентиры. И.А.Аршавский стал не только докторантом А.А.Ухтомского, - он стал его Учителем, одним из тех, с кем Алексей Алексеевич делился самыми сокровенными мыслями. После завершения докторантуры Илья Аркадьевич в течение 3-х лет работает на кафедре физиологии биологического факультета Казанского Университета, а затем возвращается в Москву в Институт экспериментальной медицины, где в 1935 г. организует лабораторию возрастной физиологии и патологии. В этой лаборатории были выполнены основные исследования по возрастной физиологии, проведенные И.А.Аршавским и его сотрудниками, а также многочисленными аспирантами и докторантами из различных республик страны и из-за рубежа. С 1980 г., после того как лаборатория была закрыта, И.А.Аршавский стал научным консультантом Института биофизики АН РАН.

И.А.Аршавский - один из основоположников возрастной физиологии. Его главным вкладом в физиологическую науку является разрабатываемая им негэнтропийная теория онтогенеза, раскрывшая механизмы роста, развития и старения организма. В этой теории И.А.Аршавский выступает продолжателем идей А.А.Ухтомского, реализуя принцип доминанты, целостного и исторического подхода к проблемам жизнедеятельности. Среди важнейших научных достижений И.А.Аршавского и руководимой им лаборатории - создание концепции доминанты беременности, разработка физиологической классификации периодов индивидуального развития человека, исследование влияния двигательной активности на развитие организма и ее роли в процессах геронтогенеза. Научные разработки позволили И.А.Аршавскому внести ряд весьма ценных предложений в практику детского здравоохранения. Некоторые из них (рекомендация раннего вскармливания ребенка материнским молоком, шкала оценки новорожденных по физиологическим, а не морфологическим показателям, позволяющая дифференцировать физиологическую зрелость и незрелость ребенка и др.) на много опередили свое время, но не были тогда востребованы официальной медициной, и воплощаются в жизнь лишь сейчас. Разработанные И.А.Аршавским методы компенсации физиологической незрелости и закаливания организма спасли здоровье и жизнь многим тысячам детей. Часть из них принята Всемирной организацией здравоохранения как обязательные для государств, входящих в ее систему. Работы лаборатории получили признание не столько в России, но, к сожалению, в большей степени за рубежом, где соответствующие

исследования стали систематически разрабатываться несколько позднее. В течение многих лет И.А.Аршавский входил в состав редколлегии журнала «Developmental Psychobiology», являлся почетным членом Российского Общества физиологов и почетным членом Международного общества по психобиологии индивидуального развития.

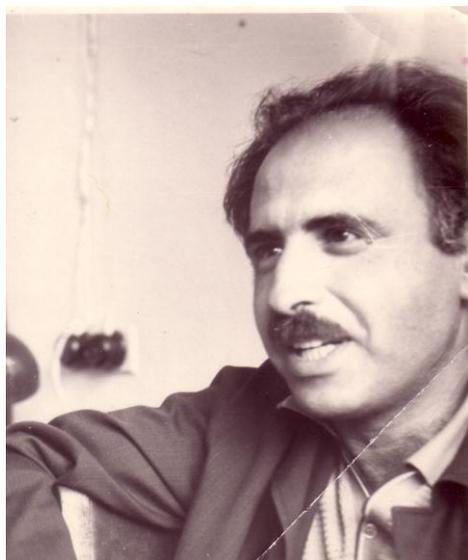
Профессора И.А.Аршавского отличала поразительная широта научных интересов. Тематика его работ охватывала не только вопросы возрастной физиологии, но и геронтологию и биофизику, эволюционное учение и принципы создания нейрокомпьютеров, проблемы сельскохозяйственных животных и физиологии растений, педагогику и бионику.

И.А.Аршавскому пришлось жить и работать в нелегких условиях*. Далеко не все его идеи были поняты и встречали сочувствие. Однако он всегда, до конца своих дней, оставался верен тем принципам, которые завещал его Учитель - А.А.Ухтомский. Можно только сожалеть, что, став на закате жизни лауреатом премии им. А.А.Ухтомского, учрежденной РАН, он так и не получил эту заслуженную награду**. И.А.Аршавский прожил долгую и плодотворную жизнь в науке, завершив ее «Воспоминаниями» о своем незабвенном Учителе.

Умер И.А.Аршавский 23 апреля 1996 г. на 94 году жизни. Для всех, кто знал Илью Аркадьевича Аршавского, он останется идеалом высокой нравственности и служения науке.

* После погромной «павловской» сессии в 1950 г. лаборатория была разогнана почти на год, а в 1980 г., стараниями директора института К.Судакова и Т.Аджимолаева – одного из учеников Аршавского - была расформирована и прекратила свое существование.

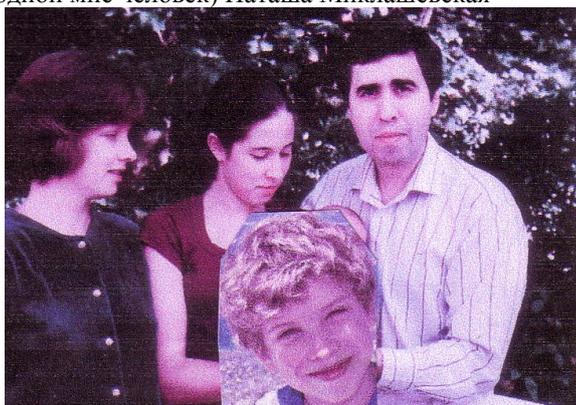
** Диплом И.А. Аршавскому вручили, а денежная часть этой премии, целиком отошла другому лауреату, тоже ученику А.А.Ухтомского – В.С.Русинову. Эту денежную операцию проделал ученый секретарь отделения физиологии АН СССР П.В.Симонов. Он присутствовал в крематории на похоронах Ильи и выступил с проникновенной речью, во время которой Юра спрашивал меня о том, кто его пригласил, а я довольно громким шепотом несколько раз произносил одну и ту же фразу: «Отдай деньги!».

Мой родной-двоюродный брат Юра Аршавский
и его жена (тоже самый родной мне человек) Наташа Миклашевская

Наташа и Юра уже в Америке в Сан Диего

А это их сын (мой племянник) Вадик и его жена Нина
с детьми – умницей и красавицей Лидочкой и Алешей
Они тоже давно в Америке

Мне без них очень грустно, иногда перезваниваемся, иногда смотримся по Skype, но все же эта замечательная техника не заменяет прямого общения.

Очевидно под влиянием родителей, закончив биологический факультет МГУ, Юра вскоре поступил в аспирантуру в Московский педагогический институт на кафедру физиологии, руководимую Александром Николаевичем Кабановым, а завершив ее кандидатской диссертацией, перешел на работу в лабораторию, создаваемую Израилем Моисеевичем Гельфандом.

Выдающийся математик академик И.М. Гельфанд вместе с его учеником Мишей Цейтлиным на базе Института биологической физики АН СССР сформировал лабораторию сложных биологических проблем, руководителем которого стал Виктор Семенович Гурфинкель. В ней работали и сотрудничали лучшие (как мне казалось) физиологи того времени: Лева Чайлахян, Юра Аршавский, Миша Беркенблит, Сережа Ковалев, Леша Бызов, Марк Шик, Инна Кедер-Степанова, Ефим Либерман, Борис Кулаев, Лев Латаш и еще многие другие, а также хорошие математики и физики. Эта лаборатория тесно сотрудничала с Н.А. Бернштейном. Потом лаборатория влилась в Институт биофизики, а затем перешла в Институт проблем передачи информации и разбилась то ли на две, то ли на три лаборатории, одну из которых возглавил Левон Чайлахян.

С этим далеко не ординарным и талантливым человеком Юра и Наташа сдружились с 1-го курса биофака МГУ. Вообще вся их группа производила впечатление единого дружного коллектива. Иногда они собирались на Соколе в квартире у Аршавских, и это были по-настоящему студенческие посиделки с неизменными веселыми рассказами, анекдотами и конечно студенческими песнями. Инна Прудникова и Ира Смирнова прекрасным дуэтом пели замечательные старинные романсы и русские песни, а Лева свою любимую *«Крамбамбули – отцов наследство, вино полезное для нас»*... Тогда же, и я, еще мальчишкой, познакомился с Левоном, и эта дружба становилась все крепче с каждой нашей встречей, о чем расскажу дальше. Левон всю жизнь занимался только тем, что было ему по душе, и пытался избежать всякой формальной работы, в связи с чем иногда возникали роскошные анекдоты. Вот один из них. На последнем курсе биофака надо было заполнить анкету для получения диплома. Юра ее написал, а Лева было лень заниматься этой ерундой, и он начал ее активно списывать: *«Аршавский Юрий Ильич, 1929 г.р.»*. Полное несоответствие первых четырех пунктов его нимало не смутило, но вот в 5-м пункте, не глядя в Юркину анкету, Лева написал «армянин». Здесь он споткнулся и сказал: *«Нет, Юрка, ты мне не ту анкету подсунул!»*.

В этой лаборатории Института проблем передачи информации было много евреев. В связи с этим даже происходили анекдотические случаи. Авторами некоторых статей была большая группа евреев, фамилии которых шли по алфавиту: Аршавский, Беркенблит, Гельфанд, потом еще шло несколько подобных фамилий, а список заканчивался фамилиями Фуксон и Якобсон. Иногда эти статьи не проходили в печать. Кто то из сотрудников института встретив Мишу Беркенблита в шутку сказал: *«хотите я разбавлю вашу еврейскую компанию, тогда статья наверняка пройдет в печать»*. Миша, на полном серьезе, принес эту весть в лабораторию, чем очень посмешил всю компанию.

Наташа Миклашевская училась на том же курсе биофака и стала крупным отечественным антропологом, доктором биологических наук, профессором, специалистом в области возрастной антропологии, исследователь проблемы влияния экологических факторов на процессы роста и развития человека. Всю свою жизнь до отъезда в Америку, она проработала в стенах Московского Университета, являясь сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ.

Наташа происходила из двух знаменитых русских родов - по отцовской линии из рода Миклашевских, а по материнской линии из рода Бехтеревых. (В шутку я иногда величал себя как бы побочным родственником великого невролога и психиатра Владимира Михайловича Бехтерева).

Но здесь я лучше приведу переписку по-емеле с моим хорошим знакомым Наилем Рашидовым, с которым мы вместе работали у Феликса Березина, и часто совместно бывали в экспедициях на Дальнем Востоке.

Дорогие Таня и Виктор!

Мир тесен, знаете ли вы Наталью Николаевну Миклашевскую (Бехтереву) и ее мужа, Юрия Ильича Аршавского из Сан-Диего? У меня была их родственница Аня, ее муж художник-баталист. Мы говорили о сложных отношениях Натальи Петровны Бехтеревой с московской родней, и вдруг Аня перекинулась на Илью Аршавского.... Напиши мне!

Дорогой Наиль! Куда уж теснее! Как говорят неправовверные евреи (и правовверные очевидно тоже) - "Воистину Шолом!"

Странно, что ты не знал раньше, но теперь немного опишу наши семейные контакты, а заодно просмотри (в файле) часть нашего семейного древа. Юра Аршавский мой старший (на четыре года) родной-двоюродный брат, а его отец Илья Аршавский не только мой родной дядя, но, считай, в какой-то степени, мой воспитатель, поскольку долгие годы (во время и после войны) мы жили одной семьей.

А Наташу Миклашевскую я знаю, и люблю так же больше всех женщин на свете, с Юркиного первого курса биофака МГУ (т.е. с 1947 года), где они оба учились.

А моя дочка Лиля и мой племянник Вадим (их сын) не только в один год (1958), но и почти в один день родились (Вадик в ночь с 28, а Лилька днем 30 мая). Так что видишь - это самые близкие мне люди не только по родству, но и по духу.

С Юрой и Наташей, так же как и с Вадиком и его семейством (особенно с его дочкой Лидочкой, т.е. с моей внучатой племянницей - все они тоже в Америке) мы часто не только разговариваем по телефону, но и иногда видимся по skype. А в прошлом году Вадик и Лидочка были у нас в Риге.

Более того, каждый год в мае, когда я бываю в Москве, мы с Лилькой обязательно устраиваем поход - сначала на Востряковское кладбище, где в одной могиле нашей общей с Юрой бабушки захоронены Илья, его жена Эся (Юрины родители) и моя мама, а потом на Новодевичье - на бехтеревскую могилу, где так же покоятся Наташины бабушка, папа и мама.

Очевидно, самым известным из Аршавских числится Илья Аркадьевич - создатель современной возрастной физиологии и негэнтропийной теории онтогенезе (но и Юра, и Вадик тоже известные не только в России ученые). Умер Илья в 1996 г. на 94 году жизни, так и не успев опубликовать воспоминания о своем учителе Алексее Алексеевиче Ухтомском (при советской власти эта книга была непроходная - антипавловская и антианохинская). Мне удалось расшифровать его старческие каракули и выпустить небольшим тиражом эту книгу в Риге в 2002 году. Называется она: "Мы все равноправны друг перед другом... (Воспоминания об А.А.Ухтомском. - Смысл и судьба доминанты нравственности)". Неужели я не подарил тебе эту книгу? У меня уже их не осталось. Есть только экземпляр компьютерной распечатки - могу привезти в мае, если доберусь до Москвы.

Очень мне нравилось и все Наташино семейство. С ее бабушкой Лидией Степановной Бехтеревой – вдовой сына родного брата Бехтерева - было очень интересно разговаривать на самые различные темы даже в ее глубокой старости (умерла она в день своего столетия!). Мама ее - Лидия Николаевна Бехтерева (я называл ее лучшей тещей в мире), и папа - Николай Николаевич Миклашевский - из потомков фарфоровых фабрикантов (фарфор Миклашевских был не менее знаменит, чем Кузнецовский!) и известных ученых и правоведов - тоже были замечательными людьми, с которыми было очень интересно разговаривать, и особенно слушать их. Все время у меня перед глазами наш последний с Лидией Николаевной разговор, когда я как-то приехал из Магадана, она зазвала меня в свою комнату, и долго рассказывала о всей семье, - явно прощалась со мной.

И еще одно обстоятельство, косвенно связывающее меня с фамилией московских Бехтеревых-Миклашевских, – один из Наташиных дальних родственников – Щепкин - был одним из основателем Московской Академии ветеринарной медицины, которую я закончил в 1957 году, о чем никогда не жалел, и до сих пор тепло вспоминаю.

Об отношениях с Натальей Петровной Бехтеревой Лидия Николаевна (если я что-то не путаю) мне рассказала следующую историю. После ареста ее родителей ленинградская родня Бехтеревых отказалась взять девочку на воспитание, а у московских Бехтеревых была мысль забрать Наталью Петровну к себе. Но доброхоты - гебешники предупредили, что в таком случае, и они так же могут собираться в ГУЛАГ, а их дети будут отправлены в дома для детей "врагов народа". И эта идея отпала сама собой. Кстати, Бехтерев за несколько часов до смерти, уже после рокового банкета, заехал к брату, но плохо себя почувствовал, и его отвезли на извозчике в гостиницу, где он и скончался. Знала ли эту историю Наталья Петровна - я не имею об этом ни малейшего представления, но всю жизнь она не могла простить этому семейству своего детдомовского детства.

Кстати, с Натальей Петровной у меня была смешная стычка на одном из заседаний физиологического общества, где она делала доклад и показывала какие-то непонятные картинки. И на наши с Ефимом Либерманом и Левом Чайлахяном настойчивые вопросы объяснить, что же отражают эти картинки, она очень бурно стала выяснять наши фамилии, и что мы здесь собственно делаем? Когда Ефим назвал свою фамилию, то она грозно заявила: "Либерман, я лишаю вас слова. Вы всегда так начинаете, но вы плохо кончите" - интересно, имела ли она в виду только Ефима, или всех таких же. В конце концов я расхохотался и просто ушел из зала курить.

Да, эта академическая дама была вздорная, злопамятная и не очень чистоплотная баба. Но не все я помню, да и не расскажешь все в письме.

Дорогие Таня и Виктор!

Получив такое прекрасное, такое обстоятельное письмо, с интереснейшими подробностями о миклашевском фарфоре, о даме-академике и генеалогии рода Аршавских, - я как никогда почувствовал всю бренность мира, потому что после таких писем - чокаются и песни поют, всегда на незнакомом языке

(например: "вроде бы татарская мелодия, а слов не понимаю..."). О Даме и у меня есть одна история. Феликс Борисович Березин взял меня на расширенный Ученый Совет, где мы должны были заниматься тезисами. И вот, во время выступления Дамы, Ф.Б., оторвавшись от текста, вдруг неожиданно громко задыхал, лицо его приобрело багровые тона. Я спросил: "Аритмия?" (он страдал экстрасистолией). Неожиданно он громко произнес: "Скучно! Дратья хочу!", также неожиданно встал и с характерным оскалом обратился к Даме: "Уважаемая Н.П., а что Вы подразумеваете под термином "эмоция"?". В народе нашем, а ведь его, как известно, не проведешь, это называется "подлянку кинуть", т.е. как бы полудохлую мышь положить около миндального печенья. Воцарилась тишина и в тишине прозвучало брезгливое: "Кто это?". Голос был вельможный, капризный, и такой силы, что, казалось, вот-вот ее астральное тело подлетит к Ф.Б. и нанесет повреждение в точке Хэ – Гу, или в другом каком месте! Потом мы услышали тихое, как бы стыдливое: "Березин". Она посмотрела на нас как Вий, и было бы прекрасно продолжение: "Веки, веки поднимите мне!", но она выбрала ту же очевидно свою излюбленную, брутальную фразу: "Вы всегда так начинаете, но вы плохо кончите".

Ну, Наиль! Кажется обе совершенно одинаковые истории, очень точно характеризуют мадам академика Бехтереву. Кстати, мне довелось когда-то в Питере видеть ее больных с болезнью Паркинсона после «удачной» (с ее точки зрения) операции, связанной с предложенной ею коагуляцией каких-то отделов экстрапирамидной системы мозга. Больные дрожали так, что казалось у них в руках (или где-то за спиной) находится отбойный молоток.

Самым любимым нашим с Юрой дядькой, был младший брат Ильи и моей мамы Абраша, которого мы любовно называли Абулей. Он был любвеобилен, и последовательно менял своих жен. Своих детей у него не было, но он всегда любовно воспитывал чужих. С первой его женой Татьяной я по малолетству знаком не был. У Полины был сын Олег. У Софьи было трое детей - Элля, Ира и Костя. А последняя его жена Наталья тоже была бездетна, но они взяли на воспитание осиротевшую Натальину племянницу Зою. Она была Лилькиной сверстницей, и поэтому я считаю ее не сестренкой, а племянницей. С Иришей и Зошкой у меня сложились очень теплые отношения, и когда бываю в Питере, всегда звоню и часто навещаю их.

Абуля молодой

А это уже постарше

Абуля с Наташей

Моя мама с Наташей

Ириша так и не вышла замуж

Зошка родила двух замечательных сыновей, а теперь уже и бабушка

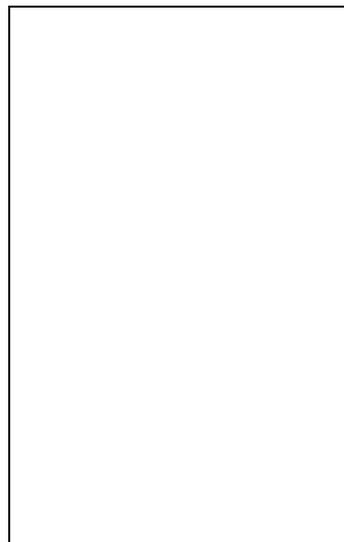
Беспутный и беспокойный ребенок

Родился я 17 октября 1933 года. Так что по году рождения я «Петух», а по месяцу – «Весы». Но взвешивать и оценивать свое поведение так за всю жизнь и не научился, а от петуха взял многое.

Жили мы в Москве, точнее в Замоскворечье, на Малой Тульской улице в одной небольшой комнате коммунальной квартиры с мамой и бабушкой.

Мама (Любовь Аркадьевна) окончила отделение общественных наук (кажется, это так тогда называлось) на историческом факультете Ростовского Университета, но работала сначала экономистом в совхозе «Ленинские Горки» под Москвой, а затем, до самого пенсионного срока, в Наркомате (Министерстве) земледелия РСФСР на должности старшего экономиста.

Отец (Вульф Израилевич) работал главным арбитром в Наркомате земледелия СССР, но жил не с нами. По каким-то, причинам, мне не известным, он не разводился с первой своей женой и жил в квартире на Новослободской улице. К нам на Малую Тульскую он приезжал часто на машине «эмке», шофером на которой работала молодая, добрая и симпатичная хохотушка Оля. Вообще то, отца я помню плохо. Но в память врезался анекдот о его неожиданном опьянении. По маминим словам отец почти совсем не пил крепких алкогольных напитков. Однако, с его слов, однажды во время Гражданской войны, когда он комиссарил в каком-то отряде морских пехотинцев, его матросики раздобыли бутылку самогона и решили его распить. Но к их огорчению, отец проходил мимо, и им ничего не оставалось, как пригласить его выпить вместе с ними. «Ну что ж, - сказал отец, - сколько смогу, столько выпью!», и, сняв с ремня свою большую металлическую кружку, поднес ее к горлышку бутылки. Весь самогон, к удивлению жаждущих бойцов, перелился в нее, и отец все это пойло выпил. Что было с ним дальше, мама мне не рассказывала. Или не хотела, или сама не знала. Мама и папа должны были приехать ко мне в санаторий, но ... Случилось то, что могло бы случиться в 1938 году с каждым (было бы странно, если бы не случилось - «10 лет без права переписки»). С тех пор отца я не видел и получил сведения о нем только 1956 году. Но это особая песня об отце, о котором, (как и о его родне) расскажу дальше. И будто бы ни одной его фотографии в деле нет, даже на личных документах, что очень сомнительно. А портфель с нашими фотографиями погиб во время войны, когда дом разбомбили.

Родители

Мама

Аршавская Любовь Аркадьевна
15.12.1906 – 18.02.1991

Папа

Берман Вульф Израилевич
---.---.1899 – 15.09.1938

Бабушка Аня, после смерти старшей дочери Доры, в одну ночь полностью поседела, у нее дрожали голова и руки и появились сильные судороги в ногах, не дававшие ей ночью спать, и она кричала от боли. После развода с дедом Аркадием она в основном жила с нами, поскольку мама уходила каждый день на работу, и меня пасти было некому.

Но иногда, она перебиралась ненадолго к старшему сыну Илье, уже тогда профессору, руководителю лаборатории возрастной физиологии во Всесоюзном институте экспериментальной медицины в Москве, получившему квартиру на Балтийском Поселке, или уезжала в Ленинград к младшему сыну – главному инженеру фабрики «Канат».

Рос я слабеньким, болезненным и почти ничего не евшим ребенком. Мама шутила, что даже ее молочко я попробовал всего один раз, выплюнул его, скорчил рожу и заорал благим матом, будто бы сказав при этом: *«Какой же гадостью ты меня кормишь?»*. Очевидно, именно с той младенческой поры я и не пью чистого молока. Но при этом был бойким и часто шkodливым ребенком, любил ломать игрушки и другие, совсем не игрушечные вещи – очень хотелось узнать что же у них внутри. При этом во все горло распевал какие-нибудь песенки. Часто, когда мама была на кухне или в ванной, наши тревожные соседи, которые все меня любили и по возможности пасли, ей говорили: *«Ой, Люба, у тебя в комнате стало тихо, очевидно Витенька что-то снова поломал?!»*. Как правило, так оно и случалось. Не очень-то я затихал и во время частых заболеваний. И чем только не переболел в детстве? Кажется всеми имеющимися в природе детскими болезнями!. А несколько раз лежал в больнице со страшным диагнозом «туберкулез».

В нашей квартире кроме нас проживало еще три семьи.

В двух смежных комнатах проживало замечательное семейство бухарских евреев Магитов: - тихая, сублильная старушка (так мне, - молокососу, тогда казалось, хотя она была еще совсем не старая, но я называл ее баба Соня), ее большущий, но добрейший и очень веселый муж Лазарь Соломонович, который дома не снимал своей узбекской тюбетейки. Он часто напяливал ее на мою крошечную головку, что нас обоих ужасно сместило. (Когда немецкие войска уже были под Москвой, этот пожилой человек ушел добровольцем на фронт, был контужен и вскоре после войны умер). С ними жил их взрослый сын – радиоинженер – Додик. Он мне часто показывал всякие радиолампы. Погиб он на фронте где-то под Ростовом; в наследство мне достался его ремень с замечательной пряжкой – сам ремень давно сгнил, но эту пряжку я до сих пор переносу, не помню на каком уже по счету, ремне, сохраняя светлую память об этом красивом человеке.

В другой комнате жила красивая полная дама Наталья Семеновна Шемякина, которая заведовала столовой в Наркомземе, с дочкой Валей. Она была года на четыре старше меня и уже ходила в школу. С работы тетя Наташа иногда приносила нам всякие «столовские вкусности», которые я, - к маминому удивлению, - не только ел, но и нахваливал. Когда Валя приходила из школы и садилась делать уроки, я часто забирался под стол и делал вид, что там играю, а на самом деле заглядывал ей под платье и даже пытался что-то там пощупать. При этом, у меня в штанишках возникало какое-то неясное, но очень приятное щекотание. Она совсем не возражала, и мне казалось, что и ей также приятно. Но вскоре она заявила, что так играть не надо, так как от этого рождаются дети. Дружить мы не перестали и во время войны в эвакуации, где какое-то время мы были вместе, и долгое время после нее.

Ну а в третьей, соседней комнате проживала какая - то хмурая женщина с, очевидно, больной и совсем нелюдистой девочкой немного старше меня. С этим семейством все соседи не дружили, но относились уважительно, и кухонных скандалов, которые часто возникали в коммунальных квартирах, не припоминаю.

Это я

Я с мамой

А это я с бабушкой Аней

Несколько попыток отдать меня в детский садик окончились неудачно. Либо он мне настолько не нравился, что я весь день ревел и устраивал истерики (потом, уже работая в «сумасшедшем доме», я узнал, что истерия сродни игре актера); либо категорически отказывался есть невкусную, и дурно пахнущую детсадовскую пищу; либо, к ужасу воспитателей и нянечек, но к восторгу детей, устраивал дебош, разбрасывая игрушки и переворачивая детскую мебель; либо вскоре заболел, и отсиживался дома или лежал в больнице.

В одном из детских садиков мальчики и девочки распевали песенку:

*Не боись бутончик, –
Натяни гандончик.*

Что такое гандончик, и зачем какой-то бутончик безбоязненно должен на себя его натягивать, я не знал, но песенка очень понравилась, и запомнилась сразу же. Но когда я во всю глотку распевал ее, то почему-то вызывал гнев всех взрослых.

Теперь при любой проблемной ситуации всегда говорю себе и окружающим первую строчку этой детской песенки и проговариваю про себя вторую.

Зато во дворе образовалась замечательная дружная детская компания, в которой верховодила немногим старше нас (года на два-три) очень красивая девочка по прозвищу Таня-Шмыга. (Будучи взрослым, я усомнился в том, было ли это прозвище, а не настоящая фамилия будущей замечательной певицы; хотелось бы думать, но я постеснялся уточнить, хотя такая возможность несколько раз и предоставлялась). И во что только мы не играли? И в войну, и в прятки, и в лапту и всякие другие обычные детские игры. Но самой любимой была игра в «баночку». Мячей почти ни у кого не было и вместо них в футбол и хоккей мы гоняли ржавую консервную банку, а вместо клюшек использовали оторванные от санок полозья. После таких игр домой возвращался весь в ссадинах, а иногда и с подбитым носом. Еще Таня (к ужасу наших родителей) иногда устраивала «дальние» набеги в замечательный сад на «Канатчикову дачу» – такой сумасшедший дом, где мы, таясь от санитаров и, как нам казалось, страшных больных, прятались за деревьями и обирали еще зеленые яблоки, после которых у всех болели животы, и часто случалось расстройство желудка.

Когда я стал постарше (лет в пять – шесть) случались и более «интересные», страшные и опасные приключения. Иногда, затесавшись в толпу, мы проникали в недавно открывшийся в Донском монастыре крематорий смотреть, как опускаются в подвал к печам гробы с покойниками. С мальчишками часто шастали на Даниловский рынок воровать с прилавков семечки и фрукты и собирать окурки (почему-то их называли «бычки»), которые потом раскуривали, конечно, не затягиваясь, а просто пускали дым изо рта. Очень было весело. Однажды тетя Соня меня застала за этим занятием, ну и рассказала маме. Мама, которую всю жизнь с юности курила, придя с работы и поужинав, достала пачку папирос и сказала мне: «*Давай по одной закурим, но только по настоящему – сильно затянемся папиросным дымом, а потом медленно выпустим его через нос*». От удивления у меня глаза полезли на лоб. Но я взял зажженную папиросу и затянулся, как показала мама. Боже мой, как я кашлял и чихал, как текли слезы, хотя я и не плакал. Этот первый урок курения «по настоящему» запомнился надолго (но, к сожалению, не на всю жизнь – об этом расскажу позже).

Теперь расскажу, как я первый раз попал в милицию. Какой-то грязный и обтрепанный мальчишка из нашего двора, с которым я совсем и не дружил, предложил мне пойти воровать монетки из телефонных автоматов, которые находились через одну трамвайную остановку у Даниловских бань. Надо было поковырять проволокой в дырочке, куда опускались монеты, и они должны были высыпаться, но почему-то долго не сыпались. За этим занятием нас прихватил милиционер. Мы вырвались и побежали к трамваю. Мальчик на ходу успел вскочить на подножку, а я не успел (скорее всего, струсил). Милиционер меня схватил за руку и отвел в отделение. Я ревел, но сказал, где я живу. Домой позвонили и за мной прибежали бабушка и тетя Соня, обе почему-то взлохмаченные. Они умоляли отпустить меня с ними домой. Но меня не отпустили и, несмотря на мой рев, слезы и сопли, продержали в милиции до самого вечера, пока не пришла с работы мама и вызволила меня, выслушав долгие милицейские наставления. Ну а дома мне влетело под первое число. Это был хороший урок, но, как и с курением, тоже плохо выученный.

Но хулиганил я не только в нашем дворе. Иногда, очевидно для того, чтобы немного передохнуть от моих проказ, меня сплавляли на неделю - другую на Сокол, - к дяде Илье и тете Эсе. Тихо я сидел только тогда, когда мой «родной - двоюродный» брат Юра, который на четыре года был старше меня и уже ходил в школу, показывал свою коллекцию марок, или вслух делал уроки. Особенно мне нравилось, когда он учил стихотворения, а я по слуху их запоминал, даже быстрее, чем он. (Позже, - во время войны и после нее, мне настолько запомнились его уроки по литературе, истории и географии, что я, почти не открывая свои учебники, хорошо успеваю по этим предметам). Но когда брат был в школе, а взрослые на работе, я что-нибудь придумывал. Устраивал потоп в ванной комнате, или поджигал газету и горящую спускал в мусоропровод на кухне, а когда квартира наполнялась дымом от горящего мусора, то молодая и очень добрая домработница Нюра в панике звонила и вызывала пожарную машину, и срочно убирала следы моего преступления; но она никогда не выдавала меня взрослым, а только делала вид, что удивляется, почему из мусоропровода пахнет гарью.

Во дворе как-то я познакомился с мальчиком, который назвался Маркуха. Он катался на детском двухколесном велосипеде. Мне тоже очень захотелось прокатиться на этой замечательной машине. Но когда ее обладатель не захотел мне ее дать, и продолжал нахально выделывать круги по двору, я просто отобрал у него велосипед, взгромоздился на него, и, быстро вертя педалями, немного проехал. Но, тут же, свалился, попробовал еще раз и снова свалился - (детские велосипеды тогда делались без тормозов). Мальчик заплакал, побежал домой и скоро вернулся во двор с мамой, которая здорово меня отругала, и все время требовала сказать, кто я такой, и из какой квартиры. Но, «спасая фамильную честь», я так и не раскололся. (Уже вернувшись из эвакуации еще во время войны, когда мы всей семьей долго проживали в этой дядиной квартире, я заново познакомился с этим Маркухой, точнее с Марком Шиком и многие - многие годы, до самого его отъезда в Израиль, мы были самыми близкими друзьями).

Довольно часто по выходным дням мы с мамой ходили в гости в семьи ее двоюродных сестер, т.е. к моим двоюродным теткам. Такого вкусного домашнего печенья с корицей и гвоздикой как у бабушки Мани и у другой бабушки Розы я никогда больше не пробовал. Помню, как однажды на Новый год в семье Одесских (это у бабушки Мани), я чуть было не подрался со своим младшим троюродным братиком Павликом Одесским из-за красивого фонарика с замечательной елки, с которой разрешили детям взять по одной игрушке. Но Павлик именно этот фонарик почему-то не захотел отдавать. Чем дело кончилось, уже не помню. Иногда мама водила меня на спектакли в театр. Спектакль в ТЮЗе «Буратино» (в отличии от кино) мне не очень понравился, а вот восторг от «Синей птицы» во МХАТе помню до сих пор.

Летом обычно меня отправляли в какой-нибудь санаторий под Москву. Но вот за год до войны все Аршавские сняли на лето дачу в Валентиновке. Днем мы с Юрой ходили купаться на Клязьму, заросшую очень красивыми желтыми кувшинками и бело-розовым лотосом. А на берегу собирали раковины беззубок и зашвыривали их обратно в воду. Вечером, поджидая с работы взрослых, я стоял у калитки и, когда появлялись люди, идущие со станции с рюкзаками за спиной, то во всю глотку орал: «Опять верблюдики пошли!». Но особенно впечатлил меня первый в жизни поход. Приехал из Ленинграда Абуля и уговорил все большое семейство утром на лодках отправиться в Загорянку на дачу к Одесским. А к вечеру благополучно вернулись обратно. Хорошее было путешествие. И еще запомнился один, как мне казалось, добрый поступок, за который потом здорово влетело. Ко дню рождения тетушки Эси я решил сделать подарок и ободрал из-за соседнего забора большущий куст георгин «Золотой шар». И вместо благодарности мне устроили грандиозный скандал. Но все же, это было прекрасное лето!

Война

Начало войны

В начале лета 1941 года меня с бабушкой отправили к ленинградскому дяде Абраму. «Ленинградским» Абуля был в то время условно. За его «многоженство», вернее склонность к любовным похождениям, он был «сослан» в Новгородскую область в поселок Кулотино, недалеко от станции Акуловка, где он работал директором текстильной фабрики, выпускающей бумажные мешки (почему-то их называли крафтами) и крученую из бумаги бечевку. Эта фабрика была отделением большой ленинградской фабрики «Канат», на которой Абуля работал главным инженером. Нас же «сослали» к нему потому, что на лето к маме приехал ее отец – дед Аркадий, и бабушка после их развода видеть его не хотела.

В день, когда прозвучало это, вроде бы страшное слово - «Война!», все пацаны нашего поселка не только не испугались, а все утро весело играли в войну. Со слов бабушки, когда я взмыленный и веселый вернулся домой, то к ее крайнему удивлению, впервые в жизни, попросил срочно дать мне хлеба, да еще и с маслом, и с колбасой, но не пустой (очевидно докторской), а обязательно с большими белыми кляксами, (скорее всего любительской), от которой я дома воротил нос. Когда я все это не то чтобы съел, а с жадностью проглотил, то спросил, - почему такой вкусной и ароматной колбасы мне никогда в Москве не покупали и кормили всякой детской гадостью? Очевидно, это было какое-то предчувствие того, что в скором времени нам придется пережить.

Абуля был «патриотом» и членом партии, очень хотел уйти на фронт, и несколько раз подавал в военкомат заявление об этом. Но ему отказывали, поскольку фабрика почему-то была признана важным стратегическим объектом. И он целыми днями, а часто и ночами, пропадал на фабрике, готовя ее оборудование к эвакуации на какой-то мне неизвестный Урал.

Где-то в конце августа дядька, не без трудностей преодолев страшную толпу рвущихся уехать людей, запихнул нас в вагон поезда, где мы с трудом приютились на краешке скамейки и так сидя, очень медленно поехали домой. Очевидно, это был один из последних поездов на Москву – вскоре дорога была перерезана окружавшими Ленинград немецкими войсками. Я почти все время глазел в окно, но было страшно смотреть на исковерканные при бомбежке паровозы и вагоны, валяющиеся на обочинах по обе стороны железной дороги. Наш же поезд ухитрился проскочить без бомбежки.

В Москву поезд опоздал почти на сутки, но на перроне нас встречала мама. По дороге домой она рассказала нам некоторые новости.

Приятная была лишь одна:

Дед купил мне вожденный двухколесный велосипед. Велосипед оказался замечательным. Впереди над рулем висел фонарик, который загорался от динамки, вертящейся при движении колес. Но, к сожалению, покататься на нем мне довелось всего лишь несколько раз.

Остальные новости были какие-то непонятно тревожные:

Мамин Наркомзем уже частично эвакуировался в Омск и какое-то НКВДЕ (что это за зверь я не понял) требовало, чтобы уехала и она, иначе грозилось ее арестовать и отправить туда же, где находился отец. Но она отказалась уезжать до нашего возвращения. И мамино начальство, которое частично еще оставалось в Москве, замолвило за нее слово (к ней хорошо относились, да еще с добрым чувством вспоминали отца) и даже сохранило за ней ее рабочее место, заявив, что без такого специалиста - экономиста оно в таких условиях просто не справится с колоссальным объемом работы.

Деда из Москвы выслали. Он очень интересовался тем, что пишут в газетах о войне, и целыми днями, почему-то без очков, торчал у газетных стендов и каждого встречного расспрашивал: «А что написано здесь? А что здесь? ... ». И какие-то ребята, решив, что это конечно шпион, отволокли его в милицию. Там не нашли ничего лучшего, как выдать

предписание – «Покинуть Москву в 24 часа и выехать по месту прописки обратно в Киев», к которому уже приближались немецкие войска. Так дед и сгинул - то ли погиб по дороге, то ли встретился с немцами и напрямик отправился в Бабий Яр.

Каждую ночь (а иногда и днем) Москву бомбили немецкие самолеты, и все спускались в бомбоубежища.

Эти бомбежки мы переживали много раз – спускались в подвал соседнего дома и сидели (или спали) там по несколько раз за ночь. Однажды нас родственники пригласили к ним на дачу в подмосковную Ильинку, обещая спокойную ночь и хороший отдых. Но именно в эту ночь Ильинку почти все время бомбили. Поскольку бомбоубежища там не было, то всю ночь мы провели на улице. Было интересно смотреть на небо, но и очень страшно. Все небо было освещено лучами прожекторов, которые ползли по небу в поисках вражеских самолетов. Залпы зениток и дорожки трассирующих пуль, свист и разрывы падающих на землю (или дома) бомб. Несколько подбитых самолетов упали где-то поблизости и со страшным грохотом разорвались. Почему бомбили Ильинку, мне стало понятно позже – рядом находился Быковский аэродром и еще ближе - тогда закрытый городок Жуковский, в котором располагались два крупнейших военно-испытательных авиационных института – ЛИИ и ЦАГИ. Но почему бомбили наши дома в Москве, понять я не мог. Конечно, рядом на соседней улице располагались небольшие военные казармы, на территории которых торчала высокая кирпичная труба котельной. Но достаточный ли это повод бомбить вполне мирные жилые дома?

В одну из ночей, когда мы были в бомбоубежище, фугасная бомба попала в наш дом и вся половина дома с левой стороны от нашего подъезда рухнула. На следующий день приехал дядя Илья, по искореженной лестнице взобрался на третий этаж в нашу квартиру и вынес немного какого-то, не очень нужного барахла и очень необходимые документы. К сожалению, сам портфель, где лежали эти документы, он захватить не догадался, а ведь там были все семейные фотографии. Но второй раз подниматься в разрушенную квартиру по шатающимся остаткам лестницы было страшно. Мама ему ничего не сказала, и он отвез всех нас к себе домой на Балтийский поселок.

Вскоре он уехал к семье, эвакуированной на Волгу в Чебоксары, а оттуда в Сибирь – в Томск, куда перевели весь его институт - ВИЭМ. И мы остались одни в этой большой квартире.

Осенью этого года мне должно было исполниться 8 лет, но в этих условиях, да еще в не в своем районе, ни о какой школе разговор даже не поднимался. С пацанами из нашего двора мы иногда днем забирались на Соколе в трамвай (конечно без билета) и ехали до конечной остановки в Щукино. Здесь, в вырытых уже окопах, под звуки доносившейся со стороны Химок артиллерийской канонады, было интересно играть в войну.

Хорошо помню панику и хаос в Москве 16-17 октября, когда немецкие войска прорвали нашу оборону под Вязьмой (как раз в день моего рождения). Толпы народа с мешками и чемоданами осаждали трамваи, троллейбусы и метро, стремясь куда-то уехать – какой-то массовый стихийный исход оставшихся в Москве жителей. Небольшие группы людей разбивали стекла магазинов и грабили их, тоже куда-то убегая с набитыми мешками продуктов и вещей. Несмотря на постановление ГКО о срочной эвакуации из Москвы всех учреждений и предприятий, оставшиеся еще работники Наркомзема почему-то никуда не собирались отправляться, хотя люди на работу в эти дни не выходили. Никакой милиции на улицах я не видел. Порядок начал устанавливаться только через два-три дня.

По каким-то причинам (очевидно потому, что наше домоуправление, которое находилось в нашем доме, было тоже разбомблено) нам с бабушкой не могли выдать иждивенческие карточки. И это была целая трагедия. Мама получала какой-то мизер продуктов по своей продуктовой карточке служащего, и иногда приносила с работы свои обеды, деля их со мной и бабушкой. Сама же она почти ничего не ела, и все время

находилась в каком-то просоночном состоянии, а иногда даже падала в голодном обмороке и часто засыпала в метро.

Спас нас от голодной смерти хорошо знающий Илью профессор Александр Николаевич Кабанов. Об этом замечательном человеке – истинно русском интеллигенте, надо рассказать особо.

Это был уже немолодой человек (сохранилась фотография, на которой он мальчишкой - гимназистом находится в толпе людей, собравшихся в Ясной Поляне на похоронах Л.Н.Толстого). Он заведовал кафедрой физиологии и анатомии человека на биологическом факультете Московского педагогического института, и по его учебнику знакомились с этим предметом все школьники старших классов. С группой своих товарищей, как обычно летом, он путешествовал по Кавказским горам, нанося на карту пройденные ими горные тропы. Эти карты были переданы военным, и они ими позже воспользовались в боях за Кавказ. Оказавшись после этого похода в Москве, когда институт уже эвакуировался, А.Н. собрал оставшихся в Москве преподавателей и студентов, и они, избрав его ректором (очевидно, в ту пору он был единственным, избранным своим коллективом, ректором), провели приемные экзамены. И 1-го сентября в пединституте возобновились занятия. Так почти всю войну, до возвращения из эвакуации основного состава его преподавателей, и существовало два Московских педагогических института.

Александр Николаевич иногда навещал нас, присылал кого-то из своих соотрудников, которые приносили какие-то продукты, иногда даже тушки кроликов, утверждая при этом (обманывали, наверное), что они использовались в демонстрационных опытах на студенческих лекциях. Это было какое-то счастье. А где-то в конце ноября или начале декабря он помог собрать остатки наших нехитрых пожиток, проводил на вокзал, и, буквально, втолкнул в теплушку. (Так назывался поезд, состоящий из товарных вагонов, кое-как отапливаемых щепками и углем, постоянно горевшим в железной бочке, - т. н. печке «буржуйке», труба из которой выходила на крышу вагона). В этой теплушке уезжали последние остававшиеся в Москве сотрудники Наркомзема, в т.ч. и наши соседи Наталья Семеновна с дочкой Валею. Было очень холодно и голодно, на остановках с чайниками бегали за кипятком, и я очень боялся, что мама может отстать от поезда. Но, все же, целые и невредимые, недели через две или три мы приехали в город Омск.

Александр Николаевич Кабанов сделал еще много доброго для нашей семьи. Но об этом расскажу при случае дальше.

Омск и Урал

Сначала нас поселили в каком-то огромном зале, в одноэтажном доме на Тарской улице, в котором уже проживало много народа. В середине этой комнаты располагался большущий стол, сколоченный из плохо обструганных досок уложенных на козлы, над которым вечером зажигали тусклую лампочку. На этом столе люди ели какую-то очень скромную пищу, но иногда дети делали школьные уроки или просто читали книжки. Кровати с прикроватными тумбочками были перегорожены легкими ширмами, которые отделяли одно семейство от другого. Помещение проветривалось плохо, в комнате было душно, и все время стоял неприятно кисловатый запах. Но жили мы в этом зале не больше месяца.

Маме удалось снять комнату (точнее кухню) с отдельным входом в частном доме с небольшим двором, заваленным уже поколотыми дровами. Больше половины этой комнаты занимала огромная русская печь. В ее очаге горели по вечерам дрова, согревая помещение и замечательную лежанку, на которой ночью мы с бабушкой спали. Но к утру тепло уже уходило, и днем я часто валяться на этой печке, иногда с книжкой, а иногда и просто закутавшись во все возможные одеяла, и было даже лень подумать, что надо вылезать из этого теплого гнездышка.

Хозяйские дети, которые были немногим младше меня, по какой-то причине очень редко играли со мной во дворе. Но с их собакой – большущей овчаркой, которая носилась на длинной железной цепи, проскальзывающей по металлическому тросу, протянутому через весь двор, к воротам, - мы быстро подружились, и играли в прятки между поленницами дров.

Красивые одноэтажные дома этой маленькой улочки (кажется Партизанской), располагались на крутом спуске, выходящем на берег громадной реки Иртыш. Особенно мне нравились деревянные мостовые, проложенные над канавами, по которым было очень приятно ползать зимой по глубокому снегу, а весной по колена в грязи. Так что домой я возвращался в мокрых или грязных валенках и штанах, приводя бабушку в ужас. Но наиболее запомнился весенний ледоход на Иртыше – вздыбившиеся выше домов льдины с артиллерийским грохотом натывались друг на друга, ломались и медленно плыли по реке. Это зрелище я с восторгом мог часами наблюдать, бегая взад и вперед вдоль высокого берега реки.

Было очень голодно. Кое-какие продукты мама отоваривала по карточкам. На рынке же было много разных вкусов. Но ни на что, кроме отвратительной на вкус мороженой картошки и «лепешек» замороженного в мисках молока, горой лежащих на прилавках, денег не хватало. А молоко даже в эти голодные годы я не пил, и его сквашивали специально для меня. Иногда я приходил к маме на работу, и Наталья Семеновна волокла меня в столовую, которой она продолжала заведовать, и приносила какую-нибудь кашку или жиденький супец. Но маме это очень не нравилось, и она молчаливо надувала губы. Поэтому я приходил не очень часто.

В центре города недалеко от маминой работы находилась детская городская библиотека. Я записался в нее и взял несколько книжек. Читал я еще очень плохо (ведь в школу пошел только в конце осени!), но с удовольствием рассматривал картинки и просил маму почитать мне эти книжки. Но большее впечатление на меня произвели спектакли Вахтанговского театра, который тоже был эвакуирован в Омск, особенно красочная и музыкальная пьеса по Шекспиру «Много шума из ничего». Песенки из этого спектакля я потом еще долго распевал дома и гуляя на улице.

Когда я уже учился в первом классе, мой школьный приятель пригласил меня к себе домой на новогоднюю елку. Папа этого мальчика был какой-то большой местный (возможно, партийный) начальник. Такую шикарную, многокомнатную квартиру мне еще не доводилось видеть. Ну а огромный стол, уставленный красивыми тарелками, наполненными вкуснейшей едой, поразили настолько, что я сильно смутился, и есть мне совсем расхотелось. И попробовал я только немного сладостей и фруктов, вкус которых давно забыл. Потом очень жалел, что сдуру упустил такую возможность – на халяву набить пузо до отвала. Ну а елка, до самого потолка наряженная различными игрушками, и другие игрушки этого мальчика тоже были удивительными. Особенно произвела на меня впечатление составная железная дорога, по которой, как настоящие, катились поезда, останавливаясь на станциях, гудели и свистели паровозы. Долго потом вспоминал эту железную дорогу, но приобрести ее мне так и не смогли.

Жизнь становилась все тяжелее. И в начале следующей зимы мама отвезла меня с бабушкой к дяде Абраше на Урал. Ехали мы до Свердловска дней десять на, останавливаемомся на каждом разъезде и полустанке, битком набитом, т.н. «пятьсот веселом» поезде. А потом еще пару дней добирались на санях, запряженных лошадкой или на тракторе, километров сто до поселка Черноусово. Здесь Абуля запустил в работу свою текстильную фабрику, эвакуированную из-под Ленинграда.

Встретил нас Абуля шикарным вяленным окороком, который он купил у местной жительницы. Запах этого окорока был одурманивающий. Прожевать и проглотить этот жесткий, как кожа, продукт было невозможно, но вкуснейший сок от этой жвачки, до сих пор помнят мои вкусовые луковицы.

Здесь пришлось ходить в школу, которая располагалась не в поселке, а в деревне, находящейся в трех километрах от него. Зимой туда можно было пройти по заснеженной дороге. Но весной, когда талый снег превращался в большущее озеро, пройти было невозможно, и почти на целый месяц походы в школу прекратились.

Ближе к лету ребята научили меня печь свежие грибы, укладывая их шляпками прямо на раскаленную плиту (вкуснее грибов не едал), и жевать побеги и кору молодых сосновых и еловых веточек. Потом, было очень смешно рассматривать в зеркале перепачканную застывшей смолой физиономию, но противно было отдиравать ее керосином. Мы так же совершали налеты на склад, в котором хранился корм для лошадей, и похищали их деликатесную еду – подсолнечный жмых.

Помимо текстильной фабрики в этом поселке находилось еще одно предприятие, на котором изготавливали шоколад, предназначенный специально для военных летчиков. Сам готовый шоколад нам не доставался, но лом, отколовшийся от большущих шоколадных плит, был в карманах у всех местных детей. Он был ужасно горький, без единой капли сахара, но все его постоянно грызли и хохотали, глядя на перепачканные, почти негритянские рожи друг друга.

Но большее впечатление на меня произвели работницы этой фабрики. Это были молодые, стройные и высокие девушки, носившие красивые национальные платья, и говорившие на непонятном мне языке. Позднее я узнал, что это были высланные из своей страны еще в 1940 году латышки, лагерь которых находился недалеко от поселка.

Весной 1943 года сотрудники Наркомзема стали уже возвращаться из эвакуации в Москву. Но, опять же, этот вездесущий НКВДЕ пожелал маму задержать в Омске. И снова руководству удалось ее отстоять.

В конце июля мама приехала за нами, и мы поехали в Москву. Всю дорогу она очень нервничала, поскольку въездной пропуск был оформлен только на нее, а я и бабушка находились на нелегальном положении, если уж не «шпиёнов», то «безпачпортных бродяг» точно. Но все, слава Богу, обошлось. Мы благополучно добрались до Сокола, куда на Балтийский поселок уже возвратились и Аршавские из Томска. А вечером был никогда не видимый мной салют. Я, было, подумал, что это в честь нашего приезда, но оказалось, что 5 августа в Москве был дан второй за всю войну салют — в честь освобождения Орла и Белгорода.

Снова в Москве

Опять я стал шататься по всем дворам Балтийского поселка, ища себе приятелей, но чаще сталкиваясь с хмурыми и недоброжелательными мальчишками. На Ленинградском проспекте мы наблюдали шествие большущей колонны пленных немцев. Не могу сказать, что это было весело. Все кругом - и пленные, и охранявшие их солдаты, и толпа зрителей были какие-то не веселые, но без выраженных гневных эмоций.

А вот самый красочный салют, в День Победы, мне посмотреть не удалось. В тот день из Ленинграда приехал Абуля и все Аршавские (включая и Юрку) вечером пошли гулять по праздничной Москве. Меня же, как еще маленького, во избежание уличной давки оставили дома, строго наказав бабушке на улицу не выпускать. Это меня возмутило, но она, обычно лояльная к моим уличным походам, встала в дверях как танк, и, несмотря на мой рев и даже пущенные в ход кулаки, не сошла с места до самого возвращения взрослых. Было очень обидно.

Самым близким моим другом стал Маркуха Шик – тот самый, у которого еще до войны я отобрал велосипед. Младше меня почти на год, Марк был круглым отличником и как минимум два раза сдавая экстерном экзамены, перескакивал классом выше. Так что только один год мы с ним учились в одном классе. Он читал больше и быстрее всех нас. Поэтому ничего удивительного не было в том, что именно он предложил игру в мушкетеров. Конечно, он представлял себя Атосом, я был Арамисом, а еще два приятеля, живущих по соседству с нашим домом, - соответственно играли роли Партоса и Д'Артаньяна. Эта веселая игра продолжалась почти два года, но потом мы все перессорились, одновременно влюбившись в единственную девицу - (сестру одного из приятелей), выбранную нами в качестве Констанции Бонасье. Правда, эта ссора продолжалась недолго, но игра как-то истощилась сама собой.

Было и еще несколько хороших приятелей и прежде всего Алик Шабат, Виля Кандрор и Лева Гурвич (потом он стал Белоусовым). Я очень любил бывать у Левы дома в большой квартире, находящейся в отдельном крыле большого здания ВИЭМа, где работали и его дед знаменитый цитолог и очень красивый старик А.Г.Гурвич, и мой дядька Илья. Вместе с Левой мы начали изучать английский язык, но если у Левы дела шли достаточно успешно, то я никак не мог усвоить все эти английские премудрости.

Но вот тяга к экспериментированию появилась уже тогда, и мы часто проводили время за всякими «опытами», используя, с Юркиного разрешения, его наборы «Юный химик» и «Юный физик». Очень забавно было наблюдать, как при смешивании различных веществ меняются цвета растворов в стеклянных пробирках, или с шипением выделяются различные газы, как медные монеты, опущенные в ртуть, меняют свой желтый цвет на «серебряный». (До сих пор удивляюсь тому, что мы все не отравились этой ртутью). А однажды эти «эксперименты» чуть не кончились трагедией. Мне очень нравилось пропускать электрический ток из розетки по медной проволоке, один конец которой лежал в алюминиевой кружке с пересыщенным раствором поваренной соли, а второй я периодически опускал в этот раствор. При этом с потрескиванием веером летели искры и брызги, симпатичные медные шарики от плавящейся проволоки падали горкой на дно кружки, а тряпичная обмотка проволоки естественно становилась мокрой. И решив проверить, нагрелась ли вода, я, держа в одной руке эту мокрую проволоку, палец другой сунул в кружку. Раздался страшный треск и, очевидно, я потерял сознание. Очнулся я лежащим на полу, с сильной болью в

затылке, и все оглядывался по сторонам, ища того, кто огрел меня топором по башке. В квартире было темно - пришлось чинить перегоревшие пробки (это я тогда уже умел делать).

Во дворе мы часто гоняли в футбол и хоккей, используя вместо отсутствующих мячей все ту же ржавую консервную «баночку». Однажды соседский мальчик предложил мне сходить на стадион «Динамо», посмотреть на настоящий футбольный матч. Билетов конечно у нас не было, и мы перелезали через высокую загородку из толстых металлических прутьев, оканчивающихся заостренными пиками. Приятель перелез благополучно, а я повис на этой пике, изодрав в клочья новые, только что пошитые бабушкой брюки. Милиционеры помогли мне освободиться, а, увидев мое бедственное положение, не выгнали, а пропустили на стадион и игру настоящих футболистов я посмотрел. Но предчувствие того, как я буду возвращаться в метро, обеими руками прикрывая задницу, испортило все настроение, и никакого удовольствия от игры я не ощутил. Ну а что творилось дома, когда я вернулся с такой «прогулки», вспоминать не хочется, - сами понимаете!

Дядька Абуля был страстным болельщиком и специально приезжал из Ленинграда, чтобы попасть на хорошие футбольные матчи. Однажды он взял Юру и меня на какую-то финальную игру (кажется «Спартак – ЦДКА»). Но в толпе меня так сдавили, что орал я благим матом. На стадион мы все же прорвались, но с тех пор интерес и к футболу, и к хоккею у меня окончательно пропал. А недоверие к неорганизованной толпе сохранилось на всю жизнь.

В это время у меня появилась страсть, что-либо своровать. У мамы и тети Эси часто находил припрятанные банки с вареньем и ел его большими ложками, правда, что-то всегда оставляя в банке, думая, что так будет менее заметно. Однажды у бабки спер аж двадцать рублей, и мы с Маркухой пошли есть мороженное, которое уже появилось в лотках у метро. До чего же вкусные были эти сладкие, но быстро текущие колесики в вафлях, выскакивающие из специального поршня. И мы так этим мороженым объелись, что, к удивлению родителей, сразу же оба вместе заболели тяжелой ангиной. Пришлось сознаваться. (С тех пор я не очень-то люблю сладкое, а мороженное и в рот не беру). У брата и других своих знакомых любил воровать из альбомов собираемые ими марки. Но поскольку собирательством я никогда не увлекался, то, вскорости, их отдавал и при этом врал, что просто хотел их хорошо рассмотреть. И еще я любил воровать презервативы. Но, не зная их предназначения, наполнял эту резинку до отказа водой, завязывал пузырь нитками и бросал через окно. Интересно было наблюдать, как эта бомба разрывается на асфальте.

Питание наше было очень скудным. Но у меня, как и до войны, аппетит был весьма небольшой. Я почти не ел масла, абсолютно не пил молока, и на дух не переносил такие «гадости», как питьевые дрожжи и напиток, называемый какавеллой, которые считались тогда очень питательными и полезными. Мама с работы иногда приносила свой обед, утверждая, что она уже поела (врала, конечно) и делила его между мной, Юрой и бабушкой. Но от своей порции я чаще всего отказывался, а братец и бабушка все уминали подчистую. (Уже будучи студентом, Юра как-то случайно встретил маму на Волхонке около университета, и, обняв ее, сказал: *«Тетя Люба, неужели ты думаешь, будто я не понимал, что ты оставалась голодной, отдавая мне свой обед? Я всю жизнь буду благодарен тебе. Но тогда я ничего не мог поделать, - действительно, мне очень хотелось есть»*). Еще помню забавный случай. Как-то из совсем недавно освобожденного Воронежа приехал давний знакомый дяди Ильи, который там заведовал кафедрой физиологии в Мединституте, и привез в подарок несколько баночек немецких трофейных шпротов. Такой вкусной рыбки я никогда не ел, да и братец Юра, кажется тоже. Мы оба так набросились на эту рыбку, что все баночки были тщательно вылизаны. Все взрослые то ли были заняты разговором, то ли не хотели мешать нашему увлекательному занятию. Но что было ночью!? Нас обоих беспрерывно несло из всех шлюзов. Со временем, Юрка как-то адаптировался, а я до сих пор эти шпроты не только не ем, но меня начинает подташнивать при виде или запахе вскрытой баночки.

Московская школа была отвратительной (все учителя, как на подбор, мне казались какими-то монстрами, а ребята из класса выглядели какими-то бандитами и несколько раз пытались всей «волчьей стаей» меня избивать, но не всегда это получалось). Учился я очень плохо, а часто и прогуливал уроки. Даже добрая и приветливая старушка – учительница русского языка на потеху всему классу устроила мне громкий разнос за изложение басни Крылова «Стрекоза и Муравей». В этом своем опусе, как всегда избилующим грамматическими ошибками, я защищал бедную красивую стрекозку, которая умела петь и, очевидно, не только для себя, но, именно поэтому, не успевшую построить гнездышко и запастись пропитанием на зиму. А вот этот злой и жадный куркуль - ее сосед муравей, который все лето работал под ее песенки, отказал ей в приюте. Мне было очевидно такое понимание басни, но вот старушка этого не поняла – ее учили другому. Ну а

когда я, на что-то обидевшись, обозвал самую нелюбимую учительку (кажется географичку) «сукой», и никак не хотел просить извинения, то меня просто из этой школы вышибли.

Удивительно, но в эти очень тяжелые, полуголодные, а порой и просто голодные годы все мои многочисленные и часто тяжелые болезни, куда-то подевались. Помню только один случай. В Омске вечером, когда я нежился на теплой печной лежанке, какая-то шестипалая сволочь залезла мне в ухо и очень больно укусила прямо в барабанную перепонку. Я плакал и стонал, а периодически просто орал всю ночь, пока мама таскала меня по поликлиникам и больницам в поисках нужного доктора, но к утру, когда мы нашли необходимое заведение, боль сама собой утихла, и помощь специалиста уже не понадобилась.

Но вот в конце войны, я снова тяжело заболел – очередная вспышка туберкулеза, перешедшая в гнойный плеврит. Меня положили в больницу Института педиатрии и лечили уколами тогда еще редкого пенициллина. Но мне становилось все хуже – высокая температура с какими-то психосенсорными проявлениями, изматывающий кашель и затрудненное, до колющей боли в грудной клетке, дыхание. Каждый вечер засыпая, мне казалось, что утром уж точно не проснусь, и было очень страшно. А утром на врачебном обходе снова слышал ежедневный спор директора детской клиники профессора Сперанского с заведующей отделением (к сожалению, не помню ее фамилии), о том, нужно ли мне делать какой-то прокол или еще рано и надо продолжать консервативное лечение. Где-то недели через три, вопреки мнению профессора, эта докторица усадила меня на стол, воткнула толстенную иглу под ребра и стала откачивать большущим шприцем Жане гной и жидкость из плевральной полости. Набралось этой гадости много – целая металлическая медицинская «почка» и еще громадная стеклянная банка. Уже на следующий день я встал с кровати, обошел всю большую плату, со всеми познакомился и пытался смешить, лежащих в своих кроватях девочек и мальчиков. В одну, совсем грустную девочку я даже влюбился, но как-то утром не обнаружил ее на месте, и постель ее была аккуратно застлана. Оказалось, что ночью эта девочка умерла. И вот тогда, от обиды и горя, я начал «буянить» и носиться не только по палате, но и по всему отделению, приводя в ужас всех врачей, сестер и санитарок. А недели через две из больницы меня выписали, точнее, выгнали за такое хулиганство раньше положенного срока, и направили в «Лесную школу» для детей, больных туберкулезом.

Эта «Лесная школа» располагалась в поселке Быково по Казанской железной дороге в замечательном сосновом лесу. Помимо нудной учебы, в школе было и очень весело: прогулки по лесу и на Быковское озеро, а вечерами различные увлекательные игры и чтение вслух интересных книжек. К каждому празднику мы ставили какой-нибудь детский спектакль. Почему-то мне всегда доставалась роль какого-нибудь животного (зайца, ежа и даже волка), или растения (то гриб, то репей). Даже помню песенку: *«Репей я колючий, ко всем пристаю, расту у дороги и песни пою»*). Самое неприятное время наступало тогда, когда надо было уходить в спальную комнату, где после шумного укладывания и обычного швыряния друг в друга подушками, все кругом потихоньку успокаивались и засыпали. Именно тогда мне иногда становилось грустно, и очень хотелось к маме.

А мама была совсем рядом, километрах в трех, в поселке Удельная. И, несмотря на то, что почти каждое воскресенье она приходила ко мне, я пару раз после неизбежных, но все же редких ссор с мальчишками, сбегал к ней домой, и просиживал у соседской старушки до вечера, пока мама не возвращалась с работы. Еще до работы, рано утром, после изрядной словесной трепки, мама отводила меня обратно в школу и передавала в руки воспитателям, которые, правда не очень волновались, поскольку знали, где я могу находиться. В этой школе я провел целый год и еще одну зиму. Но после этого я стал совсем здоровым и вскоре меня сняли с учета в тубдиспансере. В последующем на всех флюорографических и других рентгеновских осмотрах врачи очень удивлялись тому, что не видно никаких туберкулезных следов – все рубцовые изменения как-то ловко совпали с хилосным рисунком моих легких.

Удельная и Удельнинская школа

Итак, наконец-то в 1947 году я окончательно перебрался к маме в Удельную. С тех пор именно Удельную, а не Москву я считаю своей настоящей «малой родиной».

Это был замечательный дачный поселок на 31 километре от Москвы по Казанской железной дороге.

Здесь приведу неизвестные мне ранее только некоторые данные из маленькой, но замечательной книжки Т.Синеоковой «Удельная до и после», вышедшей в 1994 году.

Название поселка пошло от слова уделы, т.е. земельные участки, которые с последней четверти XIX века сдавались в аренду обеспеченным людям различных сословий Главным управлением Уделов под строительство дач или усадеб в оброчное содержание. При этом заключался специальный контракт между Удельным ведомством и арендаторами, в котором были учтены все права и обязанности о строительстве дома, озеленении и уборке территории, уплате налогов, приобретении в собственность и т.д. Эти договоры полностью обеспечивали именно хозяйское, а не иждивенческое отношение к земле. Строительство домов и обустройство участков велось со строжайшим соблюдением правил известными архитекторами и садоводами того времени, которые умели вписывать новые строения в естественный ландшафт, не только не нарушая его, но делая замечательными произведениями искусств. Достаточно назвать некоторые имена: архитекторы О.Бове, Ф.Шехтель, И.В.Жолтовский, И.Франковский (ученик Л.Корбюзье), садовод П.Коба, цветовод М.Шорников и многих других.

Таковыми были парки в усадьбах
(На этом месте теперь универмаг.
А напротив, где теперь рынок и аптека,
располагался Летний театр, о чем напоминает
только название улицы Театральная)

Дача Сусловых (сохранилась)

Дачи в усадьбе Бахрушиных (не сохранились)

Недалеко от железнодорожной станции располагалась изумительной красоты деревянная, и единственная во всем районе тогда действующая церковь.

Церковь Животворящей Троицы в Удельной (Построена в 1897 г., архитектор С.Эйбушитц, некоторые иконы и своды работы братьев Васнецовых, во дворе копия скульптуры М.Антокольского Сидящий Христос).

С историей Удельной конца XIX и начала XX века связаны имена многих известных людей - аристократов, предпринимателей, представителей интеллигенции. Достаточно упомянуть только некоторые фамилии: писатели и поэты - А.К.Толстой, А.Н.Толстой, Н.Телешев, И.Васильев; М.Цветаева и ее сестра А.Цветаева; великие певцы - Ф.Шаляпин, М.Бачурин, Н.Обухова, А.Нежданова; балерина Л.Рославская; дирижер Большого театра Л.Штейберг; основатель и режиссер МХТ В.Немирович-Данченко; знаменитые артисты - О.Книпер-Чехова, А.Южин, Ф.Раневская, С.Геоцинтлова, М.Бабанова; скульптор А.Голубкина; строитель Казанской железной дороги Н. фон Мекк; главный инженер Кремля В.Чиков; известнейший педиатр Р.Беллинг; президент Академии наук А.Карпинский; прославленные меценаты дворянских и купеческих сословий, самые известные из которых – Бахрушины, Морозовы, Свешниковы, Обуховы, Якобсоны, Дыховичные, Алексеевы, Карклины, Эфроны, Сухаревы, Суслы, Мандель, Тамбурер, а так же потомки княжеских и графских семей - Романовых, Горчаковых, Салтыковых, Боратынских, Чудаковых. И совсем не случайно Октябрьская улица до революции называлась Большая дворянская, а Интернациональная – Царскосельская. Но после революции в Удельной переименовывали не только улицы. Многие жители были расстреляны в чекистских застенках, а еще больше отбывали срока в ГУЛАГе. Их имения и дачи были национализированы, превратились в детские дома, пионерские лагеря и санатории, а многие другие стали многосемейными коммунальными домами.

До войны в Удельной, на улице Октябрьская в нескольких одинаковых деревянных одноэтажных домиках располагался Дом отдыха для работников Наркомзема. И мать с отцом иногда в нем бывали. Во время войны эти дома заселили жильцы, которые в основном тоже были сотрудниками уже Министерства сельского хозяйства.

Жили мы в одной комнате одного из этих небольших домов, где еще проживало две

Эта дачка похожа на нашу (наша не сохранилась)

семьи. Но помимо комнаты у нас (да и у соседей) была замечательная большая терраса, которую потом застеклили. На этой террасе-веранде я спал на своем любимом топчане с ранней весны до глубокой осени, а иногда в теплые дни и зимой. Там же помещались и все другие Аршавские, которые на лето часто перебирались из Москвы на «дачу» в Удельную. В комнате стояла печка, которую мне каждый зимний вечер приходилось топить для согрева этого небольшого помещения, и приготовления немудреного ужина к маминому возвращению с работы. Дрова и брикеты торфа мы с Юрой заготавливали (покупали, или спиливали засохшие деревья, но две спиленных

семьи. Но помимо комнаты у нас (да и у соседей) была замечательная большая терраса, которую потом застеклили. На этой террасе-веранде я спал на своем любимом топчане с ранней весны до глубокой осени, а иногда в теплые дни и зимой. Там же помещались и все другие Аршавские, которые на лето часто перебирались из Москвы на «дачу» в Удельную. В комнате стояла печка, которую мне каждый зимний вечер приходилось топить для согрева этого небольшого помещения, и приготовления немудреного ужина к маминому возвращению с работы. Дрова и брикеты торфа мы с Юрой заготавливали (покупали, или спиливали засохшие деревья, но две спиленных

сосенки тяжелым грузом лежат на нашей совести) с осени и складывали в большом сарае, который находился во дворе, рядом с общим на все три семейства клозетом. Питьевую воду мы таскали ведрами из неглубокого колодца, который находился около пруда, метрах в трёхстах, за общим для всех домиков забором.

Времена еще были голодные, и жильцы всех домиков разводили огороды. У нас тоже был небольшой огородик, но мне было лень его часто поливать, удобрять, пропалывать и окучивать. Поэтому урожай картошки и других овощей был незавидный. Все же мы что-то собирали и хранили в погребе под полом кухни. Но вот клумба под самым нашим окном с разноцветными настурциями (от бледно желтых до темно красных) много лет замечательно цвела и радовала нас.

Вторую комнату в нашем доме занимала вернувшаяся из ссылки венгерская семья: муж с женой, два их совсем маленьких мальчика и бабушка, которая оказалась сестрой Бела Куна. Эта старушка мне много о нем рассказывала (и конечно только хорошее, а о тех зверствах, которые он устраивал в Гражданскую войну и о которых я узнал много позже, умалчивала). Но через пару лет эта семья куда-то делась (то ли их снова сослали, то ли они уехали в Венгрию), а на их место поселились две хмурые сестры. С ними и третьей соседкой – тоже неконтактной тетенькой и ее маленьким сыном почти никакого общения уже не было. Помню только, как на общей кухне у одной из соседок взорвался керогаз или примус – она дико заорала и я, поняв, что дом сейчас сгорит, схватил одеяло с кровати и накрыл им все это разгорающееся пламя. Пожар был потушен, и соседка меня сквозь зубы поблагодарила, но даже не угостила конфетками, которые они с сыном все время аппетитно жевали. Еще долго потом это одеяло воняло гарью и керосином.

Хорошо помню, как я первый раз опьянел. Дело в том, что когда я лежал в больнице и совсем ничего не ел, то «для аппетита» перед ненавистной едой мне давали малюсенькую ложечку разведенного спирта. Ее хватало только чтобы обжечь слизистую рта, а глотать уже было нечего. И поскольку острое я любил с детства значительно больше сладкого, то эта процедура мне очень нравилась. А дома в шкафу стояло несколько бутылок водки, закрытых пробками из свернутой серой оберточной бумаги, которые мама получала по карточкам и периодически меняла на продукты. Я решил от одной из них отпить глоток, и это мне очень понравилось. Но здесь я с ужасом обнаружил, что в отпитой бутылке уровень жидкости стал ниже, чем в других. Боясь испортить «продукт», добавить доверху воды я не решился, и поэтому стал уравнивать бутылки, отпивая по глотку из каждой. А было их штук пять. После того, как процесс уравнивания был закончен и все бутылки расставлены по местам, я накинул шубейку, взял топор и пошел в сарай нарубить к вечеру дров, что делал всегда утром перед уходом в школу. Но вдруг начала кружиться голова и, поняв, что нарубить дров не смогу, вернулся домой и не раздеваясь прямо с топором в руках завалился на диванчик и моментально уснул. Разбудила меня поздно вечером, пришедшая с работы мама. Увидев меня спящим на диване в шубейке, да еще с топором в руке, она страшно перепугалась. Посыпались вопросы: *«Что случилось? Почему я не в школе? Не заболел ли я и не вызвать ли срочно доктора?»*. *«Да нет, - отвечаю, - просто голова закружилась, а теперь уже только немного болит, а если надумаешь вызывать доктора, то я просто сбегу из дома»*. Встал, пошел и наколот дрова, растопил печку и приготовил ужин. Еще долго мама спрашивала, как я себя чувствую. Но потом успокоилась и, вроде бы, так и не догадалась, что на самом деле произошло. Рассказал я ей об этом много-много позже, когда уже работал и иногда приходил домой подвыпивший.

Наши домики находились в полукилометре от станции на горке, поднимающейся от широкой поймы небольшой речки с красивым названием Македонка.

(О Македонке поведаю не своими словами, а сделаю выписку *курсивом* из воспоминаний моего школьного друга Саши Альтшуллера, который потом стал Клебановым (далее буду кликать его Альт-Клебом), который описал в своих воспоминаниях это лучше, чем смогу сделать я. Его воспоминания выделены *курсивом*, а мои вставки пойдут обычным шрифтом).

Дело в том, что наша школа стояла недалеко от излучины речки Македонки. Теперь это уже даже не ручей, так, тоненькая водяная струйка на земле, а когда-то ... был широкий водный простор. Как рассказывали «аборигены», еще в 20-е годы по этим просторам ходили лодки под парусом. (Знакомые мне показывали эти фотографии). Но жильё разрасталось от железной дороги вишьрь, а заречье было отрезано от станции Удельная. (До наших домов добирались по гораздо более длинной дороге от станции Малаховка). Появился мостик на сваях, длиной метров 100, наверное, через всю ширину водной глади. Никто, ясное дело, не занимался регулированием стоков. Постепенно, естественное заболачивание сужало ширину открытой воды. Появилось зарастающее болото в русле реки, а чтобы через болото ходить (тем более по весне в половодье), надо было гатить дорожку к мостику, который постепенно укорачивался. Бесплатную рабочую силу - школьников для этого и использовали. Все годы учебы, по весне, организовывались субботники, дорогу восстанавливали, а через год все начиналось сызнова. Само собой, забивались донные ключи, количество воды уменьшалось, и болото сдалось. Вот теперь дорога через бывшее болото есть, только воды в реке нет, как и самой реки - переплюйка осталась. Еще на моей памяти, примерно в 1948 году у берега стояли лодки. В реке местами можно было не только купаться, но даже плавать. (Были т.н. большая, а прямо за забором нашего дома - малая купальня).

Македонка – Большая купальня

Македонка, кроме своего верховья, являлась границей, разделяющей два соседних поселка – Удельную и Малаховку. По бетонным трубам она проходила под железной дорогой и затем разливалась немного шире. Но и это русло реки было затянуто

«Пограничная» речка Македонка

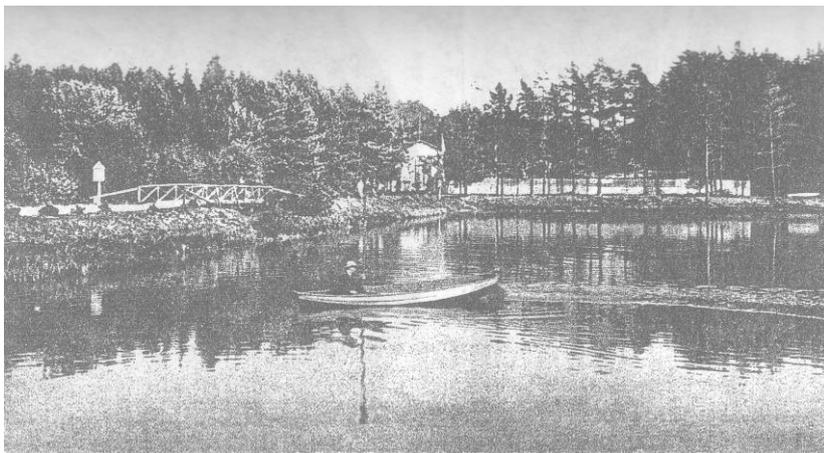
бегали за километр - через поселок Искра, - на Быковский пруд, который тоже можно было бы называть и Удельнинским.

непроходимым болотом, которое позже очистили и углубили, восстановив старое довольно большое Малаховское, которое с таким же основанием можно было называть и Удельнинским озером. На нем планировалось создать базу по водным видам спорта для студентов Областного Института физкультуры, расположенного на малаховской стороне реки. Из этой задумки почему-то ничего не вышло.

И хотя пруд получился хорошим, но, по привычке значительно чаще купаться мы бегали за километр - через поселок Искра, - на Быковский пруд, который тоже можно было бы называть и Удельнинским.

Много позже, когда пойма реки уже совсем заросла кустарником орешника и невысокими деревьями ольхи, а сама речка превратилась в жалкий ручеек, я каждое утро ходил через мостик на станцию, сначала в Академию, а потом долгие годы на работу. Однажды из кустов выскочил громадный лось, посмотрел на меня очень подозрительно, а когда я замахнулся на него портфелем, он с огромной скоростью пронесся мимо меня и снова исчез в кустах.

Могло бы все кончиться и хуже.

Быковский (Удельнинский) пруд

Это был большой и относительно чистый водоем, разделенный двумя насыпными полуостровными косами на две чаши, на берегу одной из которой находилась лодочная станция, а на другой располагался красивый остров, где «ведьминым кольцом» росли высокие сосны.

На этом пруду я и научился плавать сначала «по собачьи», а потом и саженками. Позже на болоте вдоль парка санатория Центросоюза (теперь он называется санаторий «Удельная», а раньше был реабилитационный госпиталь для раненых на войне летчиков) вырыли третью чашу этого пруда, которая была названа «маленковским» прудом. «Маленковским» он был назван потому, что директором санатория была наш районный депутат мадам Ульянова – родная мать известного тогда партийного работника – сталинского холуя Г.М. Маленкова.

Думаю, что это не единственное место в России, где пропала вода в реке. Неужто, ничего нельзя сделать? Не поверю! Ведь можно спроектировать и изготовить уменьшенные земснаряды для малых водоемов. О больших земснарядах много жужжали и по радио, и в газетах после войны. А ведь была бы тройная выгода: восстановление водных ресурсов пресной воды, (а то в печати уже бьют тревогу по этому поводу); повышение занятости (что просто хорошо во время кризисов), на рынке появится в продаже торф и как удобрение, и как топливо для энергетики.

Вот бы новые наши правители озаботились судьбой малых рек!

Есть еще один аспект - восстановление красоты русской природы, пополнение рыбных запасов. Тоже совсем неплохо звучит.

Удельная тогда была красивым поселком. Вдоль улиц, среди соснового леса, за невысокими заборами стояли аккуратные выкрашенные разноцветной краской домики, вокруг которых с весны бушевали кусты черемухи и сирени, а к осени все покрывалось красными гроздьями рябины и боярышника. Но иногда попадались и полуразвалившиеся дома, но в них тоже жили, очевидно, не очень аккуратные или слишком бедные хозяева.

Наш конечный отрезок Октябрьской улицы, идущей в горку сразу за речкой, заканчивался великолепной Березовой рощей, относящейся уже к соседнему большому поселку Малаховка, знаменитому тем, что это была черта оседлости, в которой еще сохранилось много старых еврейских семей, синагога и большое еврейское кладбище. Кроме того там в парке помимо замечательной танцверанды располагался прославленный Летний театр, в котором не только крутились кинофильмы, но и часто бывали замечательные концерты многих знаменитостей, и выездные спектакли московских театров.

Дача бывшей еврейской колонии при малаховском детском городке (начало XX-го века).

Малаховский парк и знаменитый Летний театр (в 90-х годах сгорел и до сих пор, несмотря на клятвенные заверения властей, не восстановлен).

Рядом с нашим домом около речки находилось необычное заведение со странным названием «Медпиявка». За ее забором была рощица с небольшими прудиками, в которых разводились эти «страшные звери», и в большом количестве росли замечательные полевые и лесные цветы, на которые мы иногда через дыру в заборе делали набег. А между нашим забором и речкой находился не очень большой, сильно заросший и заболоченный пруд, по которому мы плавали на самодельных плотках, устраивая «морские» бои, в результате которых часто соскальзывали в воду, кишашую небольшими карасиками, пиявками, лягушками и какими-то очень крупными, почти с небольшой кулак, головастиками. Интересно было наблюдать, как они росли и быстро превращались в маленьких лягушат.

Недалеко от дома в нескольких зданиях барачного типа размещался Институт кролиководства и пушного звероводства, на фермах которого разводилось много разнообразных пород кроликов, норок, соболей, рыжих и чернобурых лисиц, а по всей территории свободно прогуливались необычные здесь красивые птицы - цесарки. Кстати в летнее время после 8-го и 9-го классов я по месяцу работал в этом институте в должности ученика - кроликоведа. В это время там делали свои дипломные работы симпатичные старшекурсники биофака МГУ. Я напросился именно на те ряды клеток, где содержались отобранные ими кролики, и помогал им в работе. По просьбе дяди Ильи я также провел свою первую «научную» работу, ежедневно взвешивая новорожденных крольчат и просчитывая у них частоту сердечного ритма и дыхания. Потом получил об этой работе смешную справку, которую можно было понять так, что я работал не 2 месяца, а целых 2 года. Но при выходе на пенсию на основании приложенной к трудовой книжке этой безграмотной бумажки мне насчитали невероятно большой трудовой стаж, причислив к нему не только эти 2 года, но и последующие почти 6 лет учебы в Академии.

За Институтом кролиководства, через ветку железной дороги, идущей в Гжель и Куровскую, начинался очень красивый смешанный лес. Зимой мы бегали по этому лесу на лыжах, а летом ходили за грибами и ягодами. Ребята приходили с полными корзинами. А от меня эти дары природы куда-то прятались, и почти всегда моя корзинка для грибов больше чем на половину оставалась пустой, а ягодки едва прикрывали доньшко небольшой баночки. Было конечно обидно. Но однажды недалеко от крыльца нашего дома, около колонки для накачивания воды (ее установили позже, и мы перестали бегать с ведрами по воду к уже заросшему и развалившемуся колодцу), я увидел большущее «ведмино кольцо» удивительно красивых больших и маленьких опят, очевидно проросших на корнях срубленных деревьев. Хватило их на большущую сковородку, и я встретил маму шикарным ужином - жареными опятами с картошкой.

Летом с Юркой мы иногда ходили купаться километров за пять, через деревню Верею, на Москва-реку и переплывали ее, довольно широкую в этом месте. А вылезая на берег, долго очищались от мазута, который корой нарастал на наших телах, когда мы проплывали между постоянно проходящими по реке баржами.

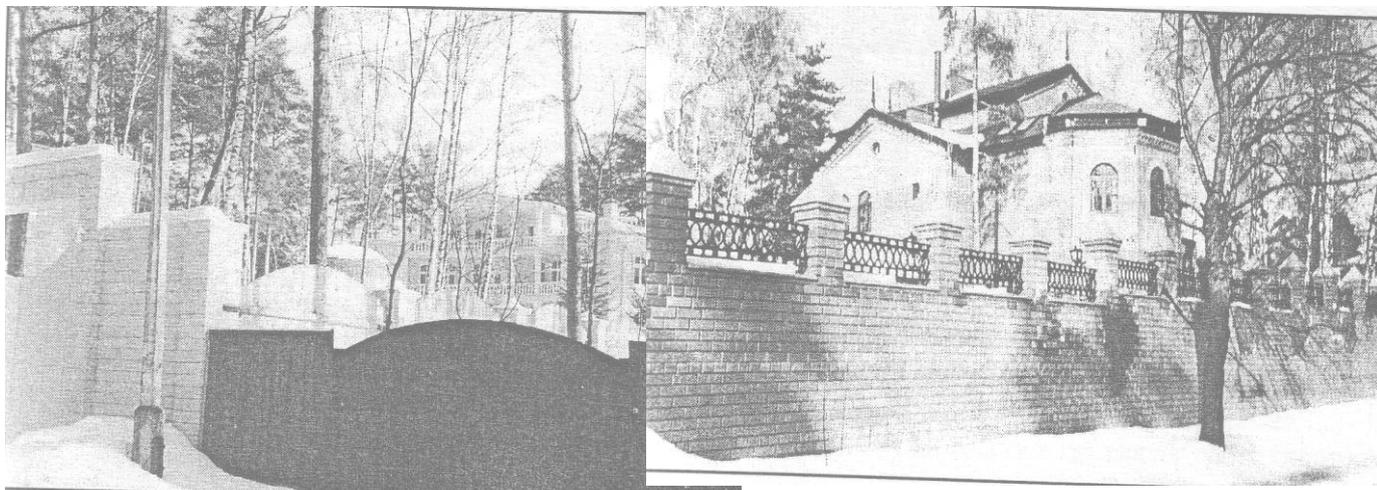
Сразу за мостом через Москва-реку возвышался довольно высокий для этих мест холм, который почему-то издревле назывался Курганом. Бытовала легенда о том, что в войну 1812 года вокруг этого Кургана формировались ближайшие к Москве отряды отступившей к Коломне армии Кутузова. На вершине этого холма, обросшего густым высоким кустарником, постоянно горел маяк, который являлся ориентиром и для проплывающих по реке пароходов, и для планеров, поднимавшихся с находящегося за рекой аэродрома Мячиково. Вид оттуда на Замоскворечье был впечатляющий, и можно было часами любоваться этой красотой.

На Кургане

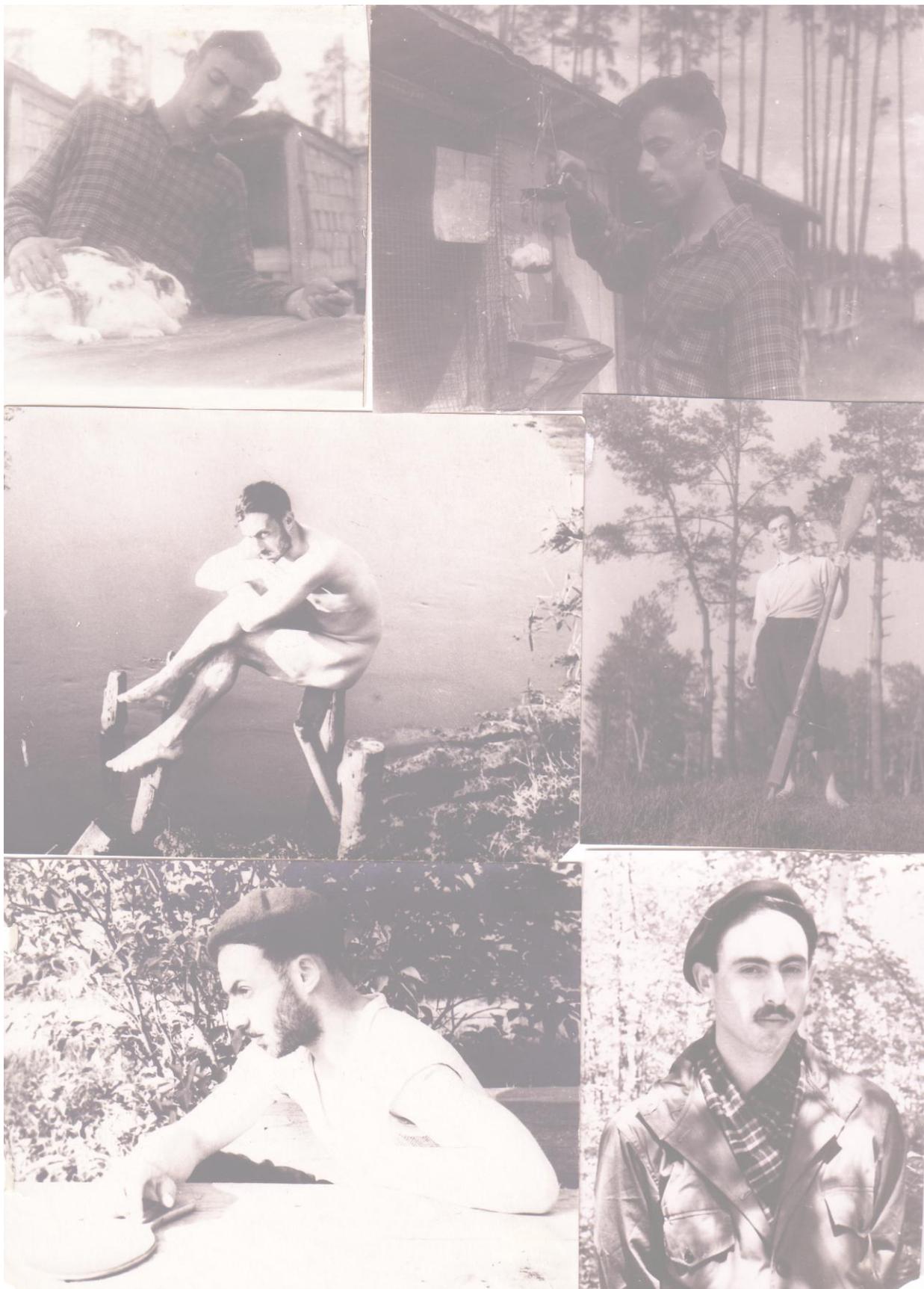
К сожалению, теперь от всей этой Удельнинской красоты почти ничего не осталось. Так же грустно заканчивается и книга Т.Синеоковой: *«Сейчас Удельную не узнать. ... Где же наша Удельная? Где резеда и табак, черный ирис и черные розы, медуница и другие садовые и полевые цветы, запах которых смешивался с запахом хвои и сосновой смолы, создающий неповторимый аромат удельнинского воздуха? Ничего этого уже не осталось и едва ли возродится».*

Курган вроде как «облысел» и, кажется, стал значительно ниже (правда может быть потому, что мы стали значительно выше). На другой стороне Москва-реки все застроено высокими жилыми домами и производственными зданиями. Многие прекрасные старинные здания разобраны за «ветхостью» или сгорели до основания (случайно ли или злоумышленно подожженные?). Македонки уже нет, нет ни прекрасного пруда, ни прудиков и зарослей Медпивавки. На Быковском пруду исчезли и обе великолепные косы и красивый островок. Исчезла и Березовая роща, вся застроенная в основном уродливыми виллами. По обеим сторонам ранее красивой Октябрьской улицы сплошь идут высоченные заборы из красного кирпича (идешь как будто вдоль двух кремлевских стен), за которыми новых домов и не видно. Наш домик тоже снесли и построили какое-то уродливое жилое сооружение. На территории Института кролиководства возник целый поселок высоких домов и какая-то приземистая церквушка. Кругом (даже в лесу и в Македонке) растут горы не только строительного, но и бытового мусора, который никто не убирает. Жалкое зрелище!

А теперь такие «заборы» скрывают уродливые «замки» новых жителей во многих местах Удельной, в частности по обе стороны Октябрьской улицы от станции и почти до самой Македонки

А вот и несколько моих фотографий в Удельной.

Верхний ряд - в Институте кролиководства
Средний ряд – на Македонке и на Быковском пруду
Нижний ряд – в парке санатория «Центросоюз»

Удельнинская школа

В Удельнинской школе я учился недолго в 4-м классе, а потом с 7-го и до ее окончания. Школа эта была замечательной (но о ней тоже лучше вспоминает Саша Альтшуллер, все его курсивом).

Здание школы оказалось интересным – старинный двухэтажный барский дом с деревянной резьбой на наличниках, с ломаной крышей и шатром над крыльцом. Внутри видно было, что первый этаж с большими комнатами, широкими окнами и высокими потолками был предназначен для семьи владельца. На втором этаже комнаты намного меньше, потолки пониже, окна маленькие, они, очевидно, предназначались для прислуги. Изначальное назначение двух отдельных флигелей, таких же старых, я не понял. При мне это были здания для младших классов.

4-й класс Удельнинской школы (я – в верхнем ряду крайний справа)

На северной стороне школьного

участка был редкий лесочек, за которым располагался стадион. А на южной - большой фруктовый сад, приносящий школе даже некоторый доход. Наша биологиня, договорившись с лесничеством, привезла на двух грузовиках саженцы деревьев, организовала всех девятиклассников на «трудовой подвиг». В итоге, вся северная часть школьного участка превратилась в парковую зону. (К сожалению, потом на большей части этого парка построили здание школы-интерната).

В школе меня поначалу больше всего удивило то, что мальчишки и девчонки учились вместе. (Для меня это было не ново, поскольку в Лесной школе естественно деления классов по половому признаку не было) В Москве это чудо давно отменили и вернули, когда я уже учился в институте. Впрочем, быстро привык.

По успеваемости был я даже немного выше среднего, учение давалось относительно легко. Если бы не лень-матушка. (Таким же пороком страдал и я, а учился - совсем уж хуже некуда. Интерес проявлял, и не только по учебникам, к истории, географии и литературе). Что я плохо понимал, так это химию, да мало ею занимался. А вот по истории мог почти всегда, если вызовут, рассказать. Помогало пристрастие к чтению книг на исторические темы, а нудный учебник, признаюсь, раскрывал редко. И все-таки я был в любимчиках у нашей исторички - Розы Соломоновны (за свои габариты прозванной «Кубышка»). Что давалось с напряжением - так это математика. Но не зря наша математичка Надежда Васильевна, прозванная «Акулой», умела и преподавать, и заставить учить предмет..

С математикой, особенно с алгеброй, у меня всегда были большие проблемы. Но, иногда, Надежда Васильевна любила обрамлять задачи какими-то древнегреческими мифами. То ли действительно вычитала в переводах из древних греков, то ли сама придумывала. Это уже было интересно. Начало одной такой задачи помню до сих пор:

Вот Полифема - циклопа статуя из бронзы отлита.

Ноздри, уста и единое око ваятель сделал на диво.

Ну а дальше в том же духе шла обычная задача про трубы, из которых вода то вливается в ванну, то выливается из нее. И решить саму задачу мне удавалось далеко не всегда.

Вообще-то Акула меня почему-то недолюбливала, и не только за плохую успеваемость. Ее раздражали мои постоянные, как мне казалось «остроты», которыми во время уроков я пытался смешить весь класс. И как-то она с раздражением сказала: «Ну, Лев, иди ка к доске, посмотрим, как ты будешь там показывать свои зубы!». Почему Лев? Ведь вроде бы никогда и ни к кому особой агрессивности я не проявлял. Но прозвище - «Лев», а иногда, и «Лев морской» (?), до самого окончания школы за мной закрепилось.

Уроки по физике были более интересными, особенно когда учительница Александра Семеновна, кажется по прозвищу «Крокодил», демонстрировала увлекательные опыты по механике и электричеству. А вот замечательно интересные уроки по астрономии проходили в Московском планетарии! И это было уже совсем интересно.

Самой большой удачей для нашего выпуска была наша словесница, Вера Соломоновна Иоффе, (носившая прозвище «Версалм»). Появилась она у нас в Удельной после каких-то событий с мужем в Москве. Сведения просачивались глухо. Время-то было "веселое", все могло быть. Вот и прибилась она к удельнинскому берегу со старенькой мамой и дочкой, нашей ровесницей. Спуску она нам не давала, язычок ее был едкий и острый, как бритва. Осадить могла любого, а то и уничтожить словом.

В одном из первых сочинений по «Слову о полку Игореве» я написал фразу: «Автору удалось отразить самые колкие вопросы своего времени». Этими «колкими вопросами» она шпыняла меня до самого окончания школы). *А преподавала интересно, учитель была от Бога.* (Особенно запомнились ее уроки о Пушкине, Лермонтове и Маяковском – не по скучному учебнику, а просто великолепно читала их замечательные стихи. А на школьном Пушкинском вечере я, к удивлению многих, даже занял первое место в викторине. Очевидно, как и во многих школах, у нас образовались две «партии» любителей либо поэзии Пушкина, либо Лермонтова. Помню, что мы с Изей Серебряным поддерживали лермонтовскую, но при этом орали, что все равно Маяковский лучше. Вообще-то голова моя была напичкана изрядным количеством стихотворений разных поэтов, и читал я их наизусть, даже тех, которые в школьной программе игнорировались, особенно поэтов Серебряного века, с которыми меня познакомил мой брат.

Много хорошего она сумела для нас сделать. Кажется, весь наш выпуск благодарен ей за то, что привила любовь к книге, что сверх всяких школьных программ, факультативно, дала возможность хотя бы притронуться к прекрасному. Создала музыкально-литературный кружок. Мой приятель Витька Аршавский сделал интересный доклад о музыке Глинки и его предшественников. Он притаскивал в класс патефон (этот патефон, конечно, был чужой – одалживал его мне один хороший знакомый сосед), и вместо урока по литературе мы слушали хорошую классическую музыку и замечательных русских певцов, сейчас о которых забывают. И это все с интересным комментарием нашей учительницы.

Читал я этот доклад и в других классах. Не помню уже кто автор, но в школьной стенгазете появилось стихотворение:

*Аршавский наш талант –
Бродячий музыкант.
Берет шарманку он –
Свой синий патефон,
Штатается по классам –
Несет культуру в массы.*

Признаюсь, до сих пор храню два своих доклада, подготовленные в 8-м и 9-м классах о начальном периоде русской драматургии. Не так давно, когда стал вспоминать дни прошедшие, я понял, что сами доклады, которые мы делали, были небольшим довеском к казенной программе, немного расцветывающие ее. А для докладчиков это давало много, поскольку приходилось перелопачивать и читать уйму книг.

Помню, что после доклада о Писареве, я категорически отказывался писать сочинение по «Евгению Онегину», утверждая, что «Онегин это тот же Митрофан, только одет и причесан по столичному», и согласился лишь после того, как, по настоятельной просьбе В.С., сделанной, конечно, в весьма грубой форме, перечитал «Онегина» заново. А еще вспомнил случай, как на уроке литературы меня вызвали читать наизусть «Пророка» Пушкина. Но вместо декламации, я пропел «голосом Шаляпина» романс «итальянского» композитора Н.А. Римского-Корсакова на эти пушкинские слова. Это исполнение вызвало гомерический хохот всего класса, и издевательское замечание Версалм, о том, что мне лучше продолжить свое образование в консерватории.

Вот так, исподволь и ненавязчиво В.С. расширяла наш кругозор. Благодаря ей многие в нашем выпуске пристрастились к чтению. Позволю себе небольшое отступление. Небезызвестный Козьма Прутков сказал: «Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя». А что может вернуть симметрию? Только чтение, по-моему, именно чтение возвращает симметрию. Ни кино, ни телевидение не могут остановить мгновение, подумать об увиденном, повторить. Бегущее изображение не дает остановиться. И только чтение книги позволяет так делать. То есть мыслить, расширяя кругозор.

Было еще и много другого. И театры, и музеи Москвы (многократные посещения Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств и многих других музеев). Это тоже благодаря нашей словеснице.

И был еще драмкружок, руководимый ее приятельницей Филуменой Григорьевной. Надо полагать, что и в других школах они тоже были, но наш отличался тем, что занимал достойное место во всей области. Ставили мы в девятом классе «Плоды просвещения» Л.Н.Толстого в отрывках, конечно. Областной конкурс должен был проходить в клубе МГУ на ул. Герцена (Большая Никитская). Однако что-то не сложилось, и нас, как говорится, попросили очистить помещение. Пришлось перебираться в Дом учителя на той же улице. А мы уже загримированы, в костюмах. Не стали мы дожидаться автобуса, и пошли, как были с бородами, усами, в крестьянской одежде прошлого века. Улица оживленная, народу полно, но никто нас за рукава рубахи и подола длинных юбок не хватал и не оглядывался. Выступление состоялось, и наш спектакль занял первое место.

В «Плодах просвещения» я, кажется, произносил единственную фразу дворецкого: «Кушать подано!», но зато, как я ее произносил! Вскоре после нашего бенефиса «Плоды просвещения» поставил МХАТ, и мы всем классом пошли на этот спектакль. Дружно решили, что наша постановка, конечно, была сделана намного лучше. Драмкружок ставил новые пьесы каждый год. До сих пор сгораю от стыда, что в отрывке из вымученной пьесы Булгакова «Батум», поставленной к Сталинскому юбилею, мне досталась роль молодого Кобы, боровшегося в подполье с меньшевиками Закавказья.

Наш театр
Вверху «Плоды просвещения»
(я в роли дворецкого)
В центре - Филумена Григорьевна

Внизу «Батум» – я в роли Кобы

А в «Бахчисарайском фонтане»
Шеля Брон, завернутая в простыню
целый час, не шевелясь, стояла на
стуле, «играя» роль статуи у фонтана.

Многим обязаны мы, выпускники того, 1952 года, своей учительнице литературы. Это было прикосновение к культуре.

Не забывали мы свою учительницу и после окончания школы. Уже много лет работающие, мы собирались и не один раз под ее кровом по тем или иным поводам. Было интересно и с ней поговорить «за жизнь», и меж собой пообщаться.

И все-таки в бочке меда воспоминаний о ней осталась капля дегтя. Писали как-то сочинение по произведениям Горького. Выбрал для себя свободную тему, и давай сочинять, сопоставляя образы Девушки из поэмы Горького «Девушка и смерть» с образом Снегурочки у Островского. Досочинялся до того, что нахально с юношеским максимализмом, заявил, что ценю образ Девушки у Горького выше, чем образ Снегурочки, поскольку у Островского героиня от любви тает и умирает, а у Горького побеждает смерть, и, стало быть, это более жизнеутверждающее произведение. Холодный душ на разборке сочинений заставил меня забыть о своеволии и каком - никаком свободомыслии. Ну да, только в молодости и можно так думать, но ведь это первая проба мыслить по-своему. До сих пор думаю, что сама такая проба должна бы поощряться. Но с определенными комментариями теперь уже вполне согласен. А тут ведро с ледяной водой на мою голову. Больше я не пытался своевольничать в сочинениях. Единственное оправдание ледяному отзыву я нахожу в том, что в те времена инакомыслие даже в школьном сочинении могло привести в «места не столь отдаленные» и учительница иносказательно предупреждала об этом ученика.

Аналогичная история случилась со мной, выражаясь по Гашеку, «с полковой кобылой Манькой, когда мы стояли в Нижних Будиевицах». Как-то, выбрав сочинение на вольную тему по Н.В.Гоголю, я написал его сразу после прочтения статьи А.Блока «Дитя Гоголя». Мало того, что я отхватил пару, так еще и разгорелся страшный скандал, сопровождаемый, прекрасной художественной декламацией не очень лестных слов в мой адрес.

Как-то мне приснился сон. В класс врывается вся взлохмаченная и злющая Версалм, дико смотрит на меня и орет громоподобным голосом: «Аршавский, что ты все время смотришь на ноги девочек? Только о них и думаешь. Иди ка к доске и отвечай заданный урок. Ну, так и знала! Опять не прочитал «От всего сердца» (был такой идиотский роман - не помню уже какого-то советского автора). Проснулся весь в холодном поту, но потом долго смеялся.

Удельнинская школа
слева – на крылечке школы
справа – 10-й класс

(в центре – «Версалм» и директор школы «Геббельс»,
вверху справа – Саша Альт-Клеб, я и Изя Серебряный)

В обоих седьмых, преподавали немецкий язык. А у меня во всех других школах был и французский и английский. Пришлось срочно догонять. Хорошо, что нашлась старая преподавательница Ольга Федоровна, которая прошла со мной за одно полугодие программу 5-ых и 6-ых классов. В классе язык преподавала другая учительница, Анастасия Михайловна, воспитанница Института благородных девиц для девочек сирот из дворянских обедневших семей.

Эту немку, которая имела прозвище «Селедка», я переносил с трудом, она меня тоже. На постоянный ее вопрос, заданный по-русски: «*Аршавский, что вы сегодня готовили?*» я неизменно отвечал: «*Щи с жареной картошкой, Анастасия Михайловна!*». А если вопрос задавался по-немецки, то моей дежурной фразой была: «*Ich wais nicht*». Очевидно, меня отвратило от изучения языка самое первое предложение в учебнике: «*Anna und Marta báden*». Но вот несколько красивых стихотворений Г.Гейне и «Лесного царя» И.Гете я наизусть выучил сходу, и некоторые строчки иногда вспоминаю до сих пор.

*Wer reitet so spaet durch Nacht und Wind?
Es ist der Vater mit seinem Kind;
Er hat den Knaben wohl in dem Arm,
Er fasst ihn sicher, er haelt ihn warm.*

А первый куплет из Оды «К радости» Ф.Шиллера я просто спел по-немецки из финала 9-ой симфонии Л.Бетховена:

*Freude, schöner Götterfunken,
Tochter aus Elysium!
Wir betreten feuertrunken,
Himmlische, Dein Heiligtum.
Deine Zauber binden wieder,
Was die Mode streng geteilt,
Alle Menschen werden Brüder,
Wo Dein sanfter Flügel weilt.*

Но дальше стал продолжать по-русски:

*Обнимитесь, миллионы!
Слейтесь в радости одной!*

и т.д. до конца стихотворения.

Кто же тогда мог предположить, что эта ода станет гимном Европейского Союза.

Из-за полного отсутствия взаимопонимания с Селедкой меня перевели в параллельный класс, где немецкий преподавала другая учительница – Ольга Федоровна, которая за те же безграмотные ответы ставила мне не двойки, а тройки. И только благодаря этой добрейшей О.Ф. я смог сдать на троечку экзамен по немецкому языку.

Вообще то, с иностранными языками у меня всегда была проблема. Конечно, с большим трудом я переводил статьи с немецкого и английского. Но на это затрачивалось столько времени и так много проливалось пота, что в лаборантах я предпочитал иметь преимущественно девочек, хорошо знавших английский, а еще лучше и немецкий и французский языки. Наряду со своей прямой работой они усердно переводили отмеченные по оглавлению журналов заинтересовавшие меня статьи. Я же только правил и указывал им замеченные мною в переводе несуразности. Почему-то хорошо относясь ко мне, девочки не возражали против такой беззащитной эксплуатации, а напротив, утверждали, что это им очень полезно. А потом, живя в Латвии и даже получив без экзамена гражданство, о чем будет особый разговор впереди, я так и не смог выучить латышский язык.

Да и по-русски я писал исключительно безграмотно и за сочинения чаще всего получал странную оценку «5/2». Более или менее грамотно я стал писать значительно позже, работая над своими статьями, диссертациями и монографиями. Но до сих пор не сажусь за работу без «Орфографического словаря» Д.Ушакова и С.Крюčkова и толстой книжки Б.Букчиной и Л.Калакуцкой «Слитно или раздельно».

Такая неспособность к языкам, очевидно, была причиной того, что при отменном музыкальном слухе я не научился играть ни на каком либо музыкальном инструменте, хотя и несколько раз пытался по самоучителю (то на пианино, то на гитаре). Но проклятые ноты – ведь это тот же иностранный язык. Вот так я и не стал музыкантом.

Как ни странно, мы все недолюбливали уроки физкультуры, виной чему, скорее всего был преподаватель с соответствующей фамилией Малофеев, у которого в углах глаз почему-то всегда скапливались большие капли гноя – возможно, результат какой-то болезни.

Но помню районные лыжные соревнованиями. Кажется, было это в восьмом классе. Лыж у меня хороших не было, ботинок для лыж - тоже, но были довоенные солдатские лыжи с кожаными мягкими креплениями и яловые сапоги. Лыжи тяжеленные, сапогам под стать. И

меня вместе с другими отправили в Раменское защищать, так сказать, честь школы. Километров 6 я еще бежал, хотя крепления ни черта не держали. Еще километра два я кое-как плелся, а последние километры я уже полз, скрипя зубами и чуть не падая, но с лыжни не сошел. Пришел предпоследним, но дошел.

Но был случай, который запомнил весь класс. В октябре, начав учиться в 8-м классе, на большой перемене пошли играть в футбол. Кто играл, а кто смотрел. А рядом с футбольным пятачком - забор, за ним шоссе, а за ним тогда еще было болото. Это рядом с "маленковским" магазином. Так вот, кто-то из игроков сильно пробил в аут, как раз в болото. Человек пять ринулись за мячом, и мой дружок Витя Аршавский провалился по колено в болото. Поскольку жил он недалеко, за Македонкой, побежали к нему, почему-то всем табуном. И опять приключение. Другой приятель - Изя Серебряный угодил в реку, не сумев ее перепрыгнуть. Витина бабушка стала срочно сушить эти брюки горячим утюгом. А перемена-то, хотя и большая, но давно уже кончилась. Возвращаться? Все равно опоздали. Лихой какой-то задор обуял всех. «Пошли гулять»? И пошли, никто не повернул в школу. (В парковой роще провели все оставшиеся три урока). Вернулись, когда уже стало сумеречно. В школе школьников никого, но руководство школы на месте. Портфелей нет, - убраны. Лихой задор прошел, и мы уже вроде побитых собак ждем своей участи. "На ковер" вызывали по одному. В результате хотели расформировать класс, ведь произошло ЧП, коллективное сопротивление властям, время-то "веселое", 1949 год. Последовали вызовы родителей. Это помогло, или что другое - не знаю, но сменился постепенно гнев на милость. (Очевидно спас нас директор Павел Васильевич (фамилию забыл), - очень добрый и отзывчивый человек, носящий за свой низкий рост, характерный чуб и курносый нос прозвище «Геббельс» - как будто сошедший с карикатур Кукрыниксов. Сейчас, по этому случаю, вспоминается кинофильм «Ключ без права передачи»).

Вот тогда от отца одной нашей девочки я услышал: "Сумма мнений человека о себе и окружающих о нем - есть величина постоянная". Фраза эта запала мне в душу. Подсознательно я всегда держал ее в голове, оценивая свои поступки.

В последнем классе впервые познакомился с Быковской милицией. Пошли гулять с приятелями: Витя, Изя и я. Поздно уже было. Где-то в районе Северной улицы набрели на кучку кафельной плитки. Наш дружок Толя Лиховицкий жаловался, что не на чем растирать краски, учился он в художественном кружке и подавал большие надежды уже тогда. Решили помочь товарищу, и я положил в карман одну плиточку. А около станции зграбастал нас милицейский патруль для выяснения личностей гуляющих. И началось: кто такие, где живете, как фамилии, откуда кафель, так вот куда исчезает со стройки плитка. Часа полтора мурыжили, потом им, по-видимому, надоело и отпустили. Малоприятным оказалось знакомство.

Вообще-то мальчики и девочки обоих наших классов были необычайно дружны. Да и дружили почти со всеми учениками и старших, и младших классов. Надо отметить, что этому способствовали уроки танцев, проводимые замечательным танцором – нашим учителем черчения.

И конечно мы постоянно влюблялись друг в друга – иногда по-детски, на короткое время, иногда серьезно, надолго, а некоторые взаимно или безответно на всю жизнь. Часто по ночам залезали в чужой сад и обрывали ветви черемухи или сирени, а потом каждый нес этот громадный «веник» положить на крылечко своей «любимой». Над влюбленными я подшучивал стишками В.Брюсова: «О, закрой свои бледные ноги», или Н.Гумилева: «Девушка с газельими глазами /выходит замуж за американца. /Зачем Колумб Америку открыл?». Но и сам я тоже был изрядно влюбчив.

И еще любили по ночам на весь поселок горланить русские песни или арии из опер, романсы, часто при этом пугая припозднившихся прохожих. Особенно этим грешили я и два моих приятеля – Оттик Брин и Толя Лиховицкий. В каком то спектакле я играл белогвардейского офицера и пел первый куплет песни «Оружьём на солнце сверкая, / Под звуки лихих трубачей, По улице пыль поднимаю, / Проходил полк гусар усачей». А когда узнали, что это старинная гусарская песня А.Муравьева с весьма фривольным содержанием, то с большим удовольствием стали распевать и ее. Много позже я узнал, что эту песню очень любили и латышские стрелки (как белые, так и красные). Вот эта песня на латышском: «Mirdzot šķēpiem zeltsauls staros, / Taures skaņas, kad viņojas šurp, / Cauri pilsētas vecajiem vārtiem / Atnāk latviešu strēlnieku pulks».

У нас были неплохие голоса и отменный слух, сохранившийся у некоторых до сих пор. Сейчас вспоминается замечательная **«Песенка для всех»**:

*Проще песни не найти - мы вам скажем твердо.
Потому, что в ней всего целых два аккорда.
Даже если вам медведь наступил на ухо,
Эту песню можно петь, не имея слуха:*

*Ла-аа, ля ля ля ля,
Ла-аа, ля ля ля ля!!!*

*Тот, кто двойки получал на уроках пенья,
Тоже хочет песни петь, - лопнуло терпенье.
Дуют ветры в феврале, и метет поземка,
И неважно, что орешь, главное, что громко:*

*Ла-аа, ля ля ля ля,
Ла-аа, ля ля ля ля!!!*

*Если голос ваш охрип, плюньте, разотрите,
Петь не можете - тогда просто говорите.
Кто не может говорить, пусть рычит мотором.
И не важно, как звучит, главное, что хором:*

*Ла-аа, ля ля ля ля,
Ла-аа, ля ля ля ля!!!*

Ходили мы и в походы и не только короткие (от истоков Македонки, до ее впадения в Вережку), но и более длинные - на один и даже несколько дней. Очень любили разные красивые места не только в наших окрестностях, но и посещали музеи в Коломне, Кускове, Архангельском, Звенигороде, Абрамцеве, Троицко-Сергиевской Лавре, Александровской слободе и многих других местах Подмосковья

Верхний ряд – В Удельной, Толя Лиховицкий и Оттик Брин, в мастерской у скульптора Степана Эрзя.
Средний ряд - на Быковском пруду. Нижний ряд – В Абрамцеве.

Большими компаниями мы часто ходили (точнее пробирались) в кинозал санатория Центросоюза или его роскошный парк, где на площадках и кортах играли в волейбол и теннис. Иногда посещали и Малаховский парк, где находился знаменитый еще с дореволюционных времен «Летний театр», в котором шли не только киносеансы, но и бывали интересные концерты. На всю жизнь мне запомнился концерт Еврейской песни в исполнении певца Любимова. Поскольку по-еврейски я не понимал ни слова, то мне переводили в одно ухо моя одноклассница

Ада Кипнис, а в другое – тоже одноклассник Изя Серебряный. Именно с того концерта местечковые еврейские песни запали в душу, и когда я их слышу, то не только подпеваю, но и приплясываю, ощущая себя настоящим евреем. Потом я слушал еврейские песни и в других исполнениях в Магадане, Биробиджане, в Риге. Но лучше всего в исполнении Ефима Александрова – это замечательный концерт «Песни еврейского местечка». Настоящие песни, спетые сердцем, под которые хочется плакать и смеяться, приплясывать и пританцовывать, напялив кипу на голову, или без нее. Что мы с внучкой Яной и делали.

Вообще то Еврейский вопрос меня не затрагивал до 1948 г., когда был зверски убит Соломон Михоэлс, а затем арестован и расстрелян Еврейский Антифашистский комитет и особенно обострился в 1952 г., после сообщения об аресте врачей-убийц. Отец Изи Серебряного работал в Еврейском театре и много рассказывал о Соломоне Михоэлсе и о его убийстве, спланированном НКВД.

Как-то нас послали на две недели в совхоз «Раменское» на уборку люпина. Почему-то ехали без сопровождения. И именно поэтому сели в электричку без билетов. В вагоне веселились и пели песни, которые прервали вошедшие контролеры. Оплатить штраф за безбилетный проезд нам было нечем, и на конечной станции всех нас отвели в какое-то пристанционное очень небольшое служебное помещение, в котором мы возобновили наш концерт. Освободили нас только поздно вечером. Идти в совхоз было уже поздно, и мы снова без билетов благополучно уехали домой. Так что до работы мы добрались (уже с билетами) только на следующий день. Уборка люпина оказалась очень приятной, и за эти две недели мы прекрасно отдохнули.

Разные судьбы сложились потом. Кто-то стал поэтом - маленький томик сохранился, кто-то стился, кто-то давал большие авансы, а вышел «тишик», кто стал логопедом, а кто архитектором, врачом, физиологом, инженером (надежды оправдались).

А теперь мы уже вот такие
Верхний ряд – Саша АльтКлеб,
Ада Кипнис, Лия Кукушкина.
Нижний ряд – Галя Исакова,
Толя Лиховицкий.
Меня там нет,
но все же присутствую
(мне сверху видно все).

Многих уже нет в живых. Со многими дружеские отношения по разным причинам распались. Но со многими дружба сохранилась и мы до сих пор перезваниваемся, а изредка и устраиваем посиделки, на которых не всегда сразу узнаем друг друга.

Моя Академия

С ранней юности, очевидно под влиянием семьи (см. Приложение 1), я всегда интересовался биологией и хотел стать физиологом. Еще в 9 и 10 классах посещал ученический кружок на кафедре физиологии Биофака МГУ, который вел мой брат Юра Аршавский. Кстати сказать, на этом кружке состоялась моя первая, и тогда не очень ловкая встреча с заведующим кафедрой физиологии Х.С.Коштаянцем, который во время занятий посетил эту группу. При его появлении все встали (включая и Юру Аршавского), а я почему-то остался сидеть. Х.С. был этим очень удивлен, и спросил – «А это кто»? И после Юриного объяснения, что это его брат, он сказал – «Ах, какой некультурный у Вас брат!»! Но потом этот инцидент был забыт, и с Х.С. мы всегда мило раскланивались.

Но после окончания школы в 1952 году понял, что двери биологического факультета университета для меня закрыты – самый разгар антисемитской компании. Это понимали все, кто в течение двух лет посещал этот кружок. А его постоянно посещали Марк Шик (сын известного физиолога), Коля Каверин (сын известного писателя и племянник не менее известного иммунолога), Володя Кассиль (тоже сын известного писателя и племянник не менее известного физиолога) – все они евреи и поступили в Медицинский институт. И только Ксения Рыжова, (из знаменитой семьи русских артистов) пошла на биофак МГУ. Ну и я тоже решил поступать в медицинский.

Вот этот физиологический кружок
Слева на право – Марк Шик,
Володя Кассиль, Витя Аршавский,
Ксения Рыжова, Коля Каверин

Кое-как сдавши экзамены (но с проходными баллами, причем, мой школьный дружок Саша Альт-Клеб умудрился за меня сдать экзамен по физике, а аккуратно вклеил фотографию и подделал печать в абитуриентском билете другой мой классный дружок Толян Лиховицкий) я был принят на лечебный факультет 1-го Московского медицинского института им. И.М.Сеченова. Но уже во время абитуриентских экзаменов, на консультациях, к которым мы с Аликом Аксельродом, не столько готовились, сколько травили анекдоты, я осознал, что учиться в этом институте и впоследствии быть врачом не имею ни малейшего желания. И я решил слинять, что вскоре и сделал. Однако на все капустники 1-го меда, из которых затем и вырос КВН, продолжал ходить. Аксельрод, а так же Лифшиц и Ливенбук, окончив институт, забросили медицину и стали известными эстрадными артистами, и долго своими умными шутками потешали публику в передачах на радио и телевидении. Бывал я так же иногда (когда доставался заветный билетик) и в Театре МГУ, в бывшей Татьяниной церкви на Волхонке.

Сразу после вступительных экзаменов я случайно встретил двух своих приятелей еще по московской школе – Мишу Немца и Адика (Сашу) Шарова. Узнал, что они поступили в Московскую ветеринарную академию, где с первого курса начнется преподавание не только банальной анатомии человека, но что-то вроде сравнительной анатомии – точнее, особенности анатомии целого ряда сельскохозяйственных животных, и очень широкий круг различных общебиологических дисциплин. Тут же решил пойти на прием к ректору академии профессору В.М.Коропову. Очевидно потому, что сам он был патофизиологом и историком ветеринарии, он внимательно отнесся к моему желанию перейти из Медицинского института в Ветеринарную академию. Кстати, в этом же году он уже пробивал идею создания в академии ветеринарно-биологического факультета, который и был открыт за год до моего окончания, т.е. за несколько лет до создания медико-биологического факультета в медицинском институте. В.М.Коропов предложил мне стать кандидатом в студенты и после успешной сдачи экзаменов за 1-й семестр, вопрос о зачислении в студенты будет решен положительно. Я с радостью согласился, забрал документы из Медицинского института и стал кандидатом, а затем и полноправным студентом лечебного факультета Ветеринарной академии.

Так что у меня было не очень много проблем с поступлением, но потом возникали проблемы с некоторыми преподавателями.

Московская ветеринарная академия была организована в 1919 году по инициативе крупнейших ученых зоотехников и ветеринарных специалистов на базе Московского ветеринарного и Московского зоотехнического институтов. Большую поддержку в ее создании оказал Щекин (это дальний родственник Бехтеревых-Миклашевских – дядя Наташи Миклашевской – жены моего родного - двоюродного брата Юры Аршавского).

(Из Интернета) Исключительно большая роль в развитии материально-технической базы академии принадлежит профессору Виктору Михайловичу Коропову. За время его деятельности в должности ректора (1944-1959 гг.) были построены главный учебный корпус, студенческое общежитие, расширилось жилищное строительство. Существенное улучшение в период его работы произошло в оснащении кафедр приборами и оборудованием, активизировалась научно-исследовательская работа, было организовано регулярное издание трудов академии. В знак признания заслуг В.М.Коропова кафедре патологической физиологии, которой он руководил, присвоено его имя.

В 1994 году академия была переименована в Московскую государственную академию ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И.Скрябина.

Первый курс у нас проходил в старом здании в Черемушках, где я жил в общежитии. Но поскольку очень небольшие деньги, которая мама выдавала на неделю, я в основном тратил на книги, а в столовой пил только чай с бесплатным хлебом, то часто уезжал ночевать на Балтийский поселок к Аршавским, где с жадностью поедал обильный теткин ужин. Если же оставался ночевать в общежитии, то вечерами часто прогуливался к грандиозной стройке нового здания Московского университета. На второй курс мы уже перебрались в Кузьминки – основные здания Академии. И я стал жить дома в Удельной, а в академию ездить каждый день на электричке.

Наш курс по своему составу был весьма разношерстный. Основную массу его составляли крестьянские дети, которые в полной мере нахлебались «прелестей» колхозной жизни. Некоторые из них уже имели ветеринарно-техническое образование (т.е. были фельдшерами). Было достаточно много и более взрослых людей, тоже крестьянской закалки, суровых демобилизованных солдат, многие из которых участвовали в войне. Некоторые прошли курсы мелких партийных руководителей; в основном это были люди глупо прямолинейные, без какой-либо собственной мысли в голове (это были самые неинтересные и опасные для нас субъекты). Но была и значительная масса выпускников городских и сельских школ, которые увлекались биологической наукой и ее практическим применением в сельском хозяйстве, а также просто любителей домашних животных, у которых доминировало одно лишь желание облегчить жизнь своих любимцев. Нельзя сказать, что курс представлял собой единый дружный коллектив, скорее сожительство равнодушных друг к другу людей. Но все

Это я на 1-м курсе
(рисунок Толи Лиховицкого)

же устраивались не очень частые вечера художественной самодеятельности с обычными русскими и советскими песнями и танцами, которые завершались общими танцульками. На этих вечерах я выступал со стихами Маяковского, Гейне, которым тогда увлекался, и даже позволил себе читать Мережковского «Сакья Муни», а как-то прочитал с большим успехом очень смешную главу «На капитанском мостике» из книги Л.Кассиля о Маяковском. Помню, что возник небольшой скандалчик после чтения «К телеологии» Г.Гейне. Почему-то эта антиклерикальная поэма была воспринята слушателями (особенно присутствующими на вечере преподавателями), как откровенная порнография. Очевидно, за порнуху приняли вот эти строфы:

.....
 «Друг, я верила б всему!
 Мне понятно то, что бог
 Мудро дал нам пару ног,
 Глаз, ушей и рук по паре,
 Что в одном лишь экземпляре
 Подарил нам рот и нос,
 Но ответь мне на вопрос:
 Почему творец светил
 Почему небрежно упростил
 Ту срамную вещь, какой
 Наделен весь род людской,
 Чтоб давать продленью роду
 И сливать вдобавок воду?
 Друг ты мой, иметь бы нам
 Дубликаты для раздела
 Сих важнейших функций тела.
 Ведь они, по всем правам,

Сколь для личности важны,
 Столь, равно, и для страны.
 Девушку терзает стыд
 От сознания, что разбит
 Идеал ее, что он
 Так банально осквернен.
 И тоска берет Психею:
 Ведь какой свершила тур,
 А под лампой стал пред нею
 Мэнкен-Писсом бог Амур».
 Но на сей резон простой
 Я ответил ей: «Постой!
 Скуден женский ум и туг!
 Ты не видишь, милый друг,
 Смысла функций, в том зазорном,
 Отвратительном, позорном,
 Ужасающем контрасте —

Вечный срам двуногой касте.
 Пользу бог возвел в систему:
 В смене функции машин
 Для потребностей людин
 Экономии проблему
 Разрешил наш властелин,
 Нужд вульгарных и священных,
 Нужд пикантных и презренных
 Существо упрощено,
 Воедино сведено.
 Та же вещь мочу выводит
 И потомков производит,
 В ту же дудку жарит всяк —
 И профессор и босяк,
 Грубый перст и пальчик гибкий
 Оба рвутся к той же скрипке».
 (перевод В. Левика)

На первом курсе

Читаю какие-то стихи

В парке Кузьминки
с Ваней Кондрахиным

Учился я не ровно, но образование получил замечательное. Помимо весьма приличных общебиологических знаний (чего не дает медицинский институт), я изучил и изрядный клинический задел (чего не дает биофак университета).

В ту пору биологическое образование в академии было поставлено значительно лучше и более независимо не только чем в Медицинском институте, но даже чем на биофаке университета. Просиживая многие часы в библиотеке, и пользуясь хорошим отношением ко мне пожилой и очень симпатичной библиотечарши, знакомился не только с рекомендованной литературой, но и с не шибко рекомендованными тогда, полузапрещенными и просто крамольными книгами.

Кафедрой ботаники заведовал профессор Л.М.Кречетович, уже глубокий старик, но сохранивший трезвый ум и яркий лекторский талант. Его выгнали из МГУ, как несгибаемого последователя т.н. «менделизма-морганизма-вейсманизма» и ярого антилысенковца. Небольшой курс физиологии растений прочитал нам академик М.Х.Чайлахян.

Запомнились и прекрасные практические занятия в Ботаническом саду МГУ и на кургане, на берегу Москвы реки, недалеко от Удельной. Там сохранилось много эндемичных растений, с которыми нас знакомили, но собирать их для гербария не разрешалось (к сожалению, мы не всегда следовали этому правилу). Для гербария надо было собрать и описать (корень, корневище, стебель, листья, цветы или уже плоды) не менее ста в основном различных злаковых и бобовых растений. Но поскольку они малоприметные, то мой гербарий состоял из разнообразных ярких цветковых растений. Таким образом, я научился распознавать, и еще много лет помнил названия (пока не забыл окончательно) многих полевых и луговых цветов. Это не вызвало неудовольствия нашего руководителя доцента А.Н.Богданова, и он рассказал следующую историю. Во время

войны его часть попала под сильный минометный обстрел и он, как и все укрылись в окопах. Но вдруг на ближайшем холмике он увидел распутившийся цветок мака и подумал: *«если уж помирать, то, мне – ботанику, обязательно с этим цветком в руке»*. Вылез из окопа, подполз к цветку и сорвал его. И в этот момент очередная мина угодила в окоп, как раз в то место, где он до этого отсиживался. Так цветок мака спас его жизнь.

Несколько менее увлекательными были лекции по зоологии, но практические занятия были достаточно интересными. И совсем уж неинтересно проходили лекции по дарвинизму – не столько об истинном учении Ч.Дарвина, сколько о приоритете русской науки и наиболее «плодотворных ее успехах», освещенных «новыми, передовыми идеями» Т.Д.Лысенко.

Но «передовая социалистическая советская биологическая наука» тех лет все же часто проникала и к нам, в основном на кафедры общей биологии и микробиологии. Особенно запомнились три лекции приглашенных «светил».

Лекция Т.Д.Лысенко. «Разгромив» менделизм-вейсманизм-морганизм, Т.Д. завел разговор о китообразных млекопитающих. Он вдруг стал утверждать, что китообразные вовсе даже не млекопитающие, а просто рыбы (его аргументов я, к сожалению не помню). Но кто-то из нахальных студентов с удивлением спросил: *«Как же так?, ведь они выкармливают своих детенышей молоком и дышат не жабрами, пропуская через них воду, а легкими, для чего вынуждены периодически всплывать и делать вдох чистого атмосферного воздуха»*. На это он своим очень высоким голосом, издающим только свистящие и шипящие звуки, привел «убедительный» аргумент: *«И какой же дурак полезет обратно в воду!?»*. Многие слушатели после такого ответа обезоружено улыбались, а рассмеяться посмели только когда это «научное светило» отчалило на академическом лимузине, сопровождаемом кавалькадой машин поменьше, в которых разместились свита.

Лекция Г.Башьяна. Этот крупный «ученый» довольно нудным голосом утверждал, что в его опытах кристаллы неорганических веществ вот так просто берут и превращаются в вирусы, из которых возникают бактерии, а бактерии могут распадаться на вирусы. То, что он представлял в качестве доказательств, даже для нас, еще мало знающих студентов, представлялось смехотворным.

Лекция О.Б.Лепешинской о ее теории живого вещества тоже была весьма бесцветной, но вот конец ее вызвал у нас бурю восторга. Она сетовала на то, что-де многие ученые почему-то ее теории не разделяют, хотя «опыты», с ее точки зрения, вроде бы и неопровержимы. А вот практики, не вдаваясь в суть теории, вполне ею пользуются. Как пример она привела переписку с агрономом одного из колхозов, на полях которого сгнила неубранная вовремя капуста. На вопрос – нельзя ли, пользуясь ее теорией, эту капусту спасти, она ответила, что надо эту капустную гниль настоять в воде, и ею полить землю. *«Исходя из моей теории, на следующий год должна была вырасти капуста. Но где-то в своих расчетах ошиблась. Капуста не выросла, но выросло очень много других растений. Я с радостью вспомнила о теории академика Лысенко. Условия были изменены - сажали ведь не капустной рассадой, а поливали землю настоем капустной гнили. Поэтому капуста и не выросла, но выросли многочисленные представители того же самого семейства крестоцветных»*. Мой близкий друг Ваня Кондрахин – крестьянский сын, знающий, как растет капуста, и что представляют собой другие крестоцветные, с ехидством в голосе задал ей вопрос: *«Ольга Борисовна, а какие это представители семейства крестоцветных?»*. *«Ну, сурепка, пастушья сумка и другие»* - ничуть не смущаясь ответила она. Вот здесь то и раздался дружный хохот молодых обормотов. К счастью прозвенел звонок к окончанию ее лекции, и почтенная матрона, изобразив на плотно сжатых губах подобие улыбки, очень быстро ретировалась. А Иван еще долго ходил в героях.

Конечно, предмета генетики у нас не было, да в те годы и быть не могло. Но в дальнейшем, этот пробел в значительной степени был прикрыт курсом разведения животных. На лекциях громился менделизм-морганизм-вейсманизм, как буржуазные и вредные направления в западной биологии, а на интереснейших практических занятиях, проводимых доцентом Анатолием Солдатовым, в полном объеме чертились схемы подбора родительских пар в целях получения здорового, жизнестойкого и продуктивного потомства с определенными наследственными признаками, и решались чисто генетические задачи.

Первая встреча с анатомией показалась мне довольно сухой. Такое впечатление сложилось после лекций зав. кафедрой профессора С.В.Иванова, хотя кафедра занималась интереснейшей проблемой, поднятой еще покойным профессором А.Ф.Климовым, создателем функциональной морфологии различных сельскохозяйственных животных. Но на последующих лекциях и на всех практических занятиях мы были очарованы необычно живой и образной речью и динамикой, а также, как нам казалось, яркой красотой, проступающей откуда-то изнутри, молодого ассистента (а в последующем профессора и заведующей кафедрой) Ирины Владимировны Хрусталевой. Тогда на всем двухгодичном курсе анатомии была система многочисленных (по каждой системе органов) коллоквиумов, по сумме результатов которых каждый семестр выставлялся зачет. Если коллоквиум проходил успешно, то И.В. одобритительно кивала головой в такт речи сдающего его студента, и часто позволяла себе комментарии в форме хороших шуток. Если же ответ был неправильным, то лицо ее как-то удивленно вытягивалось, брови изгибались дугой и ползли вверх, а волосы, в буквальном смысле, вставали дыбом и, казалось, шевелились.

Анекдот по этому поводу. Первые два года у нас на курсе была молодая грузинская чета (запомнил их фамилию). Жена, красивая девица, с довольно подвижными мозгами, неплохо говорила по-русски, а муж, с легкими признаками дебильности на лице, тоже вроде бы неплохо знал язык, но говорил с чудовищным грузинским акцентом. На коллоквиуме по половым органам этот студент достал из ванны с формалином какой-то орган и стал его внимательно рассматривать. «Что же это за орган?» – спрашивает И.В. – «Это, очевидно, матка.» - «Правильно. Но, у каких же животных такая матка?» - Студент долго молчит, тупо уставившись на препарат. Жена, которая в это время только готовилась отвечать, подсказывает ему довольно громким шепотом – «У грызунов.» - (Действительно, эта была двураздельная матка грызунов, очевидно кролика, у которых оба рога не сливаются в единое тело, а прямо доходят до шейки матки) – «У грызунов» – бодро отвечает студент. У И.В. волосы поползли вверх. И он понял, что порет чушь, но быстро сориентировавшись, произносит: - «Извините, Ирина Владимировна, у грызунов матки не бывает. Это матка грызунок!»

На семинаре по анатомии. В нижнем ряду –
Справа 3-я И.В Хрусталева, а 2-й уже я.

каникул эта пара уже не появилась в Академии. Очевидно, решила остаться на родине в Грузии.

Неудержимый громовой раскат хохота всех присутствующих в комнате, передался всей группе, ожидавшей своей очереди в коридоре анатомического музея. Коллоквиум в тот вечер был сорван, поскольку каждый, кто пытался что-то сказать, начинал смеяться. Не имея сил прекратить этот смех, И.В. положила конец такому безобразию, уйдя на кафедру, но из ее кабинета продолжали раздаваться периодические вспышки гомерического хохота. Но каким-то непостижимым образом этот грузин все же сдал все коллоквиумы, получил зачет и был допущен к экзамену. Но после летних

В академической многотиражке, которая, кажется, называлась «Ветеринар», вышедшей специально к нашему выпускному вечеру, Ирине Владимировне было посвящено стихотворение, написанное кем-то из наших студентов.

Ирине Владимировне Хрусталевой
(преподавателю анатомии)

*Нас порой подмывало сомнение
(Нам давалась латынь по складам).
Знаем мы: боевое крещение
Было принято именно там...
Где горела перчаток резина
Вслед за бегом проворных часов,
Среди буйных паров формалина
Не смолкал перегуд голосов.
Чтобы выйти врачами в итоге,
Изучали мы в поте лица
Трупы псов, лошадиные ноги
И большие коровьи сердца.
Анатомию брали с боями, -
Каждый шаг был объектом атак.
Хрусталева сверкала глазами
Наставляла студентов вот так:
«Не ходите неверной дорожкой
(Я в науке вам верная мать!),
Никогда не берите зубрежкой,
Анатомию надо понять!»*

*Анатомия – веское слово,
Анатомия – главный предмет,
И наука нещадно сурова
Коль небрежно прокладывает след».
– «Можно вас?» - и спешит Хрусталева,
Черный волос откинута назад,
Вырывается быстрое слово,
Развивается белый халат!
– «Ну, Аршавский, скажи откровенно,
Говоришь ты, что трудно понять –
Не читал ведь где *vena saphena*?
Объяснить? Показать? Рассказать!».
И частенько, случалось, бывало,
Что когда ее голос звучит,
Анатомиком вся замирала,
А она говорит – говорит...*

**Группа выпускников. Академическая газета
«Ветеринар» Москва, декабрь 1957 год.**

Кафедрой гистологии, цитологии и эмбриологии заведовал известный ученый профессор Иван Филиппович Иванов, открывший эффект прорастания дистального конца перерезанного аксона по ходу ложа этого отростка нейрона. Его замечательные лекции и практические занятия, особенно по эмбриологии, которые проводили его сотрудники, были просто увлекательными. Экзамен принимал сам И.Ф. А на этом экзамене один из вопросов состоял из определения типа ткани или какого-нибудь органа, окрашенный срез которого, зафиксированный на предметном стекле, рассматривался под микроскопом.

Еще один анекдот. Кто-то из нас пошел на экзамен одним из последних, когда Иван Филиппович был уже заметно уставшим и, возможно, раздражен. Во время того, как студент долго рассматривал доставшийся ему препарат, профессор отошел к окну и тоже долго рассматривал слякотную погоду на улице. Но потом, не поворачиваясь к столу, спросил: - «Что же Вы там видите»? - «Я вижу яичник» - бодро ответил студент. - «Какой яичник? Почему я его не вижу»? - И здесь прозвучал неожиданный ответ, остроумие которого сам говорящий оценил не сразу. - «Ну, Вы же смотрите в окно, а я смотрю в микроскоп!» - И.Ф. расхохотался, но все же не выгнал «находчивого» студента и, поставив ему четыре балла, отпустил бедолагу.

Кафедрой физиологии заведовал прямой ученик И.П.Павлова профессор Н.Ф.Попов – старичок, достаточно приятной внешности, но ретроград, не очень-то поощряющий некоторые новые направления в самой интересной для меня науке, и ограничивающийся только подробным изложением взглядов своего учителя. Он не мог себе даже представить, что учение великого И.П.Павлова под грузом новых фактов уже утрачивало свое значение. Но ведь только его дозволялось освещать в официальных лекциях. Но практические занятия в нашей группе вел доцент В.Н.Микрюков, - человек тоже уже в преклонных годах. Он позволял себе добавлять лекции зав. кафедрой изложением учения Н.Е.Введенского и особенно А.А.Ухтомского, а так же знакомил нас с новыми и тогда наиболее прогрессивными взглядами Н.А.Бернштейна, критически рассматривающие учение И.П.Павлова. Позволял он себе и некоторые экскурсы в проблему не только нервной, но и гуморальной регуляции различных процессов организма, функционирующую в те годы в полуподпольном режиме.

На семинаре по физиологии. За столом – в центре В.Н.Микрюков, а я стою сзади

Более интересными были лекции по патофизиологии, которые читал профессор В.М.Коропов, а практические занятия, проводимые доцентом - милейшей Марией Георгиевной Шубиной, давали нам не только очень полезные знания, но и приносили истинное наслаждение. Пожалуй, наиболее интересным был курс иммунологии. Но какая же убогая и гонимая властями была в те годы эта область медицинской науки, пробелы в которой я в последующем долго ощущал.

Кафедрой биохимии заведовал профессор С.И.Афонский, который меня почему-то недолюбливал. Его лекции были достаточно интересными, но ограничивались в основном описанием белков, жиров, углеводов и немного витаминов и микроэлементов (да в те годы настоящей биохимии еще и не было). А практические занятия проводились исключительно занудно. Пожалуй, единственно светлым пятном был курс физколлоидной химии, который мне, на удивление, нравился. Экзамены пришлось на период необыкновенно жаркой погоды, и с учебником по биохимии я лежал, погружившись в мелководную Македонку, протекающую около нашего дома. Вроде бы неплохо подготовился. Но, очевидно, перегревшись на солнце, на экзамене отвечал очень вяло, а на физических свойствах крови просто скис. Еле-еле вытянул на тройку. Потом ко мне еще долго приставали с передачей этого экзамена, но я упорно отказывался, и все время обходил эту кафедру стороной.

Помимо биологических дисциплин на первом курсе проходили занятия по физике и общей химии. Уж не знаю, каким было преподавание физики при первом заведующим кафедрой С.И.Вавилове (будущим президентом АН СССР), но при нас оно представляло собой очень сокращенный, да к тому же нудно излагаемый курс того, что мы изучали в школе. Такими же неинтересными были занятия по общей химии.

А вот высшая математика мне нравилась не столько своими лекциями, сколько обаятельной личностью и постоянным юмором профессора Е.П.Дебюка. Каждое появление на кафедре он предварял фразой: *«Мой дедушка – известный композитор, который написал замечательный романс «Улица, улица – ты, брат, пьяна»*, после которой оглашал тему очередной лекции. Мне запомнилась его фраза: *«Постепенно изменяя правила игры, можно крокет превратить в футбол»*. Ну а практические занятия по математике в основном сводились к изучению основ математической статистики в биологии, знание которой очень пригодилось в моей дальнейшей научной работе.

Зачеты по математике проходили следующим образом. Он спрашивал: - *«Вы такую-то книгу читали?»* - *«Нет»*. - *«Ну а эту книгу?»* - *«Тоже нет»*. - *«Ну а книгу Дебюка читали?»* - *«Не читал»*. - *«Значит, вы читали эту тоненькую брошюрку Иванова, которая стоит 2,40 в переплете?»!* (это учебник преподавателя параллельного потока, которого он вообще не признавал математиком), - *«Нет»*. - *«Ах, тоже нет! Ну, хоть это хорошо. Давайте свою зачетку»*. И всегда ставил хорошую оценку. А на зачеты по статистике он часто приглашал нас к себе на дачу, которая была в Вешняках, недалеко от Академии. На террасе стоял большой стол, заваленный различными бубликами и пряниками, а в углу постоянно кипел настоящий самовар, труба которого выходила в специальное отверстие, проделанное около окна. Е.П. приглашал всех рассаживаться вокруг стола и пить чай, что мы и делали без всякого стеснения, быстро уничтожая все, что на нем находилось. Сам Е.П. сидел в торце стола и по очереди приглашал студентов подсаживаться к нему для беседы, после которой следовало два варианта его заключений. Например: - *«Вы, Кондрахин, давайте зачетку и идите допивать чай»*; - или - *«Вы, Аршавский, идите допивать чай, но завтра явитесь ко мне снова»*. Дальше шел примерно такой диалог: я нахально спрашивал - *«А чай с сушками будет?»*, а он, улыбаясь, отвечал - *«Обязательно, но только после успешного зачета»*.

Вообще о нем постоянно ходили различные анекдоты. Вот один из них. Как-то, слегка подвыпив, он поспорил со своим знакомым, что проедет по улице Горького, прицепившись за веревки, идущие от усов троллейбуса. На первой же остановке, его попросил милиционер отцепиться от троллейбуса и предъявить документы. Дебюк показал ему членский билет Дома Ученых. Прочитав его, милиционер встал по стойке смирно, отдал часть и сказал: - *«Продолжайте свои опыты товарищ академик!»*. Но продолжать «опыты» он не стал, а рассмеялся, и с проигравшим приятелем быстро нырнул в очередное кафе.

В конце наших студенческих лет мой школьный приятель Изя Серебрянный, который учился на мехмате в МГУ, соблазнил меня прослушать популярный курс лекций академика А.А.Ляпунова о новой тогда еще, почти запретной, подпольной, «буржуазной» науке об управлении – кибернетике. Конечно, тогда я ничего не понял (немного стал понимать, что это за наука, много позже, когда вплотную стал изучать физиологию мозга, уже работая в институте психиатрии). Но новое здание Университета на Ленинских горах впечатляло. Только очень не понравилось спускаться вниз на скоростных лифтах. Ощущение было такое, что лифт падает в пропасть, а ты не поспеваешь за ним, и ноги вроде бы отрываются от пола. И еще было шекотно в горле.

С изучением иностранных языков (так же как и в школе) у меня были большие проблемы. Сначала немецкий, потом английский – но все без толку. Я бесконечно учил слова и грамматику, но сразу же (буквально на следующий день) забывал все выученное. Дальше вымученных переводов с толстым словарем, мои знания не распространялись.

Но вот на всю жизнь запомнились занятия по латинскому языку. Этот язык поразил меня своей ясностью, краткостью и четкостью. Возможно, в этом был повинен своей импозантностью преподаватель - замечательный старичок Н.Н.Голиков. И все же очень скоро я забыл почти все из латыни (ну, может быть, сохранился в памяти небольшой набор латинских пословиц). Однако, этот интерес к латыни очень облегчил мне в дальнейшем довольно успешно изучать анатомию, нозологию, рецептуру и другие предметы, требующие специальной терминологии, которую за крайне редкой надобностью я тоже вскоре почти позабыл.

В нашей многотиражной газете на выпускном вечере Н.Н.Голикову было посвящено стихотворение, написанное кем-то из нашего курса.

Николаю Николаевичу Голикову
(преподавателю латинского языка)

Штурм в науке заводит в колдобины.

Меж программой предписанных тем

Вы учили науку, особенно,

Грызть, как «gutta cavat lapidem».

Голос – бархат звучал привлекательно,

Вы не тратили слов, говоря.

Наш апрель отзывался внимательно

На невучий совет сентября.

С табакеркой в руках (как положено!)

Распекать кого-либо из нас...

Нос, направленный так настороженно,

Взор лукаво прищуренных глаз...

В час занятий, ходящим меж столиков,

Унесем Вас с собою навек,

Николай Николаевич Голиков –

Бесконечно родной человек!

Группа выпускников. Академическая газета
«Ветеринар» Москва, декабрь 1957 год.

Кафедра общественных наук (история партии, политэкономия, философия и марксизм-ленинизм) мне была вовсе чужда. На занудных лекциях я чаще читал какую-нибудь интересную книгу, а на семинары приходил со сдутыми у кого-нибудь малограмотными конспектами. Каким-то чудом, но все экзамены мне удалось сдать.

С 3-го курса у нас пошла сплошная клиника – фармакология и рецептура, нозология, пропедевтика (диагностика), терапия, хирургия, акушерство и гинекология, эпизоотология и вакцинация, и еще какие-то другие клинические премудрости.

Прекрасный курс фармакологии нам читал профессор И.Е.Мозгов, а на практических занятиях учились назначать лекарства при различных заболеваниях и выписывать рецепты (конечно, только по-латыни).

Больше мне нравились пропедевтика и терапевтические дисциплины. Очень увлекательно читали лекции профессора А.Р.Ефграфов, И.Г.Шарабрин. А на практических занятиях я с интересом простукивал и прослушивал больных животных, измерял температуру, брал кровь, мочу и кал для анализов, пытался поставить диагноз и назначить соответствующее лечение. С удовольствием оставался на ночные дежурства в клинике при Академии, выполняя все назначения лечащего врача.

Меньший интерес я проявлял к хирургическим дисциплинам, однако, лекции по этим предметам часто были очень интересны. Даже гнойную хирургию – предмет далеко не эстетичный

и просто вонючий, нам советовали учить по очень хорошей книге репрессированного архиепископа, профессора В.Ф.Войно-Ясенецкого. Но вот оперативная хирургия мне нравилась.

Однако, этот курс шел вместе с топографической анатомией, и какие ткани, сосудистые и нервные сплетения проходить скальпелем при том или ином разрезе я никак не мог себе представить. Именно поэтому я несколько раз пытался сдать зачет, но получил его только накануне экзамена и лишь после того, как выполнил издевательское требование преподавателя обработать руки по локти по методу Спасокукотского, т.е. крепким раствором бриллиантовой зелени. (Бома Захарович Иткин был человеком ехидным и чрезвычайно требовательным, но действительно блестящим хирургом). И вот с такими зелеными руками на следующий день я явился на экзамен, и к своему удивлению (а еще большему удивлению и разочарованию Бомы) сдал его вполне прилично.

Необыкновенно завлекательные лекции по акушерству и гинекологии блестяще читал нам профессор А.П.Студенцов. А практические занятия проходили в некоторых подсобных подведомственных Академии хозяйствах, а иногда на Московском мясокомбинате. Самая противная из этих работ была связана с послеродовым удалением задержавшегося в матке последа. Специфический запах после такой операции сохранялся несколько дней, и пассажиры в транспорте (особенно переполненном) этим были весьма недовольны.

На том же мясокомбинате мой сокурсник Миша Немец по заданию моего дяди профессора И.А.Аршавского провел интересную работу на плодах беременных коров. Содержание этой работы я, к сожалению, забыл. Но автор ее после окончания Академии стал многолетним сотрудником этой Лаборатории возрастной физиологии в Институте нормальной и патологической физиологии АМН.

Эпизоотология (инфекционные болезни) и вакцинация, а также инвазионные болезни меня не очень интересовали. Даже курс гельминтологии оказался достаточно скучным. Но всего две вводные лекции, прочитанные основоположником гельминтологической науки академиком К.И.Скрябиным, были блестящими, не столько в плане самой гельминтологии, сколько увлекательнейшим рассказом об экспедициях в республике Средней Азии.

Кафедрой патанатомии заведовал профессор Б.К.Большой, который был очень известным ветеринарным патологоанатомом, но очень больным человеком – страдал акромегалией, выражающейся в безудержном разрастании тканей. Он был низкого роста, а горб делал его еще ниже, но с необычно широкой грудью, ходил, опираясь на мощную палку, едва передвигая распухшие и скрюченные ноги, очень большая голова выглядела как раздувшийся шар, изо рта высывался громадный распухший язык, в результате чего, его речь была спутана и малопонятна. Но те, кто умудрялся вслушаться в содержание его лекций, поражались их глубиной. К тому же он был сильно глуховат и всегда ходил с большим слуховым аппаратом, торчащим за его огромными ушами. Тем не менее, он всегда (как символ) приезжал на экзамены и принимал их у 5-ти – 6-ти отобранных специально для него хорошо успевающих студентов, выслушивал их, задавал вопросы, ставил отличную оценку и уезжал с чувством выполненного долга. Когда же изредка кто-то начинал пороть чушь, он вынимал слуховой аппарат из уха и при этом говорил одну и ту же фразу: *«Извините, коллега, но я вас отключаю!»* - и после этого ставил уже хороший балл.

Анекдотическая и одновременно трагическая история:

На экзамене одна студентка на вопрос об инвагинации (специфическая форма заворота кишок), смущаясь, ответила, что это введение мужского полового члена во влагалище женщины. Профессор начал так безудержно хохотать, что вызванная бригада врачей скорой помощи не смогла вывести его из этого состояния, и он скончался от асфиксии. Ну как в романсе А.Даргомыжского (правда, по другому поводу) «...ей-ей умру от смеха!»

Был у нас еще один чрезвычайно скучный предмет, который назывался ветеринарно-санитарная экспертиза. Но вот практические занятия по этой дисциплине оказались самыми веселыми и долгожданными, поскольку проходили на Главном мясокомбинате Москвы. В те еще достаточно голодные годы они для нас были большим подспорьем. Два раза в неделю мы от души объедались вкуснейшими и до одури ароматными сосисками и колбасами, рамы с которыми выкатывались прямо из печи. Правда, в специальный цех с «кремлевскими» деликатесами нас

никогда не допускала сильно вооруженная охрана. И при выходе из комбината нас внимательно всех осматривали (но не обыскивали) - как бы что-нибудь не унесли с собой.

На последнем курсе в основном шли различные зоотехнические дисциплины.

Курсу разведения сельскохозяйственных животных я уже пропел хвалебную оду в первой части этого раздела. А в животноводческих циклах меня поражало только разнообразие выведенных селекционерами пород животных. Запомнились также яркие лекции профессора П.А.Мантейфеля по звероводству. Были также достаточно интересными циклы по кормлению животных (их вел профессор А.С.Солун – низенький, тщедушный мужчина), и по зооигиене (его вела жена Солуна - профессор К.А.Данилова – женщина красивая, но слишком дородная, которая раздражала наши слюнные железы тем, что в каждый лекционный перерыв поедала несколько больших, красивых и очень сочных яблок). Но вот уж совсем плохо я переносил циклы птицеводства, рыбоводства и пчеловодства, включающие и болезни этих животных.

В течении целого года, у нас был курс коневодства, который читал профессор В.П.Шноль. Лекции освещали историю коневодства, разведения различных пород лошадей хозяйственного, военного и спортивного назначения. А поскольку я всегда любовался этими грациозными животными (*«все мы, товарищ, немного лошади»*), то слушал их с большим интересом, и даже позволил себе купить дорогуший, но прекрасно иллюстрированный двухтомник, который так скромно и назывался – «Лошадь». В обязательном порядке нас обучали искусству запрягать и седлать лошадей различными способами, подковывать их. Необходимо было в кузнице выковать хотя бы одну подкову. С моим напарником, хорошим приятелем Ваней Кондрахиным, который по своему крестьянскому опыту умел это делать, мы выковали такую изящную подкову (заслуга, конечно, в основном его, я был только подручным), что подковывать лошадь ею не стали, а воспользовались какой-то другой. Нашу же подкову я забрал домой. Но потом она где-то затерялась в Удельной. (Здесь надо сказать, что в Магадане, а потом и в Рижском доме, над входной дверью у нас висит подкова, найденная на Колыме; и, может быть, именно она охраняет мою жизнь – вполне благополучную, даже счастливую, во второй ее половине). Но для получения зачета необходимо было получить хотя бы 3-й разряд по верховой езде. На эти тренировки я ходил с большим удовольствием. Мне и Ване Кондрахину, - из всей группы, удалось получить даже 2-й разряд. Но если Иван получил его потому, что хорошо умел ездить верхом, то я был здесь совсем ни при чем. Просто моя лошадь – уже пожилая, но еще вполне резвая кобылка «Звездочка», несмотря на мои попытки остановить ее, пошла и преодолела какое-то, необязательное для зачета, препятствие. Очень я за это ее благодарил и дал несколько кусочков сахара. На дипломной практике в совхозе «Раменское» и потом на Биостанции в Нансене это умение общаться с лошадьми очень мне пригодилось.

В 1952 г. состоялся последний набор курсантов на военно-ветеринарный факультет Академии. Эти курсанты естественно ходили в военной форме с погонами, на которые прикручивался медицинский значок в виде чаши с ядом и обвивающейся вокруг нее змеи – символа мудрости, такой же, как и на погонах у военно-медицинских врачей, только не желтого, а белого цвета. Нам очень нравились эти значки, и многие ребята привинчивали их к лацканам своих курток.

Возможно поэтому, нас не очень мучили «шагистикой», тактикой и стратегией, и даже обязательные для всех военные сборы в лагерях для студентов ветеринарного факультета не предусматривались. Но мне как-то это очень надоело, и однажды, в перерыве между занятиями по физико-химической защите я написал мелом на доске: *«вот суки, ну не дают работать мирному человеку»*, и сразу все стер тряпкой. Но кто-то из наших «партийно-военных» сокурсников тут же стукнул куда следует, и меня чуть не выгнали из академии. Но как-то все утряслось. Однако, с тех пор на военной кафедре ко мне относились настороженно, а заведующий кафедрой какой-то полковник военно-ветеринарной службы даже с нескрываемым презрением. Тем не менее, мне удалось сдать зачеты по всем военным дисциплинам (военно-полевая хирургия и терапия, химическая, радиационная и биологическая защита и др.), и получить звание младшего лейтенанта запаса военно-ветеринарной службы. (Это звание мне никогда не повышали, поскольку все призывы военкомата на очередные сборы я игнорировал, и по возрасту с удовольствием сдал военный билет).

Расскажу анекдотичную историю о студенческих военных лагерях.

Как-то мне пришлось тайком переночевать в таком лагере, расположенном недалеко от академии, у моих приятелей – студентов зоотехнического факультета – их-то, бедолаг, в отличие от нас, в такие лагеря забирали. Вечером (после отбоя) они, приспособив в палатке коптилку, на колченогой тумбочке, поставленной между железными койками, поначалу потихоньку пили водку (я тогда еще не пил), а затем довольно шумно стали играть в карты. На шум в палатку ворвался какой-то не очень владеющий русским языком и тоже заметно поддатый старшина, который командовал этой группой студентов. Все быстро попрыгали в койки, и свет коптилки успели потушить, но сделали это так неловко, что тумбочка зашаталась. Осветив фонарем палатку и увидев качающуюся тумбочку, старшина заорал – «Пачму тумба кувиркается»? - Молчание. – «Пачму, говорю, тумба кувиркается»? - Кто-то пробурчал: - «Потому, что Земля круглая». – «Пачему земля куруглая? Достать лопатки и сирить землю! Пириду, - проверю». - Тумбочку быстро водворили на место и все разлеглись по своим койкам. Появившийся где-то через час старшина, был удовлетворен «проделанной работой». – «Ну вот, а то» – сказал он и вышел из палатки. Утром меня тайно провели к месту, где доски в заборе раздвигались, и я, срочно покинув запретную территорию, спокойно уехал домой.

К этому времени в академии было открыто ветеринарно-биологическое отделение, но пока в рамках ветеринарного факультета. Я подал ректору заявление о переводе на это отделение. Но там пока что был только начальный курс и программа всего образовательного цикла еще только формировалась. Поэтому большую летнюю практику после четвертого курса, которую приравнивали к субординатуре, я проходил в ветеринарной лечебнице совхоза «Раменское». Она заключалась в массовой вакцинации животных на фермах, ежедневном приеме больных животных в лечебнице, родовспоможении коровам, ветсанэкспертизе, небольших хирургических операциях и т.д. В этой большой летней практике мы получили хорошие результаты при лечении диспепсии новорожденных телят, давая им небольшие дозы стрихнина и новокаина.

Помимо обязательных для практиканта дел, мною под руководством аспиранта кафедры патофизиологии Жени Пяткина была проведена большая научно-исследовательская работа, связанная с особенностями физиологии постнатального онтогенеза крупного рогатого скота. (Конечно, работа в этом направлении была индуцирована И.А.Аршавским. Как-то Илья приехал в совхоз и целую ночь провел в родильном отделении коровника, наблюдая отел коровы, вылизывание новорожденного теленочка матерью, его неловкие попытки встать на ножки, дотянуться до материнских сосков и пососать материнское молоко).

На большой практике. Вверху – мы с Женей Пяткиным записываем ЭКГ у теленка

Тогда же Женя Пяткин познакомил меня со своим школьным приятелем Сергеем Гроздовым, который закончил Медицинский институт и работал в АМНовском Институте биофизики. Это была знаменательная встреча. Судьба этого человека была весьма нелегкой. Его родители и дед (очень высокое духовное лицо) погибли в ГУЛАГе, и он остался только на попечении бабушки. Сережа был очень одаренной натурой. Помимо своих оригинальных биохимических идей, он неплохо исполнял на пианино классическую музыку (в основном Баха и Моцарта), а немного и сам сочинял, но самое главное, замечательно рисовал и писал прекрасные стихи. Он давал мне читать некоторые самиздатовские и тамиздатовские вещи (впервые я прочитал итальянское издание «Доктор Живаго», из-за которого Б.Л.Пастернак подвергся травле и не смог получить присужденную ему Нобелевскую премию). Часто мы встречали Новый год то у него в Раменском, то у нас в Удельной. Приведу несколько его стихотворений той поры.

ГДЕ-НИБУДЬ ПО НЕБУ ХОДЯТ АНГЕЛЫ

*Где-нибудь по небу ходят ангелы,
И носят в руках звёзды,
Пушистые и смешные, как одуванчики.
А на земле еще составляют отчёты,
Строят ясли и бомбардировщики,
Взрывают водородные бомбы –
В миролюбивых целях.
И из наблюдений ракет и радиотелескопов
Нельзя заключить, что
Где-нибудь по небу ходят ангелы,
С золотыми волосами и белыми-белыми крыльями,
И звёзды у них в руках - совсем как одуванчики
А на земле ещё много чертей,
Но людей больше, хотя они и глупые,
Но они когда-нибудь поумнеют,
И сквозь заросли лилий и интегралов увидят,*

*Как по небу ходят ангелы
И, смеясь, показывают нам звёзды,
Такие же пушистые, как одуванчики.
А я знаю об этом,
И знают ещё многие, такие как я .
Я видел речные лилии,
Качающиеся на струях заката,
Я слышал си-минорную мессу,
И ещё я видел одни глаза,
В которых было ясно написанию,
Что они – те, про которые я говорил, -
Ходят по небу...*

ЗВЕЗДЫ КАПЛЯМИ СЛЕЗ

*Звёзды каплями слёз
Покатились с осеннего неба.
Вчера был распят Христос
На планете в системе Денеба.
Жили люди там. Он их учил
Притчи семенем, молнией чуда.
Дал им веру, и зло обличил,
И опять его предал Иуда.
Ждал покорно судьбы он своей
Там, где пели растенья, как струны,
И в сплетеньи их тонких теней
Пламени чужие луны.
Вот враги уж со всех сторон,
Повели, пинки расточая,
И бесился синедрион
В богохульстве его уличая.
Доказали, что Он искони
Подрывает устои расы,*

*И горланили дико: "Распни!"
В гневе правом народные массы.
И уладить скорее рад
В высших сферах назревшую свару,
Умывает денебский Пилат
Скользких цупальцев верхнюю пару.
И легко, как назад много лет,
Снова дело свершалось злое.
Содрогнулись глубины планет,
И померкло солнце двойное,
Но не смолкнет средь искристых рос
Шаг Страдальца по кручам неба:
Завтра - вновь воскреснет Христос
На планете в системе Денеба.
И когда все миры наконец,
Каплям крови узнают цену –
Снимет Бог свой терновый венец,
Кончит путь по голгофам Вселенной.*

ЦЕРКОВКА

*Где и домик едва поместится,
На бугре, где редееет лес,
Куполами церковка крестится
На бездонную синь небес.
Как старушка с клюкой, одинокая,
Растерявшая всю семью,
Тихо молится с верой глубокою,
За Россию, за дочь свою.
Просит истово добрых святителей,
Дать ей мир, любовь, да совет,
Защитить от злых обольстителей,
От болезней, врагов и бед.*

*Где-то бродит она неприкаянной?
Чай забыла совсем обо мне? –
И мелькает слезою нечаянной
Луч лампады в резном окне.
И глядит, притаив дыхание,
На заре оклад золотой,
Где прислушался с состраданием
Царь Небесный к молитве той.*

ДОРОГА. ОБРАТНО

*Всё те же мокрые сосны,
Та же грусть дороги пустынной,
Всё тот же безумный месяц
За мной по ветвям крадётся.
Все те же длинные тени
За стволами вздыхают глухо,
Всё те же огни мерцают
Вдали сквозь туман осенний.
Но у месяца - нет больше сказок,
Никуда не ведёт дорога,
А среди огоньков не ищешь
Одного, что всех ярче казался.*

Теперь вернусь к моей исследовательской работе во время практики.

Законченную и напечатанную работу я озаглавил весьма витиевато - «К анализу изменений некоторых физиологических отправления в постнатальном онтогенезе у крупного рогатого скота в норме и патологии». С готовой работой я пришел к ректору В.М.Коропову. Он ее внимательно просмотрел и высоко оценил. Я спросил его, нельзя ли мне вместо ряда обязательных госэкзаменов по клиническим дисциплинам, представить ее в качестве дипломной работы. Он ответил: - «За всю историю академии такого еще не бывало. Ну, давай попробуем это пробить». По моим следам к ректору пошел с такой же просьбой и Миша Немец, выполнивший (так же под эгидой профессора И.А.Аршавского) интересную работу на еще не родившихся плодах коров. Он тоже получил высокую оценку работы и разрешение оформить ее в качестве дипломной. Обе работы были доложены на межвузовских студенческих конференциях в Москве и Ленинграде, были отмечены как наиболее интересные и опубликованы в Сборниках студенческих работ академии. (Много позже, когда я уже работал в институте психиатрии, моя статья с результатами этих исследований была опубликована в «Физиологическом журнале», что вызвало ехидный смех многих сотрудников нашего «сумасшедшего дома»).

Вот таким я закончил Академию

Но В.М.Коропов тогда был уже неизлечимо болен и, очевидно, ощущал близость смерти. Поэтому он уже не очень вникал в руководство академией, и действительно вскоре умер, незадолго до завершения нашей учебы.

Новым ректором стал биохимик профессор С.И.Афонский, который ни о каких дипломных проектах и слышать не хотел. И защита наших работ так и не состоялась, а пришлось сдавать госэкзамены. Кое-как одолев их, я получил диплом ветеринарного врача.

Но врачом я все, же не стал!

Встречаемся мы курсом раз в 5 лет летом в академии.

Одна из первых встреч нашего курса

многочасовой, иногда до глубокого вечера, пьянке). И каждый раз поминаем тех, кого уже нет с нами. А таких уже, очень много. Поэтому, очевидно, с каждым разом эти встречи становятся все малочисленнее, и еще малочисленнее. Но те, кто приходят, выглядят еще бодренькими, и кажется, (как в любимой поговорке моего друга Сережи Ковалева) «основной наш диагноз – год рождения».

Организовывают эти встречи в основном те, кто остался работать на кафедрах и в лабораториях Академии, и Институте экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ), расположенном по соседству через лесок в замечательном парке у пруда в старинно барском доме со львами. А таких после распределения, оказалось достаточно много. Смотрим на себя, стареющих, иногда даже не сразу узнаем друг друга, и рассказываем о своих успехах (это на официальном часе), или провалах (это уже в

Ну и, чтобы закончить рассказ об академии позволю вставку **о моих влюбленностях**.

Еще в школе безумно влюбился в Галю Молодцову, учившуюся классом старше. Таскал цветы, ночами пел у калитки на берегу Малаховского пруда разные песни, романсы и арии («*Ой Галина, ой дивчина...*»). Бывал у нее дома, и иногда прогуливались вечерами в роще вдоль Малаховского пруда, но боялся даже притронуться к ней. Она вышла замуж за дипломата.

На первом курсе влюбился снова в студентку зоофака Лялю Виттинг. Подгадывал электричку, которой она с группой однокурсниц приезжала из Москвы, и просто шел за ними от станции Вешняки до академии, но боялся даже заговорить. Как-то все же решился. Но мои пылкие признания и долгий разговор с ней привел только к тому, что я стал вполне желанным членом всей этой группы девиц, а с Лялей мы дружим до сих пор.

На четвертом курсе в лаборатории у Ильи, которую я иногда посещал и учился экспериментальной работе, втюрился в молодую сотрудницу Инну Гохблит. Вдвоем мы часто ходили по художественным выставкам, а как-то затащились в подвал, где была мастерская (да и жилье) Степана Эрзи, с которым я был знаком еще раньше, и восхищался его скульптурой по дереву. Но чаще мы бывали в консерватории и в зале Чайковского на симфонических и камерных концертах. Были на концертах симфонических оркестров под управлением дирижеров Рахлина и Тимерканова, исполняющих произведения Рахманинова, Скрябина, Бетховена, Паганини, Вивальди, Реквиемы – Моцарта и Верди, и Си-минорную мессу Баха, Шостаковича, и начинающего Шнитке. Ходили на фортепьянные концерты уже совсем старенького Гольденвейзера и еще молодых Нейгауза, Гилельса, Рихтера, Клиберна, слушали Ойстраха, Когана, Растратовича и еще совсем мальчишку Башмета. Из певцов любили Обухову, Гмырю. Реже бывали в опере - Хованщина, Борис Годунов, Русалка, Садко, Аида. А вот хор А.В.Свешникова, и только народившийся хор В. Минина, которые я очень любил, ей почему то не понравились. Говорили мы о многих самых разных вещах, но, опять же, боялся к ней даже притронуться. Кончилось все тем, что она влюбилась в другого, тоже замечательного парня из той же лаборатории Игоря Корниенко. Возможно, этому способствовали и значительные внутрилабораторные разногласия Игоря и Инны с Ильей Аркадьевичем. Я сильно переживал, даже ночью иногда плакал, писал длинные письма, по ночам носил охапки цветов и клал на крылечко ее дачи в Красково, а однажды днем приехал из совхоза «Раменское» на бричке, запряженной замечательно красивой лошадкой, и попытался завести разговор. Но все было напрасно. И почему-то до сих пор, при редких случайных встречах, мы даже уже не здороваемся, и ни о чем уже не разговариваем.

Вот мои безответные «любовницы»! Кто есть кто?

Но когда это мое горе еще не притупилось, через какое-то время я встретился с Леной Полонской-Коган, которая была постарше меня и куда как более опытной, и она утешила меня. Это было какой-то отдушиной, но вскоре я уехал работать в Нансен, думая, что наша связь уже прервалась, но Лена приехала ко мне с уже достаточно заметным животиком, и быстро поменяла фамилию – стала Аршавской.

А вот и Лена

Поиски настоящей работы

Знакомый с моей «дипломной» работой физиолог ВИЖа (Институт животноводства) профессор С.З. Синельников предложил мне работу в его отделе, и в Академию была послана заявка о распределении в этот институт. Но эта заявка никакой роли не сыграла, и комиссия по распределению направила меня в леспромхоз в республику Коми. Я спросил, что это за хозяйство, и что я там должен делать? Ответили, что там 10 лошадей и около 50-ти свиней. Я рассмеялся и сказал, что с таким хозяйством легко управится и фельдшер, и отказался подписывать листок о распределении.

На все же в эту северную республику я съездил, но не в леспромхоз, а в Коми Пермский заповедник к Георгию Георгиевичу Шубину, - брату замечательного доцента кафедры патофизиологии Академии Марии Георгиевны Шубиной. Он занимался очень интересной проблемой – одомашниванием лося. Разговор состоялся увлекательный, и мне понравилась эта работа, но попытки Г.Г. устроить меня в Заповедник встретили полное непонимание начальства, хотя их ветеринарный врач был уже очень старенький и собирался уходить на пенсию. А жаль – работа была интересная.

После этого я поехал поискать счастья в Кишинев. Зав. кафедрой физиологии Илья Моисеевич Вул, у которого я и остановился, тоже предпринял отчаянные попытки куда-то меня пристроить, но не в Молдавском университете, ни в сельскохозяйственном институте места не нашлось (скорее всего, опять не потрафил начальству). Но зато фруктов поел и попил замечательного вина вдоволь, и чудесно поездил по Молдавии. Была мечта доехать до Одессы, но денег не хватило. Так я в этом чудесном городе никогда и не был.

Мама узнала, что где то в Саратовской области открылась какая-то биостанция, принадлежащая Министерству сельского хозяйства. И вот в течение целого месяца мою судьбу решали два замминистра – сельского хозяйства и лесного хозяйства. В этом споре удалось победить Министерству сельского хозяйства. И с новым распределением в кармане я поехал в Нансен, где находилась Научно-исследовательская биологическая станция.

Нансен

Это оказалась уже не Саратовская, а отделившаяся от нее Балашовская область. Биостанция, куда я был принят младшим научным сотрудником в отдел животноводства, находился в 10-ти км от железнодорожной станции Аркадак, недалеко от замечательной реки Хопер. Сам небольшой поселок биостанции, носивший гордое название Нансен в честь Фритьофа Нансена, организующего в 20-е годы сбор средств в помощи голодающим Поволжья, располагался на небольшой горке, под которой через небольшую речку находилась деревня Ростоши. Это степная полоса, а лесополосы посаженных деревьев отделяют участки арбузных бахчей и полей, засаженных пшеницей, сахарной свеклой, но чаще всего кормовыми травами, в основном клевером и люпином, идущими на силос для скота. Лето здесь было сухое и жаркое, а зима очень снежная и ветреная. Помню, как однажды, в очень сильную пургу, когда сквозь сплошную снежную стену не было видно ближайших заборов, не мог найти знакомой тропинки в лабораторный корпус. Случайно наткнулся на угол крайнего к полю дома, и дальше шел согнувшись, чтобы видеть следы на снегу, которые почему то не заметались ветром. Еще бы шаг в сторону и угодил бы в бескрайнюю степь. Когда пришел в лабораторию, то долго не мог очистить карманы своей куцей шубейки от спрессовавшихся в них комьев снега.

До войны Нансен был большим поселением немцев (но не в пределах республики немцев Поволжья) с красивыми аккуратными белыми домиками, окруженными цветниками и замечательными фруктовыми садами. Но после депортации немцев эти дома были разрушены, а сады срублены. (Интересно, что, несмотря на целый отдел

садоводства, который пытался возродить эти сады, ни единого яблочка или груши на саженцах я не видел – все пожиралось какими-то вредными насекомыми).

Об этом мне много рассказывали родители моего лаборанта Толи Дитте, которым вместе с небольшой частью немцев было разрешено вернуться из Казахской ссылки на прежнее место жительства. С этим семейством я сдружился. Толя, который был студентом физического факультета Саратовского Университета и по каким-то причинам ушедший в академический отпуск, оказался очень приятным молодым человеком. Он был полиглотом, и помимо двух родных языков – русского и немецкого, прекрасно владел английским, французским и испанским. А еще изучал португальский, и поскольку прямой связи тогда с Португалией не было, ему из ФРГ через ГДР прислали португальско-немецкий словарь, учебник и несколько художественных книг на португальском языке. А еще Толя замечательно играл на гитаре и хорошо пел мои любимые песни.

В этом немецком семействе мне впервые довелось испробовать арбузный самогон, но поскольку тогда я еще не пьянствовал, то только лизнул его и мне страшно не понравилось. А делался он так. В зрелом арбузе вырезалась дырка, в которую наливалась столовая ложка спирта, засыпалось немного сахара, и вставлялась палочка дрожжей; затем арбуз закрывался вырезанной коркой, плотно заматывался тряпкой и зарывался неглубоко в землю; через месяц арбуз откапывался, распеленывался, и крышечка открывалась; вместо арбузной мякоти в нем образовывалась мутная жидкость, которая процеживалась через марлю, и получался крепчайший самогон (скорее эту гадость можно было назвать брагой).

Я упросил директора биостанции отпустить Толю в отпуск на две недели, и он съездил на первую в Москве Американскую выставку. Вернувшись полный впечатлений, он много рассказывал об американских «чудесах», а мне с этой выставки подарил замечательную репродукцию с гравюры неизвестного мне американского художника. И эта черная слеза всю жизнь сопровождает меня, и оплакивает мой неумный характер и на работе и дома.

Первую ночь на биостанции я сидел на крыльчке дома и вдруг увидел небывалое для этих мест необычное атмосферное явление - северное сияние. Оно было очень слабым, едва заметным, но разноцветные волны на небе все же просматривались достаточно определенно. Убедился я в этом только на следующий день, прочитав областную газету.

Вот с этого предзнаменования и началась моя работа.

Первые несколько дней я жил в радиоузле, но потом переселился в маленькую комнату, скорее чуланчик, дома одинокой симпатичной старушки. Она была удивлена, что я питаюсь одними пельменями (кстати, совсем невкусными – их содержимое мясом и не пахло), которые покупал в местном магазинчике. Понаблюдав это несколько дней, хозяйка спросила, не слиплись ли у меня кишки? И предложила мне за весьма небольшую плату готовить обед. Каждый вечер, когда я с работы приходил в этот дом, старушка произносила дежурную фразу, поначалу изрядно меня смущавшую, - «*Виктор Вульфович, ешьба на столе!*»! И действительно, эти обеды были куда вкуснее магазинных пельменей.

Директор станции предложил мне самому сделать внутреннюю отделку половины уже готового сруба дома с печкой, отделяющий комнату от малюсенькой кухни, и первое время я в основном только этим и занимался – покрывал дранкой стены, штукатурил, красил, не имея ни малейшего опыта в строительном деле. Получилось не очень красиво, но жить было можно. И я переехал в эти «хоромы».

Поначалу работа показалась мне очень интересной. Исследовалось применение кормовой добавки Ауркорм-2 (отходы производства биомидина) в свиноводстве. Действительно, зоотехнические показатели роста поросят оказались очень хорошими.

Большую часть рабочего времени я проводил не за столом в отделе животноводства, а на ферме, а так же в библиотеке, просматривая литературу по этому вопросу, или в биохимической лаборатории, которой заведовала Александра Ивановна Гончарова.

А.И. была очень интересным человеком, и ее рассказы слушать было сплошное удовольствие, тем более, что и жили мы по соседству, в одном доме, и на этой почве водили дружбу, продолжающуюся потом еще много лет. (С остальными сотрудниками станции – в основном ярыми приверженцами бредовых идей Т.Д.Лысенко, разговаривать было не о чем, и дружеских связей не сложилось).

↑ В лаборатории биохимии.
← Александра Ивановна у дома -
правая дверь в ее жилище,
а левая – в наше.

Эти биохимические исследования показали, что быстрый рост поросят происходит за счет жировой, а не мышечной ткани. Но все поставило на свои места разразившаяся эпидемия чумы свиней (она совпала с пандемией гриппа, которой тяжело переболело много сотрудников биостанции, в т.ч. и я). Заболевание и падеж подопытных поросят был почти поголовным, в то время как среди контрольных животных, клетки которых находились рядом в том же помещении, заболевание не возникало или протекало значительно менее агрессивно. Исследование показало катастрофическое снижение фагоцитоза (а другой иммунологии в то время и не было). В одном полинуклеаре (белых кровяных клетках) у поросят, получающих Ауркорм, было обнаружено всего 2-е - 3-и кишечных палочки, вместо обычных 20-ти – 25-ти у контрольных животных. Такие же неутешительные результаты были получены не только на наших опытных фермах, но и в других хозяйствах, где мы пытались применить этот препарат, и куда я часто наезжал на своей лошадке Орлике, запрягая его в сани зимой, в бричку летом, а иногда и разъезжая верхом. А однажды, мы совершили опасное путешествие, переправившись в один подшефный совхоз через широко разлившийся в половодье Хопер на утлой плоскодонной лодочке.

Жаркие споры о пользе и вреде Ауркорма с директором и непосредственно моим шефом Константином Михайловичем Солнцевым (зоотехником по образованию) привели к моему отъезду из Нансена через 2 года вместо обязательных по распределению 3-х лет. Через несколько лет, когда начали появляться многочисленные работы не о пользе, а о вреде добавления в корм животных антибиотических добавок, мы с Женей Пяткиным, тщательно пересмотрев и обсудив этот мой материал, опубликовали статью в журнале «Животноводство». На эту статью К.М.Солнцев, будучи уже директором ВИЖа в подмосковном Подольске, откликнулся следующей фразой: «Ну, этого скандалиста Аршавского я знаю, но кто такой Пяткин?», при этом не словом не обмолвившись о том, что эти исследования были первыми.

Но за эти 2 года, используя частые командировки в Саратов к нашим научным консультантам на Биофаке Саратовского Университета, я успел пройти курс Большого практикума по физиологии.

В Нансене мне впервые пришлось опробовать свои педагогические способности. Дело в том, что там открыли вечернюю школу, а преподавателей не хватало. И директор школы сам преподаватель математики, решил выйти из положения, пригласив сотрудников биостанции. Они сразу заняли место преподавателей биологии и химии, а мне предложили взять физику и математику. От последней я отказался категорически, а на физику согласился, но при условии, что уроки анатомии и физиологии в старших классах тоже отойдут мне. Конечно, это был рискованный эксперимент, но все обошлось благополучно. Уже взрослые, часто женатые ребята неплохо сдали экзамены, а я заработал два года педагогического стажа.

В Нансене был клуб, в который два раза в неделю привозилась какая-нибудь старая кинокартина, которая показывалась по частям, с перерывами на перематку пленки. Афиши о кино писались от руки абсолютно безграмотным «кинщиком». Привожу одну из них. «Сегодня вечером в 7 часов будит показан фильм - «Дон Сизон ди Бизон». После этой афиши я перестал ходить в клуб. (Аналогичный случай произошел уже в Риге. Соседи предложили билеты в театр на спектакль «Бабий закат». Оказалось, что спектакль назывался «Закат» по одесским рассказам И.Бабея).

Изредка всем коллективом станции устраивались пикники в лесополосу. Вот один из них.

Здесь на фолтографии я выгляжу самым пьяным, хотя все другие пили чистый спирт, а я в рот не взял ни капли, поскольку еще этого делать не умел.

Но, конечно, самым главным событием в Нансене было рождение Лильки. По срокам уже должны были наступить роды, но Лена чувствовала себя хорошо и вроде бы и не собиралась рожать. Однажды, в обеденный перерыв я зашел домой, что случалось не часто, и Лена стала жаловаться на непривычные боли в животе. Пока я искал машину, чтобы отвезти ее в Аркадак в роддом, пока собирались сотрудники, которые должны были ехать в том же направлении, ну и пока машина ехала по не очень хорошей, с многочисленными ямами грунтовой дороге, прошло часа полтора. Лена не высказывала никакого беспокойства, и женщины, ехавшие в машине, говорили, что мы рано забеспокоились, и до родов еще не менее нескольких дней. Нас высадили у роддома, а машина уехала дальше отвозить людей по делам. Я сел на крылечко роддома, а Лену увели в родильное отделение. А уже через полчаса мне через окошко показали дочку, закутанную в пеленку. Девочка оказалась очень маленькой и весила всего 2 килограмма и еще 350 граммов - по акушерским нормам недоношенный ребенок. Но докторица оказалась мне хорошо знакомой и пустила меня в палату. Я посмотрел рефлексы – все на месте, и Бабинского, и пяточный, и хватательный, что проявляется только у полностью доношенного ребенка, ну а небольшой вес – так такой уж и родилась. Я успокоился и попросил сразу же приложить ее к материнской груди, сказав, что внучка Аршавского и должна вскармливаться по системе Аршавского. Возможно, с перепугу, они так и поступили, в нарушение всех имеющихся у них инструкций.

Когда машина, где-то через пару часов, вернулась, меня спросили – «Долго ли ты собираешься здесь еще сидеть»? Я ответил – «Да нет, поехали; я уже папа»!

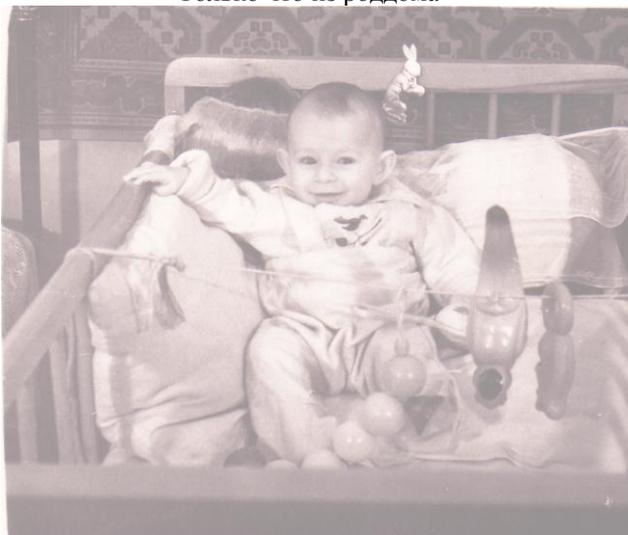
Поначалу Лиля очень быстро развивалась. Рано встала на ножки, рано пошла. Редко капризничала и очень много болтала на своем тарабарском языке. Первое слово сказала «папа», а второе – «мама».

Только что из роддома

Уже сама переворачивается

Сидит в кроватке

А вот уже стоит

А вот уже и ходит

стала кукситься, - очевидно, захотела есть. И я, сдуру, помазал ей губки этой гадостью. Эффект был неожиданным. Она не плакала, а, выпитив губки, стала громко орать, явно требуя еще. Так продолжалось до Лениного прихода, пока она не дала ей грудь. Ничего себе шуточки!

А еще раньше, чем ходить, в 6 месяцев она произнесла первую осмысленную и вполне понятную фразу. Случилось это так. Ночью через решетку кроватки просунула руку и начала стаскивать с меня одеяло. Я вскочил, зажег свет и увидел ее стоящей в кроватке. И здесь она выдала: «Папа – Лиля – бай-бай – нись». Все абсолютно ясно.

Как то в магазин неожиданно завезли редкое здесь пиво, и я принес домой небольшой бидончик. Лена ушла в кино, а я пас ребенка и попивал пивцо. Вдруг Лилька

Но позже в ее развитии произошел какой-то обвал. Она ничем не болела, не очень капризничала и вроде бы, с нашей точки зрения, «нормально» ела. Лена кормила (или ей казалось, что кормит) ее грудью, делали соки, натирали морковку и яблоки, я варил необходимые каши и приготавливал кефир из специального грибка. Но ела она с неохотой, и все с большей, и большей. Перестала ходить (прогуливал ее в коляске), стала какой-то грустной, мало улыбалась и почти перестала не только разговаривать, но и гулить.

Я срочно взял отпуск и отвез ее с Леной в Удельную. Бабушка ужаснулась ее виду и срочно начала ее кормить, а ложку с той же самой кашкой, Лилька буквально вырывала у нее из рук. Выходит, она просто здорово недоедала. Почему наша еда ей не нравилась, а бабушкина пришлась по вкусу, осталось неразгаданным. А может в этом был повинен целительный воздух Удельной?! Ну и ребенок быстро нагнал упущенное, рос вполне здоровым и развитым ребенком и без капризов пошел в детский садик.

Я вернулся на биостанцию. И каким счастьем оказалась для меня возможность через пару месяцев бросить там незавершенную работу и возвратиться в Москву.

Первый промежуточный период

Поначалу работы не было, хотя я активно ее искал. Марк Шик привел меня в 52-ю больницу, на базе которой располагался организующийся для Сибирского отделения АМН Научно исследовательский институт экспериментальной биологии и медицины (НИИЭБИМ), руководимый кардиохирургом академиком Е.Н.Мешалкиным.

В лаборатории, руководимой Виктором Семеновичем Гурфинкелем, я познакомился с некоторыми новыми методиками исследования сердца – баллистокордиограмма, эхокардиограмма - и методикой регистрации тремора, которая в дальнейшей работе мне очень пригодилась. Там же я видел демонстрирующуюся на большом киноэкране, тогда совсем новую, операцию ангиопластики коронарных сосудов сердца. В.С. был очень веселым человеком, отпускающим шутки по любому поводу. Каждый день он рассказывал несколько великолепных новых анекдотов. Как-то, придя с какого-то совещания в дирекции, он заявил: *«Вот получил очередную овцу»*, а на наши вопросы по поводу того, что это такое и когда будем есть шашлык, он ответил: *«Это - Очередной Вытык и Ценные Указания!»*

Поскольку институт уже несколько лет готовился к переезду в Новосибирск и все не переезжал, то В.С. придумал для него другое название – вместо НИИЭБИМ - *«Ни ебим – ни едем»*. Он предложил мне подать заявление о приеме на работу в их лабораторию. Но пока это заявление долго ходило по отделам кадров АМН в Москве и Новосибирске, стало ясно, что туда они едут совсем ненадолго. Виктор Семенович тогда уже вел переговоры с И.М.Гельфандом о создании лаборатории в Институте биофизики, в которой ему предлагалось заведование.

Но пока суть да дело, надо было зарабатывать хоть какую то денежку, и подвернулся Научно-просветительный Уголок им. В.Л.Дурова.

Дурацкий Угол

Приняли меня в Угол на странную должность научного сотрудника. В мои обязанности входило: лекции для студентов различных биологических факультетов, разбор архива В.Л.Дурова и проведение экскурсий для многочисленных посетителей в особенно напряженные выходные дни.

В.Л.Дуров действительно был хорошим дрессировщиком, разработавший и впервые применивший т.н. «вкусопоощрительный» метод дрессировки. Суть этого метода заключалась в том, что животных дрессировали для выступления на цирковой арене с неестественными для их поведения номерами не с помощью жестоких, болезненных приемов (в основном с использованием плетки), а добивались этого, используя их естественные двигательные навыки. Это было более «гуманное», но не менее издевательское ухищрение – не давая им какое-то время пищи и предлагая «лакомство» за правильно выполненный трюк.

Но В.Л. был не только гениальным дрессировщиком и блестящим цирковым артистом. Его интересовала и «наука». И не случайно его дом после смерти был назван не музеем, а «Научно-просветительный Уголок им. В.Л.Дурова». Он утверждал, что «внушает» свои мысли животным, и они, воспринимая их, выполняют правильные действия. При этом он демонстрировал это настолько убедительно, что ему удалось обмануть двух академиков – Владимира Михайловича Бехтерева и Александра Васильевича Леонтовича. Старый служитель Уголка, работавший еще при Дурове, рассказывал, что перед этими демонстрационными сеансами «внушения» ему было велено втирать собакам в кожу какой-то порошок. В.Л. утверждал, что у собак есть цветное зрение. На это академик Л.А.Орбели отреагировал так: *«Если этому жулику удалось обмануть Бехтерева и Леонтовича, то меня-то он не обманет»*. Еще Дуров утверждал, что ему удалось обучить любимую им шимпанзе произносить некоторые человеческие слова, хотя известно, что голосовой аппарат обезьян не способен к этому.

Разбирая архив Дуровых, мне удалось обнаружить некоторые удивительные документы о склочных и завистливых отношениях двух родных братьев, гениальных цирковых артистов Дуровых – Леонида Леонидовича и Владимира Леонидовича. В одной газетной заметке, подписанной Л.Л., утверждалось, что В.Л. сам не дрессировал морских львов, а купил их у него, и теперь выдает за своих. Поразили и многочисленные странные смерти некоторых других Дуровых. Читаешь, ну как детективные криминальные истории.

Попалась и такая смешная афиша 20-х годов, выполненная на толстой оберточной бумаге грязно-розового цвета: *«В связи с открытием первого московского крематория организуется просмотр диапозитивов о новом культурном методе погребения. Вход 20 копеек, солдатам, беременным женщинам и детям – бесплатный. Организатор мероприятия Сергей Дуров»*. (Это бывший неудачный дрессировщик из этой большой и разветвленной династии).

При мне художественным руководителем Уголка была Анна Владимировна - дочь Владимира Леонидовича, дама вздорная и амбициозная, которую мы прозвали «Дуриха». А ее племянница Наталья Юрьевна, будущая создательница большого Театра зверей, дама с таким же заносчивым характером, работала тогда дрессировщицей, и ее любимая гиена откусила ей два пальца на руке.

В Углу я был свидетелем удивительных дружеских отношений двух разных животных. – еще далеко не очень старого слона и находящегося уже в преклонном возрасте верблюда. Их вольеры находились рядом, и можно было наблюдать, как часто они любовно смотрят, ласково прижимаясь друг к другу, а на прогулуах по улицам важно выхаживают чинной парой. Неожиданно слон умер, а верблюд стоял над его телом, и из его глаз капали громадные слезы. Когда тушу слона увезли, верблюд категорически отказался есть, и через несколько дней тоже умер.

Однажды в Угол ворвалась большая группа киношников. Они снимали часть какого-то художественного фильма, кажется «Русский сувенир» (я его не видел, но говорили что

очень плохой). В роли главной героини снималась Любовь Орлова, и этой даме в качестве гримерной приглянулась моя малюсенькая комнатенка. Мужчина ее сопровождающий, довольно грубо потребовал освободить помещение, а мадам, даже не поздоровавшись, и вообще не сказав ни слова, сдвинула на столе мои бумаги и стала вынимать из сумки свои бебихи. «Звезда кино» мне не понравилась своей заносчивостью. Поначалу, я сделал вид, что расстроился, но потом плюнул, и пошел в кино на какой-то очень хороший фильм (уже не помню какой).

В Углу я пытался проанализировать различия, записанных на магнитофон "речей" говорящего» черного ворона и тех же самых слов, произносимых экскурсоводом. Но такой анализ выглядел каким-то невразумительным, и это дело я бросил. К тому же на детальное продумывание эксперимента и времени уже не осталось.

Но год, проведенный мною в Углу, был вполне веселым, что и видно на этих плохих фотографиях.

В уголке В.Л. Дурова

В нижнем ряду слева Лора Дыкман.

Лора Дыкман, которая работала до меня на этой должности, предложила прозондировать почву в лаборатории электрофизиологии Института психиатрии, где она была младшим научным сотрудником.

Вот так я и попал в свой сумасшедший дом.

Когда я был в сумасшедшем доме

С этой присказки я всегда начинал рассказы о работе в Институте психиатрии и у слушателей на лице часто видел недоумение и сочувствие.

Решение о моем зачислении в лабораторию электрофизиологии на должность младшего научного сотрудника Института психиатрии, который находился на Преображенке на самом берегу Яузы, на территории психиатрической больницы им. П.Б.Ганушкина, подписал В.М.Банщиков очевидно в последний день своего директорства. Во всяком случае, вышел я на работу в самом конце 1960 г., кажется в один день с новым директором Д.Д.Федотовым.

О Д.Д.Федотове пожалуй лучше всего написал Юрий Савенко в Независимом психиатрическом журнале (2008, IV, с. 11-12) в связи со 100-летием Дмитрия Дмитриевича.

«История советской психиатрии — это не только история репрессий и уничтожения целых научных направлений — психологического, психогигиенического, клинико-феноменологического, психоморфологического, сомато-инфекционного. Это, прежде всего, история всякий раз опережающих свое время творческих взлетов.

Среди собирателей и строителей отечественной психиатрии в этой тяжелой атмосфере почетное место принадлежит Дмитрию Дмитриевичу Федотову.

Это был выдающийся организатор психиатрической службы и выдающийся гуманист, а быть гуманистом в то время было просто опасно. Это не только противоречило идеологическим установкам, но озлобляло чуждых этому людей.

Мужественная красота и благородство его облика, необыкновенно выразительные добрые глаза не были обманчивыми. Такой была вся его натура, и это чувствовали на себе все вокруг. Даже когда Д.Д. был вынужден следовать предписаниям свыше, предписаниям, часто далеким от праведности, он это делал так сочувственно-проникновенно, что нейтрализовывал горечь отказа или увольнения. Я был свидетелем, какое впечатление вынесла из такого сообщения Блюма Вульфовна Зейгарник. Она была в большей мере впечатлена человеческой реакцией Д.Д., чем фактом ухода в консультанты из созданной ею знаменитой лаборатории экспериментальной патопсихологии.

Д.Д. был чужд этническим предрассудкам и политическому догматизму.

Он был от природы созидателем, был открыт всему новому. При нем Институт достиг своего асте (наивысшей точки). ... Это было созвездие замечательных ученых, работающих в Институте психиатрии: С.Г.Жислин и И.Г.Равкин, Л.Л.Рохлин и Д.Е.Мелихов, П.Б.Посвянский и А.С.Ремизова, Р.Г.Голодец и И.И.Лукомский, Г.Е.Сухарева и Н.Ф. Шахматов, А.Г.Амбрумова и Б.М.Сегал, Г.Я.Авруцкий и Ю.С.Николаев, Т.И. Гольдовская и А.И.Белкин, В.П.Эфроимсон и Б.В. Зейгарник, Э.С.Толмасская и Л.С.Ландо, и мн.др. Многопрофильность Института содействовала взаимному обогащению и удивительной творческой атмосфере, выигрывая отлучая НИИ психиатрии от академического института, занятого исследованием одной шизофрении, и уберегая от ее гипердиагностики.

Как аспирант Д.Д. в 1963 - 1966 гг., а затем ст.н.с. с 1968 г., я был свидетелем, как расцвела при Д.Д.Федотове Института, так и драматических обстоятельств его ухода в силу кулуарных интриг. Нельзя игнорировать такие обстоятельства: они открывают многое и в человеке, и в его окружении. Творческой, жизнеутверждающей натурой Д.Д. оставался и в постигших его злключениях, даже в мрачном подвале Института им. Склифосовского. Здесь он создал токсикологический центр для суицидентов и организовал творческую группу исследователей.

Доброта, благородство, щедрость, личное участие и забота о каждом сотруднике, активная деятельная помощь, неизменная творческая организаторская активность были в нем неизменны. Им пользовались, его предавали, а он из всего пытался вырастить что-то достойное. Д.Д.Федотов является для меня одним из наиболее впечатляющих примеров выдающейся роли персонального фактора в любые времена и в любом месте».

Д.Д.Федотов – 1960 г. – начало работы

Д.Д.Федотов, 1969 г. – конец работы

На Ученом совете.

(В нашей лаборатории был единственный в институте эпидиаскоп, и я на всех заседаниях демонстрировал слайды – кажется внизу моя голова).

Бывший директор Института В.М.Банщиков очевидно, был хорошим, справедливым человеком, поскольку в институте собралось необычно много для того времени евреев, которых выгнали из других учреждений. Так, почти всеми клиниками и лабораториями заведовали евреи, а уж сколько их было среди рядового состава и перечислить затрудняюсь. Возможно, это было какое-то негласное соглашение – ведь надо было куда-то трудоустроить людей с хорошей репутацией и специалистов высокого уровня. Но на молодых людей, еще никак не зарекомендовавших себя в науке, это соглашение почему-то тоже распространялось.

Первый же день моей работы ознаменовался необычным происшествием. Дело в том, что заведующий одной из лабораторий проконтактировал с человеком, вернувшимся из Индии, и подхватившим там чуму. Сотрудники нескольких лабораторий – человек двадцать, - были срочно собраны в одной из них и заперты на карантин. Кормили нас не больничной едой, а приносили ее из институтской столовой (кажется, в счет нашей зарплаты). Но за эти две недели был опустошен весь месячный запас спирта всех пострадавших лабораторий. Так что было не очень скучно, и карантинный срок мы провели достаточно весело.

Лабораторией электрофизиологии заведовала профессор Эсфирь Семеновна Толмасская – человек легендарный со времен войны, где она работала нейрохирургом и спасла жизнь очень многим людям, раненым в этой мясорубке.

Я прошел курсы по электрофизиологии, а практическую работу (запись и анализ ЭЭГ больных различными психическими заболеваниями), бдительно контролировала Э.С. На первых порах мне активно помогала Лора Дыкман.

Лариса была в лаборатории самым близким мне человеком и только ей я полностью обязан тем, что успешно освоил эту электроэнцефалографическую премудрость. Но затем она тяжело заболела. Я получал за нее зарплату и, предварительно позвонив, отвозил ей домой.

Однажды, в телефонном разговоре, Лора попросила меня поехать и поискать ей на лето дачку в районе станции Левобережная в Замоскваречье. Место красивое и хозяева, как мне показалось, запросили недорого, но надо было внести небольшой задаток, кажется 20 или 30 рублей. Я оставил просимый задаток и поехал к ней домой отдать остаток ее зарплаты и сообщить о даче. У нее, очевидно от болей, было очень плохое настроение, и она заявила, что я не вправе был отдавать задаток, поскольку о нем никакого предварительного разговора не было. На следующий день поехал на эту злополучную дачу, чтобы получить назад внесенные деньги, но хозяева заявили, что залог был оговорен в договоре, который я нарушил, и денег они не отдадут. Когда я рассказал об этом Ларисе,

она промолчала, а ее родственники и знакомые обвинили меня в том, что эти деньги я попросту присвоил.

Я хотел вернуть эти злополучные деньги с одной из своих зарплат, но вскоре после этого Лора умерла. Ее подруги позвонили мне и сказали, чтобы я не вздумал приезжать на похороны, иначе меня со скандалом прогонят или даже избыют.

Потом на общем собрании Института разбиралась эта история, но моей вины не было обнаружено. Однако я не могу забыть эту историю до сих пор, и по сей день переживаю. Мир праху твоему, Лариса Михайловна. Хорошим ты была человеком. Бог, он все простит.

Помимо клинико-диагностических исследований Э.С.Толмасская требовала выполнения и экспериментальной работы на животных, в основном связанной с эпилепсией, психофармакологией, а так же функциональными отношениями различных отделов мозга. В изучении физиологии мозга Э.С. была весьма амбициозна и считала себя первооткрывательницей многих новых направлений исследований, из-за чего иногда возникали некоторые неудобства и неприятные трения с сотрудниками. Но все же я очень благодарен ей за то, что она первая направила мой интерес в сторону изучения физиологии мозга, что и стало основным моим интересом на все последующие годы работы.

Пожалуй, одним из самых интересных людей был наш инженер Николай Евграфович Дмитриев. Он меня научил электротехнике, а устройство электроэнцефалографа я усвоил настолько, что мог чинить без его помощи мелкие поломки и приделывать к нему некоторые необходимые для конкретной работы приставки.

Н.Е. был участником войны и принимал активное участие в наших пьянках, но только накануне Дня победы и Дня Красной армии. Вообще-то он совершенно не потреблял спиртного, но в эти дни позволял себе опрокинуть маленькую рюмочку какого-нибудь сладенького винца. После этого, он всегда вскарабкивался на высокий металлический корпус еще не списанного старого советского четырехканального электроэнцефалографа и оттуда начинал произносить речи, как утверждали знатоки, на довольно чистом английском или немецком, а иногда и французском языках. Когда ему об этом напоминали, он категорически утверждал, что будто бы ни одним иностранным языком не владеет. Из этого можно сделать два вывода: во-первых, в прошлом он имел какой-то значительный алкогольный опыт, что для фронтовика абсолютно нормально; во-вторых, иностранными языками он когда-то хорошо владел, и небольшие дозы спиртного оживляли память на когда-то утерянные знания.

В летнюю пору Н.Е. часто возил нас на своем быстрходном катере по просторам подмосковных водохранилищ, иногда довольно далеко и даже с ночевкой. Это были замечательные экскурсии.

Перед своим окончательным уходом из лаборатории в другой институт он сделал нам «царский» подарок – небольшой чемоданчик. Это была электрическая шашлычница на 4-и шампура. Когда ее включали, аромат от готовящегося шашлыка распространялся на все верхние этажи, и к нам в комнату заглядывали врачи, сестры, но чаще всего директор и спрашивали, *«не от нас ли так пахнет шашлыком, что даже хочется выпить»*. Но секрет мы открывали только некоторым лицам, особо приближенным к нашей лаборатории.

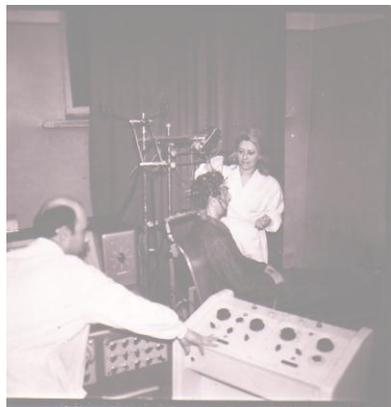
Отношения с сотрудниками лаборатории были разными – с кем весьма прохладные, а с кем и очень хорошие, особенно с лаборантами, в т.ч. с самой пожилой из них, и, пожалуй, самой доброжелательной Анной Ивановной Храмцовой. А еще я подружился с нашей молодежью – Любаней Неробковой, Ингой Полетаевой, Аллой Халфиной. Э.С. старалась сплотить коллектив не столько какой то общей идеей, сколько устраивая время от времени общие совместные обеды. Но это ее начинание постепенно заглохло само собой. Исключением была, пожалуй, лишь одна заносчивая, но не шибко умная мерзавка,

которая уже после моего увольнения активно приложила свои куцые мозги и не очень чистые руки к тому, чтобы Эсфирь Семеновну ушли на пенсию, а сама заняла ее место.

Я никогда не опаздывал на работу в те дни, когда у меня была запись ЭЭГ больных. Но в другие дни, когда был не мой день записи ЭЭГ, приходил на работу позже и часто шлялся по институту, рассказывая анекдоты или слушая их. Но чаще заглядывал в библиотеку и просматривал новые поступления, делая вид, что весь день готовлю эксперимент, к которому приступал только во второй половине дня, а иногда и ближе к вечеру.

В лаборатории на семинаре

Запись ЭЭГ

Над чем смеетесь?

На крылечке лаборатории
Лора Дыкман и Николай
Евграфович Дмитриев

Лора Дыкман и мы
в саду около лаборатории

На биофаке МГУ, где располагалась часть лаборатории Левона Чайлахяна, Сергей Ковалев обучил меня вытягивать микроэлектроды, которые мы использовали для отведения биопотенциалов от клеток различных участков мозга. А наладить само отведение биопотенциалов помогли Лева Чайлахян и Юра Аршавский, которые несколько раз приезжали к нам в лабораторию.

Когда начались опыты с самостимуляцией и избеганием при электрическом раздражении различных участков мозга, уже не помню каким образом в лаборатории появился физик Гриша Розенштейн со своими сотрудниками - инженерами. Он сразу же заявил, что наши объяснения облегчающих и затормаживающих эффектов на течение различных экспериментально создаваемых патологических процессов никуда не годятся, а вот они – физики сразу же разрешат все биологические проблемы. Достаточно обозначить самостимуляцию знаком плюс, а избегание знаком минус, и сразу все становится понятным. По этому поводу я что-то съехидничал, но, с подачи Э.С., какое-то время мы использовали эту терминологию и даже опубликовали несколько статей в журнале «Биофизика», но понимли под этими процессами что-то не очень ясное, но свое.

Лаборатория электрофизиологии занимала почти половину первого этажа одного из клинических корпусов. А самая большая комната с экранированной камерой и своим

электроэнцефалографом, в которой расположилась наша экспериментальная группа, была в отсеке, отделенном от всей лаборатории холлом, и даже имела собственное крылечко и свою туалетную комнату, в которой я ликвидировал клозет, а вместо него установил душ и оборудовал фотокомнату. Такая уединенность позволяла нам не только спокойно проводить опыты, но и устраивать частые вечерние посиделки с посещением гостей, (сотрудников института, а иногда молодых врачей и медсестер больницы), полюбивших эту комнату, с постоянным трепом, а иногда и с обильным потреблением «хищенки» (этим кодовым словом обозначался казенный этиловый спирт).

В подвальном помещении, как раз под нами находилась институтская фотолаборатория. Ее хозяин Степан Назарьянц, когда запарывал рабочий материал, громко орал одну и ту же фразу: «Суки, бляди, коммунисты, - все неприятности от них!». Этот ор по лестничному проему поднимался вверх, и был слышен не только у нас в лаборатории, но и в больничных палатах отделений, расположенных на всех этажах этого пятиэтажного здания. В дни Карибского кризиса, идя с работы вечером по Потешной улице, я услышал эту знакомую, но немного измененную фразу «Суки, бляди, коммунисты, - не дают русскому человеку хотя бы несколько лет спокойно пожить!», разносившуюся по всей Преображенке. Голос принадлежал не в меру пьяному Степану. С большим трудом запихал его в такси и довез до дома. Тогда вроде бы все обошлось, но возможно, кто-то и взял на заметку.

Заключения по ЭЭГ некоторых больных, особенно меня заинтересовавших, иногда я не отдавал сестрам, приходивших за ними, а сам относил в отделение и обсуждал с лечащими врачами, пытаюсь выяснить, соответствуют или нет эти результаты клиническим данным. Иногда был свидетелем анекдотических ситуаций. Вот одна из них.

В дни, когда проходил XXII съезд КПСС (1961 г.), на котором было решено вынести тело Сталина из мавзолея, в психиатрическую больницу поступил возбужденный больной. Однако мест в палате не было, и его положили в коридоре, чем вызвали бурный протест больного: «Эти сумашедшие все время шастуют перед моим носом туда – сюда!» По распоряжению заведующего отделением, которое курировала Айна Григорьевна Амбрумова, другого больного, уже год лежащего в одной из палат этого отделения, и находившегося в кататоническом состоянии (он не вставал, не двигался, не разговаривал, и, казалось, не реагировал на разговоры окружающих, в том числе и на события в Кремле), должны были перевести в коридор, а возбужденного больного из коридора на его место в эту палату. Вдруг, впервые за год, кататоник приподнялся на локтях в постели и произнес: «Это вам что, в мавзолее? Надо же, людей туда-сюда перекадывают!». Я едва удержался от хохота, выскочил из отделения и тут же побежал по институту рассказывать этот анекдот. Через неделю после такого потрясения этот больной был выписан в удовлетворительной ремиссии. Такие неожиданные просветления часто характерны для больных с кататоническим синдромом.

Электроэнцефалограммы детей и взрослых очень сильно различаются. Когда мне пришлось работать с детьми из находящейся неподалеку вспомогательной школы, я часто консультировался со специалистами из Института возрастной физиологии – Любовью Абрамовной Новиковой и Деборой Ароновной Фарбер. Все эти дети имели диагноз олигофрения в стадии дебильность. Я был очень удивлен, что несмотря на такой, как мне тогда казалось, страшный диагноз, эти дети вели себя как совершенно здоровые. Они спокойно переносили надевание на голову шлема с электродами, оставались в затемненной камере (правда с лаборантом) и очень интересовались тем, что это за кривые чернильные полосы, появляющиеся на бумаге во время записи. Вообще были очень доброжелательны и любопытны. Но если их случайно обидеть, могли становиться немотивированно агрессивными и злопамятными.

Я начал захаживать на клинические разборы, которые проводила заведующая детской клиникой Груня Ефимовна Сухарева – широко и глубоко мыслящий детский психиатр и обаятельный человек. На одном таком разборе мальчика, страдающего

аутизмом, она долго выслушивала рассказ матери этого ребенка. Мальчик нелюдим, не находит общего языка со сверстниками и учителями в школе. Отец его был литературовед

Г.Е.Сухарева

и крупный специалист по поэзии Пушкина. И мальчик иногда высказывал такие необычно интересные идеи по этому поводу, что папа хватался за голову, потом за карандаш. И срочно записывал эти мысли сына. Однажды, к ним в гости пришла известная пианистка, и что-то сыграла на рояле. Мальчик стоял рядом и внимательно наблюдал за ее игрой. А потом сел к инструменту, и, никогда не учась музыке, сам стал подбирать какую-то мелодию. Эта дама так была удивлена, что предложила давать мальчику бесплатные уроки. Груня Ефимовна все это слушала, а потом в разговоре произнесла фразу: *«Знаете, быть может вы не несчастная, а одна из счастливых матерей»*. Много позже, уже работая с детьми во вспомогательных школах Колымы и Чукотки, я часто вспоминал этот ее афоризм.

Чрезвычайно интересными были так же семинары по патопсихологии Блюмы Вульфовны Зейгарник, которые я так же постоянно посещал.

Часто, по совместным разделам работы, связанной с исследованием эпилепсии, я заглядывал в лабораторию эндокринологии к Арону Исааковичу Белкину, и в лабораторию (не помню уж, как она называлась) к Юлию Львовичу Шапиро (там исследовались последствия лечебного голодания, пропагандируемого профессором Ю.С.Николаевым). Эти совместные исследования очень одобрял зам. директора по науке Л.Л.Рохлин.

Л.Л.Рохлин и А.И.Белкин

В лаборатории эндокринологии

Помимо этого, все сотрудники нашей лаборатории были связаны с электрофизиологическими исследованиями воздействий психофармакологических препаратов на различные структуры мозга. Среди этих работ мне наиболее интересны были исследования побочного действия этих лекарственных веществ на больных, которые мы провели с сотрудником отдела психофармакологии Исааком Гуревичем. Дело в том, что наряду с антипсихотическим эффектом эти препараты вызывали появление лекарственного тремора. В исследовании тремора мне помог методически Виктор Семенович Гурфинкель, в лаборатории которого также исследовался тремор с помощью тензометрических датчиков.

Виктор Семенович спровоцировал и еще одну работу, подсунав мне сотрудника Института травматологии Валентина Герцмана, который придумал оригинальную теорию компрессионных переломов позвоночника при судорожных состояниях различной природы. Экспериментально проверить эту гипотезу можно было только исследуя электромиограмму длинных мышц спины больных во время эпилептических припадков (но они являются непредсказуемыми), или при электросудорожной терапии, применяемой иногда для лечения шизофрении. Такое изуверское «лечение» наблюдать было очень

тяжело и просто неприятно, но теория Валентина Герцмана нашла экспериментальное подтверждение.

Но наиболее интересные беседы на самые различные темы, не только научные, но и политические, происходили в лаборатории генетики, которую создал в Институте Владимир Павлович Эфроимсон, совсем недавно освободившийся из ГУЛАГа. Особенно бурному обсуждению подвергся полный вариант его работы «О генетике этики» где он постулировал наличие у всех животных и человека не только генов зла, но и генов добра.

В.П.Эфроимсон

у них всегда отмечалась подагра – заболевание, связанное с повышенным содержанием мочевой кислоты в крови. Долгое время он уговаривал меня провести опыты с введением животным мочевой кислоты.

Я все время отшучивался и отказывался, поскольку считал, что введение в спинномозговую жидкость какого-либо вещества методически затруднительно, а введение любым другим способом бессмысленно, поскольку это вещество не пройдет через гематоэнцефалический барьер.

Но, уже работая на кафедре физиологии 2-го меда и имея возможность эксплуатировать свободные студенческие руки, я решил провести эту «хулиганскую» работу.

К моему крайнему удивлению, недельное внутрибрюшинное введение 70-ти нелинейным крысам 1-го мл полупроцентного раствора мочевой кислоты увеличивало ее содержание в их крови с 0,5-1 до 19-40 мг⁰%. При этом достоверно увеличивалась частота сокращений сердца, активировалась электрическая активность всех гипоталамических структур, снижался порог самостимуляции латерального гипоталамуса, увеличивался порог избегания при раздражении вентромедиального гипоталамуса. Все эти изменения могли свидетельствовать об участии повышенной концентрации мочевой кислоты в крови в организации эмоционального - как активного, так и пассивного агрессивного поведения, при формировании общего адаптационного синдрома. На фоне суточной пищевой депривации эти крысы достоверно сокращали время активного поиска поилки в лабиринте, уменьшали число ошибок и увеличивали результативность поиска. Отмечалось так же быстрое появление в группах четких иерархических отношений с подчинением доминирующим особям, при этом резко уменьшалось количество драк, что очевидно связано с полным подчинением недоминирующих крыс.

Проведенный эксперимент подтверждал предположение В.П.Эфроимсона о том, что утрата на высших этапах эволюции фермента уриказы, расщепляющей мочевую кислоту, определяет новый этап эволюции, связанный с повышенной активностью мозга путем естественного стимулирующего влияния на него этой самой мочевой кислоты.

Позднее мной вместе с этой студенческой группой было опубликовано сообщение, зачитанное на заседании Всесоюзного семинара в Пущино.

У меня были очень теплые с ним отношения. Помню, что на одной из наших многочисленных, чуть ли не ежевечерних посиделок (так мы называли наши пьянки), на которых В.П. бывал редким гостем, он произнес спич, в котором были замечательные слова: *«Я пью за молодежь – в ней я больше всего ценю ее неустрашимость».*

В институтской стенгазете «Психиатр», редактором которой я был некоторое время, опубликовано и такое двустишие:

*«А Мендель спит и видит сон:
Как будто он Эфроимсон»*

Проанализировав многочисленные сообщения о поведении всемирно признанных людей с гениальными способностями, Владимир Павлович пришел к выводу, что

Позже, когда я проводил эксперименты по эпилепсии на белых крысах линии Крушинского – Молодкиной, обладающих низким судорожным порогом и отвечающими эпилептическими припадками на звуковой раздражитель, В.П. пригласил меня принять участие в работе Школы по генетике поведения, которая проходила на Звенигородской Биостанции МГУ. Руководил этой школой Леонид Викторович Крушинский – зав. кафедрой высшей нервной деятельности МГУ. Л.В. был настоящим ученым и очень интересным собеседником, но не на семинарах, где я далеко не все понимал и часто пропускал, а во время изумительных весенних лыжных прогулок, экскурсий в Звенигород, и вечерами в холле у потрескивающего горящими дровами камина. В стенгазете школы был помещен великолепный белибердовый шарж:

«Все пути развития генетики поведения наметил в своих апрельских тезисах Л.В.Крушинский. Он показал антигуманность и недостаточно высокую научность метода открытого поля, со всей прозорливостью признал элементарную рассудочную деятельность от солитера до человека. Вот фрагмент его доклада:

«В своем исследовании мы применяли методы биостатистики, разработанной Л.А.Животовским. Как легко увидеть, с использованием этих бессмертных методов, несмотря на сложность и уникальность исследований дикого животного дрозофилы, нами бесспорно установлена матроклиния не только социального (сексуального) поведения, но и элементарного рассудочного акта. Наши данные с высокой степенью достоверности позволяют интерпретировать и суперпозировать на все разнообразие дикого животного мира от пчелы до крокодила и человека. Наши проблемы включали наследование уникальных индуцированных мутаций с плейотропным эффектом, таких как опаленные цетинки и подергивание лапок при выходе из эфирного наркоза у шипа осетра. Вероятно, система генетического анализа локализации мутаций позволяет решить проблемы перекрывающихся окологенетических исследований физиологии поведения, а также интегративно-компилляционной функции нейронов.

Удивительно, что отбор на когерентность и инконгруэнтность пространственно-сексуальной ориентации органов крокодила, начиная, как ни странно, с 7-го поколения, привел к синтезу линии животных с удачным сочетанием высокого уровня рассудочной деятельности и патологически низкой половой активностью. Биохимико-генетический портрет яиц крокодила этой линии, полученной методом всемирно известного мухощупа Л.И. Корочкина с последующим центрифугированием в полиакриламидном геле, позволил с большой уверенностью утверждать о наличии значительного количества серотонин-ядрено-триптофан-1,3-оксинитрил-холино-трансксеразы с коэффициентом кондовости S-18.

Товарищи физиологи! В узкой горной долине нами были обнаружены робинзоновские аллофенные крокодильчики, фенотипически характеризующиеся покачиванием головы в горизонтальной плоскости и транслокацией головного сегмента в каудальное место. Сердце обливается кровью, что ваши руки не добрались до сих каудальных окончаний и не расчленили их поведение на уровне нейронов. В частности, в градиенте пахучести этих линий активно возрастает переход от меланхолии к агрессивности, что отражалось в шрамах и порчах препуциальной железы золотого фонда этой популяции. Комбинационная способность популяционных возможностей данной линии отражала аддитивное диаллелирование.

Вышеприведенные данные следует учитывать при разработке беспривязного метода содержания крокодильчиков с разной двигательной активностью в крупных промышленно-животноводческих комплексах. Мы рассчитываем, что эта проблема займет достойное место в координационной программе ВАСХНИЛ по генетике поведения сельскохозяйственных животных. Следует так же отметить, что в содержании таких комплексов существенным является сочетанность шизоидно-эпилептоидных синдромов в кататонической фазе моно- и дизиготных близнецов с высокой степенью генетичности».

В сумасшедшем доме многим сотрудникам я помогал в записи ЭЭГ больных и подготовке электроэнцефалографических разделов их кандидатских и докторских работ. А со своей кандидатской диссертацией я все тянул и тянул. Для ее завершения помимо опытов на обычных лабораторных животных - кроликах, кошках и белых крысах мне понадобилось несколько экспериментов на диких зайцах русаках. Я достал их на базе зооветснаба и провел эти опыты с применением различных психотропных лекарственных веществ. Но на одном зайце был поставлен эксперимент без применения какой либо химии. И после опыта мы приготовили из его тушки совершенно изумительное заячьё рагу (куда как более вкусное, чем кроличье). Я пошел к директору с просьбой подписать заявку еще на небольшую партию зайцев. Но он отказал, сказав при этом: «Что, еще захотелось зайчатины?». Интересно, откуда он мог узнать?

Наконец-то все же я оформил диссертационный том и автореферат к нему. Называлась работа длинно и, как оказалось, не совсем прилично: «Функциональная организация центрального конца висцерального анализатора». Заметил это ученый секретарь. Пришлось вместо этого «конца» вставить слово «отдела».

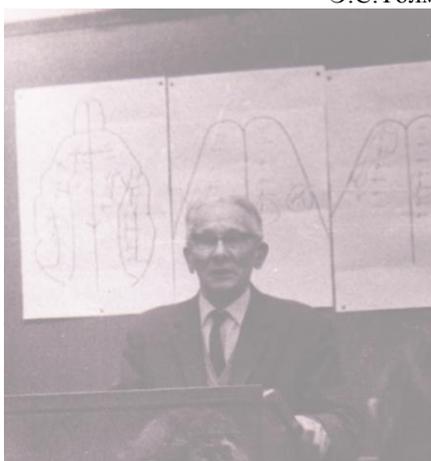

Моя защита

Выступление
Э.С.Толмасской

Защищал диссертацию я на биофаке Московского педагогического института, где кафедрой физиологии заведовал Александр Николаевич Кабанов. Опять Кабанов! Снова судьба уготовила мне встречу с ним. Защита, несмотря на тревоги А.Н., прошла успешно.

А.Н.Кабанов

Мои оппоненты
В.И.Гусельников

М.М.Курепина

После защиты

А через несколько лет Юра Аршавский, который проходил аспирантуру на кафедре А.Н.Кабанова, затащил меня на его 80-ти летний юбилей в другой ресторан.

80-ти летний юбилей А.Н.Кабанова

Однажды мне пришлось участвовать в работе Съезда психиатров, но, слава богу, не в качестве докладчика, а в роли демонстратора слайдов через эпидиаскоп. Секция параклинических методов исследования проходила в Большом зале Консерватории. А на сцене в кулисах, где я расположился с этой бандурой, стоял старинный инструмент чимбало. От скуки я открыл крышки инструмента, и вдруг мне очень захотелось пройтись по его клавишам. Во время доклада Э.С.Толмасской, я несколько раз легонько притронулся к ним пальцами. Реакция была достаточно громкой и моментальной. Но обошлось без последствий.

Общественной работой меня не очень-то много загружали. Иногда по линии Общества «Знание» читал лекции (но только на интересующие меня темы). И еще пару лет был редактором ежемесячной стенной газеты «Психиатр». С художником, оформляющим этот газетный лист, я расплачивался, конечно, спиртом, который мы называли «хищенкой». А хранилась бутылка этого спирта в специально для нее отведенном сейфе. Все шло своим чередом. Но однажды я отлил спирт в пузырек и понес его, чтобы расплатиться с художником. Но, прежде чем отдать его, я отвинтил пробку, в шутку щелкнул себя по горлу (мол, хорошо бы сейчас выпить), понюхал и даже лизнул. Но запах и вкус были не похожи на медицинский спирт. Я вернулся и обнаружил в сейфе две одинаковые бутылки. Оказалось, что молодая сотрудница Таня Мельникова умудрилась поставить туда же бутылку с метиловым спиртом, который мы использовали для протяжки микроэлектродов, необходимых в экспериментах. Я остолбенел, а потом долго матерился, ругая и себя и Таню. Спирт я, конечно, заменил. Но ощущение того, что я чуть было не отправил на тот свет хорошего человека, преследовало меня долго.

В этой газете я поместил замечательную поэму моего хорошего знакомого из орготдела Жени Гуревича под названием «История психиатрии от Эдипа до наших дней» - такое чистое эпигонство по А.К.Толстому.

Ну и разразился скандал. Многим поэма очень понравилась, а другие кричали, что эти евреи возводят поклеп на русскую психиатрию, позорят Павлова и восхваляют Фрейда. Да еще явное издевательство над «светочами» советской психиатрии. И конечно же, редактора необходимо срочно заменить. И только секретарь парторганизации Николай Шахматов, умный и порядочный человек, и директор Д.Д.Федотов вступились за меня. Но все же, к моему вящему удовольствию, из редакторов меня поперли. А через какое то короткое время эта же поэма появилась в стенгазете на стенде очередного Съезда психиатров, и была воспринята с полным пониманием и одобрением.

Вот эта поэма:

«ИСТОРИЯ ПСИХИАТРИИ ОТ ЭДИПА ДО НАШИХ ДНЕЙ».

Сейчас про то, что было
Всем нам расскажет дед.
Наука – наша сила,
Порядка в ней лишь нет.
И эту правду, детки,
За много сотен лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.
Чтоб снять галлюцинации
И бред прогнать совсем
Нужна цивилизация
А также ЛТМ.
А до цивилизации
Больных (чертям на страх)
В целях реадaptации
Сжигали на кострах.
Накоплен ценный опыт -
Поджег – и будь здоров!
Но вот во всей Европе
Уж не хватает дров...
Легко ли на Ривьере
Найти сосну иль ель?
И вот в Сантешпьере
Возник Филлип Пинель.
Гуманно, одержимо
Все цепи снял скорей -
Так стал отцом режима
Открытых он дверей.
Порядок настоящий
Вот-вот возникнет там.
Открыли «Всех скорбящих»,
Подкрасили «Бедлам».
Глас совести разбужен!
Истрачено монет!!!
Больным несут на ужин
Шампанского, конфет...
Но парадокс!?! Не нужен
Прекрасный лазарет.
Больной с врачами дружен -
Порядка ж нет как нет!
Наука стала взрослой,
И в том сыграли роль
Болинский и Дядьковский,
Маньям и Эскироль.

Они вещали людям:
- Златой настанет век!
Лечить тебя мы будем,
Скорбящий человек. -
А Бехтерев добавил:
- Не суйте, братцы, нос! -
Болящей всей ораве
Он прописал гипноз.
Придумать этот метод
Нам было не легко,
Поскольку метод этот
Давно любил Шарко.
(Скажу вам по секрету -
- Какой уж тут секрет! -
Где нет приоритета,
Там есть приоритет!)
- Чтоб психиатрам многим
В синдромах не блуждать,
Позвольте нозологию
Вам, господа, создать!
Так заявил однажды,
Развеев обций сплин, -
Профессор очень важный
Почтенный Крепилин.
Вот парадокс, о боги!
Нежданный камуфлет -
Открыта нозология -
Порядка ж нет как нет!
- Пора бы нам эпоху
Научную начать.
Для этого неплохо
Рефлексы изучать.
Мы фистулой серьезно
Предъявим мозгу шах -
Так объявил нам грозно
Профессор в Колтушах.
Иван Петрович Павлов
Ему был имярек,
За то, что был он нравный,
Но умный человек.
Зря не кидался в драку
И морду зря не бил,
Любил свою собаку
И в церковь с ней ходил.

Увы, не очень чисто
Устроена земля:
Бывают роялисты
Правее короля.
Они, нагнавши мраку
В один нелегкий век,
Хотели, чтоб собакой
Залаял человек.
Тут поднял хай вселенский,
Подлив в огонь бензин,
Один ерой Смоленский -
Известный павлов сын.
Да, был момент не сладок -
И молнии, и гром...
Зато такой порядок,
Хоть покати шаром!
Жить можно бы бесечно,
Довольны все и вся,
Но ах! Ничто не вечно
И все меняется.
С той памятной эпохи
Прошло немало лет!
Дела, кажись, неплохи,
А все ж порядка нет!
Вопросов, братцы, куча,
Неясно ничего:
С аминазином лучше,
Аль, может, без него?
Ужасные мученья -
Зачем, к чему, чего:
Бывает тип теченья,
Иль, может, нет его?
Спасите Бога ради!
Туманно в голове-
Не ЧИСТО ль в Ленинграде?
Не СНЕЖНО** ли в Москве?
И так ли Фрейд уж гадок?
Ужели нас он съест?
И будет ли порядок,
Когда настанет съезд?
Ходить бывает склизко
По камешкам иным...
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим...

Москва, 1969 год.

* ЛТМ – Лечебно трудовые мастерские.

** ЧИСТО, СНЕЖНО – А.С.Чистович, А.В.Снежневский – в то время ведущие психиатры в Ленинграде и Москве.

Используя достижения науки, а чаще вслепую, психиатры что-то пытаются излечить, но, как правило, не очень результативно, приглушая отдельные синдромы, провоцируя при этом другие, не менее тяжелые. Но иногда это незнание они используют в неблагоприятных целях «карательной медицины», ублажая ненасытные аппетиты власть придержащих. Кажется, в мою бытность в «сумасшедшем доме», при Д.Д.Федотове наш Институт психиатрии этого старался избегать.

Однако Д.Д. интересовался парапсихологией и даже создал специальную лабораторию. В институте проходило обследование и лечение Розы Кулешовой, страдающей эпилептическими припадками. В нашей лаборатории на ЭЭГ был обнаружен очаг судорожной активности в премоторной зоне коры. Она показывала нам свои способности «чтения» в темной камере подушечками пальцев очень мелкого и явно ей незнакомого текста на маркировке одного прибора. Но даже Мика Бонгард и Миша Смирнов, успешно разоблачившие такие «способности» многих пациентов, демонстрирующих подобные «чудеса», не смогли уличить ее в обмане. Кроме этого, по просьбе Д.Д.Федотова, Арон Белкин помогал писать книгу воспоминаний Вольфу Мессингу, на концертах-сеансах которого я несколько раз присутствовал.

Пользуясь хорошим отношением многих врачей, мне удалось оказывать помощь некоторым моим знакомым, устраивая их в клиники института или доставая дефицитные лекарства. Вспоминаю как Юра Аршавский и Таня Харитон ехали за лекарством для умирающего Миши Цейтлина. Юра все время беспокойно высовывался из окна машины, спрашивая прохожих, где этот сумасшедший дом, а Таня успокаивала и говорила, что создается впечатление, что она его самого везет в эту больницу.

Но в институте мы не только работали, но и весело проводили свободное время, выезжая в байдарочные походы и различные пикники. Особенно сдружился с Лидией Яновной Висневской, Ароном Белкиным, Адой Максutowой, Эллой Блюм, Таней Тепенициной, Клавой Шанаевой, Валей Бориневичем. Вот несколько картинок.

Все это в сумасшедшем доме:

На ВСХВ

По грибы (слева от меня Клава Шанаева, а слева Элла Блюм)

А это все в нашем пионерлагере, куда меня, почему то сослали на лето поработать воспитателем.

Мой отряд

В Кусково

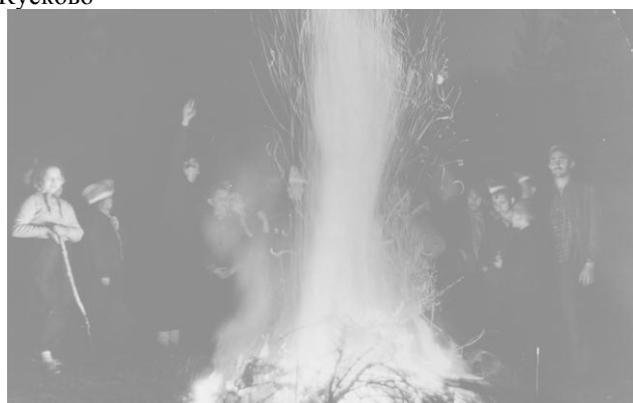
Репетиция

Карнавал

Опера Мойдодыр
(музыку придумали сами)

Прощальный костер

Уж не знаю, каким я был воспитателем, но мы с Лилькой, котрую я взял с собой, прекрасно провели время. Тем более, что в соседней Салтыковке на даче отдыхали Юра с Наташей и Вадиком, куда каждое воскресенье мы сматывались.

На даче в Салтыковке

Лиля и Вадик

Лиля и Вадик
с бабушкой Эсей и Юрой

Юра и Наташа с Вадиком

Но было бы неверно, если бы я утверждал, что в моей жизни все стало безмятежно. Именно в сумасшедшем доме обострились все мои грехи и пороки. Вот о них сейчас немного и поговорим.

Порок курения. Я немного покурировал еще в Академии, стреляя папироски у курящих ребят в перерывах занятий по анатомии, чтобы заглушить едкий запах формалина. Но по-настоящему и очень много курить я начал после экзамена по патанатомии, кажется после 4-го курса. Виной этому была неразделенная любовь. Помню как вечером, стоя на улице напротив ее дома и смотря в ее освещенное окно, я открыл ужасно дорогую коробку папирос «Герцеговина флора» и, под горькие мысли о моей несчастливой жизни, скурил почти половину этой ароматизированной дряни. У меня сильно закружилась голова и остаток папирос я просто выбросил. Но курить не бросил, а перешел на дешевенький «Огонек» и «Прибой», или «Север», реже «Беломор», выкуривая эту гадость не менее 2-х пачек в день. Без этого наркотика мне трудно сосредоточиться во время работы. И вот, продолжаю курить много, и по сей день. И это несмотря на перенесенный инфаркт, операцию шунтирования и несколько ангиопластик коронарных сосудов сердца. Но только перешел на сигареты с фильтром, и не потому, что они менее вредные, а просто в Латвии нет в продаже папирос и сигарет без фильтра. При этом всем моим студентам, выходящим покурить в перерыве лекций, постоянно напоминал присказку:

*Не кури, дурак, –
Помрешь и так.*

Порок пьянства. После моего детского неразумного опыта, напился я лишь на свое 20-ти ление. По рецепту из старой потрепанной книги Е.Молоховец сам наготовил медовуху и традиционное еврейское вино из изюма, а кроме того подкупил еще всяких алкогольных напитков различной крепости. Напробовался я всего понемногу, а когда гости (их было достаточно много, но как-то все разместились в нашей маленькой удельнинской комнате) начали расходиться, пошел провожать Марка Шика. Хотел довести его до станции, но довел до калитки и в полной отключке упал. Марк притащил меня домой. А утром мама, под руководством опытной соседки, отпаивала меня простоквашей. С тех пор я пил очень редко и мало, и только сухое вино.

Как-то приехал в гости к своему сокурснику Ване Кондрахину в Мосальск Калужской области. Угощение было знатное – вкуснейшее мясо с картошкой и большим количеством жареных и соленых грибов, а выпивка – только спирт. Спросил у Ивана, как это люди пьют неразведенный спирт, мол, видел это в Нансене. Ваня сказал, что надо сделать глубокий вдох, выпить этот спирт, в затем резко выдохнуть и запить холодной водой. Налил мне пол стакана. Я по всем правилам выпил, хорошо закусил любимыми

грибочками, да и мясом не побрезговал. Но самое главное – совсем не опьянел, а стал веселым и еще более разговорчивым.

Мама потом говорила, что с тех пор от меня пахнет алкоголем. И это действительно так и было. Я стал часто и много поддавать, предпочитая спирт, или на худой конец водку. А мой домашний напиток назывался «Аршавянка» – настойка на 70°-ом спирте лимонных и апельсиновых корочках или, по весне, почек черной смородины. Не очень любил, но и не брезговал коньяком и всегда вспоминал при этом афоризм (уж не помню чей): *«Коньяк в малых дозах полезен в любом количестве».*

Уже в Риге мой внук Антося спросил: - *«Деда, почему ты не угощаешь гостей «Аршавянкой»?»* А я хмуро ему ответил: - *«Нет «хищенки», – нет и «Аршавянки»!*

Но моя алкогольная карьера завершилась как-то сама собой уже в Риге.

*Православные и католики,
Иудеи и мусульмане,
Что нас тянет всех за столики,
Что мы ищем в пустом стакане?
(Не помню чье)*

Как я обкрадывал государство. Вроде бы я никогда не залезал к государству в карман. А «хищенка», а бумага, а ручки, а печатание на машинке, а фотобумага и фотореактивы? Да мало ли что еще?!

Грех женолюбия (любвеобилия). Этот грех проявился только в сумасшедшем доме. Многие молоденькие врачихи и научные сотрудницы, сестры и лаборантки были любвеобильными, опытными и весьма доступными, и не делали из этого секрета, чем я не так уж редко бессовестно пользовался, иногда в легкой влюбленности, но чаще совсем без какого-либо чувства. Возникали и неприятные, даже опасные моменты, которые приходилось как-то улаживать. Однажды дело дошло до суда, который присудил мне выплачивать алименты заведомо не моему ребенку. Так и пришлось целые 18 лет отстегивать изрядную сумму из моей совсем небольшой зарплаты. Совсем недавно уже в Ригу позвонил молодой человек и сказал, что будто бы он мой сын и составляет свою родословную. Не знаю ли я что-нибудь о предках моего отца? Я ответил, что он не является моим сыном, и поэтому мой отец и его предки входят совсем не в его, а в мое родословное древо. И положил трубку. Но чувство горечи и вины оставалось. Успокоился я и полностью изжил этот грех только с переездом в Магадан.

Но основной мой грех – членство в КПСС. Неясные мысли об этом стали возникать после прочитанного нам в Академии закрытого доклада Н.С.Хрущева. В те годы казалось, что партия осудила свои прошлые преступления, и наконец-то выйдет на новый, точнее, общечеловеческий, путь. Я посоветовался с братом Юрой, который с университетских лет был членом партии. Кажется, он сказал только одну фразу: *«Ну, если решил, то вступай. В процентном отношении одной сволочью в этой партии будет меньше».* Ну и я вступил в это дерьмо. Каких либо ответственных постов в этой организации избегал (кроме одного неудачного случая, когда вопреки моему желанию в Магадане меня избрали председателем профкома в институте, но через год меня с треском выгнали). Ликвидировать свое членство я все же не решался, хотя два раза, после моего увольнения в Москве из 2-го Меда и в Магадане был близок к этому (об этом расскажу дальше). А вышел из этой подлой партии уже в Риге, в самый разгар перестройки, когда все еще боялись делать решительные шаги. На следующий день после расстрела демонстрации в Вильнюсе и еще до аналогичных событий в Риге пришел к секретарю парторганизации, положил ему на стол партбилет, сказав, что теперь я уже не член партии. И как он меня ни уговаривал повременить, остался при своем решении, распрощался и покинул его кабинет.

Интересная и веселая жизнь в сумасшедшем доме кончилась с приходом нового директора. Его нескрываемый антисемитский настрой хорошо охарактеризовал Ю.С.Савенко в уже цитируемом выше том же номере Независимого психиатрического журнала. В Редакционной заметке к публикации статьи В.П.Сербского «Психиатрическая экспертиза по делу Бейлиса» (1913 г.), где дана оценка экспертизы, проведенной И.А.Сикорским, есть такой абзац:

В 1971 г. Директор Московского НИИ психиатрии проф. А.А.Портнов (сменивший Д.Д.Федотова), предложив мне написать историю Института к его 50-летию, попутно выразил пожелание «реабилитировать» проф. И.А.Сикорского». Тогда это выглядело неожиданно и дико, т.к. шло вразрез с вскрывшимися после революции документами царской охранки, из которых следовало, что дело Бейлиса было спланировано полицией как привычный прием переключения общественного недовольства на традиционного козла отпущения. ... Что касается Сикорского, то в своей экспертизе он далеко вышел за пределы своей компетенции (видимо в силу увлеченности своей проблематикой), за что был подвергнут остракизму коллегами и бойкоту своими частными больными, и жаловался на это градоначальнику.

Вот так – два директора – два совершенно различных лица.

Антисемитские гонения начались почти сразу же.

«Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей». Так ответил я афоризмом Марка Твена антисемиту С.Ф.Семенову – новому зам директора по научной работе, когда он спросил меня, сколько же мне лет, что я подал очередную статью в сборник работ молодых ученых, хотя по возрасту вполне еще подходил для участия в этом издании и выглядел вроде бы достаточно молодо.

Когда меня увольняли из института под предлогом отсутствия медицинского образования, то С.Ф.Семенов во всеуслышание заявил: *«Мы всю эту синагогу разгоним!»*. Действительно, некоторых сократили, некоторых ушли на пенсию, новых сотрудников набирали уже с правильным пятым пунктом, т.е. *«без примеси еврейской крови»*. Но все же полностью *«разогнать синагогу»* не удалось, и Институт психиатрии так и сохранился пристанищем для многих евреев.

Почти сразу же после моего увольнения лабораторию покинуло еще несколько человек. Инга Полетаева ушла на биофак МГУ на кафедру Л.В.Крушинского, а Любана Неробкова - в отдел психофармакологии Института фармакологии, где она работает и по сей день. При моих не частых наездах в Москву мы всегда перезваниваемся, а часто и встречаемся, говорим о наших радостях и горестях, и вспоминаем нашу совместную лабораторную жизнь, и до самой смерти нашей самой старой и любимой лаборантки Анны Ивановны Храмцовой ходили к ней в гости.

А вскоре ушел из института и уже бывший его директор Дмитрий Дмитриевич Федотов.

И все же, я очень благодарен Институту психиатрии, который и сделал из меня настоящего физиолога. А, кроме того, работая там, я понял два важных обстоятельства.

1. Лучшие из психиатров те, которые пришли к убеждению, что психиатрия является не столько врачебной, сколько гуманитарной проблемой.

2. Мы сознаем, что в работе мозга что-то уже знаем и продолжаем выяснять много нового, и все же пока что ничего не знаем.

Изложу своими словами, не помню уже чью, но умную мысль. Бог нам открыл многие тайны с древа познания добра и зла. Но очевидно далеко не все. Вот только в тайны работы мозга он нас допускает не очень охотно, и до сих пор, многие душевные заболевания врачам остаются непонятны.

Исследование работы мозга остается одним из самых интересных разделов физиологии человека. Именно поэтому, начиная с сумасшедшего дома, я только этим и занимаюсь. Не знаю уж, насколько успешно, или не очень, это получилось. Судить не мне?!

Но безработным я все же не стал. Меня подобрала лаборатория кафедры физиологии 2-го Московского медицинского института (теперь Медицинского Университета), куда я был зачислен на должность старшего научного сотрудника.

Второй мед

(Из интернета) Кафедру физиологии 2-го меда им. Н.И.Пирогова организовал в 1906 году близкий друг и ученик И.М.Сеченова – М.Н.Шатерников, который вошел в попечительский совет медицинского факультета Московских высших женских курсов.

Традиции, заложенные М.Н.Шатерниковым, были продолжены при академике Л.С.Штерн, возглавлявшей кафедру физиологии с 1925 г.. А с 1950 по 1960 г. ею руководил член-корреспондент АН СССР, профессор Э.А.Асратян.

Преемственность в истории кафедры физиологии нашла свое продолжение и в том, что с 1960 по 1988 г. ее возглавлял ученик Л. С. Штерн — заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент АМН СССР, профессор Г.И.Косицкий. Под руководством Григория Ивановича коллектив кафедры интенсивно исследовал функции сердечно-сосудистой системы. Была выявлена роль внутрисердечной нервной системы, изучены механизмы взаимодействия внеорганный и внутриорганный нервной регуляции функций. Большой цикл работ посвящен исследованию афферентных систем сердца. Создана концепция креаторных связей — ранее неизвестного типа межклеточных коррелятивных взаимодействий, обеспечивающих сохранение структуры многоклеточных систем и существование организма как целого. Большое внимание уделялось изучению роли нервной системы в регуляции реактивности организма. Подробно эти взгляды изложены в книге "Нервная система и стресс". Школа, созданная Г.И.Косицким, продолжает активно работать, развивать и углублять его идеи, разрабатывать новые актуальные проблемы и научные направления.

Григорий Иванович Косицкий был неординарным человеком. Еще студентом последних курсов мединститута он ушел на фронт, где получил тяжелое пулевое ранение в позвоночник и после госпиталя ходил на костылях. После очередной операции по извлечению пули, получив возможность передвигаться без костылей, он, еще не выходя из госпиталя, стал усиленно тренироваться в ходьбе, и каждый день спускался и поднимался по лестнице все быстрее и быстрее, иногда переходя на бег. В результате этих тренировок он получил тромб в легком, и только благодаря героическим усилиям врачей был возвращен к полноценной жизни. И хотя ходил очень быстро и даже без палочки, но ноги его иногда подводили. Как инвалид войны, он смог приобрести автомобиль с ручным управлением, а также изобрел велосипед, который приводился в движение, как ногами, так и руками. На нем он часто приезжал на кафедру. Иногда мы просили у него разрешение покататься на этом чудовище. У кого-то это получалось неплохо, а я так и не смог скоординировать при езде одновременную работу рук и ног.

Лаборатория при кафедре физиологии была создана Г.И.Косицким не только для исследования всех этих проблем, но и для координации научных исследований всех кафедр физиологии российских медицинских вузов. Г.И. был председателем проблемной комиссии по физиологии при Минздраве РСФСР. Ну а мне пришлось исполнять довольно скучную и утомительную роль секретаря этой проблемной комиссии – просматривать ежегодные отчеты кафедр, иногда писать на них рецензии, формировать сборники работ, а иногда и конференций по различным научным проблемам, что, конечно, отнимало много времени и шло в ущерб основной моей работе.

В течение первого года я прослушал полный курс лекций по физиологии, который по различным разделам читали все профессора и доценты кафедры. Но курсы Г.И. резко отличались от заунывных, иногда просто скучных лекций всех его сотрудников.

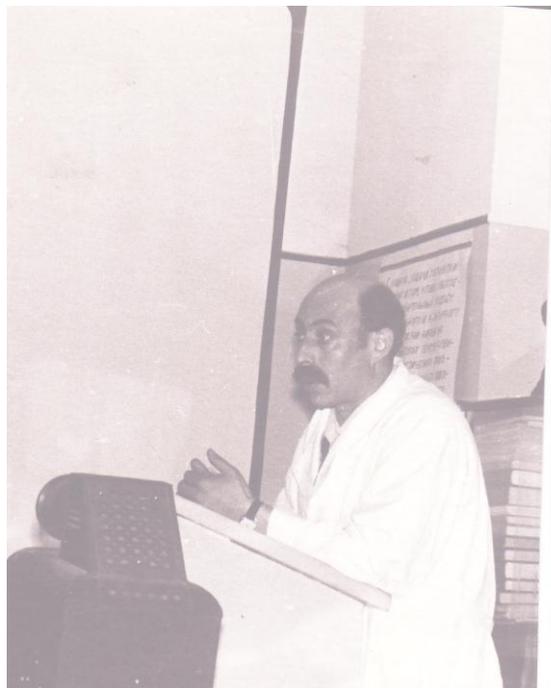
Прежде всего, в них подкупало то, что он подробно освещал учение А.А.Ухтомского о доминанте и антипавловские представления Н.А.Бернштейна о физиологии активности, а кроме того, фактически полное отрицание официальной в те годы, но полностью надуманной под влиянием кибернетических схем Н.Винера теории функциональных систем П.К.Анохина. (Лишь в 1985 г., специальным постановлением Центрального Совета Всесоюзного физиологического общества им И.П.Павлова, принятым по докладам П.Г.Костюка и Г.И.Косицкого, представление П.К.Анохина о функциональных системах было подвергнуто резкой критике как научно необоснованное и не рекомендовано для изучения в курсе «Физиология человека и животных» в Университетах, медицинских, сельскохозяйственных и педагогических институтах. Однако, в ряде учебных заведений это постановление проигнорировано). [\[см. примечание в конце книги - KB\]](#)

Г.И. Косицкий

Лектором Г.И. был замечательным и его манеру свободного, даже артистического поведения на кафедре и чрезвычайно широкую палитру голосовой артикуляции я перенял целиком. Это выявилось позже при проведении семинаров на спецкурсах по близким мне разделам (небольшой, но вполне антипавловский курс - физиология активности, физиология сна, межполушарная асимметрия мозга человека).

Практические занятия со студентами не входили в мои обязанности, но по собственной инициативе я все годы работы на кафедре с удовольствием вел 2-е – 3-и группы, а иногда подменял отсутствующих по разным причинам ассистентов. Вроде бы преподавателем я оказался не таким уж плохим.

Прием зачетов - Лекция

И все же в обязательном порядке мне пришлось повышать свое образование и окончить курсы «Педагогика высшей школы», написать дипломную работу по психофизиологии и получить диплом о педагогической профпригодности. А еще по собственной воле я окончил Курсы патентоведения, что помогло мне грамотно составить и получить несколько Удостоверений на Рацпредложения отраслевого значения, касающихся улучшения методики электрофизиологических исследований, а позже (уже в Магадане) Удостоверение об открытии, тоже методического характера.

Под постоянным нажимом парторганизации мне пришлось выбирать один из факультетов Университета Марксизма-Ленинизма. Ну, и я выбрал факультет «Научного атеизма», надеясь как-нибудь его проволынить.

Как раз в это время мой хороший знакомый по «сумасшедшему дому» Володя Леви – психиатр, психолог и совсем неплохой писатель, пригласил меня съездить в Новую Деревню к замечательному священнику – диссиденту, отцу Александру Меню. Но его замечательная проповедь как-то меня тогда не вдохновила. Здесь я приведу отрывок из книги В.Войновича «Автопортрет: *«Я никогда не был в обычном смысле слова верующим человеком, но и никогда (или почти никогда) не был неверующим. Точнее всего будет сказать, что я — незнающий. Или, как говорят, агностик. Я не верю ни в какое конкретное представление о Боге, которое может быть выражено средствами литературы, живописи или скульптуры. Я не верю никаким доказательствам существования Бога и никаким доводам в пользу того, что его нет. Мир устроен слишком рационально. Трудно представить, что он устроился так сам по себе, и невозможно вообразить противоположное».*

(Из интернета) Отец Александр Мень

Однако вышло так, что 1й курс – история и содержание различных религий – оказался очень интересным, и мне, почти безграмотному, весьма полезным, да и читался он знаменитыми религиоведами увлекательно и грамотно, без всякой атеистической пропаганды,

и я с удовольствием, не пропуская ни одной лекции, активно участвовал в их обсуждении и часто возникающих спорах. Экзамен за этот курс я сдал на отлично, а философию, от лекций по которой я был освобожден, мне зачли по кандидатскому минимуму. Но вот 2-й курс, касающийся, организации антирелигиозной пропаганды - обыкновенный советский феномен, т.е. занудная смесь тяготины и бессмыслицы, я почти не посещал, и каким образом выкрутился на экзамене, уже и не помню. В итоге я получил Красный диплом об окончании этого т.н. Университета.

Все годы работы на кафедре мне пришлось руководить студенческим физиологическим кружком – просматривать доклады студентов на периодических заседаниях и организовывать студенческие конференции. Большинство студентов в кружке долго не задерживалось. Они исчезали с кафедры сразу после сдачи экзамена по физиологии. Но некоторые оставались до самого окончания института. Эти ребята вели научную работу под руководством сотрудников кафедры. Наиболее талантливых и обладающих самостоятельным мышлением студентов я старался заинтересовать своей научной работой, и они хорошо выполняли отдельные части работы, писали самостоятельные статьи в студенческие сборники, а получившие наиболее интересные результаты экспериментов после активного обсуждения становились равноправными авторами наших совместных журнальных статей и докладов на конференциях. Особенно с большой благодарностью вспоминаю работу своих студентов - Ольги Нотовой, Анны Козловой и Володи Шерстнева, связавших свою последующую деятельность с физиологией.

Обсуждение результатов опытов
с Олей Нотовой в садике кафедры

Доклад Володи Шерстнева на
студенческом кружке

Но попадались и не очень толковые, но упрямые студенты, которые никак не хотели признавать методические ошибки в своих экспериментах. Один студент (к сожалению, не помню его фамилии) показал мне записи биопотенциалов, как он считал, от одиночных нейронов мозга крысы, но я сказал, что это больше похоже на биопотенциалы сердечной мышцы, и посоветовал сделать одновременную запись ЭКГ. Студент контрольных опытов не провел, но очень на меня обиделся, когда его работа не была опубликована в студенческом сборнике. А руководитель этой работы, доцент Ф.Орешук, тоже мне припомнила этот свой конфуз и позже приняла активное участие в моем изгнании из института.

Переезд. Кафедру физиологии 2-го медицинского института на Малой Пироговской улице санэпидстанция в срочном порядке закрыла, поскольку во всех комнатах под полом была обнаружена ртуть, которая здесь накопилась, очевидно, еще со времен Шатерникова. Нас переселили недалеко, в замечательный - в два с половиной этажа с большим полуподвалом - особнячок с маленьким, но замечательным садиком в Олсуфьевском переулке.

Для переезда была выделена грузовая машина, но она не справлялась с обилием кафедрального хлама, а часто водителю давались другие задания. И мы многие вещи перевозили на ручных тачках, а часто и просто в руках (кстати, во время этого ручного перетаскивания исчезла 2-х килограммовая банка с кокаином; ее так и не обнаружили, хотя были предположения, кто ее мог прикарманить).

При переезде было сделано несколько интересных находок. В частности, был обнаружен, даже еще не распакованный со времен Шатерникова, французский кимограф (прибор, изобретенный еще в XIX веке, для записи мышечных сокращений). Он был настолько красив, так сиял начищенной медью, что я водрузил его на свой рабочий стол, и в течение долгого времени им

любовался. Но потом, с согласия Г.И., мы решили отослать эту «игрушку» в музей фирмы «Альвар». Осуществили эту операцию через Посольство Франции, куда мы позвонили, и вскоре на кафедру приехала машина, из которой вышел какой-то посольский чиновник – кажется, атташе по культуре. Он тоже полюбовался таким удивительным артефактом и увез его с собой, пообещав заняться отправкой. Сопроводительное письмо было написано по-французски Аней Козловой и подписано мною. Через некоторое, довольно продолжительное время, когда мы уже успели обо всем этом позабыть, на кафедру из французского посольства была доставлена посылка от фирмы, в которой находилось благодарственное письмо и «царский» презент - портативный многоканальный электроэнцефалограф фирмы «Альвар». Поскольку он был прислан именно на мое имя, то оформлять его как лабораторное оборудование я не стал. Таким образом, я стал обладателем этого замечательного прибора, что в дальнейшем помогло провести мою основную работу на Дальнем Востоке.

Иерусалимская улица - анекдот, случившийся при переезде. Однажды, втроем (Валера Клевцов, Володя Кобрин и я), нагруженные под завязку, тащили какое-то барахло, и на углу улицы Россолимо и Олсуфьевского переулка увидели группу людей, которые, отчаянно жестикулируя, что-то громко обсуждали. Когда мы поравнялись с ними, нас спросили, где здесь Иерусалимская улица? Отвечаем, что такой улицы вроде бы здесь нет, и в свою очередь спрашиваем, а что им все-таки нужно? Оказалось, они искали неврологическую клинику. *«Так вы около нее находитесь - на улице Россолимо»*, - говорим мы хором и указываем на следующее высокое здание. Один старичок из этой толпы с отчетливым еврейским акцентом вдруг кричит – *«Ну вот я же говорил, что какой-то дурак забыл написать на указателе улицы две первые буквы – «Ие»*.

В этом особняке мы все удобно разместились. На первом этаже располагались три больших учебных кабинета для занятий студенческих групп. На полэтажа выше находилась большая комната, выделенная для кафедры физиологии Медико-биологического факультета. Весь второй этаж занимали ассистентская и кабинеты доцентов, а так же комнаты для экспериментальной работы. А большой холл этого второго этажа был превращен в конференц-зал. Несколькими ступеньками выше разместился удобный кабинет заведующего кафедрой. В полуподвале располагалась кухня, душ, виварий с ванной для лягушек и складские помещения, а в самой большой комнате я оборудовал экранированную камеру для электрофизиологических экспериментов, за которой у самой наружной стены с единственным небольшим окном наверху располагались столы работающих со мной аспиранта и студентов. Так что зажили мы, можно сказать, по-царски.

Моя научная работа явилась прямым продолжением тех исследований, которые я начал в Институте психиатрии. Она была связана с изучением течения различных экспериментальных патологических процессов при электростимуляции некоторых участков головного мозга, вызывающих положительные (самостимуляция), или отрицательные (насильственная стимуляция) подкрепляющие эффекты. Но патологические модели были уже естественно другие, связанные с сердечной аритмией, вызванной введением растительного алкалоида аконитина и развитием анафилактоидного отека при введении чужеродного белка.

Тема по анафилактоидному отеку была диссертационной работой аспирантки Марины Монгуш и выполнялась под моим (наряду с Г.И.Косицким) методическим руководством. Работу Марина сделала очень хорошую, но вот с ее оформлением у нее возникли серьезные осложнения. И мне пришлось фактически надиктовать весь текст диссертации. Испытывая уважение к Э.С.Толмасской, но запамятавав об ее амбициозном характере, я попросил ее быть официальным оппонентом этой диссертации. Дав положительный отзыв и не сделав каких-либо замечаний по существу работы, она добрую половину своего выступления сетовала на то, что в обзоре слишком мало ссылаются на ее работы. (А на что было ссылаться, если ее интересы были далеки от проблем стресса?). Но Марина почему-то очень была обижена не столько на нее, сколько на меня, и отплатила своим некрасивым поведением во время моего изгнания с кафедры. Так же ревниво, почти до самой смерти, Эсфирь Семеновна относилась и ко всем последующим моим работам.

Вытяжка микроэлектродов

Запись биопотенциалов мозга
в эксперименте по самостимуляции

В это время я проделал ряд экспериментов по изучению изменения структуры сна после самостимуляции и избегания при раздражении некоторых структур мозга у животных с аритмией сердца, вызванной введением малых доз аконитина. Эту методику помог усовершенствовать Толя Бердашкевич – сотрудник лаборатории Левона Чайлахяна. Электроды вводились не только по координатам, вычисленным по стереотаксическому атласу мозга крыс, зафиксированных под неглубоким оглушающим наркозом в стереотаксическом аппарате, но и ориентируясь на непосредственное поведение животных. Они сами с различной частотой стимулировали выбранные структуры мозга, вынимая и опуская хвост в ванночку с физиологическим раствором, тем самым замыкая и размыкая цепь электростимулятора, или, поднимая хвост, и избегали опускать его, надолго разрывая, таким образом, электрическую цепь. Попадание электродов в нужные зоны мозга возросло с 50 - 60 почти до 100%, что позволило нам оформить методическое рацпредложение отраслевого значения.

Развитие аритмии, как и других экспериментальных патологических процессов замедлялось или вовсе прекращалось в активную (т.н. быструю) фазу сна и, напротив, усиливалось после насильственного блокирования (депривации) этой фазы.

Стал вопрос об исследовании структуры сна у больных людей. Но этого я делать не умел, поскольку запись ЭЭГ у людей во время сна требовала особых методических подходов, которые мне не были известны. И именно с этими проблемами я и пришел к Вадиму Ротенбергу, уже известному специалисту в области изучения сна больных людей, работающему тогда на базе кафедры нервных болезней Первого Московского Медицинского Института, находящейся по соседству с нашей кафедрой. Вот с этой ночной записи и началась наша дружба и многолетняя совместная работа.

На фотографии изображен этот автор с двойной фамилией Ротенберг-Аршавский

Эта встреча стала самой большой моей удачей этих лет. Вадим не только совершенно под иным углом зрения истолковал результаты всех предыдущих исследований, как в Институте психиатрии, так и на кафедре физиологии, и фактически определил всю дальнейшую работу, но и стал самым близким мне человеком и главным индуктором всех наших многочисленных совместных публикаций. В шутку некоторые наши общие знакомые приписывали это совместное авторство одному человеку под фамилией Ротенберг-Аршавский.

Вадим Ротенберг не был экспериментатором, но был хорошим врачом – психоневрологом и исследователем сна у людей. И, конечно же, сама гипотеза **поисковой активности** была продумана и сформулирована им. Но результаты моих экспериментов так непротиворечиво и красиво ее подтверждали, что я невольно, но с благодарностью, согласился стать ее соавтором, поскольку, по мнению автора гипотезы, без них она оставалась бы неподтвержденной и повисла бы в воздухе. Постараюсь коротко и, по возможности понятно, изложить суть этой гипотезы.

Под поисковой активностью понимается любая доминантная активная форма поведения или психологического состояния, сопровождающаяся как положительными, так и отрицательными эмоциями, и направленная на поиск пути изменения не удовлетворяющей субъекта ситуации, или на изменение отношения самого субъекта к данной ситуации. Для поисковой активности необходимо отсутствие определенного прогноза ее результатов (в противном случае это стереотипное, а не поисковое поведение), но постоянный учет этих результатов в процессе деятельности, что отличает поисковую активность от хаотической. Поисковая активность выступает в качестве общего неспецифического адаптивного фактора, который определяет устойчивость организма к угрожающим жизни воздействиям в стрессовых ситуациях и сохранение соматического здоровья. Пассивные формы поведения во всех их проявлениях и при различном эмоциональном сопровождении можно рассматривать как отказ от поиска путей выхода из этих неблагоприятных ситуаций, что является неадаптивным фактором, при котором, в результате снижения стрессоустойчивости вплоть до развития дистресса, организм подвержен риску возникновения различных заболеваний.

Именно сама поисковая активность в неблагоприятной ситуации, а не положительная эмоция, делает организм более устойчивым к разнообразным вредоносным воздействиям. И, напротив, именно сам отказ от поиска, а не неприемлемая ситуация как таковая и вызванные ею отрицательные эмоции, делают организм более уязвимым к разнообразным повреждающим факторам. С этой точки зрения активная самостимуляция и активно-оборонительное избегание являются проявлением поискового поведения, а пассивная самостимуляция и пассивно-оборонительное избегание - проявлением отказа от поиска.

С точки зрения реактивной классической (точнее, «павловской») физиологии, поисковая активность, если она не обслуживает какие-либо витальные потребности, не способствует восстановлению гомеостаза (постоянства внутренней среды организма), а может только его нарушить. Это нецелесообразно и даже вредно, а посему и не может быть никакой самостоятельной потребности в поиске.

С точки зрения физиологии активности потребность в поиске новой информации, новых переживаниях, наконец, потребность в развитии полезны не только для индивида, но и для дальнейшего развития вида в целом. Как показывают наблюдения и многочисленные разнообразные эксперименты, поисковая активность хорошо выражена у всех высших животных. Биологическая роль потребности в поиске состоит в том, что она является движущей силой саморазвития каждого индивида и вида в целом. Поэтому отказ от поиска не только биологически вреден для отдельного индивида, приводя его к гибели, но и для популяции в целом, способствуя ее к деградации и вырождению. Собственно, гибель носителей отказа от поиска и предотвращает такое тотальное вырождение.

Но можно ли вычленить поисковую активность в чистом виде, не связанную с какими-либо первичными мотивами, а когда она сама является мотивом поведения?

У животных, например у некоторых крыс, помещенных в обстановку полного комфорта, когда удовлетворяются все первичные потребности (в пище, воде, сексе), иногда проявляется тенденция, к неоправданному на первый взгляд, рисковому поведению в виде стремления к обследованию новых, ранее неизвестных и потенциально опасных пространств, и такой поиск нового, естественно, всегда сопровождается появлением страха. Но в своем наиболее ярком проявлении потребность в поиске характерна для человека, когда, благодаря высокой социальной организации, появляются условия освобождения поисковой активности от роли «служанки» первичных мотивов, и она становится основой творческой деятельности. Именно в творчестве проявляется уникальность потребности в поисковой активности - ее принципиальная ненасыщаемость и потребность в постоянном изменении.

Однако, неблагоприятные ситуации, которые организм не можем разрешить в силу целого ряда причин (или физической невозможности, или в результате психологических запретов и ограничительного поведения), все же всегда присутствуют. Но далеко не всякий раз это завершается заболеванием. Было бы странно, если бы природа не предусмотрела никакого биологического механизма, способного компенсировать вредные последствия отказа от поиска, помогающего преодолеть их. И действительно выяснилось, что такой механизм существует и он связан со структурой ночного сна. Поисковая активность, компенсирующая отказ от поиска в бодрствовании, осуществляется в т.н. быстром сне, связанным со сновидениями.

При остром стрессе, когда организм пытается активно преодолеть стрессирующее воздействие в бодрствовании и не капитулирует, длительность быстрого сна может даже уменьшаться, ибо нет потребности в нем. Увеличение быстрого сна отмечается при хроническом стрессе, который часто приводит к «капитуляции» и отказу от поиска. При этом высокий уровень невротической тревоги, с которой субъект входит в сон, после пробуждения может уменьшиться, если быстрый сон успешно выполняет свою компенсирующую функцию.

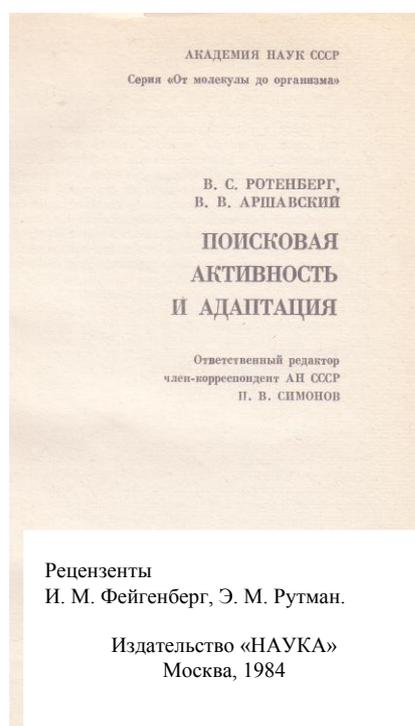
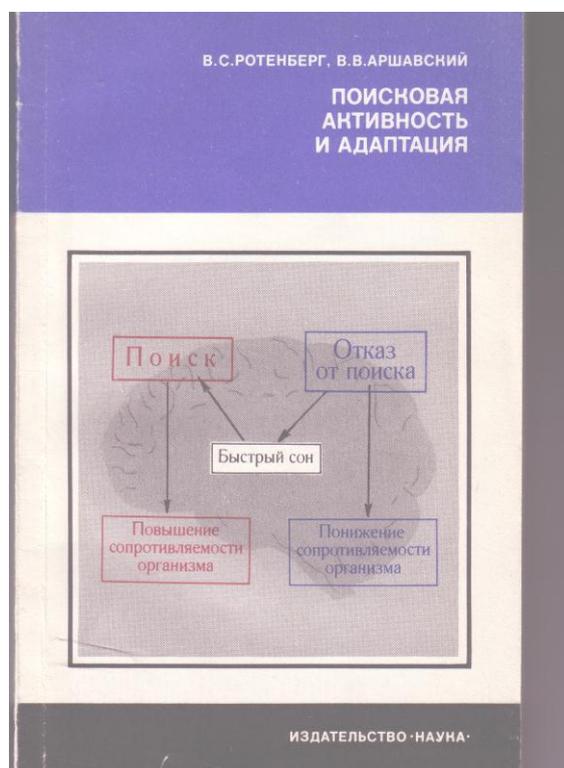
Поиск в быстром сне отличается от поведенческого тем, что он осуществляется на виртуальном уровне. В частности, это может быть поиск внутренней адаптации к неблагоприятной ситуации за счет разрешения конфликта на иррациональном образном уровне сновидений и конфликт этот может быть никак не связан с реальным конфликтом в бодрствовании, ибо процесс поиска важнее его конкретного проявления. В результате этого процесса исходно высокий уровень тревоги после сновидений к концу ночи

снижается. Иррациональное образное мышление в быстром сне обеспечивает, в частности, творческое решение задачи примирения неприемлемых мотивов.

Если поиск в быстром сне не удастся и быстрый сон не выполняет функции компенсации отказа от поиска в бодрствовании, то доминирующим остается состояние отказа от поиска и тревога сохраняется и усиливается, приобретая характер невротической, приводящей к дистрессу и развитию неврозов и психосоматических (в первую очередь различных сердечно-сосудистых и желудочно-кишечных) заболеваний.

Концепция поисковой активности была с интересом встречена многими физиологами, биологами и почему-то даже физиками и в России, и за ее рубежом. Этому во многом способствовала активная пропаганда Вадима в докладах на конференциях и выступлениях в различных дискуссиях, статьях в научных, а также в популярных журналах и даже в газетах (см. Приложение 2.) О ней упомянул И.Губерман в «Книге странствий», вышедшей в Иерусалиме в 2001 году). Ее активно поддержал директор Института высшей нервной деятельности П.В.Симонов. В одной из передач по Центральному телевидению он подробно изложил ее, «забыв» при этом упомянуть наши фамилии. И эта тенденция забвения авторства в научной литературе продолжается и по сию пору. Однако далеко не все восприняли ее новизну. (Володя Кобрин рассказывал, что сразу после публикации нашей обобщающей статьи в журнале "Успехи физиологических наук" Г.И.Косицкий бегал по кабинету и кричал «Как я ее пропустил!»).

Несколько позже вышла и наша книга.

В книге систематически излагается новая биологическая концепция. Суть ее в том, что широко понимаемая поисковая активность повышает устойчивость организма к стрессу и разнообразным вредным воздействиям, тогда как отказ от поиска является важной неспецифической предпосылкой к развитию многих заболеваний. Показана роль быстрого сна и сновидений в компенсации состояния отказа от поиска и восстановлении поисковой активности. Предложено новое понимание смысла функциональной церебральной асимметрии и обсуждается особая роль правополушарного мышления в адаптации в период бодрствования и сна. Предлагаются новые трактовки механизмов творчества, а также механизмов развития ряда заболеваний.

Совместное авторство с Вадимом продолжается до сих пор. «Развод» без нашего согласия редакторы устроили только в последней работе в «Руководстве по функциональной межполушарной асимметрии» (Москва, Научный мир, 2009). Нам предложили написать совместную главу. Но материал, написанный Вадимом, мне настолько понравился, что я предложил под общим заглавием сделать две самостоятельные части – 1-ю под авторством Ротенберга, а 2-ю под авторством Аршавского. Вадим с этим согласился. Но очевидно, редакторам тоже очень понравилась эта идея, настолько, что они ее усугубили. Когда этот толстенный том вышел из печати, то обнаружилось, что часть Вадима составила самостоятельную Главу 4 в

разделе «Онтогенез», а моя - Главу 16 совсем в другом разделе «Стационарные и динамические свойства межполушарной асимметрии». Думаю, что это было сделано не со зла, поскольку и меня и Вадима ввели в состав редколлегии журнала «Асимметрия», хотя я, вот уже много лет, не получал для редактирования ни одной статьи. Может быть, это и к лучшему, – какой из меня редактор!

На кафедре были и другие знаменательные встречи, которые заканчивались многолетней дружбой.

Прежде всего, отмечу знакомство с Пинхосом Абрамовичем Подрабинеком. Помимо того, что это был хороший врач, кандидат медицинских наук в подмосковном городке Электросталь, он подготовил и докторскую диссертацию, связанную с математическим анализом не помню точно уже каких медицинских проблем. На кафедру он пришел с просьбой к Г.И.Косицкому быть его оппонентом. Г.И. согласился. И в течение целого года, наряду с доработкой текста, П.А. проводил с нами занятия по математическому анализу.

Защита состоялась в Институте медико-биологических проблем, но прошла с большими бурными дебатами и лишь благодаря небольшому перевесу голосов членов Ученого совета была одобрена. Но в ВАКе она мурыжилась несколько лет. А когда Пинхос получил отказ в ее утверждении, то обратился туда с письмом, в котором, наряду с обоснованным протестом, содержалась «издевательская» просьба разрешить ему защитить эту работу во Франции (язык он знал в совершенстве), где его работа получила очень хорошие отзывы. Но и в этом ему было отказано.

На банкете по поводу защиты
Пинхос и его старший сын Саня Подрабинеки –
в будущем известный диссидент и правозащитник
(Но об этом напишу по ходу дела в другом месте)

Мы с ним подружились. Часто он с женой и детьми приезжал в гости к нам в Удельную, а мы к нему в Электросталь.

Другим замечательным событием оказалось случайное знакомство с Леонидом Абрамовичем Нотовым.

Как-то, не помню уже, в какой газете («Правда» или «Известия») я наткнулся на большущую статью, занимающую на развороте оба полных подвала, под названием «Уроки Леонида Нотова» о замечательном школьном учителе, разработавшем свою оригинальную методику преподавания физики.

Статья мне очень понравилась. И я спросил свою студентку Олю Нотову – «не приходился ли этот Леонид ей родственником?». «Да какой там родственник, - ответила Оля, - это мой любимый отец, вот только отчество его постеснялись указать. Зовут его Леонид Абрамович!» Я напросился к нему на несколько уроков.

Оказалась это школа с углубленным преподаванием немецкого языка размещалась на Соколе в хорошо известном мне здании, где раньше находилось знаменитое летнее училище. Мальчишкой на эту Чапаевскую (теперь уже одну из Песчаных) улицу меня гоняли в лавку за керосином.

Кабинет физики занимал зал немногим больше обычной классной комнаты с примыкающей к ней небольшой лаборантской, перенасыщенной различной аппаратурой для демонстрации физических опытов. Благодаря не только светлым, думающим мозгам, но и умелым рукам Л.А., все эти приборы прекрасно работали. Но эти опыты были не столько демонстрационные, сколько самостоятельные экспериментальные работы молодых исследователей.

Опишу эти уроки в разных классах.

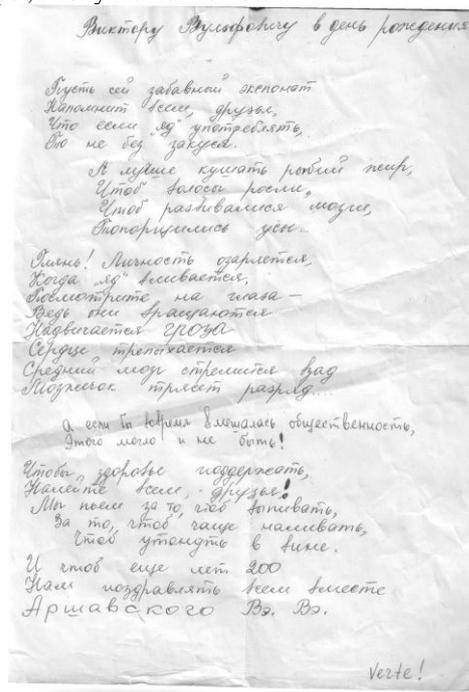
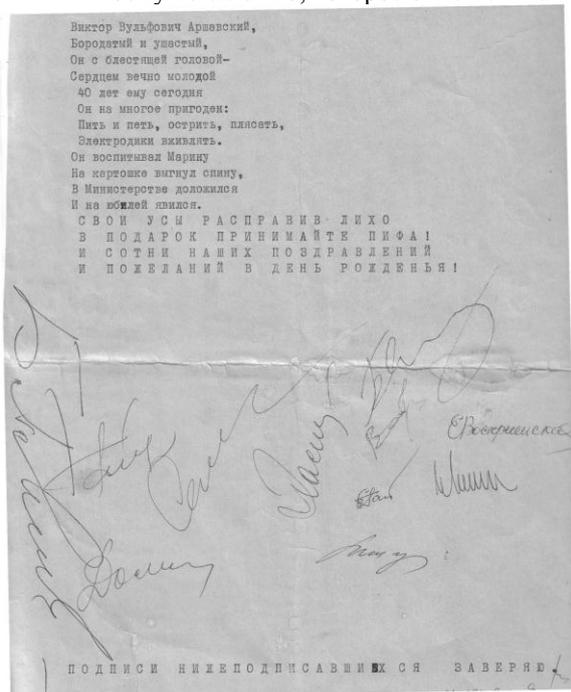
Урок баллистики в курсе механики в младших классах. На столе для экспериментов находятся весы, рулетки, игрушечные деревянные пушки и снаряды к ним. Дети сами взвешивают пушки и снаряды, заряжают пушки и, нажимая на рычажок, стреляют, после чего определяют расстояния, на которое улетели снаряды и откатились пушки, записывая результаты этих измерений на доске и, конечно, у себя в тетрадах.

Урок волновой физики в старших классах. Поперек всей комнаты установлен трехметровый отрезок обычной водопроводной трубы, по периметру которой через каждые 3 сантиметра просверлены отверстия. Один из концов наглухо заварен, и к нему подведен звукогенератор, а открытый конец соединен с газовым баллоном. Ученики сами зажигают газ, поступающий из баллона в трубу, и в затемненной комнате по всей длине трубы появляются ровные язычки огня. Включается звукогенератор и, меняя частоту подаваемых с него импульсов, ученики наблюдают и измеряют изменения длины и высоты стоячих волн, образующихся при различных частотах работы прибора. Результаты этих измерений опять же фиксируются на классной доске и в тетрадях школьников.

На основании результатов таких сравнительных экспериментов дети сами выводят физические закономерности, и лишь после этого обращаясь к учебнику, закрепляя практические опыты и собственные выводы, правда, уже известной теорией.

Не случайно, физика, преподаваемая таким «театрализованным», увлекательным, экспериментальным методом, являлась любимым предметом всех детей в этой школе, без какого-либо исключения.

К моему 40-летию, которое отметили на кафедре, я получил такие послания:

А с Григорием Ивановичем поначалу у меня тоже были хорошие отношения. Вообще он был очень порывистым человеком, и что-то рассказывая, на регулярных семинарах и не очень частых совместных посиделках постоянно жестикулировал руками и даже всем телом, порой и слишком активно, чуть не падая. Иногда мы вместе небольшой компанией ходили в столовую, и меня всегда смешала его манера поглощать эту нехитрую пищу. Он поднимал тарелку и ложкой или вилкой двумя-тремя движениями все ее содержимое отправлял в рот, благодарил нас за компанию, и быстро куда-то убегал. А мы, переглянувшись, только-только начинали есть. (Эта безудержная порывистость во всем, очевидно и явилась причиной его безвременной гибели. Он ехал в автомобиле с детьми, и так неудачно начал перестраиваться в другой ряд, что в него врезалась встречная машина. Дети не пострадали, а он только успел произнести: «Позвоните срочно матери!»). И это были его последние слова).

В Конаково на Волге (точнее на Московском море) была построена замечательная постоянно действующая база 2-го меда. Предполагалось, что студентов будут вывозить туда периодически группами и зимой и летом для проведения занятий и отдыха.

В первое же лето сразу после открытия этой базы вместе с Лилькой мы провели там целый месяц. К моему ужасу ребенок там пытался кататься на водных лыжах (у нее как-то это получалось, хотя она часто падала и оказывалась в воде, а я падал сразу же, как только катер натягивал трос).

На берегу этой базы в Конаково

На базе в Конаково – разговор о чем-то очень серьезном (слева от меня Валера Клевцов, справа - Володя Кобрин)

На сенокосе в Конаково
(На этой очень плохой фотографии где-то мы с Лилькой)

Как-то мы решили пройти по берегу Волги в Конаково, но скоро наткнулись на забор, спускающийся прямо в воду. Поначалу мы хотели перелезть через него, но, заглянув в щель забора, увидели небольшую бухту, в которой стояли яхта и несколько моторных лодок, а на берегу добротный двухэтажный дом, вдоль которого прохаживались охранники. Мы прошли вдоль забора очень большое расстояние. Однако, конца забора не было, так что поход пришлось отменить, и мы вернулись на базу. Потом мы узнали, что это была дача Гришина – первого секретаря Московского городского комитета КПСС. Ну и матерился же я – «суки, хозяева перегородили Волгу и не дают людям пройти». Но хорошо, что не полезли через забор – могло бы и плохо кончиться.

Вечерами мы разжигали на студенческой территории большой костер и горланили различные «неофициальные» песни – Окуджаву, Галича, Кима, Высоцкого. А еще вместо чая пили наш фирменный грог. Делается он так: на костре в большом металлическом чайнике, когда вода едва начинает кипеть, в нее засыпается 1,5 большие пачки чая и много сахара, а затем вливается один, а иногда и два стакана чистого спирта. Этот вкуснейший напиток разливается в кружки и пьется обязательно горячим. Пьется очень легко, становится тепло и весело, но когда приходит пора расходиться по своим домикам, ноги почему-то становятся не очень послушными.

Здесь же на Конаковской базе познакомился с двумя замечательными девочками – студентками из Киргизии. Они мне рассказывали удивительные истории о том, что творится в их республике. Больше всего меня поразило то, что в Киргизии, включая и ее столицу Фрунзе (теперь Бешкек), нет ни одной школы с преподаванием на киргизском языке. С таким апартеидом малых народов я столкнулся много позже, работая на Чукотке и в Корякии.

Как-то с Бобом Павловым мы дежурили в столовой – приносили со склада нужные продукты, помогали поварам готовить обед, а потом разносили его по столам. И при этом, не переставая, пели различные веселые песни. Молодежи такое веселое обслуживание очень понравилось и они активно нам подпевали, а вот более пожилых людей это почему то возмутило, и была отправлена соответствующая цидуля в профком Института. Но там иногда попадались люди, понимающие юмор, и это обличительное письмо не имело последствий.

А вот еще одно послание из Конакова:

*Совершено в одном экземпляре
на конаковском языке 13 августа
в лагере близ д. Плоски.*

Здравствуй Зиночка Васильевна!!!

*Низко бьет тебе челом Конаковская Вольница в лице
ее лучших и избранных представителей кафедры
физиологии*

*А.- (вакансия),
Б.-Павлова,
В.-Аршавского.*

*Спешим тебе сообщить, что мы себя очень хорошо
ведем:*

*на зарядку не ходим; на завтрак, обед и ужин ходим
в обязательном порядке, и всегда с добавкой;
в клозет тоже ходим.*

*Так что, как видишь, с физиологическими
отправлениями у нас все в полном порядке! Вот
только со сном неладно - всех одолела
хроническая бессонница, связанная с нарушениями
сердечной деятельности. Очевидно, это от
того, что пьем одну чистую минеральную вод...у из
Иваньковского водоотстойника и больше в рот
ни-ни.*

*Как там летние кафедрально-институтские дела?
И не подошли ли мои крысы благодаря стараниям
моих девочек?!*

*От секретаря проблемной комиссии по физиологии
УМС МЗ РСФСР тов. В.В.А.*

*(Временно находящегося в изоляции, и
проживающего в одном из удаленных лагерей).*

*Зиночка Васильевна!!! У меня к тебе большая
просьба...*

*Уезжая, Г. И. поручил мне обеспечить перерисовку
рисунков к сборнику материалов Пленума
проблемной комиссии, которая у нас прошла в
марте. Вроде бы за этот сборник я есть
ответственный. Сборник надо сдать срочно к 1-му
сентября.*

*Две наши девицы – умницы и красавицы Леночка
Виноградова и Ирочка Кульгинская взялись за это
дело и уже частично сделали. Но работы еще
много-много... Очевидно, им будет удобнее делать
эти рисунки дома, так как на кафедре всегда что-
то мешает – то какой-то Аршавский, то другие
мальчики, то пойдут на улицу ловить кайф и т.д.
Если будет такая возможность, то освободи их от
кафедральной повинности и разреши им работать
дома, а на кафедре появляться изредка, когда это
необходимо. И уж за эту домашнюю работу я с них
спрошу втроекратно.*

*Целуем горячим конаковским приветом
В.В.А,*

а так же

Боб (синонимы:

Бабок, Бабец, Бабиц и т.д.

все, что начинается со слога баб).

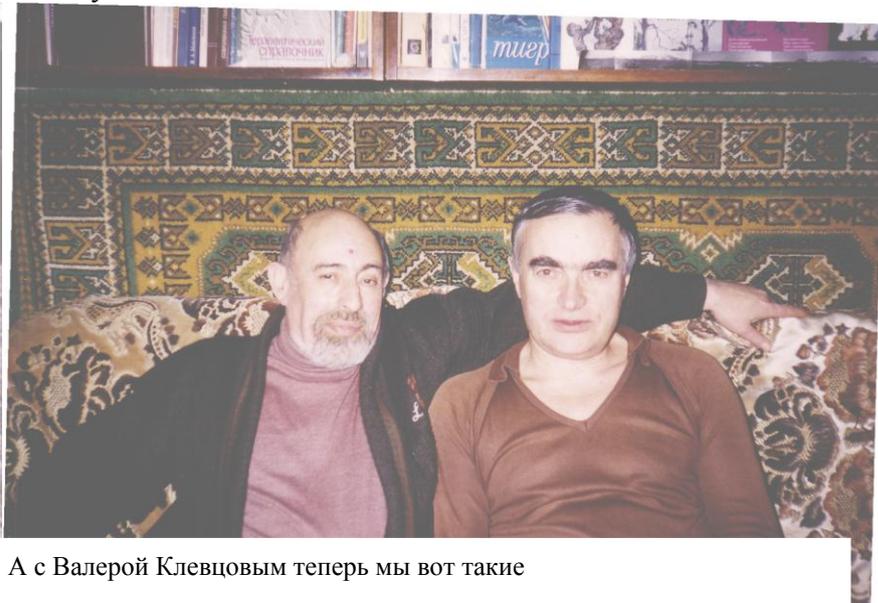
Со многими ассистентами и лаборантами кафедры у меня сложились хорошие отношения. До сих пор с благодарностью вспоминаю Иру Дьяконову, Ирену Мурашову, Таню Кузнецову. Галю Кушнареву и некоторых других. А вот все доценты почему-то относились ко мне с некоторым напряжением, а некоторые открыто враждебно.

Баня. В детстве и все школьные и студенческие годы я редко ходил в баню, и очень не любил эти походы. Предпочитал мыться в ванной, а если ее не было, то мылся дома, используя для этой процедуры не очень большой тазик. Ну а потом долго приходилось мыть пол.

В Нансене, в деревенскую баню, в которой не было специального парного помещения, старался, по возможности, проникнуть одним из первых, пока не приходили настоящие любители и не напускали столько пара, что я в нем просто задохнулся.

Но вот на кафедре подобралась хорошая банная компания, которая меня соблазнила. Ребята утащили меня в парную на верхнюю полку и дружно отхлестали вениками. Мне это так понравилось, что я стал инициатором банных походов, и всегда просил составить расписание так, чтобы у всех любителей бани оставался один, свободный от ведения занятий в своих студенческих группах, день в неделю, который, естественно, выдавался за «библиотечный». Мы оприходовали почти все старые бани в Москве, но особенно нам нравилась парилка в Кадашах, что рядом с Третьяковской галереей. Почему-то именно там доставляло особое удовольствие беззлобно переругиваться с банщиком, который дал мне прозвище «Усы», хотя я давно был не только с усами, но и при своей неизменной бороде. И что только мы не пробовали там пить – и «хищенку», и пиво, и всякие другие напитки, но остановились на крепком чае, который приносили в большом термосе. Как-то в мокрой простыне я случайно сел на газету, на которой были напечатаны портреты Брежнева и Хонеккера, а когда встал, то раздался дружный хохот, - портреты обоих коммунистических деятелей хорошо отпечатались на простыне, прикрывающей мою задницу.

Вот некоторые из постоянных участников этих банных походов

Володи Кобрин уже с нами нет

А с Валерой Клевцовым теперь мы вот такие

Еще одно событие врезалось в память. **Пожар** на кафедре.

Вечером несколько человек еще сидели на кафедре, как обычно, проводя свои очередные эксперименты. И вдруг я обнаружил густой дым, который проник уже и в мой полуподвал. Поднялся по лестнице к телефону, вызвал пожарных, обежал все комнаты и сообщил всем, кто был на кафедре, а они обзвонили всех, кто уже разъехался по домам. Две пожарные машины приехали достаточно быстро. Обнаружив, что пожар возник в закрытой комнате Медико-биологического факультета, пожарные взломали дверь и, в общем-то, быстро потушили огонь. При этом, вся вода через потолок и по лестницам стекла вниз, и в полуподвале ее было почти по колено. У меня погиб электроэнцефалограф, но к счастью другая аппаратура и весь экспериментальный материал не пострадал.

У меня уже начались осложнения на кафедре, о которых расскажу чуть позже, и у некоторых сотрудников возник очень большой соблазн обвинить меня в возникновении этого пожара, и таким образом очистить кафедру от нежелательного элемента. Но на сей раз не вышло, и пришлось вынести благодарность с занесением в трудовую книжку с формулировкой «за спасение имущества кафедры от огня».

Все мои грехи и пороки за годы пребывания на кафедре физиологии сохранились, а некоторые даже усугубились. О некоторых моих конкретных прегрешениях и вспоминать-то стыдно. Я в них искренне раскаиваюсь, прошу у людей, которых обидел, и у Бога прощения, а вот писать об этом не собираюсь. Но уже устал и начал задумываться. Короче, немного подладил под себя шутку Николая Глазкова:

*Не вел я "жизнь анахорета",
А на хер это?*

Как меня ушли с кафедры

Григорий Иванович Косицкий очевидно был наполовину евреем, хотя числился то ли русским, то ли украинцем. Достаточно было хоть однажды увидеть его маму (кажется, ее звали Софьей), чтобы все сомнения на этот счет рассеивались. Сам он не был антисемитом и, очевидно, поэтому на кафедре, вполне интернациональной, еще было несколько скрытых и явных евреев. В очередную антисемитскую кампанию, развернувшуюся в институте, Г.И., вообще-то человек мужественный, очевидно испугавшись за свое многолетнее кресло заведующего кафедрой, все же принял участие, и сделал все, чтобы уволить меня.

Началось все с того, что он поручил мне написать совместную большую статью о стрессе. Задание я выполнил, используя не только свои работы, но и данные некоторых сотрудников кафедры, работающих по этой проблеме, конечно, предварительно переговорив с ними и включив их в авторский коллектив. В этой статье, уложившейся на 25-и страницах машинописного текста и рисунков к ней, всего лишь одну страницу занимали результаты новых, неизвестных Г.И. экспериментов, полученных мной и аспирантом Володей Кобриным на десимпатизированных крысах. Таких животных с нефункционирующей симпатической нервной системой мы получали у крыс, беременным матерям которых вводилась специальная сыворотка, купленная за валюту в Англии и подаренная мне моим хорошим знакомым Иваном Родионовым, исполняющим тогда обязанности заведующего кафедрой физиологии биофака МГУ. Ампул с сывороткой было всего три, и многие сотрудники кафедры стали у меня ее выпрашивать. Так что нам с Володей досталась всего одна ампула, количество сыворотки которой хватило лишь на трех беременных крыс, от которых мы и получили всего три помета. Естественно, что опытов было не так уж и много, но их результаты нас впечатлили настолько, что я решился их вставить в эту злополучную статью. Когда Г.И. дочитал до этой странички, он потребовал показать ему весь экспериментальный материал. Рассмотрев его, он впал в истерику, и начал орать, что на таком небольшом материале результаты не могут быть достоверными (хотя статистическая обработка показала их полную достоверность), скомкал все кривые и вместе со статьей забросил на шкаф. Я пытался его успокоить, говоря, что без ущерба для статьи можно обойтись и без этой странички. А эксперименты надо продолжить (хотя и не понимал, как это сделать - сыворотки ведь больше нет). Но он ничего не слушал, и я просто ушел из кабинета. Больше мы к этому разговору пока что не возвращались.

Где-то месяца через два Володя Кобрин показал мне тезисы конференции в Риге, на которой Г.И. выступал с докладом. Его тезисы занимали ровно одну страницу, а ее содержание было дословно переписано с той странички, из-за которой разгорелся весь сыр-бор. Прочитав эти тезисы, я был страшно удивлен, и, ворвавшись к нему в кабинет, где шла какая-то очередная партийная вечеря, бросил этот сборник на стол и заорал: *«Что же вы, сволочь такая, делаете?»*. Все аж привстали, но я ни на кого не смотрел и выскочил из кабинета. Г.И. поехал специально к моему дяде Илье Аркадьевичу и долго рассказывал ему, какой я нехороший человек и как я некорректно обращаюсь с экспериментальным материалом. Теперь он вынужден будет меня уволить, хотя и не хочет этого делать.

Вскоре после этого, во время очередного субботника по уборке «неожиданно» навалившего во дворе снега, одним мерзким типом – нашим лекционным ассистентом – был спровоцирован конфликт, после которого на кафедру пришел какой-то дядька и заявил, что он был свидетелем того, как я избивал этого человека. Присутствующие при этом конфликте сотрудники, напротив, единодушно говорили, что ничего подобного они не видели. Тем не менее, меня все же с треском уволили!

Но здесь, возможно, была еще одна причина. Меня сильно недолюбливал (и скорее всего, не без причины) доцент кафедры и парторг В.М.Смирнов - человек недалекий и не интересный. (После трагической смерти Г.И.Косицкого он стал зав. кафедрой). Над ним я, не особенно скрываясь, часто подсмеивался: *«Нашему доценту цена ниже цента»*.

А после одного его доклада, немного исказив фразу одного знаменитого физика, я сказал: *«Теория не очень красивая, поэтому, вероятно, абсолютно ложная»*. Да еще присовокупил известное высказывание К.А.Тимирязева: *«В этой работе много ценного и нового, но то, что ценно – не ново, а то, что ново – не ценно»*.

Вскоре по Москве поползли слухи – будто бы я дал в морду Косицкому. Многие знакомые мне эти слухи пересказывали. Но я особенно и не возражал, а отшучивался: *«Ходят же по Москве различные шлюхи»*.

Походив пару недель в безуспешных поисках работы, я как-то зашел во Фрунзенский райком партии и был принят там вальсяжной дамой, ответственной за научную и педагогическую работу. Рассказал ей всю эту историю и в конце прибавил: *«У меня сложилось ощущение, что это увольнение связано с моей национальностью»*. На это она отреагировала моментально, заявив приблизительно следующее: *«Этого быть не может. Но, конечно, если на вашей кафедре слишком много евреев, то это нарушает процентное соотношение сотрудников различной национальности»*. На этой фразе я рассмеялся, и едва удержался, чтобы не бросить ей на стол партбилет. Ушел не прощаясь.

Возвращаясь к той злополучной статье, могу сказать: много позже, уже работая в Магадане, все ж, немного переделав, я депонировал её во Всесоюзном институте научно-технической информации (был тогда такой модус публикаций статей не только в журналах).

Но Г.И. Косицкий был, все же, злопамятным человеком, а может быть он и испытывал угрызение совести. Как-то, уже с Колымы, я выслал Володе Кобрину вызов на симпозиум «Биологические проблемы Севера», проходящий в Магадане и на острове Врангель. Г.И., узнав об этом, стал орать, как обычно, размахивая руками: *«Что, захотелось повидаться с Аршавским и поблагодарить его за эту статью, или может быть с Ковалевым?»*, и конечно не отпустил его. Ума не приложу, откуда он мог узнать, что Сережа Ковалев находился в ссылке на Колыме и я его иногда посещал?

Перед главной работой

Второй промежуточный период

Мои спортивные успехи. Тем же летом, еще до моего увольнения из 2-го меда, знакомый предложил мне поработать в паре с ним вторым врачом на сборах знаменитой гандбольной команды спортивного клуба «Кунцево» – первого всесоюзного чемпиона. Я был очень смущен и сказал, что, в общем-то, не врач, но он заявил: *«Это не имеет ни какойшего значения – будешь врачом–физиологом в составе научной бригады»*. А бригада эта всего-то и состояла из двух человек. Зарплату мне платить не будут, а вот питание, проживание и все поездки за их счет. И это было прекрасное лето.

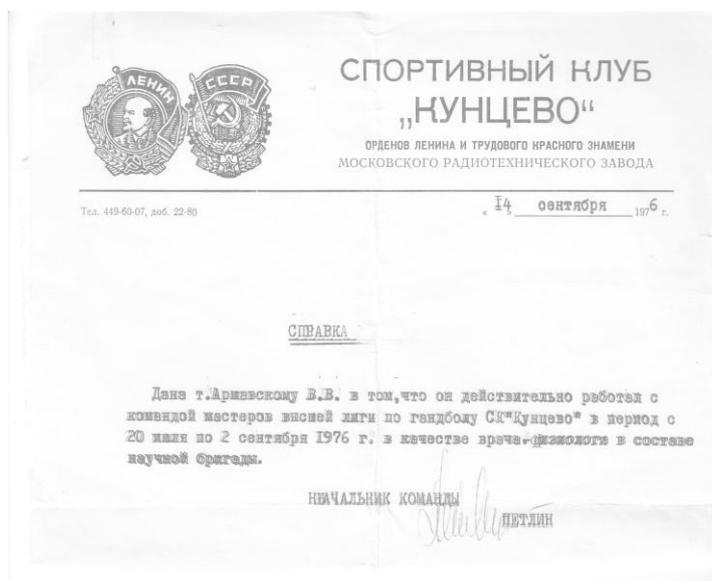
Я никогда не имел дело со спортсменами-профессионалами, и мне казалось, что это серая публика, интерес которой заиклен только на своих спортивных достижениях. Но это оказалось далеко не так, и со многими из них мы проводили время в интересных беседах на самые различные темы.

Первые две недели мы провели на Олимпийской базе за Подольском, и я с интересом наблюдал всю систему подготовки спортсменов к чемпионату на первенство Европы. На этой Олимпийской базе, в роскошном имении Саввы Морозова, располагался реабилитационный центр, оборудованный первоклассной физиологической аппаратурой. И помимо обязательной велоэргометрии с записью электрокардиограммы, с разрешения начальника команды и тренеров и при полном согласии спортсменов, я провел исследование ночного сна почти у всех гандболистов этой команды. Эти наблюдения, в полном соответствии с гипотезой поисковой активности, выявили изменение длительность фазы быстрого сна в зависимости от уровня тревоги, возникающей после выигранных или проигранных тренировочных игр, по результатам которых и должна была формироваться команда для участия в матчах на первенство Европы.

Я никогда не был активным спортивным болельщиком. Но когда уже значительно позже, в Магадане, по телевизору увидел игру этой команды на каком-то соревновании, то почти всю ночь, не отрываясь от «ящика» орал: *«Наши выигрывают!»* или *«Наши проигрывают!»*, не давая спать жене. Выключил телевизор только тогда, когда «Наши выиграли!», но еще долго не мог заснуть, переживая все перипетии этой игры.

После недельного отдыха вся команда уехала на окончательные отборочные игры в Адлер. Там уже не было такого реабилитационного центра. И, выписав на неделю вперед рацион для всей команды, я отправлялся путешествовать.

Гулял по Ботаническому саду Адлера, обошел всю Самшитовую рощу, ездил к знакомым в Сочи, посещал обезьянник в Сухуми, спускался в Новоафонские пещеры; а также на два дня смотался к знакомым в Тбилиси, где познакомился с известными физиологами Михаилом Хананашвили и Александром Ройтбаком, с которыми мы долго обсуждали нашу гипотезу поисковой активности, продегустировав при этом изрядное количество различных замечательных грузинских вин.

Эти мои экскурсии не вызывали восторга у руководства команды, но все же они выдали мне вот такой документ.

А ближе к осени с этой бумажкой меня временно (до утверждения на Ученом Совете) приняли на должность преподавателя на кафедру физиологии ЦГОЛИФК (Институт физкультуры), которой руководил мой знакомый Алик Коц, и целый семестр я вел практические занятия (надо сказать, весьма специфичные, - отличные от занятий на кафедрах физиологии в Медвузах) в нескольких студенческих группах.

Студенты оказались разные. Были люди без особого гонора от своих спортивных успехов, понимающие, что в институт пришли за знаниями, (среди них и мои знакомые со сборов гандбольной команды), и люди, уже испорченные своей чемпионской славой, требующие зачета не за знание предмета, а за свои спортивные успехи. (К примеру - знаменитая фигуристка Ирина Роднина – человек, конечно, неординарный, но уже с «перевернутыми» и малоподвижными мозгами).

А накануне Ученого Совета, где меня должны были избрать на должность доцента, в партком Института несколько раз кто-то (предполагаю даже, кто, с кафедры 2-го Меда) звонил и, долго рассказывая о моих «прегрешениях», настоятельно не советовал утверждать меня в должности. Так меня и не утвердили. Но об этом я совсем не сожалел, хотя, следующие почти 2 месяца сидел без работы.

Но это безработное время не было потеряно даром.

Почти все дни я просиживал в Сеченовской библиотеке, просматривая работы по межполушарной асимметрии человека, в результате чего появилась разработка для студентов по этому достаточно новому физиологическому направлению. Тогда я еще и не мог себе представить, что эта проблема захватит целиком настолько, что станет главной работой до самого конца моей научной карьеры.

Гипнотические сеансы В.Райкова

С профессором Владимиром Райковым, замечательным врачом-психотерапевтом, и, очевидно, неплохим художником и поэтом, меня познакомил Вадим Ротенберг (хотя виделись мы и раньше, еще в сумасшедшем доме). Наиболее привлекал разработанный им метод развития творческих способностей детей в гипнозе. В основе этого метода лежала активация художественного творчества детей во время внушения им манеры творчества великих художников; после нескольких сеансов такого внушения дети уже в своей собственной манере начинали рисовать значительно более талантливо.

Я присутствовал при этих сеансах и помогал в налаживании записи электроэнцефалограммы.

Не менее захватывающими были сеансы гипноза, связанные с регрессией (забыванием) возраста у взрослых людей. Коротко опишу сеансы, на которых я присутствовал:

- 1. Групповые сеансы внушения взрослым людям возраста 3-4-х летних детей (начинались активные детские игры и ссоры из-за игрушек и т.д.);*
- 2. Сеансы внушения взрослым людям возраста новорожденности (появление расходящегося косоглазия, рефлекса А.Бабинского - гримаса плача при надавливании на пятку, сосательного рефлекса, хватательного рефлекса и т.д.);*
- 3. Сеансы внушения воспоминаний давно забытых иностранных языков, изучаемых в молодом возрасте (взрослые дяди и тети изъяснялись между собой, но каждый на своем, иностранном языке);*
- 4. (На этом опасном сеансе я не присутствовал и рассказываю со слов В.Райкова) Взрослому мужчине был внушен возраст последних дней внутриутробного развития (возникла остановка дыхания, в связи с чем, сеанс пришлось срочно прекратить и оказывать медицинскую помощь испытуемому).*

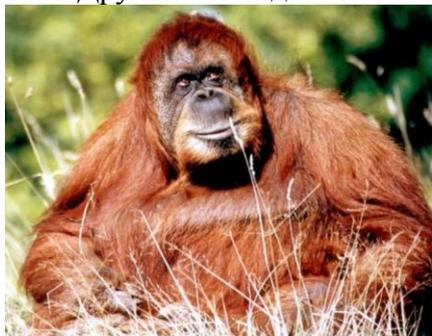
Орангутанги

В один из этих дней, кажется, Борис Данишевский пригласил меня понаблюдать, как обучают абстрактному языку человекообразных обезьян. Это были громадные орангутанги.

Для подобных опытов в Америке уже использовали таблички с иероглифами, из которых обезьяны строили необходимые им слова и даже целые предложения, а потом стали использовать компьютеры, на клавиатуре которых они обучались набирать требуемый текст.

У нас же никаких компьютеров еще не было и в помине, и эти орангутанги в процессе игры обучались находить отдельные буквы, нарисованные на детских кубиках, и составляли из них необходимые слова, строя из них короткие предложения, за что получали любимые ими бананы. Во время одного такого эксперимента лаборантка замешкалась и забыла отблагодарить обезьяну. Та страшно возмутилась такому невниманию и устроила скандал. Стала бегать по клетке и страшно визжать, а затем просунула руку через прутья и, к нашему растерянному ужасу, схватила лаборантку за халат, подтащила ее к клетке, а второй рукой стала показывать на кубики, потом бить себя в грудь и по голове, периодически тыча пальцем в испуганную девицу, явно показывая жестами, что она все правильно сделала, а ее не угостили. Так продолжалось до тех пор, пока справедливость не восторжествовала. Все обошлось благополучно.

Другое наблюдение было не менее впечатляющим.

В городе стояла страшная жара - где то ~ 40°. Душно было и в обезьяннике, где пожилой самец, лениво почесываясь, расположился на громадном накаченном автомобильном баллоне и явно не собирался никого больше туда пускать. Когда мы зашли в этот вольер, эта огромная обезьяна неохотно осмотрела нас, потом сдвинулась на край баллона, указала пальцем на Дашевского, и стала похлопывать по свободному краю баллона, приглашает его отдохнуть рядом с ним, чем он ненадолго и воспользовался.

Поистине, как выразился Д.Самойлов: *«Мы не произошли от обезьян. Мы просто многому у них научились»*.

Следующие полгода я провел в лаборатории сравнительной нейробиологии позвоночных Института эволюционной морфологии и экологии животных.

Меня приняли на временную работу в группу А.С.Асланова, которая территориально располагалась в «сумасшедшей больнице Кашенко». А.С. был известным человеком, но не столько как ученый (хотя несколько его совместных работ были интересными), сколько благодаря своим военным заслугам. По торжественным дням он приходил в институт в мундире, полностью увешанном боевыми наградами, а выше всех сверкала звезда героя. Я предложил ему провести работу по межполушарной асимметрии и сну на группе студентов во время экзаменационной сессии. Но аппаратуры не было (а свой французский прибор я без инженеров боялся подключать). Использовали только различные психологические тесты, еще мало мне знакомые. Исследование получилось интересным, но отсутствие электроэнцефалограммы делало его недостаточно полноценным.

В основной же лаборатории работали очень интересные люди (Володя Ковальзон, Саша Супин, Лева Мухаметов), и исследовали они структуру сна различных животных. Мы часто проводили время за «умными» беседами, а они соблазняли меня поехать с ними в экспедицию в Утришский дельфинарий на Черном море. Но поехать с ними я не смог, и вместо себя подсунил им Лилю, надеясь, что она из этого материала сможет оформить хорошую дипломную работу. Действительно она привезла из Утриша несколько интересных записей сна дельфинов,

Лилька в Утрише

которые я потом внимательно просмотрел и даже набрался нахальства поспорить с настоящими специалистами в этой весьма специфической области, работающими в лаборатории. Но дипломной работы не получилось, да и нужна ли она была на биофаке Педагогического института...

Но из Утриша Лилька привезла и более ценный груз – генетика Мишу Глазкова, который стал ее мужем. Они подарили мне двух замечательных внуков – сначала Лешу, а много позже и Антошу.

Но долго в группе А.С.Асланова я не задержался и, благодаря стараниям Вадима Ротенберга, перешел в лабораторию психофизиологии 1-го Московского Медицинского Института, руководимую Феликсом Борисовичем Березиным, на должность старшего научного сотрудника. (Судьба снова свела меня с Вадимом, который уже некоторое время работал в этой лаборатории, и не разлучала нас все последующие годы, хотя вскоре я перебрался в Магадан, а он через некоторое время уехал в Израиль). Так что я опять оказался в Олсуфьевском переулке, через забор с большой дырой от кафедры физиологии, откуда был совсем недавно уволен. Круг почти что замкнулся. Но эта неполная замкнутость оказалась мощным толчком к моему окончательному формированию и открыла самостоятельный путь в физиологии человека.

Феликс Борисович (за глаза его называли просто Филя) сразу подкупил заявлением о том, что его не интересуют причины и обстоятельства, по которым меня увольняли с предыдущих мест работы. Он был достаточно известным специалистом в психодиагностике пограничных психических состояний и неврозов, широко используя и адаптируя к реальным условиям тогда еще редко и с опаской применяемые методики различных психологических тестов. Наиболее известна была его книга (в соавторстве с М.П.Мирошниковым и Р.Б.Рожанец) «Методика многостороннего исследования личности» (1976 г.). Некоторые из этих психологических тестов я освоил и потом применял их в своих исследованиях на Северо-Востоке.

Моя работа была связана с электрофизиологическим исследованием больных. Но стационарного электроэнцефалографа в лаборатории не было и мы использовали аппаратуру и экранирующую камеру, принадлежащую клинике. Но нашими усилиями это вторжение на чужую территорию продолжалось не очень долго – просто мы сожгли институтский «Альвар». А дело было так. В один из дней по расписанию мы должны были исследовать пациента, но меня Филя задержал каким-то разговором, и Вадим с Наилем Рашидовым, которого я обучал методике ЭЭГ, ушли в электрофизиологический кабинет клиники накладывать больному электроды, и, не дождавись меня, включили прибор. Через какое-то непродолжительное время Вадим с испуганным лицом спустился в лабораторию и сказал: «*Витя, там из прибора идет густой и вонючий дым?!*». Мы все бросились на место аварии и быстро установили причину. Дело в том, что приборы были настроены на напряжение 120 в, а вилку от него Вадим, не зная этого, включил в розетку с напряжением 220 в. Обе розетки с разным напряжением, но без всякого указания об этом, находились рядом на одном щите. Шум поднялся страшный. Но все же быстро сообразили, что уличить нас в злонамеренных действиях нет никаких оснований. Да и прибор был уже далеко не новый. Поэтому клинике пришлось приобретать новый электроэнцефалограф и подключать его уже с полной «защитой от дурака». Но потом Березин еще долго жаловался на то, что из-за этого несчастного случая ему в тот период задержали присвоение звания профессора.

Со всеми сотрудниками лаборатории у меня сложились очень хорошие рабочие, а с Наилем Рашидовым и Сашенькой Долмыковой и просто дружеские отношения.

Все же основная моя работа происходила не в институте, а в постоянных экспедициях на Северо-Восток России, где у Ф.Б.Березина был заключен договор с Дальневосточным отделением Академии наук, а конкретно с Институтом биологических проблем Севера, находящимся в Магадане.

Наши исследования проходили не только в Магадане, но и в некоторых поселках Колымы и Чукотки, во Владивостоке и в бухте Витязь, в Петропавловске Камчатском и на Паратунке, куда каждый раз приходилось возить имеющийся в лаборатории итальянский портативный многоканальный электроэнцефалограф.

В этих экспедициях Феликс Березин и его жена Елена Соколова открылись как приветливые и остроумные люди, которые не отделялись, а всегда поддерживали нашу компанию, и с удовольствием принимали участие в вечерних посиделках, конечно с выпивочником и замечательными песнями под гитару. Но иногда Филя вдруг проявлял свою амбициозность и всезнайство.

Когда мы работали на биостанции в бухте Витязь в заливе Петра Великого (недалеко от Славянки под Владивостоком), Ф.Б. никак не удавалось подобрать группу для исследований (сначала все дружно соглашались, но потом так же дружно уваливали от них). Но поскольку там было много моих хороших московских знакомых из Института проблем передачи информации и Института биофизики (Левон Чайлахян, Гриша Орловский, Володя Смолянинов, Ефим Либерман, Миша Кубланов, Лера Петриевская и еще много других), то мне не составило труда быстро их всех уломать, а за ними потянулись и остальные. Работали мы в двух небольших комнатах (в одной проводилось психологическое тестирование и собеседование, а в другой запись ЭЭГ), и из-за этих разговоров при тестировании мне приходилось ловить более-менее тихие промежутки для исследования ЭЭГ. Да еще Филя часто врывался в мою комнату и с важным «профессорским» видом пытался меня учить, как правильно проводить запись. Как-то я не выдержал, и, довольно грубо, попросил его не мешать мне работать, поскольку в регистрации и анализе ЭЭГ я разбираюсь несколько лучше, чем он. Он, конечно, обиделся, но продолжал свои поучения. Тогда я взял этого низенького, тщедушного человечка сзади под мышки и, под ехидные смешки испытуемых, просто вынес из комнаты. Вечером разразился скандал. Но его жена Елена Дмитриевна как-то все сгладила, и дальше все исследования пошли нормально.

Работа меня захватила полностью. Стали очевидными кардинальные отличия в характере восприятия и переработки информации у коренного и пришлого населения этих регионов, связанные с популяционными особенностями типов полушарного реагирования этих групп населения Северо-Востока. Меня стали все больше занимать, наряду с медико-биологическими, и чисто гуманитарные проблемы, вытекающие из этих различий.

Но где-то года через два я пришел к выводу, что экспедиции это замечательно, но все же работа станет более полноценной, если будет приближена непосредственно к объекту исследования. И я перевелся на работу в Магадан - в Институт биологических проблем Севера, уже навсегда покинув свою Москву.

Магадан – явление I – за здоровье

Таня

Если быть честным, то все же в Магадан я уехал не столько из-за интересной работы, сколько к Тане Попович, которая уже давно работала в Институте биологических проблем Севера в лаборатории нейро-эндокринных регуляций.

Таня

Она пронзила меня в первую же нашу экспедицию своей удивительной похожестью на еще студенческие, но тогда не состоявшиеся, а теперь уже потускневшие, серьезные увлечения. Таня долго колебалась, а я пользовался каждой возможностью смотаться в Магадан. В Москве же я тосковал и забрасывал ее письмами, в которых называл ее Сверчком, и не всегда находя необходимые слова, часто прибегая к помощи настоящей изящной словесности.

То вспоминался Пушкин:

*Она мне жизнь, она мне радость,
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость...*

*И может быть на мой закат печальный,
Блеснет любовь, улыбкою прощальной.*

То «Ромашка» моего любимого Пришвина:

Радость какая!

На лугу в лесу встретилась ромашка, - самая обыкновенная «любит - не любит». При этой радостной встрече я вернулся к мысли о том, что лес раскрывается только для тех, кто умеет чувствовать к его существам родственное внимание. Вот эта первая ромашка, увидев идущего, загадывает: «Любит — не любит?» «Не заметил, проходит, не видя: не любит, любит только себя. Или заметил?.. О, радость какая: он любит! Но если он любит, то как все хорошо: если он любит, то может даже сорвать».

Да и многих других моих любимых поэтов.

Таня в лаборатории

В экспедиции в Магадане на сопке в бухте Гертнера – (слева направо) Анатолий Ткачев, Лида Варик, я, сын и жена Ткачева – Галя, Любовь Калачева, Лидия Соколова, Филя Березин

А вот еще необычное письмо с Камчатки из Паратунки, написанное на бересте (за много лет оно уже все рассыпалось и его трудно прочитать).

Сверток / Любовь
 Я пишу тебе из Берсе
 тебе очень уютно, позн
 коротко.
 1. Я очень, очень люблю
 тебя.
 2. Живем мы здесь
 на южной стороне
 станции в Паратунке.
 3. Я люблю тебя

4. Живем как в до
 шовском саду.
 Много солнца, све
 жее, мало гра
 да, две дюймовой
 5. Я очень люблю
 тебя
 6. Работы пока немного
 но скоро будет...
 7. Я очень люблю
 тебя
 8. Купался утром
 и ночью в термальном
 бассейне. Вода очень
 хороша - очень приятно

И, что
 было в Берсе
 впервые о фанас
 туйон сози
 Равнины земли
 утро скорых от
 буйством красок
 и любовь
 Все будет

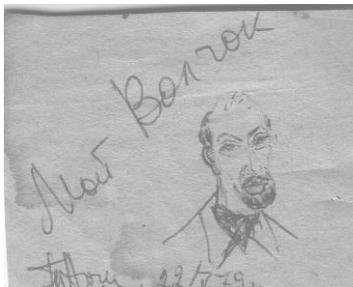
10
 7. Я. Д. помню
 на вулкан
 с иззерми -
 проблематично
 11. Очень люблю
 тебя, одиноко
 и сильно скучаю
 и жезу, жезу
 Я

Как то Таня пригласила меня и еще одного ботаника из Ленинграда (по фамилии Васьковский – имя, к сожалению, запомнил) в гости на обед. Пока мы сидели за низеньким столом в ожидании пока сварятся пельмени, она вдруг вспомнила, что вот выпить у нее нечего, кроме спиртовой настойки на таких жгучих маленьких красных перчиках, что все отказываются ее пить. Мы же заявили, что это нас не пугает. И под вкуснейшие Танины пельмени осушили всю бутылку. Васьковский, несмотря на свой изрядный алкогольный опыт, морщился, а я, - любитель всего острого,пил с удовольствием и даже съел все эти перчики. У обоих наблюдателей этого трюка глаза полезли на лоб.

Вскоре после этого обеда, наконец-то, к моему вящему счастью, Таня согласилась сменить фамилию Попович на Аршавскую.

Потом Таня мне рассказала, что еще в аспирантуре в Питере ей гадали на суженого. Будто она уедет не в Ригу, а далеко-далеко, куда к ней прискачет

суженый на белом коне. Ну не на коне, а на белом самолете за ней прилетел в Магадан Витя Аршавский. И через 17 лет кроме любимой дочки Лили у меня появился любимый сын Анджей.

Первый мой портрет Таниной работы

Мы уже вместе – тоже Танин рисунок

С бабцей Франей

С мамой

Ну и гланды

Сладкая парочка

А это с бабой Любой в Магадане

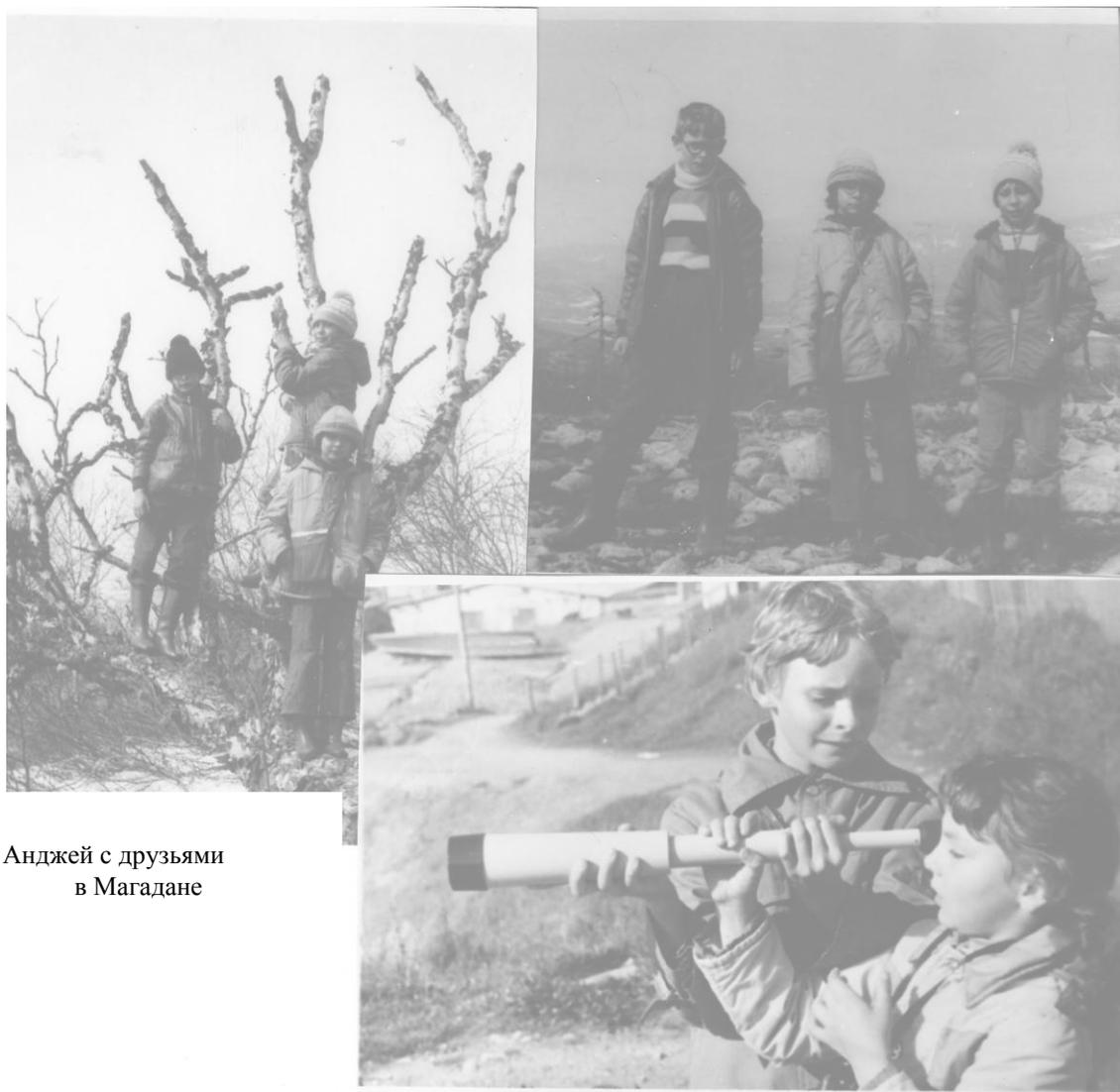

В Риге на санках

В детстве Анджуля был слабеньким ребенком и чем только не болел. А в Магадане всего один день ходил в детский садик, а на утро с очень высокой температурой попал в детскую больницу, где не смогли поставить точный диагноз, и он чуть было не помер прямо у меня на руках. Но замечательный доктор А.Сапунов (очень характерная для отоларинголога фамилия) диагностировал гайморит, сразу перевел в свое отделение, выкачал гной и спас ребенка.

По этому поводу мы так надрались, что когда я одевался, чтобы проводить Сапунова с женой домой, он не узнавал меня в полевом, как у летчиков шлеме, а когда снимал его, то расплывался в улыбке и кричал: «Так это же Витя!». Так повторялось несколько раз, пока я не сообразил подарить ему этот шлем.

Анджей с бабушкой срочно уехали в Ригу, где ему вырезали гланды, после чего болеть он перестал и уже здоровым ребенком вернулся в Магадан прямо в школу.

Анджей с друзьями
в Магадане

Магадан

История города (Из Интернета.)

Откуда взялось название до сих пор точно не известно. По одной из версий оно произошло от эвенского слова «монгодан» — морские наносы, по другой — «монгот» - высохшее дерево, тогда «монгодан» - скопление сухих деревьев, по третьей - от прозвища бедного эвена Магды - «трухлявого пенька», обитавшего здесь когда-то.

Флаги герб Магадана

Но, скорее всего, так называлось место в устье реки Магаданка, вблизи впадения ее в бухту Гертнера, на берегу которой по весне собирались представители различных коренных народов, проживающих на Колыме и даже на Чукотке, для мирного обмена различным ходовым товаром, добытым за осенне-зимний период, – такое своеобразное «торжище».

Посёлок Магадан был основан в 1929 г., а городом стал 14 июля 1939 г. В 1930—1934 годах был центром Охотско-Эвенского национального округа. С 1931 до середины 50-х годов — административный центр треста «Дальстрой НКВД СССР». С 1954 г. — областной центр Магаданской области, в которую входил и Чукотский национальный округ. Расположен на берегах бухты Нагаева и бухты Гертнера Охотского моря.

В Магадане находится 6 научно исследовательских институтов: ВИИИ 1 (Институт золота и редких металлов), Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, Институт биологических проблем севера ДВО РАН, Научно-исследовательский центр "Арктика" ДВО РАН, Магаданский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), Зональный институт сельского хозяйства, 4 ВУЗа: Северо-Восточный государственный университет, Филиал Хабаровского политехнического института, Заочный юридический институт, Институт повышения квалификации учителей, 22 общеобразовательные школы, 7 профессионально-технических училищ, 11 библиотек, в т.ч. Областная научная универсальная библиотека им. А.С.Пушкина и несколько музеев, среди которых следует выделить Краеведческий музей, Областной театр и концертный зал.

В этой справке, конечно, нет главного. Вся Колыма представляла собой один из самых суровых лагерей ГУЛАГа. В 1928 году здесь нашли богатейшие месторождения золота, и власти приняли решение осваивать эти месторождения силами заключенных. Главой предприятия «Дальстрой» назначили видного чекиста Э.Берзиня. Через некоторое время на берегах бухты Нагаево возник Магадан – «столица Колымского края».

В Краеведческом музее, который тогда располагался в лагерном бараке, было несколько примечательных экспонатов. Один из них демонстрировал две газеты, висящие рядом. Почти на целой странице «Правды» опубликован «Указ о награждении орденами наркома Серго Орджоникидзе и начальника «Дальстроя» Эдварда Берзиня, а также большой группы инженеров и рабочих – сотрудников «Дальстроя». На развороте «Магаданской Правды» слева был перепечатан этот Указ, а справа – «Постановление о досрочном освобождении заключенных», в котором в том же порядке были перечислены те же фамилии, что и в «Указе о награждении». Не знаю, сохранился ли этот экспонат в новом здании музея, а вот барак снесли. А жаль, ведь он сам представлял историческую ценность. Кстати, вскоре после этого «Указа» Э.Берзинь был арестован и расстрелян, а на его место был назначен Гаранин, вошедший в историю своими знаменитыми «гаранинскими расстрелами». Симпатичный домик Берзиня прямо на берегу Нагаевской бухты, из окна которого он наблюдал за приходом пароходов, из трюмов которых выходили новые отряды подконвойных заключенных, а потом выносили трупы умерших зеков, сохранился, и в нем располагался «Освод».

(Из интернета)

Теперь в Магадане на сопке Крутая, где находилась «Транзитка» - перевалочный пункт, с которого этапы заключённых отправляли по разным колымским лагерям, установлен монумент работы Эрнста Неизвестного «Маска Скорби», посвящённый памяти жертв сталинских репрессий, которые были заключены в лагерях ГУЛАГа. Центральная скульптура монумента представляет собой стилизованное лицо человека, из левого глаза которого текут слёзы в виде маленьких масок. Правый глаз изображён в форме окна с решёткой. На обратной стороне видны плачущие женщины и обезглавленный мужчина на кресте. Внутри монумента находится копия типичной тюремной камеры сталинских времён.

Это улица Ленина, которая начинается почти от Нагаевской бухты, тянется через весь город и плавно переходит в Колымский тракт, идущий аж до Якутии, поэтому ее в народе и называют самой длинной улицей Ленина в мире.

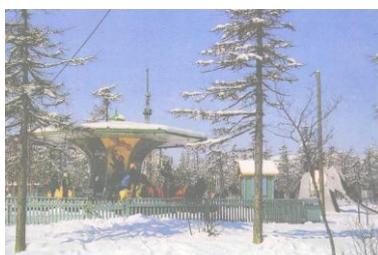

Монумент-мемориал «Маска скорби»

И только с середины пятидесятых годов силами японских военнопленных стали застраиваться довольно красивыми домами основные улицы Магадана. Одним из архитекторов этой застройки был мой школьный друг Толя Лиховицкий, неосуществленная идея которого состояла в том, чтобы естественно вписать дома в окружающие город сопки.

Магадан расположен на той же широте, что и Петербург, но сюда не доходит дыхание Гольфстрима, и погода здесь несколько иная. Зимой (при мне) температура не превышала 18° мороза (говорят, что бывает и ниже, ~ 30°), а во время нескольких зимних вьюг, которые длятся по 2-3 дня, резко повышалась и до 5° мороза. При этом поднимается такой сильный порывистый ветер, что дышать трудно – впечатление, что воздух вырывается изо рта, а снега в проходы между домами наметает столько, что преодолеть эти сугробы тоже затруднительно, и я почему-то всегда упирался лбом в угол почти каждого дома. В такие дни лучше не выходить из дома, хотя в квартире ветер свистит прямо через стену. А вот лето холодное и дождливое. Относительно хорошая погода держится не более 2-х недель – в конце августа и начале сентября. По этому поводу магаданцы шутят, что северные надбавки они получают не за холодную зиму, а за плохое лето. Но стоит перевалить за сопку, и уже на 23-м километре Колымского тракта сразу попадаешь в зону уже не морского, а резко континентального климата – чуть ли не до 50° жары летом, и до 50° мороза, а то и ниже, зимой.

Но уже в марте на Снежке можно было кататься на лыжах вот в таком виде:

Магаданский парк

А вот еще одна достопримечательность Магадана - халцидоны (агаты, топазы) в музее СВЕКНИИ.

Но похожие камешки мы находили на реке Ола, впадающую в бухту Гертнера.

Наш дом (на 4-м этаже 3 крайних окна справа) – стандартная 5-ти этажная «хрущевка» - находился на самой верхней точке Нагаевской сопки. По утверждению старожилов, он был построен на костях, т.е. на месте захоронения заключенных.

Но вид из окон нашей квартиры, - как то приглушал эти мрачные воспоминания.

И вся чаша нагаевской бухты.

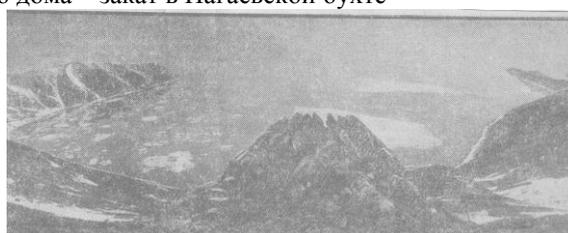
А раньше могло выглядеть вот так (Из интернета)

Из окна нашего дома – закат в Нагаевской бухте

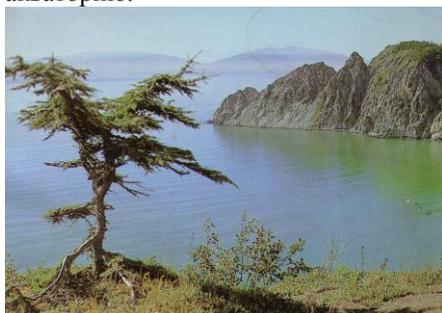
Три брата (Танин рисунок)

Каменный венец

В ясную погоду это очень красивая бухта, особенно на восходе и закате солнца, а перед входом в нее стоят три огромные скалы разного размера, которые вместе называются «Три брата». Справа над бухтой нависает сопка, у подножья которой располагается Магаданский порт, а слева сопка, нависающая над Рыбным портом, на вершине которой выветренные скалы, носящие название «Каменный венец». В шутку у всех наших многочисленных гостей я просил по 20 копеек за просмотр этой красоты.

Нагаевская бухта судоходна, а ближе к Охотскому морю располагается база военных кораблей, в т.ч. атомных подводных лодок, которые в надводном положении иногда на огромной скорости пересекают всю акваторию.

Сопка с «Каменным венцом» спускается в не менее красивую бухту Гертнера, которая, правда, несудоходна для больших кораблей.

Бухта Гертнера утром и на закате

От большинства районов нашей страны, включая и Сибирь, и Дальний Восток, где продовольственные магазины были зачастую пустые или полупустые, Магадан отличался и тем, что с продуктами дело обстояло здесь достаточно хорошо. А уж рыбный магазин просто поражал своим изобилием. Ну а такой ослепительно-вкусной, тающей во рту селедки (и свежей только что выловленной, и самого разнообразного посола с головами и уже без них, и маринованной, и копченой) я нигде больше не встречал. А вот в летнее время на площадях останавливались грузовики, доверху набитые прямо с сейнеров на причале рыбного порта, горбушей или колоссальных размеров камчатским крабом. И торговля по баснословно низким ценам шла прямо с машин. Люди придирчиво осматривали и ощупывали рыбу, чтобы она была обязательно с икрой. А крабы, очевидно от скуки, иногда вылезали из этой крабьей кучи малы, переваливались через борт машины и расползались по всему городу. Их ловили и водворяли обратно на грузовик, а иной раз прямо уносили домой, не оплатив покупку. И во всех домах начинался рыбный пир.

Крабы с очень вкусным густым темным пивом с названием «Магаданское».

(по рецепту какого-то лагерника – немца)

В общем, по рецепту — «Теркина на Том свете»: *«Выьем здесь, закусим тут.*

На Том свете не дадут».

Вообще -то умереть с голоду в Магадане просто невозможно.

Зональная цена продуктов в магазинах на 10-15 коп выше, чем в Москве, но при зарплатах в 2 – 2,5 раза выше, эта разница совсем не заметна. Помимо многочисленных общепитовских столовых в этом небольшом городе функционировало 13 ресторанов самого разного достоинства. Но особо изощренные гурманы по выходным дням иногда летали кутить в московские рестораны, благо, что стоимость билета на самолет до Москвы (даже после повышения цен) составляла всего 167 руб.

Еще раньше, когда ездили в экспедиции из Москвы, мы ходили обедать в обкомовскую столовую с очень вкусной и баснословно дешевой едой, которая открывалась для всех после удовлетворения аппетита прожорливых партийных бюрократов. Но потом стало противно питаться остатками с «барского стола», и эти посещения заветного заведения прекратились. Да скоро оно и закрылось для общего посещения. Очевидно, все пожирала эти шакалы, а остатки разворовывал персонал.

Но можно было зайти в любой дом к многочисленным знакомым, и тут же на столе появлялись в изобилии разные магаданские вкусности.

Магаданский театр был весьма среднего качества и запомнился только один неплохой спектакль «Дамский портной». А вот филармония оказалась очень неплохая. Концерты давали заезжие, но очень хорошие музыканты и певцы от С.Растроповича и Т.Шмыги до А.Градского, В.Высоцкого и Л.Гурченко, а также драматические артисты. Особенно запомнился концерт С.Юрского. Там же, после очень длительного перерыва (с 60-ых годов в Малаховском театре), я прослушал неплохое выступление ансамбля откуда-то из Приморья с еврейскими песнями и танцами (правда, в этот ансамбль затесался всего лишь один еврей, а остальные, как на подбор, цыгане, русские и белорусы с украинцами). Но наибольшее впечатление произвел чукотско-эскимосский ансамбль «Эргирон». Одним из инициаторов создания этого оригинального музыкального коллектива была замечательная эскимосская поэтесса Зоя Ненлюмкина, с которой я познакомился в Анадыре. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного. Пластические танцы и горловое пение, а так же декорации создавали полное ощущение твоего непосредственного присутствия в тундре.

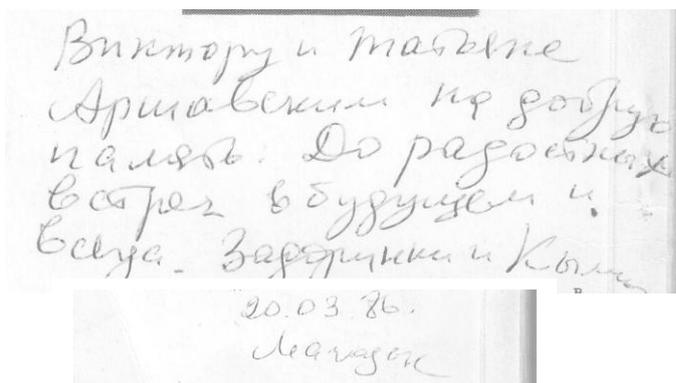
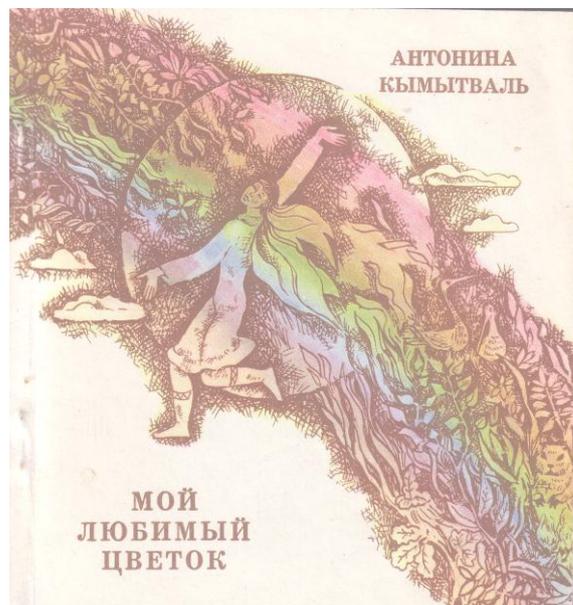
Зоя Ненлюмкина

«ПУСТИ МЕНЯ
ХОТЬ НА МИНУТУ
В ДЕТСТВО...»

Чукотско-эскимосский ансамбль «Эргирон»

Но все же хорошей музыки было недостаточно, и этот пробел мы восполняли частым посещением наших знакомых - замечательного сидельца и невозвращенца доктора Асира Сандлера и сотрудника нашего института Льва Мироновича Юровского, у которых была хорошая музыкальная аппаратура и замечательный набор пластинок.

Но особенно теплые, сердечные отношения у нас сложились с великолепной чукотской поэтессой Антониной Кымытваль и ее мужем Виталием Задориным. Мы часто бывали друг у друга в гостях. Антонина великолепно читала свои новые стихи по-чукотски и в подстрочнике по-русски, а иногда можно было уломать ее и на чудесное глубокое горловое пение чукотских песен. На русский язык ее стихотворения переводил поэт Роальд Добровенский, проживающий в Риге. И однажды, когда мы собирались в отпуск, она передала мне папку

с подстрочниками новых стихотворений и попросила отвезти их в Ригу для новых переводов.

Анекдоты о чукчах Антонина Кымытваль и Виталий Задорин создавали прямо в нашем магаданском доме. (Здесь хочу добавить, что замечательные чукотские анекдоты придумывают сами чукчи, также как еврейские анекдоты – сами евреи, армянские – сами армяне, эстонские – сами эстонцы, а омерзительные шовинистические анекдоты о чукчах, евреях, армянах, эстонцах, да и представителях всех других народов – национально озабоченные люди).

Вот несколько анекдотов от Кымытваль:

Сидит чукча на берегу Ледовитого океана и горько плачет, приговаривая:

- Какой плохой русский царь был однако, ах какой плохой русский царь ...

Проходящие мимо спрашивают его:

- Что ты так горько плачешь, и почему, плохой был русский царь?

А он отвечает:

- Да вот Аляску Америке он продал, а Чукотку, однако, пожалел!

На приемных экзаменах в Институт международных отношений чукчу спрашивают:

- Какие бывают послы?

- Ну, там полномочный посол, чрезвычайный посол, английский посол, французский посол, посол по особым поручениям, слабый посол, крепкий посол, и, однако, посол на хуй.

На партсобрании чукча спрашивает:

- Почему Ленин всем народам широко раскрыл глаза, а нам чукчам, однако, только чуть-чуть?

Институт биологических проблем Севера

ИБПС – Эту аббревиатуру мы чаще произносились как ЕБИПС.

(Из Интернета) Институт биологических проблем Севера Дальневосточного отделения Российской Академии наук (ИБПС ДВО РАН) организован в январе 1972 г. в Магадане на базе созданного в 1968 г. отдела биологических проблем Северо-Восточного комплексного НИИ. Основателем института и его первым директором был член-корреспондент АН СССР В.Л.Контримавичус (мы чаще величали его penis scriptum) - известный специалист в области зоогеографии, систематики и экологии гельминтов, ученик основоположника отечественной гельминтологии академика К.И.Скрябина.

Ядро нового коллектива составила группа ученых из Института биологии Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР во главе с известным зоологом О.В.Егоровым. Создание ИБПС ознаменовало начало качественно нового этапа в развитии биологии на Северо-Востоке России, переход от разрозненных экспедиционных исследований к углубленному всестороннему изучению природных ресурсов региона.

Основные направления научных исследований ИБПС представлены четырьмя блоками проблем: изучение функционирования и принципов организации северных популяций, сообществ, экосистем; изучение адаптивных стратегий биологических систем разного уровня в условиях Севера; разработка научных основ охраны, воспроизводства и рационального использования биологических ресурсов Севера; исследование комплекса проблем биогеографии и экологии берингийского сектора Арктики и Субарктики.

В составе института 17 подразделений: лаборатории экологии млекопитающих; экологии гельминтов; орнитологии; биоценологии; ихтиологии; гидробиологии; экологии и ресурсов морского побережья; структуры растительного покрова; почвоведения; нейроэндокринных регуляций, генетики человека; популяционной генетики; группы "Гербарий"; демографических исследований; электронной микроскопии; стационары "Абориген", "Усть-Чаун", "Марковский".

Это Магаданский театр, а последний дом (через улицу) наш ИБПС

Первый директор ИБПС Витас Леонович Контримавичус

Новое здание ИБПС начало строиться еще при нас, но в нем нас уже не было.

(Все фотографии из интернета)

Витас Леонович был хорошим организатором и стремился создать институт, охватывающий все проблемы биологии на Севере от систематики и физиологии животных и растений, их биоценоза, до социально биологических и психофизиологических особенностей адаптации коренного и мигрирующего в регион населения.

Но где взять кадры, которые смогли бы обеспечить успешное выполнение этих грандиозных замыслов? Были приглашены люди из Центральной части России и из Сибири – люди опытные, со своими идеями, но и зачастую недалекие и амбициозные, стремящиеся только укрепиться на своих теплых местах. Поэтому кадровый состав постоянно перетряхивался, иногда по делу, а часто и по злокозненным проискам завистников. Но умный директор сам вроде бы никогда не марал руки, и все безобразия осуществлялись в его отсутствие. Уж не знаю, с его согласия или без него. Психофизиологические исследования осуществлялись по договору силами лабораторией Феликса Березина. Очевидно поэтому я был принят в институт переводом из 1-го Московского медицинского института без всяких осложнений на должность старшего научного сотрудника, сначала в лабораторию нейроэндокринных регуляций.

А это Таня с Президентом ДВНЦ академиком Н.А.Шило.

Сразу же по приезде в Магадан я принял участие в экспедиции на остров Врангель, где стараниями Контримавичуса был создан Полярный заповедник (об этом замечательном острове я расскажу позже). Сотрудники лаборатории изучали нейроэндокринный статус леммингов в ходе природного изменения численности их популяций. Но нейроэндокринологом я был никаким, и в экспедиции в основном исполнял роль тягловой силы. Но все же мне удалось провести там свой последний и вполне хулиганский эксперимент, который мы с Вадимом Ротенбергом позже описали в нашей книге «Поисковая активность и адаптация».

Приведу небольшой отрывок из этой книги:

Мы провели один эксперимент, наглядно показавший значение активного поведения для устойчивости к естественному стрессу. В отличие от многих других исследований, объектом этого эксперимента были не лабораторные животные, а животные, находившиеся в привычной, т.е. природной среде обитания — лемминги о-ва Врангеля. Хотя это арктические животные, они не приспособлены к долгому пребыванию на холоде. В обычных условиях от холода они прячутся в норки, а при необходимости передвигаются от одной норки к другой короткими перебежками. В отличие от многих других животных, которые способны согреваться в процессе движения, у леммингов на поддержание постоянной оптимальной температуры тела сама двигательная активность не оказывает решающего воздействия. Поэтому когда мы поместили леммингов на длительное время в холодное помещение со среднесуточной температурой 3,6°, то к концу третьих суток большинство из них погибло, и у них отмечались такие изменения в коре надпочечников, какие обычно находят на последней стадии дистресса. Эти изменения свидетельствуют об истощении коры надпочечников и являются верным признаком функциональной неполноценности всей гормональной системы защиты от стресса. Если на этом фоне немногим уцелевшим животным вводился чужеродный белок, у них быстро развивался анафилактический шок, и они гибли — так же, как при длительной пассивно-оборонительной реакции. Естественно, что на первых этапах холодового стресса животные пытались согреваться перебежками, но в силу отмеченных особенностей их температурной регуляции это их не спасало.

Мы решили посмотреть, как скажется на устойчивости животных к холодовому стрессу их включенность в интересную для них и активную деятельность. С этой целью было использовано наблюдение: лемминги, так же как и белки, охотно вертятся в колесе, что является для них, по-видимому, своего рода игрой. Во всяком случае, в свободном поведении, даже в условиях температурного комфорта, они часто избирают при возможности этот вид деятельности. Когда им позволили вертеться в колесе в условиях холода, оказалось, что животные не гибнут, а изменение коры надпочечников свидетельствует о состоянии напряжения, но не истощения, гормональной стрессозащитной системы. Введение на этом фоне чужеродного белка вызывает появление небольшого отека морды, но не приводит к анафилактическому отеку и гибели животных. Поскольку любая игра обязательно включает элементы поисковой активности и другая двигательная активность не предотвращает гибели животного, мы склонны связывать устойчивость в этих условиях к холодовому стрессу с активным произвольным поведением. Правда, и сама двигательная активность в колесе существенно выше, чем просто в холодном помещении, но ведь способствует этой интенсификации двигательного поведения именно игровая ситуация.

Но сразу после возвращения с Врангеля меня перевели в лабораторию экологической генетики, основная работа которой была связана с изучением генетических, социально-биологических и психофизиологических особенностей адаптации коренного и мигрирующего в регион населения. Моя работа была связана с исследованием особенностей адаптации различных популяций коренного и пришлого населения региона Северо-Востока в связи с особенностями межполушарной асимметрии. Под эти исследования был приобретен стационарный многоканальный электроэнцефалограф, а для работы в полевых условиях, наконец-то, был распакован и отлажен мой французский прибор. В помощь мне была выделена одна лаборантская ставка.

Мы исследовали здоровых и больных взрослых людей и детей в школах-интернатах Магадана и некоторых поселках Колымы (больше всего на шахтах в поселке Кадыкчан, Матросово и Билибино), на Чукотке (Анадырь, Энмилен, Эргирон, Уэлен, Омолон, Провидения и др.), в Корякии и на Камчатке (Петропавловск, Паратунка Эссо, Седанка, Ковран, Усть Харюзово, Тигиль и др.). Помимо этого проводили диагностические (электроэнцефалографические) обследования больных в Силикозном диспансере в Магадане и Областной психиатрической больнице на Снежке. Я вроде бы неплохо обучил записи и анализу ЭЭГ врачу из сумасшедшего дома (запомнил ее фамилию), но все же, не совсем доверяя своим знаниям, она ездила ко мне все время на консультации почти до конца моей работы в Магадане.

После расформирования в ИБПС лаборатории физиологии арктических животных Анатолий Шакутин ушел из ИБПС. Однако, вскоре он был принят на работу в Институт терапии СО АМН. Но местом пребывания ему определили не Новосибирск, а в тот же Магадан, где он должен был сформировать для работы небольшую отдельную группу сотрудников, базирующихся на Колыме. Не знаю уж каким образом, но ему удалось арендовать в свое распоряжение аж целую половину этажа в большом 4-х этажном доме Силикозного диспансера — четыре больших комнаты и широкий коридор, и провести там довольно приличный ремонт. Но вот сотрудников в это роскошное помещение он набрать не смог. Вот тогда он и предложил Л.Л.Соловечуку перевести

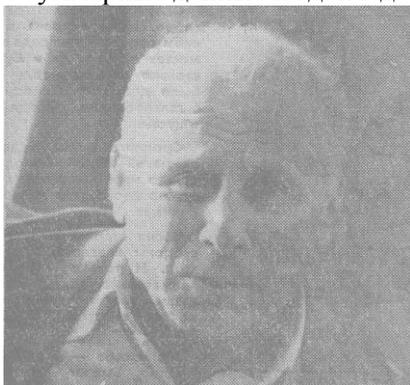
две группы (иммунологии и психофизиологии) из довольно скученного помещения лаборатории в здании ИБПС к нему. Женя Гельфгат и я, захватив двух лаборантов – Светлану Дмитриевну Девяткину и Татьяну Семеновну Семенову с удовольствием воспользовались этим предложением, и перетащили все наше оборудование из тесного «гадюшника» в эти хоромы. В одной комнате разместили оборудование для иммунологических исследований, в другой соорудили кабинет для записи электроэнцефалограмм, а в коридоре у глухой стены устроили 6 откидных столиков с откидными же лампами, за которыми сразу целая группа испытуемых могла заполнять бланки различных психологических тестов. Правда, за такие удобства мы расплачивались исследованием больных силикозного диспансера, но результаты пополняли наш исследовательский багаж.

Но обычная методика анализа ЭЭГ, даже в купе с многочисленными психологическими тестами, не давала четкого представления о типах полушарного реагирования. Надо было применить методику анализа биопотенциалов мозга по их первой производной сразу во всех отведениях. Но эта методика чрезвычайно трудоемкая. Такую работу мог выполнить только человек без особых умственных способностей, но обладающий большой, но усидчивой задницей. Именно таким человеком оказалась моя лаборантка Татьяна Семенова. И без ее усидчивости этот огромный и очень нудный анализ, конечно, не был бы выполнен. За это ей мой низкий поклон и благодарность. Но, в конце концов, и она не выдержала и при моем увольнении из института повела себя не очень благовидно. И пришлось нам с инженерами Мосей Бернштейном и Славой Старостиным разработать прибор для этого специфического анализа ЭЭГ, за что мы и получили свидетельство об изобретении, и работа пошла веселее. Но потом, уже в Риге, была разработана и компьютерная программа специально для этих целей, выдающая результаты такого анализа прямо во время записи ЭЭГ. Теперь уже метод ЭЭГ отходит в прошлое и физиологи прямо сканируют состояние мозга с помощью томографов. В наше время такие методики в физиологических исследованиях не применялись. Но у меня мелькала мысль использовать томограф СВЕКНИИ, где он применялся для геологических целей, и уже с ними шли об этом разговоры, но поскольку дозировки как рентгеновских, так и ультразвуковых воздействий были не известны, то я испугался, и от этой плодотворной идеи отказался.

Однажды на Ученом совете я прослушал доклад старшего научного сотрудника нашей лаборатории Александра Вольфсона, работавшего в Анадыре, о бедственном демографическом положении коренного населения Северо-Востока России.

Этот доклад поразил меня тем, что данные приведенные в нем, были очень близки к выводам, которые мы делали в связи с результатами наших психофизиологических исследований.

Вот суммарные данные из доклада Александра Вольфсона:

Александр Вольфсон – легендарный доктор, которому в то время почти удалось искоренить туберкулез на Чукотке

Коренное население	1970-1979 годы (по сравнению с 1960-1969 гг.)
Прирост численности	≤ в 5,8 раз
Показатель рождаемости	≤ в 1,5 раза
Продолжительность жизни	~36,1 лет
Старше 50 лет	≤12%
Показатель общей смертности	19,9% (пришлое население 3,8%)
Показатель детской смертности	61,9% (пришлое население 4,6%)
Причины смертности (первые 4 места):	1 - несчастные случаи, травмы 2 - алкоголизм (≥ в 5 раз) 3 - болезни органов кровообращения 4 - болезни органов дыхания

(Правда, о чистоте крови аборигенов Северо-Востока А.Вольфсон высказывал определенные сомнения: «Если раньше зарождение детей приходилось в основном на конец зимы – начало весны, т.е. в самый спокойный период хозяйственной деятельности, то теперь оно сдвинулось в основном на «приход парохода»).

Здесь приведу выдержки из заключительных разделов моей книги «Различия, которые нас объединяют (Этюды о популяционных механизмах межполушарной асимметрии)» - Педагогический центр «Эксперимент», Рига, 2001, и 16 главы Популяционная структура полиморфизма функциональной межполушарной асимметрии из книги - «Руководство по функциональной межполушарной асимметрии» РАМН, НИЦ неврологии, Москва, Научный мир 2009. В них, на основании полученных психофизиологических данных, высказываются некоторые гуманитарные соображения:

О позитивном взаимодействии культур

... Свободный потенциал поисковой творческой активности личности может проявляться слабее или сильнее в зависимости от того, в какой популяции, в какой психологической среде, ориентированной больше на тот или иной тип полушарного реагирования, происходило развитие конкретного индивида.

Особенности развития современной "западной" цивилизации, с ее акцентом на анализ однозначных причинно-следственных связей и устремленностью к активному изменению мира, в относительно большей степени базируются на возможностях логико-знакового мышления и способствуют его развитию. В этой "левополушарно ориентированной" среде активнее развиваются творческие возможности логико-вербального, научного, изобретательского типа. Однако такой упор на языковое и логическое мышление, обеспечивая максимальное развитие способностей левого полушария, в значительной степени игнорирует возможности правого полушария мозга и приводит к дефициту образного мышления.

Некоторые "восточные" цивилизации, ориентированные скорее на приспособление человека к миру как неизменной данности, чем на приспособление мира к человеку, и преодолевающие внутреннюю противоречивость мира благодаря неальтернативному подходу, используют в основном возможности образного мышления и способствуют его развитию. В этой "правополушарно ориентированной" среде активнее развиваются творческие возможности пространственно-образного, художественного типа. Но такой упор на образное мышление, обеспечивая максимальное развитие способностей правого полушария, в значительной степени игнорирует возможности левого полушария мозга и приводит к дефициту логического мышления.

...
Нам неизвестно, какие конкретные факторы природной и социальной среды обусловили в свое время становление межполушарных отношений у большинства представителей каждой данной популяционной группы. Но после того как доминирующий тип мышления уже определился, он, по-видимому, передавался из поколения в поколение как генетическим путем, так и по принципу культуральной преемственности, опираясь на функциональные возможности мозга к формированию различных типов полушарного реагирования.

...
Разумеется, когда мы говорим, что для той или иной культуры характерен преимущественно определенный тип полушарного реагирования, мы имеем в виду отнюдь не абсолютное, а лишь статистическое преобладание индивидов с этими особенностями мировосприятия. В условиях любой культуры можно найти достаточное число людей, отличающихся по типу полушарного реагирования от большинства, но психологические особенности культуры определяются все же большинством популяции.

...
Выявленные нами факты свидетельствуют о том, что особенности межполушарных отношений у коренного и пришлого населения Северо-восточного региона России затрагивают целую гамму проблем медико-биологического и медико-педагогического характера, имеющих решающее значение в организации многих сторон социальной жизни в регионе.

...
Это относилось как к популяциям коренных жителей, так и к популяциям пришлого населения, формирующимся в этих регионах за счет миграционных процессов.

В связи с большим и исторически очень быстрым миграционным потоком из Центральной части России уклад жизни коренного аборигенного населения претерпевал значительные изменения. Развитие промышленности, увеличение числа учебных заведений и научных учреждений и вовлечение в науку и производство все большего числа местных коренных жителей "титовых" наций предъявляло повышенные требования к системам логико-знакового мышления, что создавало значительные трудности для их полноценной психической адаптации.

С другой стороны, представители пришлого населения в силу недифференцированности миграционного потока также испытывали затруднения в психической адаптации, связанные с тем, что присущий им тип полушарного реагирования затрудняет реализацию поисковой активности в конкретных условиях данных регионов. (Здесь надо отметить еще один странный момент. Обратная миграция работников на шахтах и приисках Магаданской области, т.е. основных производительных сил региона, могла быть обусловлена и тем обстоятельством, что их зарплата почему-то рассчитывалась по более низкому тарифу, и составляла незначительно большую сумму, чем у шахтеров в Центральных регионах, в то время как жители Магадана, в своей массе представленные чиновниками, научными сотрудниками и каким то количеством рабочих и служащих, спокойно получали свои законные 2,5 оклада).

Миграционный отбор лиц, желающих переселиться из Центральной России в другие регионы, должен был быть строго регламентирован, и одно из условий такой регламентации состояло в выборе соответствующего типа полушарного реагирования. Это не только способствовало бы повышению адаптационных возможностей переселяющихся индивидов и формированию здоровой адаптированной популяции, но и явилось бы важным фактором подлинного взаимодействия культур. Но реально этого не происходило. Постоянный контакт двух неадаптированных групп населения, имеющих различный тип полушарного реагирования, еще более затруднял подлинное взаимодействие культур.

...
Необходимы были соответствующие коррекционные действия. В частности, на Севере, с большим трудом нам удалось добиться частичной отмены обязательного интернирования в садиках и школах всех детей коренного населения, начиная с двухлетнего возраста (т.е. принудительной культурной депривации детей, которых после получения образования снова пытаются загнать в стойбища пасти оленей или охотиться на морзверя, чему они уже, естественно, не обучены).

Мы настаивали на том, что школьное образование должно строиться с учетом преобладающего у детей типа полушарного реагирования. В условиях другой культуры игнорирование этих особенностей в педагогике неизбежно приводит к значительному завышению числа отстающих учеников и к гипердиагностике умственной отсталости. (Главу об олигофрении я назвал «Почему в гадком утенке мы не видим прекрасного лебедя?»). Не исключено, что именно с учетом этих данных в одном из документов (рекомендаций) Первых Международных Сахаровских Чтений (1991 г.) была отмечена правовая недопустимость расширенного манипулирования (злоупотребления) диагнозом "умственная отсталость" детей, особенно в детских домах и вспомогательных школах.

Преобладание у детей правополушарного фенотипа находит свое психофизиологическое объяснение в преимущественно образном типе мышления у ребенка. И только в определенном возрасте под влиянием генетических и культуральных механизмов и самых ранних и продолжительных контактах с родителями закрепляется тот или иной тип полушарного реагирования.

Однако традиционные системы школьного образования не учитывают этих особенностей ребенка и строятся, в основном, на логико-вербальных схемах обучения. Способность к образному мышлению и организации многозначного контекста существующей системой образования не только не стимулируется, но и активно подавляется. Если же у ребенка образный тип мышления закрепляется, и он просто не в состоянии воспринять эти логические схемы, тогда он с первых школьных лет оказывается в условиях фактической дискриминации по сравнению с детьми, у которых доминирует логический тип мышления.

Цель педагогики в достижении хорошо налаженного взаимодействия обоих полушарий, каждое из которых вносит свой вклад в решение той или иной задачи. Установка личности на ожидание положительных результатов позволит быть готовым к возможности достижения самых высоких целей.

Методики преподавания должны способствовать развитию логико-вербального мышления не путем его непосредственной активации (как в системе «опорных знаков» В.Ф.Шаталова, в основе которой лежит построение функциональных схем и взаимосвязей между функциональными блоками), а через активацию образного мышления. (как в наглядной системе Л.А.Нотова). Дети, особенно те, у которых преобладает образный тип переработки информации, должны ставиться в условия, провоцирующие «открытия» (что неизбежно связано с активацией образного мышления). Они должны проходить в своем познании естественный путь от «озарения» - через эксперимент к формулированию закона. Такая психофизиологически обоснованная система образования обеспечивала бы естественное усвоение логически строгих законов «точных» наук и не вызывала бы отвращения к гуманитарным дисциплинам. Это тем более важно для популяций, в которых образный фенотип является доминирующим.

На протяжении ряда десятилетий культурная политика в этих регионах строилась так, как будто мировосприятие так называемых "малых" народностей Севера ничем не отличалось от восприятия "больших" народов - жителей европейской части России. По единой стандартной схеме составлялись школьные программы. Без всякого учета национальной психологии и традиций проводилась политика урбанизации. Без ограничения ввозились алкогольные напитки, хотя коренное население этих регионов оказалось генетически (отсутствие фермента алкогольдегидрогеназы) очень неустойчиво к действию алкоголя, и даже его первый прием является залогом хронического алкоголизма. В результате его спивание шло гораздо более быстрыми темпами, чем жителей других регионов.

Причесывание под одну гребенку, под один фасон теоретически оправдывалось равенством всех граждан - не только и не столько перед законом, а тем априорно предполагаемым равенством потенциальных психологических возможностей, которое предусматривает устранение и нивелирование всех индивидуальных и этнических различий между людьми. Получалась какая-то тоталитарная односторонность: «Кто там шагает правой? Лево! Лево! Лево!»

Последнее десятилетие в связи с геополитическими изменениями на огромной территории России многие из проблем этих регионов снялись сами собой (в частности проблема миграции), но возникли в еще большем количестве и новом трагическом качестве другие, также напрямую связанные с проблемой взаимодействия и интеграции культур, формирование которых происходило в различно ориентированных социально-культурных условиях среды обитания.

Для подлинного взаимодействия культур, для использования оптимальных возможностей каждой из них и обогащения за счет особенностей другой культуры, необходимо учитывать популяционно-этнические особенности мышления и мировосприятия, тесно связанные со спецификой межполушарных отношений. Без учета этих психологических особенностей подлинное взаимопонимание и взаимодействие культур не осуществимо. Часто они не понимают друг друга, поскольку говорят на "разных языках", воспроизводя преимущественно только одну картину мира и не имея возможности воспринять другую, характерную для иной культуры. И мы забываем о многообразии культур, составляющих единую общечеловеческую культуру.

Однако ясно, что так называемый "западный" тип мышления - всего лишь одна из форм мышления. Современная европейская культура является наследницей еврейской Библии, греческой философии и римского права, соединенных в христианской цивилизации. Здесь, кстати, следует отметить, что и сама христианская цивилизация далеко не однородна и распадается, как минимум, на два типа культуры. Ее "западный" тип больше воспринял идеи апостола Петра, который смотрел на небо, обращаясь к Богу, твердо опираясь на Землю; человек в ней выступает как деятельный практик. Ее "восточный" тип больше склоняется к идеям апостола Иоанна, который смотрел на Землю с высоты божественных небес; человек в ней чаще выступает как созерцатель. Попытки создать единую униатскую христианскую церковь пока существенных результатов не принесли. Но когда сегодня эти христианские принципы предлагаются в качестве глобальных ценностей, следует помнить, что любые иные, условно называемые "восточные" культурные традиции, в принципе, тоже достаточно полно отражают мир. Каждая из них выработала свои принципы мышления, свою систему контактов, свои особенности стрессового контроля, позволяющие оптимально проявлять активное поисковое поведение.

Понимание равноправности партнера при взаимодействии культур требует отказа от самосознания единственности своей культурной "нормы" Пока мы воспринимаем "чужое" как чуждое, оно и остается "чужим" и его стремятся подавить, или уничтожить.

...
Резкий дефицит как правополушарного, так и левополушарного типов мышления приводит к нарушению гармоничности совместной работы полушарий, в результате чего возникает грубая неполноценность мыслительных процессов, ведущая к разрушению человеческого сознания. Изолированное функционирование правого полушария в условиях бездействия левого оставляет мысль незавершенной, не придает ей полноценной речевой формы, с помощью которой она может быть передана другим людям. Изолированное функционирование левого полушария в условиях бездействия правого порождает химеры сознания, торжество фикций, не связанных с реальностью и не выверенных практикой. Если такой дефицит интегративной деятельности полушарий большого мозга является результатом органического его поражения - это забота врачей, но если он прививается извращенным общественным сознанием и воспитывается педагогическими усилиями - это или недомыслие, или хуже того - преступление.

Только осознание "расширенного чувства всеобщего и равноценного" способно стать основой глобального мира. Воспитание с детства умения мыслить в разных координатах, дающего принципиально неограниченную возможность улавливать бесконечное многообразие мира, — мощный адаптационный резерв нашего мозга. Развитие пространственно-образного мышления у левополушарных индивидов и логико-вербального - у правополушарных будет способствовать лучшему взаимопониманию между представителями различных культур.

Такого взаимодействия можно добиться разными путями..

Прежде всего, это длительное, терпеливое и ненасильственное проникновение (конвергенция) одной культуры в другую. Мы видим это на примере якутов Сибири, которые в ходе трехсотлетней ненасильственной христианизации приобрели наиболее адаптивный, смешанный тип полушарного реагирования. Усвоив основные принципы левополушарного мышления, они сохранили исходные - правополушарные, и активно используют обе эти модели. Это же можно отнести и к коренным жителям Гренландии, куда въезд европейцам всегда был строго регламентирован датским правительством, и где полностью адаптированные эскимосы сохранили свой психологический статус, восприняв значительную необходимую им часть европейской культуры. Но, очевидно, такое возможно только в стране, воспитанной на сказках Г.Х.Андерсена.

Возможно и более быстрое, но ненасильственное, не нарушающее основных механизмов мышления коренного этноса, влияние одной культуры на другую.

Ярким примером тому может служить современная специфика японского культурного пути развития, чему, очевидно, способствуют психолингвистические особенности японцев. В японском языке, помимо иероглифического алфавита, отражающего целостный визуальный смысл образа, центры восприятия которого, в отличие от индоевропейских языковых систем, локализованы в структурах правого полушария мозга, существуют еще две системы слогового алфавита - hiragana и katakana, отражающие фиксированные фонетические, звуковые, логически-формализованные модели, центры восприятия которых, как и для всех других языковых систем, локализованы в структурах левого полушария. Очевидно, в японской культуре доминирует своеобразный смешанный тип полушарного реагирования. Н.Бор считал, что сформулированный им принцип дополнительности уже давно знаком японцам в символах ja и i и реализуется ими в различных сферах культуры, в частности в непротиворечивом существовании двух японских религий - буддизма и синтоизма. Прямая комплиментарность мышления формирует столь характерную для японцев адаптивность, возможность одновременно сохранять старые традиции, шкалу их ценностей, и ориентироваться в меняющихся проблемах современности, что позволило им безболезненно выйти на передовые рубежи развития технической цивилизации.

Другим разительным примером служат эскимосы Аляски - почти вымершая в результате изуверской колонизации популяция коренных жителей, но "ожившая" и успешно развивающаяся в последние десятилетия, когда были отброшены попытки их "американизации" (обучение, лечение, технизация и т.д.).

Это убедительные аргументы в пользу того, что для подлинного взаимодействия культур, для использования оптимальных возможностей каждой из них и обогащения за счет особенностей другой, необходимо учитывать этнические особенности мышления и мировосприятия, тесно связанные со спецификой межполушарных отношений.

Признание естественных и никого не ущемляющих различий между этносами и разработка на этой основе новых социальных, прежде всего педагогических программ может не только приостановить деградацию "малых" народов, но и придать им импульс свободного развития.

Игнорирование различий культур, их особенностей в построении неодинаковых моделей мира, насильственное вторжение одной в другую есть преступление против любой культуры, нарушение прав ее носителей. Такая "экспансия" уменьшает культурный фонд человечества, делая его более тусклым и примитивным, нарушая принцип дополнительности. Помимо моральной порочности, она ведет к отказу от активного поискового поведения, снижая стрессоустойчивость как коренных популяций различных регионов Земли, так и миграционных потоков, что приводит к значительному росту числа различных психосоматических заболеваний (в том числе и хронического алкоголизма), в генезе которых лежит высокий уровень тревоги. Но, пожалуй, самым уродливым проявлением этой "экспансии" является та система педагогики, которая приводит значительную часть здоровых, но с "правополушарной" психикой детей в школы для дебилов.

Все это выводит проблему межполушарной асимметрии в область защиты прав человека. В своем юбилейном выступлении С.А.Ковалев обратил внимание на следующее обстоятельство. "Кем мы приходимся друг другу? ... прежде всего мы приходимся друг другу людьми. Да, мы все очень различны, но эти различия не разобщают, а объединяют нас. Вот и вся философия прав человека". "Осознание преступности межэтнических и религиозных военных конфликтов, угрозы всеобщей ядерной катастрофы, глобализации экологических проблем все больше приводит к убеждению в том, что сегодняшний мир должен стать единым целым. Его делает таковым технологическая, коммуникационная и информационная революция. ... Человечество ... пришло к единству, не теряя своего национального и культурного многообразия, ибо в нем тоже залог выживаемости. Но любая национальная идея останется сегодня мертворожденной утопией, если она не будет органической частью общечеловеческого идеала. ... Остается убедить в этом само человечество".

В одном из писем А.А. Ухтомский писал: "Не значит ли, что человечество живет при всех разъединениях и противоречиях единым общим телом? Не значит ли, что мы члены и органы какого-то общего тела? И только тогда, когда будем, в самом деле, вместе, откроется нам совсем в новом свете истина подлинной истории, истина нашего бытия, истина будущего."

И в этом вся истина и ПРАВДА!

Это я и считаю своей главной работой. Но, конечно, все полученные данные по МПА были рассмотрены с точки зрения концепции поисковой активности различных популяций жителей региона, и опубликованы в книгах и многочисленных статьях совместно с Вадимом Ротенбергом.

А теперь фраза из речи Александра Яковлева на последнем XXVIII съезде КПСС, приведенная в его книге «Сумерки»: *«Я категорически против любого национализма, но я за то, чтобы развивалось все подлинно национальное по самому широкому фронту: язык, культура, добрые традиции, все то, что и характеризует Народ. И чем он малочисленнее, тем больше такта и внимания требует...»*

Здесь надо отметить, что сама мысль о том, что т.н. «умственная отсталость» детей коренного населения Севера как-то не всегда подпадает под понятие олигофрения, была впервые высказана единственным на всю Магаданскую область (включая Чукотку) детским психоневрологом - ученицей Груни Ефимовны Сухоревой – Любовь Петровной Калачевой. Она работала в Магадане, но часто присутствовала на медико-педагогических комиссиях во многих школах и интернатах области. Когда я показал ей наши первые результаты исследования детей в интернате поселка Ола (недалеко от Магадана), она так возбудилась, что упростила главного психиатра области (своего мужа) поехать с нами в следующую экспедицию на Чукотку в интернат поселка Провидение и посмотреть все своими глазами прямо во время исследований. Вся дальнейшая работа с детьми шла при ее консультациях.

Еще к вопросу о гипердиагностике олигофрении приведу одновременно **анекдотичный и возмутительный случай** в аэропорту Анадырь: Заворгметодотделом Магаданской областной психиатрической больницы (который, не то что не знал детской психопатологии, но среди своих бумажек и отчетов вообще забыл как выглядит больной), узнав, что я лечу с докладом на конференцию учителей Чукотки, с ехидной усмешкой заявил: *«Значит, ты хочешь «реабилитировать» чукчу?! Ну а я лечу на медико-педагогические комиссии отобрать как можно больше детей во вспомогательные школы»* (то бишь в «детские сумасшедшие дома»).

А вот небольшой абзац из книги «Различия, которые нас объединяют», который можно назвать «А ведь тундра пахнет»! *На Чукотке в школах - интернатах и даже чаще во вспомогательных школах (т.е. с диагнозом "олигофрения в стадии дебильности") дети часто по весне начинают испытывать какую-то неопределенную тревогу и, становясь на лыжи, убегают на свое родное стойбище, находящееся за несколько десятков, а иногда и сотню и более километров от поселка, где расположена школа. На вопрос: «Как же можно ориентироваться в заснеженной, совершенно однообразной (не то, что летом!) тундре?», как правило, следовал стереотипный ответ: «Ведь тундра пахнет!». (Вот тебе и дебил! - это к проблеме гипердиагностики олигофрении среди детей аборигенного населения Севера).*

А так же маленький рассказик Виктора Шендеровича «Если бы все...» из его книги «Изюм из булки».

В городе Кимры Тверской области есть интернат для страдающих олигофренией. Там снимал телевизионный сюжет мой давний знакомец Саша Гордон. И рассказывал потом поразительное.

Стало быть, от хлебосольного государства нашего выделяется больным на содержание, полной чашей, несколько рублей в день на человека, и давно бы умерли они на радость местного собеса — но!

Но олигофрены оказались людьми жизнелюбивыми и завели подсобное хозяйство. И вскоре выяснилось, что это их хозяйство — чуть ли не самое рентабельное в области: коровы, птица, грибы, ягоды... Самим хватает, да еще продают жителям окрестных деревень!

Секрет оказался довольно прост. Дело в том, что олигофрены:

а) — не пьют;

б) — обожают работать.

У них от труда, видите ли, улучшается самочувствие.

И милости просим — 120% рентабельности! То есть русский олигофрен помаленьку тяготеет к голландцу. Персонал на них не нахвалится.

— «Если бы все наши люди были такие...». — мечтательно сказала кастелянша... —

Нашим соседом по лестничной площадке был интересный человек с греческой фамилией Томирдиаро (запоматывал, как его зовут) – палеонтолог из СВЕКНИИ. В его квартире по стенам красовались громадные бивни мамонтов, которые он приволок с Чукотки, а на огромном фикусе обитал роскошный богомол. Точно не знаю, чем он питался, скорее всего, тараканами.

Томирдиаро разработал свою теорию об Арктиде. Об этом он написал интересную популярную книгу и, будучи замечательным рассказчиком, очень артистично ее пересказывал. Суть этой необычной теории в том, что вся вечная мерзлота Севера в доисторические времена была покрыта толстым слоем плодородной земли, занесенной сильными ветрами из южных районов. Это создавало достаточно мягкий климат для круглогодичного бурного роста высокой травы, - основного корма многочисленных стад мамонтов и других травоядных животных. Но в связи с катастрофическим похолоданием вся эта трава погибла и животные вымерли. Эту теорию не очень-то воспринимали его коллеги и ему два раза заваливали докторскую диссертацию. (По третьему разу он ее все же защитил много позже, уже переехав в Ленинград). Однако, эта теория неожиданно нашла свое подтверждение в практике сельского хозяйства Чукотки. Было осушено несколько небольших озер, и в короткое северное лето на их дне выросла «мамонтная» трава такой высоты, что скошенная и высушенная она во много раз перекрыла заготовки сена предыдущих лет.

Мамонтенок Дима

(Из интернета) В июне 1977 г. на золотоносном прииске в долине ручья Киргилях рабочие вели работы бульдозером. Они снимали тонкие слои земли, оттаявшей за ночь. На глубине почти двух метров от поверхности вдруг показался бок замерзшей туши мамонтенка. Работы были остановлены. Когда приехали ученые, тело мамонтенка уже полностью вытаяло из земли и было перенесено рабочими под навес, чтобы защитить его от солнца. Ученые сразу приступили к работе, тело мамонтенка было перевезено ... (в Магадан в ИБПС). Мамонтенок был всего один метр высотой, еще без бивней, шерсть на туше практически не сохранилась, она отвалилась при таянии. Зато кожа, внутренности, мягкие ткани сохранились в ледяной линзе прекрасно. Это была первая полностью сохранившаяся туша мамонта, изученная с помощью современных научных методов. Мамонтенку присвоили имя Дима, по названию небольшого ключа Дима, рядом с которым он был найден.

Раскопки мамонтенка Димы

Но здесь я лучше приведу Танин рассказ «Мамонтенок Дима и Рижский бальзам».

Случилось это в Магадане, правда, очень давно, в прошлом веке, а точнее, в конце июня 1977 года. Я точно запомнила эту дату только потому, что она связана с событием, потрясшим мировую науку. На Колыме впервые в мире был найден во льду целый и невредимый мамонт, правда, не взрослый, а малыш.. Назвали мамонтенка Дима, по имени речки, у которой его обнаружили. Надежда науки была связана с гипотезой о возможности оживления мамонтенка, правда при условии, что удастся очень осторожно, то есть поэтапно его разморозить в специальной холодильной установке.

Но в жизни, как водится, все идет наперекос. А перекос этот был следующим. У реки Дима в тот период велись не то строительные, не то мелиоративные работы, и экскаваторщик зацепил ковшом какие-то кости. Следуя инструкции, он прекратил работу и доложил о находке начальству. Последовало указание вести дальнейшие работы осторожно, вымывая кости водой. Это оказались кости древней лошади. Подоспевшие геологи из ближайшей экспедиции, изымая их, докопались до вмёрзшего в лед мамонтенка, который лежал прямо под лошадьё. Они тут же сообщили по телефону о находке магаданскому Институту биологических проблем Севера (то есть нам), а также Институту зоологии Академии Наук СССР в Ленинграде. Оттуда последовал срочный приказ - ни в коем случае (!!!) не нарушать ледяную линзу, а Диму в замороженном (!!!) состоянии срочно переправить авиарейсом в Магадан. Мы тут же специально для Димы начали устанавливать большую морозильную камеру.

В Магадан срочным спецрейсом вылетела ленинградская группа ученых во главе с директором Института Зоологии академиком Верещагиным, а также группа исследователей из Москвы. (а так же из США и Японии), которые привезли с собой дефицитные реактивы.

Журналисты уже потирали руки, предвкушая увидеть воскресшего из мертвых мамонтенка Диму. Ведь наука почти доказала, что можно оживить замороженный организм. Но на тот крайний случай, если оживить Диму не удастся, мы приготовили фиксаторы и инструменты, чтобы исследовать под электронным микроскопом кусочки всех его внутренних органов и тканей.

Однако, «поэтапное», научно выверенное» размораживание мамонтенка обернулось, как водится, боком. Пока геологи то ли уснули, то ли отошли покурить, сбежавшиеся окрестные детки, вытащили замороженного мамонтенка на солнышко, на жару в 35 градусов, поставили его на попа и, взобравшись на него верхом, стали фотографироваться...

Что было потом, стыдно вспоминать... Ни вертолета, ни, тем более, самолета под рукой не оказалось. Не мудрствуя лукаво, «научно размороженного» мамонтенка взвалили на открытый кузов грузовика и, подпрыгивая на ухабах, везли в Магадан под палящим солнцем через всю Колыму, километров этак 800.

Когда мамонтенок прибыл в Магадан, он, так распух от жары, что не только в двери холодильной камеры, но даже в двери Института едва пролез...

К прибытию столичных ученых мы едва успели его охладить и более или менее восстановить прежние размеры. Академик сильно расстроился, не обнаружив вокруг Димы ледяной линзы.

Делать нечего, надев хирургические халаты и перчатки, мы приготовились к немедленному вскрытию мамонтенка. Но, так как весь мир облетела весть о находке и Институт наводнила пресса с телекамерами и юпитерами, академик смягчился и позволил выкатить на минутку Диму в конференц-зал, чтобы на его фоне поведать мировой общественности о важности находки. Спinoй к столу и лицом к телекамерам стоял академик Верещагин, а по другую сторону стола, тоже лицом к телекамерам, шеренгой выстроились мы - в белых халатах со скальпелями и пинцетами наготове.

Глядя прямо в телекамеру, академик объяснял, что сейчас ученые осторожно, чтобы не нарушить внешнего вида мамонтенка, через крошечное отверстие в его животе, возьмут образцы всех(!!!) органов...

Пока Верещагин вещал, стоявший рядом со мной у стола главный патологоанатом Магаданской области Вася Суховерхов (который как раз в это время готовился к защите диссертации о патологических отклонениях в тестикулах (яичках) человека и животных) наклонился ко мне и шепнул на ухо: «Тань, сейчас или никогда! Пока старик отвернулся, я отсеку у Димы яйцо и суну тебе в карман, на случай, если меня обыщут». Не успела я и глазом моргнуть, как он, широко улыбаясь прямо в телекамеру, профессиональным жестом молниеносно кастрировал мамонтенка и с ловкостью фокусника сунул яйцо в карман моего халата. «Если старик что заметит, скажем, мол, второе яичко еще не спустилось в мошонку», шепнул мне Вася со счастливой улыбкой. Но половой неполноценности Димы Верещагин не заметил.

(Однако, этот эпизод был случайно зафиксирован присутствующими на вскрытии телевизионщиками и в вечерних новостях показан на магаданском телевидении. Но никаких последствий не было. Возможно, в этот вечер никто и не смотрел телевизор, поскольку все заинтересованные лица активно отмечали в ресторане еще одно неожиданное научное открытие).

Туша мамонтенка Димы была перевезена в Ленинград и сейчас его весьма подпорченное чучело можно созерцать в палеонтологическом музее Питера.

Но это только присказка, а сказка впереди.

На следующий же день после того, как улетели столичные ученые, я с подружкой Асей отправилась покупать телевизор. Ася как специалист в радиотехнике помогла мне его выбрать. Дело в том, что в Магадане только появились цветные телевизоры и выбор лучшего был делом очень ответственным. Чтобы доставить телевизор домой мне пришлось заранее договориться с институтским шофером, который согласился это сделать исключительно за 200 граммов чистого медицинского спирта.

И вот стоим мы с Асей на пороге магазина, а шофера все нет и нет. Как выяснилось позже, шофер заболел, но узнать, что с ним случилось, мы не могли, так как мобильных телефонов тогда еще не было. Поймать такси в Магадане – дело нереальное. Попутные машины не останавливаются. Что делать?

И тут из-за угла медленно выезжает лошадь с телегой, груженной сеном-соломой. На облучке – старый цыган в грязном черном парике. Отчаявшись поймать машину, мы останавливаем цыгана и просим подвезти покупку к дому. Ехать не далеко, даже пешком в горку – минут 10-15. Цыган, молча, кивает. Мы грузим на телегу коробку с цветным телевизором и трогаемся в путь.

Как говорится, «картина маслом» - впереди важно плетется старая кляча, на облучке, потряхивая париком с клочками соломы, сидит старый цыган, на телеге мерно покачивается чудо техники, а вслед за ней, прямо по мостовой, медленно, будто под звуки похоронного марша, плетемся мы с Асей. На нас с любопытством смотрят прохожие, среди которых наверняка немало знакомых, поэтому мы идем, низко опустив голову. Эти десять минут показались нам вечностью, ибо картина сильно смахивала на траурную процессию

Когда мы остановились, наконец, у моего дома, Ася спустилась в подвал, в мастерские нашего института, чтобы попросить ребят помочь поднять телевизор на четвертый этаж дома, лишнего

лифта. А я тем временем торжественно вынула из сумки заветный флакон с 200 граммами спирта, который в тот период ценился выше любых денег, и щедро протянула его цыгану. Удивлению моему не было предела, когда цыган отверг спирт и потребовал с меня всего 3 рубля! Я даже обрадовалась, мол, будет чем отблагодарить ребят из мастерской.

Тащить телевизор на пятый этаж вызвались, предвкушая угощение, четверо инженеров. Когда телевизор был водружен на место, я накрыла стол и выставила закуску, Рижский черный бальзам и спирт. В отдельном графине поставила воду, чтобы каждый разбавлял спиртное по своему вкусу.

Один из ребят, Слава Старостин, когда-то жил в Риге и по опыту знал, что водку следует «подкрашивать» Рижским бальзамом. Остальные предпочли «не портить добро», Перед тем, как сесть за стол, мы стали в кружок, чтобы первой рюмкой обмыть чудо техники. Все уже держали рюмки наготове, с нетерпением наблюдая, как Слава подкрашивает свой спирт бальзамом...

И тут произошло такое, отчего я покрылась холодным потом. В ту же секунду, как только черный бальзам попал в спирт, он, вдруг, побелел и хлопьями выпал в осадок!

Сделала это я раньше, чем осознала, что случилось. В такие минуты подсознание работает молниеносно. Рванувшись в центр круга, я, мгновенно обернулась на 360 градусов и кулаком, молча выбила рюмки из рук собравшихся. Только после этого я села, перевела дух, и созналась в содеянном.

Виновата была не я, а мамонтенок Дима. Вернее, конец месяца. Но в целом, конечно же, я. Дело в том, что на фиксацию образцов тканей от органов мамонтенка ушел весь наш месячный запас спирта. Следующую порцию мы должны были получить на складе лишь в августе. А телевизоры доставляли в Магадан партиями. К августу лучшие образцы новых марок были бы уже раскуплены. А институтский шофер, обещавший помочь с доставкой, как назло, отказался от денег. Ему подавай только спирт. А где же его взять? И тут я обнаружила на лабораторном столе оставленную ленинградцами склянку с медицинским спиртом. О содержимом склянки гласила этикетка на банке, четко напечатанная жирным шрифтом. Как выяснилось позже, эту этикетку они приклеили для отвода глаз, чтобы к ним не придрались в аэропорту. По телефону ленинградцы сознались, что в забытой ими на столе склянке содержался фиксатор с высоким процентом цианистого калия...

Вот так смерть шаровой молнией пронеслась мимо шофера, мимо цыгана, мимо ребят из мастерских, и мимо нас с Асей. Ее остановила болезнь первого, воздержание второго и любовь третьего к Рижскому черному бальзаму...

Витя-ренар – такую кличку дал мне в Магадане Женечка Гельфгат (я же в ответ его кличил Гельф-гадом) и все наши близкие друзья именовали только так.

Женя Гельфгат

Сережа Курышев

Миша Засыпкин

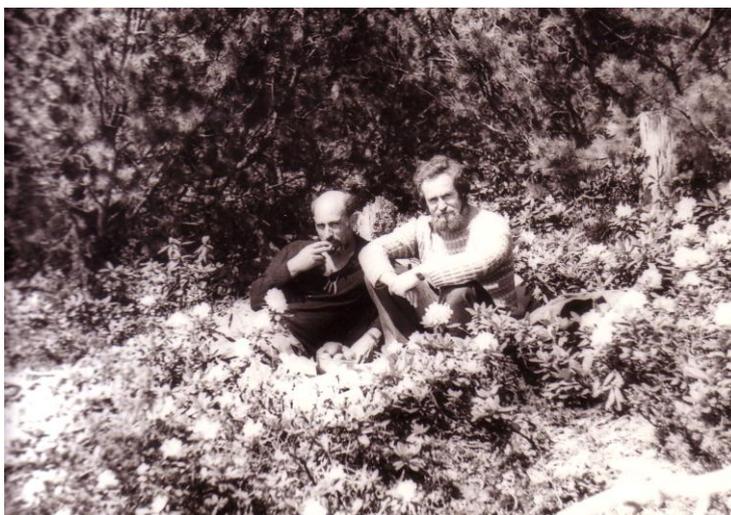
Вот они самые верные наши друзья

С ними Таня была знакома давно. Все они часто вместе бывали в различных экспедициях, а Женя даже утверждает, что как-то предлагал ей руку и сердце, но она почему-то пропустила это выгодное предложение мимо ушей. Но близко мы сошлись и подружились в первую осень после моего приезда, когда нас погнали убирать картошку, после чего мы дружно потом пошли к нам домой, где почти всю ночь квасили и вели умные разговоры на самые разные темы, но больше касающиеся нашей работы. Мы работали в одной лаборатории экологической генетики, часто вместе бывали в экспедициях, но еще чаще проводили время друг у друга в гостях. Наша дружба сохранилась до сих пор, уже после того как все разъехались в разные стороны – мы с Таней в Ригу, Сережа вскорости умер и похоронен в Магадане, Женя сначала переехал в Новосибирск, а потом в Дрезден, только Миша до сих пор остался в Магадане. Все они побывали у нас в гостях в Риге, а общаемся по интернету постоянно.

Женя открыл нам удивительно красивое место под Магаданом в сторону Арманьи, которое мы нарекли Гельфгатством.

Чизения

Гельф-гад и Витя-ренар

Таня с Зюзей

Зюзя

В Гельфгатстве

Замучила жажда

Один из последних анекдотов про Женю Гельфгата. – Его в России все отделы кадров считали евреем (очевидно, по фамилии), и, соответственно относились как к еврею, хотя в паспорте он записан русским и мама у него русская, а отец еврей.

В Дрездене в еврейской общине ему сказали, что поскольку его мама русская, то он никак не может быть евреем. В порядке исключения, его могут записать лишь «ассоциированным членом». Это Женя еще кое-как стерпел. Но потом община извинилась, и заявила, что по правилам может считать его лишь «недействительным членом». Это так оскорбило Женю, что он покинул общину. Над этой историей Женя ехидно подсмеивается, но видно, что он гордо носит такое необычно забавное звание.

Сереза Курышев, которого мы за его внешний вид называли цыганом, и **Миша Засыпкин**, которого по-дружески иногда кликали Записькиным, были изрядными выпивохами, да и я старался от них не отставать.

Однажды вечером, после изрядного возлияния, уже уходя домой, мы заглянули в кабинет зам директора по хозяйству, где за одним столом под стеклом красовалась фотография Сталина, и под громкие соответствующие комментарии вытащили и изорвали сей портрет на мелкие кусочки. Утром вахтер конечно доложил с подробностями об этом происшествии, а хозяин портрета был на нас очень разобижен.

В другой раз, когда я получил известие о рождении своего первого внука Алешеньки (а совсем не внучки, как я ожидал), после такого же вечернего заседания в лаборатории мы дружно направились по домам. Но по дороге я заглянул в «Детский мир» и мне очень понравилась детская вязаная юбочка, но денег в кармане не оказалось. Когда я пришел домой и рассказал Тане, что хочу купить эту юбочку, она только спросила - «А для кого»? И тут только я сообразил, что родилась не внучка, а совсем наоборот внук, которому естественно юбочка совсем ни к чему. Долго по этому поводу смеялись.

Еще вспоминается случай, как в Танин день рождения зело пьяный Миша, только в этот день вернувшийся из морской экспедиции, притащил в портфеле самодельный нож для разделки китовых туш. И какое счастье, что тащившись в таком виде и с таким грозным холодным оружием через весь Магадан, ему не встретился ни единый милиционер. Нож оказался замечательным, и до сих пор он висит у нас и является самым острым кухонным оружием. Вот только точить ножи я очень не люблю, а Миша редко приезжает в гости в Ригу.

Вообще-то я не очень люблю посещать рестораны и бываю в них крайне редко, по случаю каких либо торжественных дат или юбилеев моих хороших знакомых. Как-то Женя Гельфгат пригласил всех нас на свой юбилейный день рождения в такое заведение, находящееся как раз напротив нашего дома. Все шло хорошо и мирно, раздражала только громкая музыка. Таня предложила завершить этот теплый вечер у нас дома за чашкой знаменитого кофе «по-аршавски». Все поддержали эту идею, и Таня ушла немного раньше, чтобы приготовить все для кофепития. Мы потихоньку одевались, но вдруг Сереже показалось, что какой-то пьяный парень толкнул нашу любимую лаборантку Светлану Дмитриевну. И завязалась драка, которую мы довольно быстро прекратили. Но на выходе из ресторана к Сергею подошли два мента, и без всяких объяснений потащили его в милицейскую машину. Заорав, что в ментовке его будут бить, я бросился к машине и залез в нее. К счастью мы были не сильно пьяны, но на наши разумные объяснения никто не отреагировал, и захлопнув дверь машины нас отвезли в какое-то отделение милиции. Там я начал бушевать и требовать медицинской экспертизы на количество алкоголя у нас в крови и обязательно в присутствии главного психиатра области Валерия Калачева (моего доброго знакомого, в больнице которого я проводил исследования ЭЭГ больных). Это их несколько смутило и они стали друг у друга выяснять, кто собственно я такой. Но в это время Толя Шакутин, присутствующий на этом Женином торжестве, успел позвонить своему приятелю – какому-то большому милиционеру и тот велел ментам освободить нас, да еще при этом и извиниться. Конечно кофе «по-аршавски» в этот вечер не состоялось. Но в институте у меня уже были очень напряженные отношения с администрацией (об этом рассказ пойдет в следующей главе). И она стала муссировать версию о том, что в доску пьяные (что не соответствовало действительности) Аршавский и Курышев не попали в вырезатель только благодаря вмешательству этого милиционерского чина (что очевидно чистая правда), который за это пострадал – был понижен в звании и переведен на менее ответственную должность (что являлось чистой ложью).

Последний анекдот про Сережу Курышева. Незадолго до своей смерти (умер он в Магадане от тяжелой болезни печени) Сережа несколько дней гостил у нас в Риге. Накануне мы вместе с ним купили билет на поезд до Москвы. А на следующий день Таня и я поехали на вокзал его провожать. Долго до самого отправления поезда стояли на платформе, как-то грустно шутили (возможно, предчувствуя, что видимся в последний раз). Когда Сережа вскочил в вагон, Таня, обращаясь к проводнице, пошутила – « Вы внимательно проверьте у этого цыгана билет». И она внимательно все проверила и сказала «Так ваш же поезд ушел еще вчера». От удивления, мы разинули рты, а улыбающийся Сережа из тамбура нам помахал и крикнул – «Ничего страшного, я ее уговорю». И очевидно уговорил, поскольку на следующий день от него пришла телеграмма, о том, что он благополучно доехал. Подробности он не сообщил.

А вот еще два веселых вечера – в лаборатории (слева), в нашей квартире (справа)

А вот еще одна выдающаяся личность.

Мирон Маркович Этлис. - коренной москвич, но после многолетней отсидки в одном из лагерей ГУЛАГа, куда он попал в 50-х годах, будучи студентом последнего курса одного из Московских медицинских институтов, но каким-то образом ухитрившийся получить диплом об его окончании еще до реабилитации, осел в Магадане. Работал он младшим научным сотрудником в нашей лаборатории. Когда я с ним познакомился, он казался много знающим, остроумным и талантливым человеком, но оказался просто философствующим бездельником. Праздно шатаясь по институту, он всех убеждал, что для работы ему не нужны никакая аппаратура и реактивы, а только карандаш и лист бумаги, а лучше блокнот. Но все же я хорошо к нему относился, просто воспринимал как чудака. Потом наши отношения значительно испортились не столько потому, что он был обычным прожектером, сколько из-за его склонности к стукачеству. (Но об этом дальше в следующей главе).

Вот некоторые его афоризмы:

*Большеглазые газели
Любят спать в чужой постели.
(Это о девицах ИБПС)*

*В Магадане количество человекообразных на душу населения гораздо больше,
чем в любом другом городе Советского Союза.*

Как-то в период междууженья, кажется между пятым и шестым...

Детей у меня много, но сколько, точно не помню.

Мирон Этлис

Вообще в Магадане было много оставшихся по своей доброй воле таких талантливых бывших «сидельцев». С некоторыми из них я был знаком.

С доктором **Асиром Сандлером**, который возглавлял клиническую лабораторию в Магаданской областной больнице, я познакомился по работе. Но кроме этого он был талантливым поэтом и писателем, автором тогда еще не опубликованной книги "Узелки на память". Он много рассказывал мне о жизни заключенных в лагерях и шарашках на Колыме.

Асир Сандлер

Ну и конечно знаменитый певец **Вадим Козин**, домой к которому еще в первую экспедицию в Магадан нас привел Лев Миронович Юровский. Не очень опрятный старик встретил нас поначалу весьма настороженно, однако, сразу же извинился за свой домашний наряд: «Извините, но я уже привык к валенкам». Потом он немного оживился, конечно, не пел, но с явным удовольствием ставил на проигрыватель старые пластинки с записью своих песен. Распрощался с нами весьма любезно. Но как-то больше не возникало желания навестить его жилище.

Вадим Козин в своей квартире

Незадолго до его смерти наша знакомая Анка Зеленская, которая раньше работала лаборантом в ИБПС (у Тани в «Чукотских байках» есть замечательный рассказ об одной из экспедиций на Чукотку, под названием «Анка и гусь»), а закончив институт пристроилась на Магаданском телевидении, сделала о Козине очень хорошую передачу, которую показывали по Центральному телевидению. К Вадиму Козину вернулась всероссийская слава, но вернулась почти посмертно.

Мое 50-ти летие совпало с развернувшейся по всей стране очередной антиалкогольной кампанией. Но юбилей всё же был отмечен вечером после работы прямо в лаборатории за большим общим столом, уставленным тарелками с простенькой, но вкусной закуской и бутылками с разнообразным алкогольным питьем. На этом мероприятии присутствовало довольно много народа не только из нашей лаборатории. Только одна наша лаборантка сбежала, сославшись на неожиданный вызов в дирекцию для какой-то срочной работы. Но, как выяснилось потом, эта работа заключалась в том, что она просто настучала в дирекцию о том, что в лаборатории идет пьянка (хотя мы и не делали из этого никакого секрета). И вот в самый разгар шумного веселья в дверь лаборатории ввалилась весьма пьяная компания (директор, зам. директора и парторг) и отказавшись от приглашения присесть за наш стол, сделала нам строгий выговор за распитие спиртных напитков на рабочем месте. Правда, очевидно на трезвую голову оценив свое собственное состояние, дирекция никаких административных кар на этот раз не предприняла.

Торжество продолжилось и на следующий день у нас дома, но уже в более тесном кругу. По этому случаю было зачитано стихотворение, а так же преподнесён замечательный альбом, оформленный Таней, Анджеем и Женей Гельфгатом. (см. Приложение 3)

Седые пейсы и усы,
 Плеши, клином борода.
 Портрет науки на Руси,
 Таким бывал всегда.
 Хроня традиции отцов,
 И внешний антураж,
 Наш тоже друг яйцеголов,
 И в спорах входит в раж.
 В графе он пятой написал,
 Когда-то в КГБ(е),
 Что с детства Ленина читал
 И член ВКП(бе).
 Считал Сперри, что если мозг
 Разрезать пополам,
 Из человека выйдет два –
 Порядочный и хам.
 В Сперри он видел как марксист,
 Борьбу за капитал,
 Мозги рассек капиталист,
 А это - криминал.

В.В.Аршавскому посвящается

Лопатил он мозги, не вскрыв
 Коробки черепной,
 Вербальной логикой прикрыв,
 Чудовищный разбой.
 И не признав чужих идей,
 Как гнусных, устарелых,
 Сам делит чукчей и людей,
 На правых и на левых.
 Он "Я" идеей окружил,
 У тех, кто левым стал.
 Чем Фрейдю снова заложил
 Под ноги пьедестал.
 Отправив вправо остальных,
 С реальным пошлым "Я",
 Сказал: В извилинах у них,
 Идей нет ни хуя.
 Короче, в наш ХХ век,
 Могу я заявить:
 Один и тот же человек
 В двух лицах может быть.

Конечный результат, притом,
 Несложно рассчитать –
 Кто днем работает ментом,
 В ночь - ходит воровать.
 И незачем детей рожать,
 У нас прирост иной,
 Спокойно можем мы решать
 Проблему со жратвой.
 Так рассуждать - скажу я вам,
 Мог лишь оппортунист,
 Но как скатился в этот хлам
 Ученый-коммунист!
 Ну все при нем, трудов не счесть,
 И облик и мораль,
 Но тут подсказывают есть
 Важнейшая деталь.
 Что он давно уже не наш,
 Не русский, не советский,
 Что перевод приставки "АРШ"
 Есть жопа по-немецки.

А раньше, в январе этого же года, ИБПС отмечал и свой 10-ти летний юбилей. После ученого совета торжество состоялось в одном из больших ресторанов Магадана. Но тогда в институте уже всюду бушевал скандал (о нем в следующей главе) и настроение у многих было весьма неважное. Едва не возникло несколько драк (кое-кто хотел бить директора Краснощекова, а меня чуть было не спровоцировали на драку сразу два завдующих лабораториями - зоологии Чернявский, и почвоведения Игнатенко, но я на эту провокацию не поддался). Но постепенно как-то все улеглось. Была прочитана замечательная поэма «ИБПС глазами мнс», написанная одним из сотрудников института. Все много пили, меньше закусывали и лихо танцевали. Я сбавил свою традиционную лезгинку с вилкой в зубах (начальству это совсем не понравилось).

ИСТОРИЯ ИБПС ГЛАЗАМИ МНС

Поэма в 6 главах с I-м прологом, I-м эпилогом и 6-ю тостами

Эпиграф:

Рыба ищет, где глубже,
 человек - где лучше,
 а мнс – адаптируется ...

Пролог

Время! Начинаю про ИБПС рассказ.
 Но не потому, что сочинять умею –
 Время потому, что каждому из нас
 Ясно: подошли мы к юбилею!
 Я прошу - не хмурьте грозно лик,
 Антиюбилейные витии!
 Ну, конечно, он не так велик –
 Только десять лет - зато какие!
 Не понять весомость этих лет,
 Если не начать еще с пеленок.
 Вспомним же те дни, когда на свет
 Вылупился наш Ибепесенок ...

I. Инкубация

Все, как известно, началось с яйца.
 Точней - с идеи, что в случайной встрече
 Меж двух бокалов как-то выдал Кречмер
 Для сведения знакомого лица ...

Тогда уже гремел СВКНИИ,
 Геологи взрылись в недра рьяно,
 Но не было биологов, увы (ни-ни)
 В бескрайнем регионе Магадана.
 (А те, что были, - были все не те,
 Как говорится, не на высоте ...)

Идею, обсосав со всех сторон,
 Уж наверху задумались над нею,
 А регион, как сказочный дракон,
 Лежал и ждал, - когда яйцо созреет?
 А время шло ... Где ж вы, богатыри,
 Что ж до сих пор с драконом не сразились?
 Радушно дверь свою открыл СВКНИИ
 И час пробил - явился храбрый Витас!
 И закрутив фортуны колесо
 Как повелел великий мудрый Шило,
 Он начал это самое яйцо
 Высиживать (пардон) со страшной силой.
 И в результате многих трудных дел
 На божий свет проклонулся отдел.

Тост первый

Восславим наших милых ветеранов,
 Тех, самых первых, тех десятерых.
 Мы забывать их не имеем права!
 Сегодня среди нас еще немало их –
 Кто рядом там? Налейте им стаканы,
 И выпьем - за ушедших и живых...

Но вот Отдел уж в справочник включен,
И слух о нем пошел по всей Руси великой,
И повалил народ со всех сторон
Дальневосточную науку двигать.

Да, кадры славные отозвались на клич,
Но брать куда? Без ставок нет прогресса!
И лег весомый Батовский кирпич
В фундамент юного ИБПСа...
(Полсотни свежих, теплых единиц
Весьма способствуют развитию яиц!)

Количество на качество сменив,
Перевалил за сотню коллектив,
И диалектика свое сказала слово:
Используя возросший вдвое в ес,
Ворыгз скорлупу разнес ИБИС –
И здесь у нас главы начало новой.

2. Акселерация

Конечно, мы росли с большим трудом,
Как всякий вундеркинд - от века и донныне,
Но вырос первый самодельный дом
На гельминтозной Чаунской равнине.

И Снежку отобраз у Котлярова,
Круговорот веществ открыли новый,
По типу: это - нам, а это - тоже нам ...
В глуши на Омолоне лес зеленый
Шутя валил один лихой ученый –
И тоже основал стационар ...

То время было выше всех похвал!
С жильем, понятно, было очень слабо,
И даже замдиректора снимал
По-холостяцки угол у завлаба,
Аж спали в институте иногда,
Но, несмотря, что жили очень тесно,
Симпозиумов всяких и конгрессов
Немало провернули в те года.

Сперва и публикаций было - фиг,
По пальцам их считали мы, признаться,
Потом наметился внезапный сдвиг,
Все чаще стал народ публиковаться,
А нынче столько накатали книг,
Что до сих пор не можем распродаться...

Зато в амбарах обалденный был запас –
На много лет вперед, что надо и не надо ...
То истово Кулинич заботился о нас,
Не ждя себе ни славы, ни награды.

На зависть всем передовым Европам,
Обзавелись мы электронным микроскопом,
И многие за ним просиживали брюки,
Чтоб сделать новые открытия в науке.

Тост второй

Да, дело шло. Ну что там говорить:
Сегодня скромность можно отменить,
Ведь в годы те отгрохано немало!
Хоть приходилось друг у друга жить,
Наука, как ни странно, процветала ...
За это надо бы налить
И выпить - ну хотя б по полбокала!

3. Адаптация и эволюция

И вот настала новая эпоха:
Всё стало хорошо, что было плохо,
Настроили стационаров кучу,
Полезли в глушь, искать чего получше,
Рванулись кандидаты в доктора
И развернулись - кто во что горазд ...

Великий Хохряков взял регион в полон,
Ища повсюду самых новых видов.
И каждый вид сжимался, как бутон,
Лишь бороду лохматую увидев,
И думал - не заметит, коль молчишь.
И прятался - то в дебри, то на скалы ...
Но если взялся Хохряков - шалишь!
Вот новых видов как и не бывало.
Но каждый образцом гербарным стал,
Иначе говоря - попал на сеновал ...

Настырно Игнатенко почву рыл
От Северной Чукотки до Амура,
И кандидатов как грибы растил
На непонятных смертному структурах,
Он разгребал торфа и мерзлоту,
Как будто в центр земли пролезть пытался,
Рекультивировался там и тут,
И до концепции, кажись, уже добрался ...
Теперь в земле огромная дыра:
То Игнатэнко вылез в доктора!

Чернявский многотрудною дорогой
Прошел по всем арктическим берлогам,
Ему теперь знакомы все вокруг -
От белого медведя с толсторогом
До самых мелких северных зверюг.
Коллекция, в которой их меха,
Сама собой, конечно, неплоха,
Но этот склад сейчас куда дороже -
Недаром модниц так волнует он:
При нынешней цене на шкуры и на кожи,
Глядишь, потянет он на миллион!
Растет потребность в модных гарнитурах:
Зоологи! Спасайте ваши шкура!

На леммингов набросились толпой –
Ткачев и Пастухов, и кто-то там другой,
Со всех сторон разделили бедняжек
И на алтарь науки принесли.
Их адаптации от стрессов не спасли,
И нейроэндокринная система даже!
Попробуй адаптироваться - глядь,
Тут и начнут ловить и изучать ...
Пожалуй, что от этой адаптации
Профит имеют только диссертации ...

Биоценозы встали на пути,
А тут и ГЭС решили возвести, -
Их изучать кому-то тоже надо, верно?
Искали личность - не могли найти.
И вот из плейстоценовой степи,
Идеями наполнен, вылез Берман!

Над лентою Колымских мутных вод
(В районе будущего моря то-есть)
Однажды прогудел наемный самолет –
Так зачалась великой стройки повесть.

Под грозными скалами Анначага
Стук топора встряхнул горелый лес –
«Аборигена» славное начало
Легло в историю Колымской ГЭС!

Он бурно рос и быстро богател,
Благодаря отменному снабженью
И теплоте кой с кем взаимоотношенью,
Японцев принимал и в прессе прогремел,
И в качестве филиала был расценен,
Поскольку был для нас почти бесценен ...
Потом он, правда, малость погорел –
Но вновь зато из пепла, словно Феникс,
Восстал - и даже чуть помолодел ...

Тост третий

Да, было - и плохое, и хорошее,
Второго больше - иначе не мни!
Завлабы наши, разные, несхожие,
Вас - каждого - попробуй, помяни ...
Кончается глава - так что же я?
Давайте выпьем мы теперь за них -
За наших завоёв! Сразу и за всех!
Ведь их успехи - это наш Успех!

4. Трениция.

Нас адаптация трогает робко:
Мы ведь идем непроторенной тропкой ...
Лаборатории вдруг отмирают,
Другие на этих местах отрастают
То смена начальства, то почкование,
Где-то успели, а где-то отстали ...
Переменяя восторг и страдания,
Мы развиваемся по "спирали".

Сколько проблем в институте фактических –
Только не био-, а психологических ..
Трудно дается - вот в чем вопрос –
В онтогенезе ароморфоз!

Но наши муки - и счастье наше –
Не в том, что у каждого тьма идей,
А в том, что все мы варимся в каше
Из почв и гелиминтов, рыб и людей ...
Моржовых генов и прочего хрена ..,
Из двух полушарий (где право?, где лево?)
У мигрантов и аборигенов,
– Иль потому, что культурой богаты,
Или же гены во всем виноваты.

И разногласья, конечно, бывают.
А уж критикуют - ну просто беда:
"Я - говорят - в этом ни черта не понимаю,
Но, по-моему, это все - ерунда!"...

Трудно коллегу понять, коль не хочешь
(Впрочем, легко и мозги заморочить).
Шоры снимите с нахмуренных глаз!
Гениям нашим, талантам и прочим
Из Маяковского несколько строчек
Мне захотелось напомнить сейчас:

"Расстелим внизу комплименты ковровые,
Если зуб на кого-то - отпилим зуб,
Розданные щедро венки лавровые
Сложим в общий товарищеский суп!
Решим, что все мы по-своему правы,
Каждый поет по своему голосу,
Разрежем обшью курицу славы
И каждому выдадим по куску ..."
(курица будет подана позже)

Тост четвертый

Так вот мой тост теперь - прощу чуть-чуть вниманья -
За то, чтоб в будущем, без шишек и обид,
Мы проявляли максимум взаимопониманья
Ей-ей, науке это вряд ли повредит!

5. Эскалация

Сегодня день такой, что можно помечтать,
И, соразмерив будущее с прошлым,
Желать, надеяться и ожидать
Гораздо больше всякого хорошего ...
Мы знаем, что пройдет немало лет,
Над Магаданом встанет корпус новый,
Где всем - и может, даже Королеву,
Дадут отдельный личный кабинет.
(Тогда прощай, родимый наш "пенал",
Прощай, подвал, - ты слишком много знал!)

У нас в протекторате - Берингия,
Почти на четверть - Тихий океан,
Просторы Магаданские родные,
А также части сопредельных стран...
Везде свои: огромен кадров рост,
От тундр Якутии до дебрей Сахалина,
И если, вскорости, построят все же мост,
И Берингов пролив замкнут плотиной –
Мы будем на Юконе виски пить.
На Бруксе возведем стационары,
А полевые станут нам платить –
По курсу, соответственно - в долларах ...

Но мы пока (что толку в ожиданиях?)
Свои мосты взвели через океан,
Способствуя взаимопониманью
Двух столь различных, но великих стран.
Уж мы не можем, как без "хэппи энд",
Прожить хоть год без импортных визитов.
"Айм взри глэд ту он ю, диа фрэнд!" –
Мы заучили тверже всех молитв ...

И на Аляске знают, что и как,
Относятся с огромным интересом
К науке нашей и к ... деликатесам.
Все это называется – контакт
Во имя мира, дружбы и прогресса!

Тост пятый

Итак, - почти что предпоследний тост:
За то, чтоб был скорей построен прочный мост!

6. Последняя дифирамба

Да, все хорошо, коль вдаль заглянешь.
Но грустную ноту никак не уймешь,
Думой тревожною маячишь:
Что ты теперь от грядущего ждешь?
Ведь все изменилось давеча –
Нас покидает испытанный вождь.
Наш дорогой Контримавичус ...
Ну, что ж, пожелаем ему от души –
Чтоб волны: житейские шибко не били,
Чтоб были коллеги его хороши,
Не хуже хотя б, чем мы были...

Тост шестой

Я предлагаю бокалы налить
И выпить - его здоровье!
А мы обещаем его не забыть
В своих экстремальных условиях.
Мы люди привычные - будем хоть до ночи
Пить за здоровье Витас Леончыча!

Эпилог

Я с вами, кто выпить пришел и поесть
В сплошной лихорадке буден!
Последнему тосту - и место и честь
За это никто не осудит:
Я славлю сегодняшней ИБПС,
Но трижды - который б у д е т !

Поднимем бокалы!
Содвинем звеня!
Поэме - конец.
С юбилеем, друзья!

Ю.Королев, Магадан, 1983 год, 5 января

(А за сию поэму, поддонок Игнатэнко
хотел бить морду автору стихов)

Ну а теперь об нескольких главных наших встречах в Магадане.

Кажется, осенью 1984 года я получил письмо от брата Юры Аршавского, в котором он спрашивал, решусь ли я повидаться с **Сергеем Ковалевым**, который за активное диссидентство и редактирование самиздатского журнала «Хроника текущих событий» был осужден по статье «антисоветская пропаганда». Отсидев семь лет лагерей, в Скальнинских (Пермских) лагерях и в Чистопольской тюрьме, он был на три года сослан на Колыму. Я тут же позвонил Юрке, высказал ему свое «фе» по поводу его сомнений, и срочно затребовал сведений о месте пребывания Сережи.

С Сергеем меня познакомил Юра давно, когда я был еще в «сумасшедшем доме». Они вместе учились на биофаке МГУ, а затем были связаны по работе и даже имели совместные статьи. Тогда Сережа работал в МГУ заведующим отделом межфакультетской лаборатории математических методов в биологии, и он несколько дней обучал меня микроэлектродной технике, за что я был ему крайне признателен.

Конечно, я тут же поставил Таню в известность о том, что собираюсь поехать к Сергею в поселок Матросова, и она не возражала, поскольку сама уже имела дело с диссидентами. В свое время в Магадане

отбывал ссылку и, кажется, даже работал в СВКНИИ **Андрей Амальрик**, с которым она водила дружбу.

В поселке на руднике им. Матросова, который находится километрах в трехстах от Магадана, где-то за пару лет до этого я исследовал группу шахтеров. И сейчас под предлогом мониторинга над ними, я тут же поехал туда. Но с полдороги меня завернули телеграммой о якобы срочной необходимости созвать профком для решения квартирного вопроса. Но никакой срочности не оказалось, и я тут же понял, чьи это происки. Следующим вечером я снова трясся в автобусе по Колымскому тракту и ранним утром, где-то часов в 5, был на руднике, а, оформившись в гостинице, в 7 часов в общежитии уже обнимался с Сережей. Он потащил меня на свою работу в лабораторию золотообогатительной фабрики и рассказывал чем они там занимаются. По дороге он лишь успел спросить, что я знаю о ссылке Андрея Дмитриевича Сахарова в Горький. Вечером после работы он зашел в гостиницу и всю ночь мы проболтали о его тюремной жизни, его жене Люсе и дочке Варе, о наших многочисленных общих знакомых. Эти не очень веселые разговоры обильно смачивались водочкой и заедались очень вкусной копченой рыbkой, которую я привез из экспедиции на Чукотку. Все это повторилось и на следующие сутки. Через два дня я уехал в Магадан, где опустил в почтовый ящик письма, переданные мне Сергеем.

Не больше чем через неделю, меня уже вызвали в магаданский КГБ. Первым делом я собрал весь сам- и тамиздат, которым меня усилено снабжали Сережа Ковалев, Саня Подрабинек и Сережа Гроздов, и все эти папки Женя Гельфгат куда то запрятал.

Здание этой организации находилось недалеко от института, на той же улице Дзержинского. Это обычное трехэтажное здание, с тыльной части которого располагалась большая территория, обнесенная очень высоким каменным забором с колючей проволокой по всему его верху. Наша лаборантка, живущая в соседнем доме, рассказывала, что иногда ночью из этого двора доносились дикие крики – похоже, что там кого-то избивали. Шел я туда с нерадостным настроением, т.к. боялся, что эти гады запросто могут перерезать мне путь в Матросова. Меня долго расспрашивали, - откуда я знаю Ковалева и зачем к нему ездил? – *«Да вот ездил по работе, а заодно навестить попавшего в беду друга и, в какой - то степени, учителя»*. – *«А о чем вы там разговаривали?»* – *«Да больше о жизни, о здоровье, о наших общих знакомых и друзьях»*. – *«Собираюсь ли ездить еще?»* – *«Конечно, при любом выдавшемся случае»*. – *«Это хорошо, нам вместе надо постараться направить человека на истинный путь, но каждый раз вы будете рассказывать об этих поездках»*. – *«Ну конечно, только к вам я больше ходить не буду»*. – *«Да и не надо, мы сами вас найдем! А теперь напишите все, что вы нам рассказали»*. Я намахал на полстраницы свои неразборчивые каракули, и с облегчением ушел.

Ездил я к Ковалеву довольно часто, примерно раз в 2 месяца. И после каждой поездки они меня находили. Один раз, заручившись моим согласием и обещанием, что в квартире никого в это время не будет, пришли в обеденный перерыв домой.. Но вдруг неожиданно Таня зачем-то вернулась домой. И хотя она долго не задержалась, гебисты были крайне смущены и беседы на сей раз не состоялось. В другой раз они приглашали меня на очередную встречу в какой-то номер

Мой братец Юра Аршавский (слева) и Сережа Ковалев (справа)

на защите диссертации Миши Беркенблита

гостиницы, но я категорически отказался. И они стали навещать меня в нашей лаборатории в здании силикозного диспансера. Все эти беседы почти слово в слово не отличались от первого разговора. Очень я удивлялся, - как это им не надоест?

Гости у Сергея Ковалева в Матросова

Жена (Люся Бойцова) и дочка (Варя) с Сережей Ковалевым у входа в гостиницу в Матросова

Но не всегда я ездил один. У Сергея перебивало много народа, чаще по моему вызову, но также воспользовавшись и организованным ИБПС, симпозиумом «Биологические проблемы Севера». Все они приходили к нам в гости, а потом мы вместе ехали в Матросова. Назову только некоторые имена биологов и физиологов, которые помню: Левон Чайлахян, Саша Нейфах, Володя Смолянинов, Заур Хашаев, Ноэми Ботвинник (Кулаева), Нина Литвинова, Геня Сыроячковский, Лера Петриевская, Валентин Сергеевич Кирпичников, Андрей Львович Поленов. Ну и конечно, его навещали жена и дочка.

Два раза Сергей был в Магадане и останавливался у нас.

Один раз зимой в командировке от рудника без всякого уведомления гебешников, чем вызвал их удивление и неудовольствие и кажется даже с какими-то не совсем хорошими последствиями для руководства фабрики.

А другой раз летом, уже с разрешения КГБ, он вместе с семьей провел отпуск у нас дома. Тогда же, на пути из экспедиции на Витязь (под Владивостоком), в Магадан к нам приехали и друзья Сергея – Левон Чайлахян, Лера Петриевская и Заур Хашаев. И мы провели несколько хороших дней за разговорами, конечно, с обильным выпивомом и песнями под гитару, в которых принимали участие и наша магаданская компания - Женя Гельфгат, Миша Засыпкин и Сережа Курышев, а Антонина Кымытваль читала свои стихи и продемонстрировала горловое исполнение чукотских песен. Вечерами спускались в бухту и купались голышом в очень холодной воде Охотского моря.

В один из таких вечерних походов прямо около дома Заур устроил пальбу из ракетницы. Тут же из нашего подъезда выскочил изрядно пьяный и полураздетый, но мне неизвестный мент, очевидно специально присланный приглядывать за нашей компанией. Заплетающимся языком он стал у нас выпытывать, кто здесь стрелял? Мы, не сговариваясь, дружно ответили, что какой-то пьяный дядька выпустил пару ракет и побежал по дороге в бухту. Мент побежал по спуску вниз, а мы, во избежание неприятностей, быстро ретировались домой.

Вот какие грибы на сопке над портом Нагаевской бухты

Член корреспондент АН Левон Чайлахян попросил меня познакомить его с директором института Г.П.Краснощековым. Я его представил. И Лева долго рассказывал ему о том, что он в Магадане проездом, а едет на Колыму в поисках сине-зеленых водорослей, которые он в то время использовал как удобную модель для своих исследований. Но постепенно разговор перешёл на Сережу Ковалева, с которым они вместе учились на биофаке МГУ, а потом и вместе работали. Но на вопрос, нет ли возможности найти для него работу в институте по его специальности, Краснощеков вяло ответил, что это не в его компетенции, и быстро завершил разговор, сославшись на срочные дела.

А Люся и Сережа в это время вели о том же разговор в КГБ, и те не возражали, но при этом требовали подписать какие-то бумаги с покаянием. От таких условий Ковалев естественно категорически отказался.

Люся передала мне привет еще от одного диссидента, моего хорошего знакомого Сани Подрабиника, который только что вернулся из заключения, где находился несколько лет за самиздатскую книгу «Карательная психиатрия». Сам я был лишь «кухонным диссидентом», т.е. распевал дома песни диссидентствующих бардов, а также читал и самиздат и тамиздат, которым меня в изобилии снабжали многие знакомые, и в первую очередь Саня. Когда проходило судебное заседание, я вместе с некоторыми знакомыми толпился около здания суда в Электростали, поскольку нас в зал не допустили. Но после вынесения приговора его отец Пинхос Абрамович Подрабинек пригласил нас домой и подробно рассказал, как все это происходило.

Но вместе с приветом Саня передал и просьбу о том, не сможем ли мы приютить на несколько дней жену Мустафы Джемилева, которая собирается приехать на свидание с мужем. Он отбывал заключение в лагере под Магаданом тоже за «антисоветскую деятельность», заключающуюся в том, что осуждал депортацию крымских татар и возглавлял движение за их возвращение на родину в Крым. Выслушав эту просьбу, я сказал категорическое «нет», поскольку не без основания предполагал, что это может перекрыть мне дорогу к Ковалеву в последний год его ссылки.

Где то через пару месяцев вечером раздался звонок в дверь. На пороге стояли еще молодая женщина с мальчиком лет пяти-шести и большим тяжелым баулом. *«Здравствуйте! Я Софинар Джемилева, а это мой сын. Мы приехали на свидание с Мустафой».* Ну не выгонять же было их на улицу. Софинар много рассказывала о крымских татарах, их высылке из Крыма, жизни в ссылке в Узбекистане и стремлении вернуться на родину. С Таней они бегали в поисках мяса (конечно не свинины), но баранины не достали, но где-то обнаружили козлятину, которая оказалась очень вкусной. Виноградные листья Софинар привезла с собой, и она приготовила для встречи с мужем очень вкусную далму, обучив и нас этой премудрости. В течение всех нескольких дней напротив нашего подъезда стояла легковая машина, которая начинала медленное движение как только Софинар одна или в нашем сопровождении выходила из дома и сопровождала ее всю дорогу туда и обратно, а потом снова застывала у подъезда, но никто из нее не выходил. Удивительно, но никаких вопросов об этом визите гебешники мне не задавали. Много позже, когда мы уже были в Риге, Рифат Чубаров, который был председателем Латвийского общества крымских татар, а потом переселился в Крым, наезжая в Ригу, передавал нам благодарственные приветствия от Джемилевых.

Зная удивительную способность Сергея всюду опаздывать, я поехал в Матросово помочь ему собрать вещи, которые он забирал с собой в Москву. В этих сборах принял участие и совсем молодой человек Володя, который работал на руднике и подружился с Ковалевым. Мы запаковывали вещи в коробки и баулы, а Сергей, не отрываясь от стула, писал кому-то письма. На вопрос нужна ли та или иная вещь, он, даже не поднимая головы, неизменно отвечал – *«Конечно, нужна!»*. Так что вещей оказалось неожиданно много. Но здесь я сообразил, что ведь Магадан закрытый город, и свободно со справкой об освобождении Ковалев может ехать только до Аэропорта. Позвонил гебешному полковнику, который меня все это время опекал, и спросил разрешения заехать в город, поскольку до самолета еще 3 дня. Он был очень недоволен, долго читал нотацию о том, что этого нельзя делать, но потом сказал: *«Ладно уж, если вас задержат, сошлитесь на мое разрешение».* И мы поехали в Магадан, где еще раз пересмотрели все привезенное, несколько уменьшив вес багажа. По дороге никто нас не задерживал.

В Аэропорт мы поехали тоже троим. Попрощались. Но когда Сергей уже прошел контроль, в мою не совсем трезвую голову пришла глупая и совсем небезопасная мысль.

И через знакомую дырку в заборе мы с Володей вышли на летное поле, и дождались, пока самолет не взлетел. Слава богу, - нас не задержали. Утром позвонил в Москву и узнал, что Ковалева встретила большая толпа родных и знакомых, которые засыпали его цветами.

Но жить в Москве ему не разрешили, и он снял комнату в Калинин (Твери), где устроился работать сторожем. Будучи в отпуске и командировках, я несколько раз его навещал – один раз вместе с Таней, другой с внуком Лёшей, а однажды с Юрой Аршавским.

Сразу по возвращении в Магадан мне на работу позвонили из КГБ и попросили рассказать о моих поездках в Тверь. Мол, полковник очень хочет это узнать. Я ответил, что это уже не их дело, и пусть теперь этим интересуется калининское ГБ, а с ними у меня никаких дел уже нет. И послал на три русские буквы и полковника и всю его контору. Больше они мне не звонили, моя хулиганская выходка осталась без последствий.

Тогда уже в институте у меня начались крупные неприятности, о которых я расскажу в следующем разделе. Но связывать их с происками гебешников у меня не было оснований. Однако, Женя Гельфгат, который тогда был ученым секретарем института, мне рассказывал, что его несколько раз посещал куратор КГБ и расспрашивал о Ковалеве, Чайлахяне, Нейфахе и других, с которыми Аршавский ездил в Матросова, и какие разговоры они вели у него дома. Женя спрашивал у меня совета, как с ними себя вести и что им говорить. Но что я мог ему посоветовать! Только вести себя как подсказывает совесть.

А еще приведу абзац из книги Азур-Шах Нуричу (Заур Хашаев) «Дундула» (Путевые записи непоседы), Коломна, Инлайт, 2010.

Спустя год мы в том же составе и с той же целью десантировались в Магадане. А заодно решили навестить и нашего друга Сергея Адамовича Ковалева, отбывающего «наказание» в местах очень даже «отдаленных». Сейчас, наверное, нет человека, который бы не знал Сергея Адамовича как у нас в России, так за рубежом. А в то время он был изгоем, его имя произносилось шепотом, а уж дружба с ним не только не поощрялась, но была наказуема. Но его верные друзья такие, как Левон Чайлахян, Лера Петряевская, Александр Нейфах, Витя Аршавский и многие другие не прерывали с ним дружбы ни на минуту. Арестовали С.А.Ковалева в 1974 г. и инкриминировали ему три преступления: 1. Руководство Самиздатом — «Хроника текущих событий»; 2. Подписание письма о нарушении прав человека в СССР — «Письмо 17 диссидентов»; 3. При обыске нашли книгу А.Солженицына — «Архипелаг ГУЛАГ». Судили Ковалева в Вильнюсе и определили срок отбывания наказания 7 лет лагерей плюс 3 года ссылки. Вот как раз в это время и был Ковалев в ссылке в Магадане, когда мы его навестили. По случаю приезда жены и дочери Ковалева ему был предоставлен отпуск с местом проживания в г. Магадане. Весь месяц, который ему предоставило лагерное начальство, Сергей Адамович с семьей жил на квартире нашего общего друга и известного ученого Вити Аршавского, дом которого находился недалеко от печально знаменитой Нагаевской бухты.

Чукотско-эскимосское художественное творчество

Здесь приведу только небольшой отрывок из одной главы моей книги «Различия, которые нас объединяют», Рига, Педагогический центр «Эксперимент», 2001.

4.6. Межполушарная асимметрия и проблемы художественного творчества.

Еще задолго до открытия феномена функциональной межполушарной асимметрии И.М.Сеченов выделял психологические типы людей, различающихся по художественному или мыслительному складу характера.

Творческая активность является самостоятельной внутренней потребностью личности и отражает ее первичный свободный потенциал. Творчество есть наиболее естественная форма реализации потребности в поисковой активности, а ее проявление в определенных условиях обитания и в конкретных ситуациях зависит от особенностей межполушарной асимметрии индивида.

. . . Для творческого акта решающее значение имеет правополушарное мышление, создающее специфический пространственно-образный контекст, позволяющий видеть действительность во всей ее сложности и многогранности. Однако это только первый этап творческого процесса, этап инсайта. Для того чтобы результаты деятельности пространственно-образного мышления превратились из "вещи в себе" в "вещь для нас", их необходимо проанализировать, критически оценить и организовать в некую систему, что невозможно без участия логико-вербального мышления, обеспечивающего направленность творческой активности и ограничение ее потенциальной хаотичности.

. . . Можно предполагать, что в популяциях с преимущественно правополушарным типом реагирования должно быть значительно больше лиц, склонных к различным видам художественного творчества, в то время как в популяциях с преимущественно левополушарным типом - к научно-изобретательскому творчеству [В.Ротенберг, В.Аршавский]

. . . Исследование группы художников-косторезов Чукотки (Уэленские художественные мастерские) показало, что они являются лицами с резко выраженным правополушарным типом реагирования.

. . . В связи с этими выявленными фактами представляет интерес проанализировать особенности художественного творчества коренных жителей Северо-Востока России.

. . . Чрезвычайно высокий творческий потенциал северных народов отмечался многими исследователями [В.Г.Богораз, А.Д.Сергеев, Г.А.Меновцев, Н.Н.Диков, А.М.Шуберт и др.].

. . . Способности к оригинальному художественному творчеству выражены чрезвычайно у коренного аборигенного населения Северо-Востока России, о чем свидетельствует очень высокий процент художественно одаренных личностей в этих популяциях. Даже беглый анализ показывает, что среди коренных жителей Чукотки процент художественно одаренных личностей выше, чем среди жителей Центральных районов России. Только знаменитых художников, уникальные работы которых находятся в музеях и на выставках (к сожалению, крайне редких), в регионе проживает 0,7-0,8% от всей популяции коренных жителей Чукотки, что, очевидно, значительно выше, чем в европейских регионах. А уж менее "знаменитыми", но художественно одаренными являются практически все представители популяции коренных аборигенных народов Севера, находящиеся в весьма неблагоприятной демографической ситуации, и в условиях нарушенного культурно-хозяйственного уклада и экологического дисбаланса региона.

. . . Искусство Чукотки связано с художественной обработкой кости, которая в настоящее время проявляется в двух видах: резьба (скульптура) и гравировка по клыку моржа в неяркой цветовой гамме.

. . . Гравировка по клыку, несмотря на часто встречающиеся фольклорные мотивы, это по существу изобразительный рассказ о жизни северных народов. Реальная основа сказок является характерной чертой чукотско-эскимосского изобразительного творчества. И фольклор, и гравировка несут в себе наблюдения реальной жизни, насыщенной эпизодами, происходящими в окружающей повседневности. Это искусство отражает полную связь фольклора, реальной жизни и художественного творчества. Узорами индивидуального творчества художник расцвечивает фольклорные произведения. Выбирая из текста сказок определенные эпизоды и сохраняя главную сюжетную линию, художник становится создателем нового варианта сказки, участвует в продолжающемся процессе устного народного творчества.

Традиции свободного рассказа в творчестве художников восходят к глубокой древности. Наскальные рисунки показывают общность петрографов с современной резьбой по кости и гравюрами.

В то же время в северном художественном творчестве отражена и философия народа - совмещение реальной действительности и религиозных представлений (вера в родственную связь человека и животных, отсутствие четкой грани между жизнью и смертью, религиозно-мистические ритуалы и т.д.).

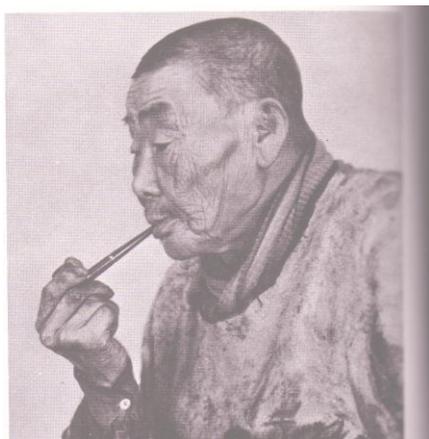
Несмотря на чрезвычайно выраженную конкретную структуру картины, художник, схватывая образ целиком, отказывается от излишней детализации. Человек для него не индивид, а член коллектива - типичный житель Чукотки, животные - типичные представители чукотской фауны, пейзаж - типичный пейзаж тундры.

Целостность композиции создает динамичность. Способность к исключительно образному импровизированному рисунку, чрезвычайно выраженная у эскимосов и чукчей, эвенов и коряков, приводит к тому, что, повторяя одну и ту же тему, мастер каждый раз сочиняет новую композицию, связанную с непосредственным восприятием ежедневных наблюдений жизни природы и общества. Место, время и пространство в сказочном содержании гравюры не отделено от сюжета, где происходят события, создают динамичность, действенность образной композиции.

. . . Такое понимание пространства вообще характерно для азиатского искусства, где конкретное содержание сюжета лишь является частью пространства. Для гравюр, а особенно для скульптуры, пространством является все окружающее. Это отличает чукотско-эскимосское искусство от традиционного европейского и сближает его с японской, китайской и, возможно, особенно с иранской миниатюрой. Выражение понятия динамического пространства достигается двумя путями: освещением поверхности и цветом [Д.Какабадзе]. Именно это характерно для северной гравюры.

. . . Это, прежде всего, относится и к настоящему современному чукотско-эскимосскому искусству. Оно уходит к древним корням и возродилось в начале XX века - Вуквутагин, Вуквол, Туккай, Хухутан, Онно, Ичель, Энина, Клеймит, Хуват, Аромке, Жеиритан, Ненетегин, Ранвиль, Рыпхиргин, Уник, Ульчин, Хальмо, Эйгин. Затем расцвела целая плеяда талантов - В.Эмкуль, В.Кунукай, В.Емрыкаин, Е.Янку, Г.Тынатваль, Н.Киликай, Н.Наус, А.Тымнетагин, И.Сейгутегин, Р.Ранау, В.Иниой, С.Эйнес, Г.Татро, В.Татро, В.Теютин, Л.Теютина, Л.Никитин, С.Никитин. В настоящее время эти традиции продолжают в творчестве наших современников - Н.Нанкай, Т.Печетегина, Г.Иргутегина, Е.Илькей, Э.Гемауге, М.Гемауге, Н.Гоном, Л.Эйнес, С.Тегрылькют, Н.Краснова и многих, многих других.

. . . Некоторые из работ этих художников я видел на выставках в Магадане, но многие сведения почерпнуты из разговоров с художниками Уэленских художественных мастерских и долгих, задушевных бесед с замечательными чукотскими поэтессами Зоей Ненлюмкиной и Антониной Кымытваль, и исследователями современной социальной структуры Чукотки Виталием Задориным и Александром Вольфсоном.

Косторезная мастерская в Уэлене основана Вуквутагиным

Обучение молодого поколения

«Кормление медвежонка»

«Бой оленей»

«Танец из трех фигур»

"Собачьи гонки"

"Новости в тундре"

"Детская игра"

"Старинный способ охоты на нерпу"

"К финишу"

"Охота на моржа"

"Дети тундры"

На птичьем базаре"

"Семья пеликенов"

"Евражки"

"Медведь с нерпой"

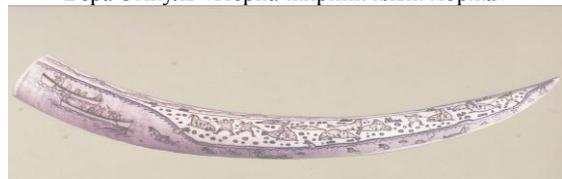
"Пеликен идущий"

А это чукотские украшения
Слева – ожерелья из пеликенов и зубов медведя
Справа – мужские талисманы (клык моржа и зубы медведя)

Вера Эмкуль «Нерпа-жирник клык моржа»

Елена Янку «Охота на моржей»

"Забой оленей"

"Удачный день"

"Охота на кита и нерпу"

"Праздник кита"

"Охота на морского зверя"

"Эскимосские спортивные состязания"

"Древняя охота на байдаре"

"Урок охоты"

"Борьба на шкуре"

Цветная гравировка на костяных пластинах

(Все эти фотографии взяты из Интернета и для просмотра их можно увеличить)

Магадан – явление II - за упокой (или Скандал в «благородном семействе»)

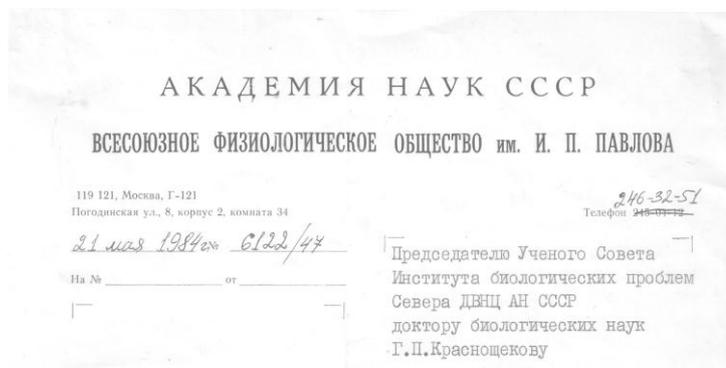
Витас Контримавичус покинул институт и уехал в Литву, а место директора ИБПС занял его бывший заместитель Георгий Петрович Краснощеков. Раньше он проходил под кличкой «Четырежды кандидат»: кандидат наук, кандидат в доктора, кандидат в директора, кандидат в члены партии. Хотя в то время не по одному пункту он уже не был кандидатом, а был полноправным доктором наук, директором и членом партии, но прозвище сохранилось.

Поначалу, отношения с ним были вполне приличные. Но, вскоре, они сменились на резко противоположные и дошли до ярко выраженной травли, которой подверглись почти все сотрудники нашей лаборатории экологической генетики, работающие по теме социально экологических проблем народонаселения Северо-востока России. Возможно, здесь были чисто экономические причины. Дело в том, что бюджет института Академия наук значительно срезала, а нам требовались деньги не только на полевые расходы, как и всем чисто биологическим лабораториям, но и на дорогостоящие аппаратуру и реактивы. Но и возможно обострившаяся личная борьба за административную власть в институте. Дело доходило не только до личных оскорблений, провокаций, но и до увольнений.

Особенно злопыхали заведующие лабораториями - зоологии Феликс Борисович Чернявский, биоценологии Даниил Иосифович Берман, почвоведения Игорь Васильевич Игнатенко и их подчиненные прихвостни. Ну и мы тоже не оставались в долгу. Писали письма и в отдел науки Магаданского обкома, Отделение биологии АН, Президиум ДВНЦ АН и в центральные газеты.

Своего апогея скандал достиг, когда стал вопрос о моем утверждении в звании старшего научного сотрудника и темы докторской диссертации. Приведу всего лишь несколько документов.

После молего доклада на Физиологическом обществе в Москве в Институт пришло следующее письмо:

Кандидат биологических наук Аршавский Виктор (Виталий) Вульфвич является членом Всесоюзного физиологического общества им.И.П.Павлова с 1965 года. В.В.Аршавский известен как автор нескольких оригинальных и в настоящее время широко известных психофизиологических концепций поведения животных и человека.

Начиная с 1965 года В.В.Аршавский успешно разрабатывает (совместно с В.С.Ротенбергом) концепцию стресса и поисковой активности. Ее суть состоит в том, что активное поведение, направленное на поиск выхода из ситуации, которая не удовлетворяет индивида, способствует организации защитных механизмов; напротив, пассивное поведение, связанное с отказом от поиска, затрудняет организацию защитных механизмов и способствует развитию различного рода патологии. На основании экспериментальных исследований автор приходит к выводу о том, что отбор на выраженность поисковой активности является важным фактором эволюции и стабилизации вида. Эта концепция достаточно полно сформулирована в ряде публикаций (Ж. "Биофизика" 1972, № 3 и №4, Ж. высшей нервной деятельности и нейрофизиологии 1976, № 2, Ж. "Успехи физиологических наук" 1975, № 2, 1978, №3, Ж. "Вопросы философии" 1979, №4, Aktivitas Nervosa superior 1979, №2 и др.), и нашла отражение в популярной литературе и в прессе (в частности в газете "Правда" от 21 ноября 1983). Основные результаты исследований по этой проблеме изложены в монографии "Поисковая активность и адаптация" Наука, М. 1984, инициатором и соавтором которой является В.В.Аршавский.

Одно из направлений, разрабатываемых В.В.Аршавским в последние годы, связано с изучением роли особенностей межполушарных отношений как доминирующего типа восприятия мира в организации поисковой активности человека. Помимо большого научного интереса, в этих работах четко просматривается практическая гуманитарная направленность, связанная с организацией жизни, проблемами воспитания и обучения индивидов с ярко выраженными особенностями восприятия и переработки информации, которые могут формироваться в популяциях, развивающихся в различных условиях природной и социальной среды обитания. Это направление работы отражено в главе коллективной монографии "Психическая адаптация человека в условиях Севера". Владивосток. ДВНЦ АН СССР. 1980, в статье в Ж. "Вопросы философии", 1984, № 4 и др. публикациях.

В.В.Аршавский неоднократно выступал с докладами на заседаниях физиологического общества, Съездах физиологического общества, симпозиумах и конференциях, в т.ч. и международных (в частности, на Международном симпозиуме "Поисковая активность, мотивация и сон", Баку, 1981, "Взаимоотношение полушарий мозга", Тбилиси, 1982 и др.). В 1984 году В.В.Аршавский успешно доложил свои материалы на заседании возглавляемой мной междисциплинарной секции "Организация и латерализация церебральных функций" московских обществ физиологов, невропатологов, психиатров и психологов.

Правление Всесоюзного физиологического общества им. И.П.Павлова поддерживает представление В.В.Аршавского к званию старшего научного сотрудника.

Вице-председатель ВФО
член-корреспондент АМН СССР *О.С.Адрианов* О.С.Адрианов

Но все мои многочисленные попытки подать необходимые документы в Ученый совет Института встречались с ехидной ухмылкой и получали отказ. Вот одно из писем на имя директора института:

Директору ИБПС ДВНЦ АН СССР
д.б.н. Г.П. Крашоцекову
от ст. н. сотр. В.В. Аршавского

Уважаемый Георгий Петрович!

Анализ нашего разговора привел меня к совершенно определенным выводам о Вашей позиции как по первому, так и по второму пунктам моего заявления – о присвоении мне звания старшего научного сотрудника и об утверждении темы моей докторской диссертации.

По первому пункту. Заранее выражая сомнения по поводу результатов моего избрания, Вы не привели ни одного аргумента, по которому я не соответствовал бы искомому званию старшего научного сотрудника. Такая позиция отражает Ваше личное отношение к этому вопросу и, по-видимому, скажется на результатах голосования. Несмотря на это, я подаю все документы в ближайшие дни. Неаргументированный отказ Ученого Совета естественно будет мною опротестовываться.

По второму пункту. Ваше предложение об отсрочке утверждения темы моей диссертации свидетельствует об упорном нежелании ставить мою работу в связь с темой "Генетическая структура субарктических популяций человека и животных". Тем не менее, независимо от Вашего отношения к этому, моя работа не только формально была выполнена в рамках этой темы, о чем свидетельствуют ежегодные индивидуальные планы и промежуточные отчеты, но и по сути своей она связана с ней, результатом чего явились две статьи, подготовленные в журнал "Генетика". Поэтому Ваше предложение для меня неприемлемо.

Отсутствие моей фамилии среди исполнителей указанной выше темы является исключительно оплошностью администрации, за которую я не должен нести ответственности и которую следует как можно скорее устранить. Аргументация за исключение моей части работы из заключительного отчета мне кажется не корректной и за ней прослеживается недвусмысленная тенденция.

Обсуждение материалов, неоднократно доложенных в 1984-1985 гг на Физиологических обществах в Москве и Ленинграде, и отзывы на препринт, который я рассматриваю как основу диссертации, убедили меня в том, что работа в основном завершена и в значительной части написана. В ближайшее время, после небольшой доработки по отдельным группам исследуемых, ей будет придана диссертационная форма.

В связи с этим я настаиваю на утверждении темы моей диссертации, которое мне необходимо для того, чтобы выйти на соискательство в одном из институтов Москвы или Ленинграда.

Естественно, немотивированный отказ и по второму пункту будет мною опротестован.

30 января 1986 г.

В.В. Аршавский

На это письмо ответа я так и не получил.

А вот еще из одного коллективного письма:

Выдержки из письма в газету «Известия»

.....
С самого основания Института биологических проблем севера Дальневосточного научного центра (ИБПС ДВНЦ) Академии Наук СССР его основатель и бывший директор член-корреспондент АН СССР В.Л.Контримавичус всячески приветствовал и поддерживал развитие исследований по экологии и адаптации человека к условиям Севера. В двух лабораториях института подробно изучались генетические, иммунные, эндокринные и психофизиологические аспекты адаптации, включающие исследования структуры сна. Важным направлением в этой комплексной работе являлось изучение механизмов адаптации на самых ранних стадиях онтогенеза. Особое внимание уделялось проблеме адаптации коренного населения в условиях интенсивных социально-экономических преобразований на территориях проживания народностей Севера. Исследовались также некоторые социально-экологические проблемы, связанные с гипердиагностикой умственной отсталости детей, организацией педагогического процесса (особенно среди детей коренных народностей), профориентацией коренного и пришлого населения, развитием алкоголизма и возможностью регулирования этого процесса с помощью адаптагенов.

.....
Извратив сущность требований АН СССР о реорганизации Института, директор, д.б.н. Г.П.Краснощеков и приближенные к нему лица повели реорганизационную политику в сторону, направленную, по существу, на значительное сокращение и принижение работ по экологии человека и травлю сотрудников этих лабораторий. Особенно активно проявили себя заведующие лабораториями зоологии - Ф.Б.Чернявский, почвоведения - И.В.Игнатенко, биоценологии - Д.И.Берман, а так же некоторые сотрудники, полностью от них зависящие.

.....
С 1976 года нами выполнялось четыре темы по заданию ГКНТ СМ СССР; результаты исследований широко представлены в рекомендациях, направленных в директивные органы и включены в Международную программу ЮНЕСКО "Человек и биосфера". Наши научные работы опубликованы в виде монографий и статей в научных журналах (как отечественных, так и зарубежных) и методологическом журнале "Вопросы философии"; имеются изобретения и рацпредложения отраслевого значения. Казалось бы, такие чрезвычайно важные научные проблемы должны встретить понимание и всяческую поддержку администрации Института.

.....
Однако события последних двух лет показали, что мы не только не можем рассчитывать на поддержку администрации, но, напротив, наша работа будет интенсивно сворачиваться. И обусловлено это не какими-то высшими

научными интересами, а нетерпимостью к нашим открытым критическим высказываниям о характере и методах реорганизации Института.

.....
Нетерпимость администрации к критике стала ощущаться сразу же. Нас начали ограничивать в полевых исследованиях и командировках, практически блокировали возможности приобретения аппаратуры и реактивов. На Ученом Совете стала подвергаться сомнению научная значимость наших работ. Дело часто доходило до фарса. Так, на одном из заседаний Ученого Совета было решено монографию В.В.Аршавского (совместно с В.С.Ротенбергом) «Поисковая активность и адаптация», М."Наука",1984 г. не включать в число научных достижений Института. Абсолютно новая и оригинальная концепция авторов книги полностью игнорировалась, а сама она была охарактеризована как "компилятивная, популярная брошюрка". Аттестационная комиссия под явно надуманными, не имеющими к научной работе отношения предложениями тормозила переезд одних сотрудников или пыталась устроить досрочную переезд других. Т.н. "медиков" вывели из всех комиссий Ученого Совета. Последовали настоятельные предложения им уйти с работы, а также реальные увольнения под видом бы "законным" предложением окончания срока трудового договора. Гонимым подвергались все, кто открыто высказывал на собраниях несогласие с реорганизационной политикой администрации. Некоторые из них вынуждены были покинуть институт в связи с расформированием лабораторий, другие, наблюдая реальную ситуацию в Институте, сочли за благо смириться и помалкивать. Неправомерность действий администрации просматривается хотя бы в том, что многие приказы дирекции по реорганизации Института, наложении административных взысканий, досрочных переездах и т.д. были отменены после вмешательства Президиума ДВНЦ АН, отдела науки обкома и прокуратуры.

.....
Формально сохранив «человеческую» тематику в Институте, администрация фактически лишила ее комплексности, что неизбежно в дальнейшем приведет к ее ликвидации.

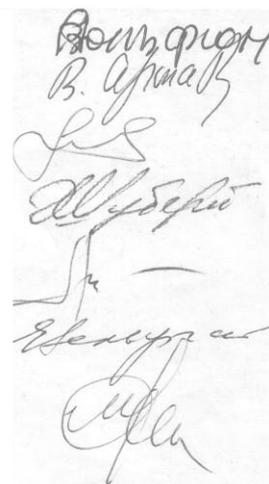
Таким образом, успешно начатая нами оригинальная разработка проблем экологии человека на Севере, результаты которых могут быть внедрены непосредственно в практику региона, фактически загублена (во всяком случае, приостановлена на неопределенное время).

.....
Негативные последствия сложившегося стиля руководства и методов кадровой политики в процессе реорганизации сказываются на работе Института в целом. Проблема "человеческой тематики" – лишь наиболее наглядный пример. В такой «реорганизации» уже несколько старших научных сотрудников, высококвалифицированных специалистов, покинули Институт или собираются уходить из него в ближайшее время.

.....
Мы являемся решительными сторонниками действенных мероприятий, которые приведут к устранению недостатков в работе Института и усилению эффективности научной работы. С сожалением должны констатировать, что меры, предпринятые администрацией, не направлены на устранение мешающих этому проблем, а напротив, способствуют их расширению и углублению. Для этого нужна подлинная и принципиальная реорганизация, а не злобная дезорганизация.

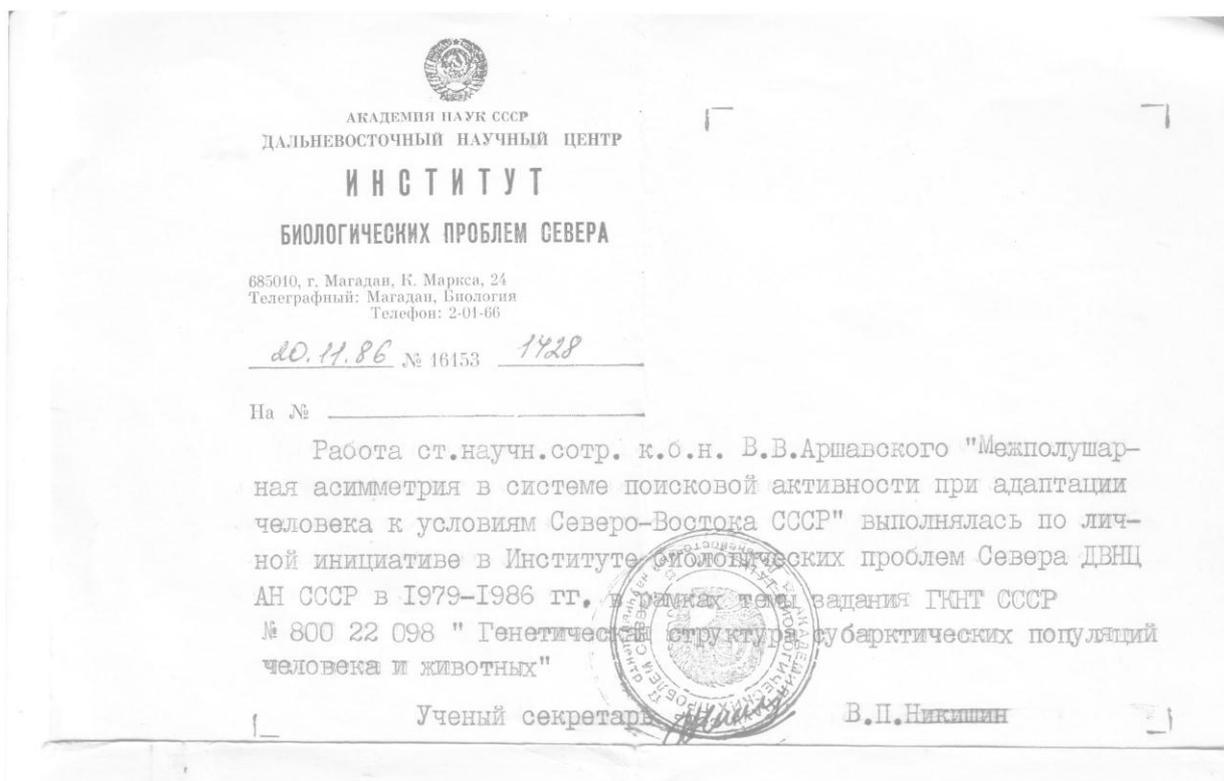
.....
Все происходящее в Институте биологических проблем Севера нам представляется настолько аморальным, что достойно детального разбора, решительного принципиального обсуждения и освещения авторитетным печатным органом.

Ст. научный сотрудник, к.м.н. А.Г. Вольфсон
Ст. научный сотрудник к.б.н. В.В. Аршавский
Ст. научный сотрудник к.м.н. Л.Л. Соловечук
Ст. научный сотрудник к.м.н. Э.Е. Шуберт
Мл. научный сотрудник к.м.н. А.Н. Глушенко
Мл. научный сотрудник к.м.н. Е.Л. Гельфгат
Мл. научный сотрудник к.б.н. М.В. Засыпкин

Магадан – 1 марта 1986 г.

Но от Ученого секретаря, очевидно, человека не потерявшего в этой склоке совесть, я получил бумагу, позволяющую мне на вполне законных основаниях впоследствии, уже в Риге, оформить диссертацию.

Однажды, после одного из заседаний Ученого совета, на котором Д.И.Берман пытался уличить меня во многих неблагоприятных поступках, я ему сказал, что по отцу я тоже Берман, но не выдаю себя, как он, за караима, а остаюсь евреем. На методическом семинаре, на котором я пересказывал содержание статьи В.П.Эфроимсона «О генетики этики», опубликованной в «Новом мире» (полной текст статьи был подарен мне давно автором, когда мы еще работали в нашем «сумасшедшем ломе», а до выхода книги было еще далеко), была упомянута книга П.А.Кропоткина «Этика. Происхождение и развитие нравственности», И.В.Игнатенко заявил, что людям, проповедующим анархические взгляды не место в институте. На вопрос – «Читали ли Вы эту книгу?» - Игнатенко ответил – «Вредные книги не читаю!»

По институту поползли разные клеветнические слухи обо мне. Вот один из них. В ИБПС приехал известный зоолог, посвятивший много работ вопросам экологии, академик А.В.Яблоков. В одной из поездок на Колыму его будто бы соблазнил охотой на какого-то крупного зверя в одном из заказников зав. лабораторией зоологии Ф.Б.Чернявский, отличавшийся своими охотничьими проделками в совсем не разрешенных местах, который и возглавил эту экспедицию. Я о его приезде, естественно ничего не знал, поскольку место моей работы находилось не в институтском корпусе, а довольно далеко от него на базе Диспансера профессиональных заболеваний. И вот Валера Домнич – тогда еще совсем молодой человек из лаборатории зоологии, явно по подсказке своего шефа или даже институтского руководства, всем начал рассказывать, что будто бы я с возмущением говорил об устроенной там кровавой бойне. При разговоре со мной об этом он молчал и не поднимал низко опущенных глаз. Потом знакомые показали мне докладную записку о том, что этот Домнич в 1981 году был задержан на территории заказника Омолон за стрельбу. У него было отнято нарезное оружие (карабин) и он был оштрафован.

К тому же в это же время я основательно спорил с Ф.Б.Березиным, который никак не мог осмыслить совершенно новый расклад сил в ИБПС, направленный и против него, что вскоре и подтвердилось в прекращении его договорной работы.

Но весь этот период я активно работал.

Было обработано очень много материала, и написаны какие-то куски к нашей монографии с Вадимом Ротенбергом «Поисковая активность и адаптация», которая вскоре была опубликована в Москве в издательстве «Наука» и имела широкий успех. Тогда же вышла монография всего коллектива Ф.Б.Березина «Психическая адаптация человека в условиях Севера», одна из глав которой была написана мною и Вадимом Ротенбергом.

В Магадане был опубликован мой Препринт в двух частях «Особенности межполушарных отношений у коренного и пришлого населения Северо-Востока».

Была представлена к печати во Владивостоке моя книга «Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности». Чтобы пройти все необходимые для этого формальные процедуры, мне пришлось лететь во Владивосток, но уже не по институтской командировке, а с направлением Общества по распространению научных знаний. (Книга была опубликована значительно позже, когда я был уже в Риге).

Ну и конечно, много докладов на различных конференциях, самым главным из которых считаю выступление на заседании Московского отделения Всесоюзного физиологического общества.

Первым был уволен Эдик Шуберт, якобы за учиненную им драку с парторгом института. Вечером собрались у нас дома обсудить дальнейшие наши действия в сложившейся ситуации. Когда зажегся свет в нашем туалете, то одновременно включилось радио. Кто-то из гостей с хохотом выскочил из клозета и заявил, что там по радио передается «Лебединая песня» Шуберта.

Следующей пришла моя очередь.

Но через месяц, после вмешательства прокуратуры я был восстановлен в должности старшего научного сотрудника, но уже не в лаборатории экологической генетики, которую администрация планировала расформировать, а в группе спецмониторинга вновь созданной лаборатории социально экологических проблем народонаселения, которой руководил социолог Навасардов. (Мне он был известен только по двустышью: «*Науке нужен Навасардов / как жопе пара бакенбардов*»). Эту группу, состоящую всего из 2-х человек, возглавил М.М.Этлис. Задачей ее было рекламировать и пропагандировать новую водку «Золотой рог», изобретенную известным фармакологом из Владивостока И.И.Брехманом, и проследить последствия ее употребления. Эта водка была сдобрена настойкой элеутерококка и еще каких-то других растений (препарат каприл), содержащих антиоксиданты, и, по мнению автора, не должна была вызывать абстинентный синдром алкогольного опьянения. Водка действительно хорошо пилась, а уж вызывала она абстинентный синдром или нет, судить не могу, поскольку такой синдром у меня никогда не развивался при любом употреблении алкоголя. Под это дело была выделена большущая комната в специально приобретенном институтом и заново отремонтированном бараке, предназначенным, очевидно, для хранения этого напитка. Проследить последствия его применения за тот довольно непродолжительный срок, что я числился в этой группе, не удалось, т.к. полевые исследования нам полностью блокировала администрация института, чему я был рад, поскольку эта тематика была чрезвычайно далеко от моих интересов. Но когда эту водку вознамеривались завозить на Чукотку и продавать не только пришлому, но и коренному населению, я выразил резкий протест и категорически отказался участвовать в этом мероприятии. Дело в том, что у всех палеоазиатских народов Севера генетически отсутствует фермент алкогольдегидрогеназа, расщепляющий алкоголь, и уже первый прием любого алкогольного напитка является залогом развития хронического алкоголизма. А помогать культурно спаивать коренные народности Чукотки я не собирался.

В дальнейшем выяснились провокаторские и стукаческие наклонности Мирона Этлиса и его активное участие в этом амплуа в моих взаимоотношениях с магаданским КГБ. Ну, а после его авантюрной идеи распространять водку «Золотой рог» среди коренного населения Чукотки и желания втравить меня в это дело, мы с ним разошлись окончательно.

По этому поводу кто-то (кажется Толя Шакутин) сочинил пахабное стихотворение. Приведу из него только отрывки:

	<i>Эпиграф:</i>		
	<i>Как у нашего Мирона</i>	<i>Как ворона ни орет –</i>	
	<i>На конце сидит ворона</i>	<i>У Мирона не встает ...</i>	
		<i>(наша хулиганско-магаданская песенка)</i>	
<i>Служил Аршавский у Мирона,</i>	<i>Вдохнула хевра, «Не поверим,</i>	<i>И вытрезвитель, безусловно,</i>	
<i>(Так думал только сам Мирон),</i>	<i>Чтоб друга бросил он в беде».</i>	<i>Аршавский тоже посетил.</i>	
<i>Когда к всевышнему ворона</i>	<i>....</i>	<i>Вот так писал Мирон дословно</i>	
<i>Ушла. Один остался он.</i>	<i>Закончив панихиду в среду,</i>	<i>И подпись: «Берман Даниил».</i>	
<i>Пришли на кладбище евреи</i>	<i>Мирон наш с горем пополам,</i>	<i>....</i>	
<i>С кадишем хевре и Шмуэль.</i>	<i>В ИБПС пришел к обеду,</i>	<i>Эпilog:</i>	
<i>И среди этой эпопеи,</i>	<i>В четверг. Глядит - Аршавский там.</i>	<i>Служил Аршавский у Мирона,</i>	
<i>Мирон сказал: «Шма, Израэль!</i>	<i>Мирон, сверкнув очками грозно,</i>	<i>В спецмониторинге врачом.</i>	
<i>....</i>	<i>Все слушал да на ус мотал,</i>	<i>Однажды своего патрона,</i>	
<i>«Ушла моя "моген Довэда",</i>	<i>И в анонимке все подробно,</i>	<i>Он взял и трахнул кирпичом.</i>	
<i>Шолом, тебе, пернатый друг!»</i>	<i>Про пьянку Арша накатал.</i>	<i>Не по злобе, а так - от скуки,</i>	
<i>И этот кошмар до обеда,</i>	<i>Он извратил нарочно факты,</i>	<i>Уж чем-то раздражал Мирон ...</i>	
<i>Тянул Мирон, но вспомнил вдруг.</i>	<i>Что пил Аршавский в кабаке,</i>	<i>С тех пор в созвездии Науки,</i>	
<i>«Не вижу брата я, хаверим,</i>	<i>Мента побил (мол, были акты),</i>	<i>Нет ни Миронов, ни ворон.</i>	
<i>Чтоб я так жил, Аршавский где?!»</i>	<i>И вел себя как в бардаке.</i>		

В результате всех этих непрекращающихся скандалов звезда Г.П.Краснощекова все же закатилась.

На его место из Москвы был прислан эколог А.Г.Назаров, исповедующий самые дурно пахнущие «зеленые» идеи. И внешне, и по сути он производил впечатление далеко не умного человека. Оказавшись, очевидно случайно, на директорском посту, он сразу же начал наводить в институте свои «порядки», и доска объявлений не вмещала его ежедневных реорганизационных приказов. Это вызвало бурную единодушную

реакцию несогласия всех сотрудников, но не примирила «классовых врагов». Не знаю уж кто, но кто-то исхитрился и на доске объявлений все новые приказы были сорваны, а в самом центре был помещен развернутый лист с новым «приказом», точно имитирующим стиль нового директора:

ИНСТИТУТ БИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СЕВЕРА
Дальневосточный научный центр
Академия наук СССР

П Р И К А З

№ 125 от 6 октября 1986 г.

В связи с тем, что я утвержден в должности директора ИБПС ДВНЦ АН СССР по распоряжению Центрального Комитета Выставки достижений народного хозяйства СССР сроком на 10 лет

П Р И К А З Ы В А Ю:

§ 1

1. Рассматривать мое назначение как меру наказания сотрудникам ИБПС и как акт гуманизма в отношении сотрудников института почвоведения и фотосинтеза АН СССР.

2. В приемной установить гранитную стелу, на которой выбить мою должность, ученое звание на русском, английском, китайском, арабском, иврите, чукотском и других языках, которыми я активно владею.

Учитывая, что докторская диссертация мной защищалась дважды, а также то, что при героической попытке протолкнуть ее вторично мне причинены повреждения здоровью¹

П Р И К А З Ы В А Ю:

§ 2

1. Именоваться впредь - Дважды Доктором Биологических Наук.

2. Двор за зданием института переименовать в Тупик Назарова

3. Подводную лодку, затонувшую в районе Бермудского треугольника, назвать моим именем.

4. Поселение в районе 23 километра вокруг облпсихбольницы переименовать в поселок городского типа Назаровка.

5. Установить на моей родине бюст из дуба, спиленного у подножия Марчечанской сопки.

Принимая во внимание, что процесс перестройки вызывает растущее недовольство большинства докторов и кандидатов наук, которые не понимают и не желают понять, что "ломать не строить",

П Р И К А З Ы В А Ю:

§ 3

1. Всем недовольным научным работникам (докторам и кандидатам наук, а также всем специалистам с высшим специальным образованием) в течение 24 часов очистить помещение института.

2. Вместо ушедших научных работников произвести замещение свободных должностей лицами из числа младшего научного персонала.

3. Конкурсы по замещению вакантных должностей научных работников производить среди выпускников исправительно-трудовых колоний².

4. Развал научной деятельности в первые полгода моего руководства отнести к проискам моих личных врагов в среде международного империализма, сионистских кругов Израиля и их марионеток в г. Магадане, а также к деятельности прежней администрации³.

5. Принятых на работу лаборанток и старших лаборанток доставлять мне, где бы я ни находился, на личный досмотр и освидетельствование в любое время дня и ночи.

В связи с тем, что моя биосферно-ноосферная концепция внесла переворот в научные концепции прежних теоретиков по проблемам биологии Севера,

П Р И К А З Ы В А Ю:

§ 4

1. Всех птиц немедленно перевести в класс млекопитающих.

2. В связи с тем, что ворона ошибочно отнесена к отряду воробьиных, отряды из систематики живых организмов исключить.

3. Поскольку лиственница по внешнему виду ничем не отличается от пихты, именовать их впредь (ту и другую) елями.

С приказом ознакомить всех научных сотрудников Советского Союза, а работникам Института объявить под расписку.

Директор института
дважды Доктор Биологических Наук А.Г.Назаров

1. Стерся внешний кожный слой языка от усердного лизания кормовых сооружений академических жен.
2. Желательно бывших работников снабженческого аппарата, не порвавших связей с вскормившей их средой.
3. Личные враги в среде международного империализма и сионизма приобретены мною лично во время моего пребывания в Соединенных Штатах, где я экспонировался на выставке в виде достижения народного хозяйства и одновременно знакомился со стилем и методами работы американских научно-исследовательских институтов.

Меня новый директор не вызывал, поэтому я сам пришел в его кабинет, где и состоялась «беседа».

Из моего разговора с директором А.Г.Назаровым

1. Экология человека (ноосферный подход) без анализа таких проблем, как поведение субъекта, т.е. деятельности, мотивов-потребностей и отражения в сознании самой среды и себя, как деятеля в ней, едва ли жизнеспособна. В ДВНЦ, да и в СО АН СССР, психология и психофизиология вообще не представлены; есть лишь отдельные специалисты - в Институте цитологии и генетики - "поведенческая группа" Колпакова, в Тихоокеанском институте географии, - группа В.В.Милашевича, курируемая профессором И.И.Брехманом, и в ИБПС. В представленной Программе темы-задания по экологии региона такой комплексной постановки вопроса нет, и, без сомнения, необходимо дополнить ее именно этими проблемами. Без комплексного системного изучения адаптационного поведения проблема экологии человека повисает в воздухе. И она действительно превратится в чисто медицинские исследования витальных структур, так же как и демографические исследования останутся только на уровне медстатистики, т.е. будут отражать не причины ситуации, а лишь регистрировать тень от них.

2. В связи с этим, необходимо создать основу представительства этого направления в Магадане.

Почему в Магадане? Почему на базе ИБПС? Потому что так сложилось исторически:

- а. наличие современного электрофизиологического инструментария (ЭЭГ, РЭГ, ЭМГ), полный набор психологических тестов;
- б. кадры, владеющие этими методами исследования – правда, пока не очень большие, но имеется перспектива использования волонтеров из студентов некоторых факультетов пединститута;
- в. наличие субъектов исследования - пришлое (миграционное) и коренное население различных этнических групп;
- г. налаженные междисциплинарные связи с исследователями экологической генетики, эндокринологии, иммунологии, демографами, со специалистами, изучающими проблемы экологического сознания, этнических и других особенностей населения, а так же с заинтересованными детскими психологами, психиатрами и педагогами региона.

Вроде бы объективно складывается возможность для усиления всех этих исследований. Тем более, впервые официально прозвучала мысль, что теперь необходимо укреплять не только стационары и транспортно - моторные средства (уже достаточно жизнеспособные), но и экспериментальную базу Института, что и является основой современной науки.

3. В наших, уже достаточно многолетних исследованиях впервые показано:

- а. описана структура и характер полиморфизма типов полушарного реагирования в зависимости от структуры популяции (пола, возраста, этнической принадлежности, сроков проживания на Севере); установлена роль генетических и культуральных механизмов в наследовании этих типов;
- б. установлен адаптационный характер поисковой активности и ее связь с типами полушарного реагирования; установлено, что адаптируется не столько индивид, сколько популяция в целом за счет группового отбора лиц с определенной генетической, психофизиологической, нейроэндокринной и иммунологической структурой;
- в. установлена реальная гипердиагностика умственной отсталости, особенно детей коренного населения, за счет включения в эту группу лиц с резко выраженными чертами определенного типа полушарного реагирования, что требует соответствующей коррекции всего педагогического процесса и работы медико-педагогических комиссий. Эти данные с учетом результатов демографических исследований должны иметь прямой выход в практику социальной экологии в Северных регионах страны.

4. Судьба этих исследований и раньше волновала информированные круги в АН СССР (академик Е.П.Велихов, отделение физиологии – академик П.Г.Костюк, члены корреспонденты Л.М.Чайлахян, О.С.Адрианов, и др., но не отделение биологии), да и ряд зарубежных ученых, знакомых с работой. И их прекращение сейчас едва ли найдет у них понимание.

На это мое заявление Назаров никакого комментария не сделал, а перешел на откровенную грубость. Разговаривать с ним мне расхотелось, и я ограничился метким замечанием Николая Лескова: «Люди, достойные одного презрения, идут в гору».

Но эта беседа уже не имела никакого значения. Все было предрешено, и приказом директора я был в очередной раз уволен. По этому поводу я написал последнее заявление.

Директору ИБПС ДВНЦ АН СССР д.б.н. А.Г.Назарову
от ст.н.сотр. В.В.Аршавского

Опубликование приказа о моем увольнении с 23.06.1986 г. было проведено с двумя серьезными нарушениями.

1. По положению КЗОТ с этим приказом меня должны были ознакомить до его опубликования.
2. Пункт 36 Инструкции о предоставлении льгот в районах Крайнего Севера предусматривает право в случае увольнения по сокращению штатов использовать положенный мне отпуск.

В связи с изложенным, прошу предоставить мне отпуск за проработанное время с 30 июня 1986 г.

До решения вопроса об отпуске остаюсь на рабочем месте и продолжаю работать.

А вопрос об увольнении может быть рассмотрен только после окончания моего отпуска.

Прилагаю к этому заявлению еще один пункт:

Перевод моей жены Т.В.Аршавской, которая в настоящее время находится в отпуске вне пределов Магадана, с должности старшего научного сотрудника на более низкую должность научного сотрудника тоже произведен без согласования с нею и, очевидно, тоже будет опротестован после ее выхода на работу.

В.В.Аршавский. 23.06.1986 г

Когда я сообщил по телефону Тане об изменении ее статуса в институте, она конечно была сильно расстроена, но потом сказала, что из отпуска не вернется, напишет заявление об увольнении и начнет подыскивать себе работу в Риге, где наконец-то положительно разрешился вопрос с жилищным кооперативом. И попросила забрать из лаборатории все ее вещи и пластинки с электронномикроскопическими фотографиями ее работы. Как-то в выходной день мы с Мишей Засыпкиным пришли в институт, и напихав эти пластинки в два больших рюкзака, отнесли их ко мне домой. Об этом сразу же было доложено директору. Он вызвал меня и стал орать, что это воровство, и он сейчас же будет звонить в милицию. На это я ответил, что пусть он звонит, хоть самому Господу Богу, послал его по-русски на все три русские буквы, и покинул институт.

В это время неожиданно для меня из Новосибирска приехал Президент Сибирского отделения АМН Юрий Иванович Бородин и директор института терапии Юрий Петрович Никитин. Сопровождаемые директором ИБПС А.Г.Назаровым, они пришли к нам в диспансер профзаболеваний. Переговорив с сотрудником Толей Шакутиным, они ознакомились с иммунологической работой Жени Гельфгата. А затем зашли ко мне в лабораторию, где и состоялась очень долгая беседа. Подробно расспросив меня о работе, они предложили мне перейти к ним в СО АМН, конечно, с местом пребывания в Новосибирске. Я согласился. И тут же, не сходя с места, был отпечатан и подписан приказ о моем зачислении в институт терапии СО АМН на должность старшего научного сотрудника. При этом очень интересно было наблюдать за извивающимся позвоночником Назарова и его льстивой физиономией, с которой не сходил оскал, будто бы изображающий улыбку, когда он благодарил академиков и поздравлял их с приобретением очень ценного, перспективного сотрудника, а меня с тем, что все так хорошо уладилось.

И я улетел в отпуск в Ригу, прихватив собачку Зюзю.

Вернувшись из отпуска, я пару раз наезжал с какими-то рабочими целями в Новосибирск, но по настоящему к работе на этом новом месте так и не приступил, а использовал эти полгода для сборов и улаживания всех своих магаданских дел.

В конце года я уезжал из Магадана. Оставшиеся неделю-полторы я, как говорят, отдавал визиты вежливости, а в свободное время подолгу бродил знакомыми наизусть городскими улицами и переулками, прощался с бухтами Гертнера и Нагаева, съездил на Снежную Долину и прокатился на лыжах. На душе было грустно - ведь за плечами оставался почти восьмилетний (а с московскими экспедициями - даже двенадцатилетний) период моей жизни в Магадане, период, можно сказать, самый счастливый, в плане личном и творческом. И все эти дни напевал песню Вадима Козина:

«Магадан, Магадан, / Светлый город на Севере дальнем.

Магадан, Магадан, / Ты песня моя, Магадан».

Квартиру я оставил Женечке Гельфгату, который как раз тогда женился и уже родил ребенка, формально поменяв ее на его комнатенку в общежитии. Ребята помогли мне упаковать вещи и отправить их контейнером в порт, а контейнер со всем этим барахлом моя знакомая, работающая в порту, минуя огромную очередь, определила на ближайший пароход, отходящий «на материк».

Мои проводы были устроены на квартире у Эдика Шуберта, куда набилось много народа. Было сытно, очень пьяно и грустно – весело. А на следующий день проводы, но уже в более узком составе, продолжались в Аэропорту.

В таком полупьяном виде я навсегда покинул полюбившийся мне Северо-Восток России и улетел в Латвию в Ригу.

Рига I - начало

Вообще-то, с Ригой и городками, ее окружающими, я был уже знаком. Как-то из Магаданы мы приехали в отпуск и сняли дачу в Юрмале – в Майори, на берегу Рижского залива. Отдых был замечательный. Но особенно врезалось в память, что каждое утро, вынося мусор, мы мило раскланивались с Элиной Быстрицкой, отдыхавшей в доме напротив (как я говорил – вместе паслись на одной помойке).

Но окончательный переезд из России в любую другую национальную республику меня всегда страшил языковым барьером. Но все оказалось не так уж и страшно. Тем более, что в Латвии той поры чуть ли половина населения составляли жители, родным языком которых был русский, да и латышское «меньшинство» в Риге прекрасно говорило по-русски. И я полюбил эту прекрасную страну, не только замечательную Ригу и ее великолепные маленькие городки с величественными соборами, сохранившимися и разрушенными уже замками, но и хутора, разбросанные среди мягкого, очень красивого ландшафта с реками и озерами. А вот Рижский залив Балтийского моря хотя и красив, но после Тихого океана, теплые воды которого как бы ласкают твое бrenное тело, показался мне холодной лужей.

На работу я вышел сразу же по приезде и в своей должности старшего научного сотрудника. Лабораторией руководил Танин приятель Наум Гольдштейн, с которым они вместе закончили биофак Латвийского Университета. Эта лаборатория входила в состав ЦНИЛа Рижской медицинской Академии, (теперь Университета им. Пауля Страдыня) и носила странное, как мне тогда казалось, название – Лаборатория гигиены и физиологии отдушек. Что такое «отдушки» я не знал, и когда Наум произнес это слово, то очень удивился и стал смотреть вверх стен, ища вентиляционные решетки. Оказалось, что отдушки - это различные дезодоранты. Да и располагалась лаборатория не в институте, а в отдельном особнячке на одном из производств «Латвбытхима». Так что каждое утро я спрашивал: *«Не сходить ли мне на свой завод»?*

Наум оказался хорошим руководителем и ни на кого не давил. И хотя все мы получали зарплату за исследование отдушек и даже какую-то не очень большую добавку к ней от Латвбытхима, но каждый всё же занимался своим любимым делом. Впрямую отдушками занимался всего один Эгил Райт, да и то, в основном, принимая участие в составлении отчетов по исследованиям, проводимым химиками в заводской лаборатории. Наум тоже принимал участие в написании этих отчетов, но основное время тратил на изучение действия на организм человека при лечении различных заболеваний своего любимого супероксида кислорода. Ну, а я продолжал свою работу по изучению полиморфизма полушарных взаимоотношений, но уже на популяциях балтийских народов, в основном латышей и мигрирующего в Латвию населения, и небольших групп фино-угорского населения (эстонцев, саамов, для чего была сделана короткая вылазка с Артисом Курсулисом в Карелию). По результатам этих исследований на Латвийском физиологическом обществе я сделал два доклада, в ходе которых возникла бурная дискуссия. И если в Магадане меня называли зачукчинным евреем, то в Риге я уже стал проходить как залатанный еврей, на что я отвечал словами Эфраима Севелы: *«Я просто еврей, но не обрезанный, а обкусанный».*

Но всё же, я добавил к своей обычной работе и исследование роли обонятельного анализатора у лиц с различным типом полушарного реагирования, включая и профессионалов – дегустаторов, при вдыхании всей шкалы запахов. В этой работе мне методически помогли два физиолога – специалист по сенсорным системам Саша Минор, и Таня Черниговская, занимающаяся вопросами межполушарной асимметрии, но интересующаяся также проблемой восприятия запахов людьми, страдающими различными психическими расстройствами.

Здесь приведу пару абзацев из моей книги «Различия, которые нас объединяют»: *Несмотря на значительную ослабленность сигнального значения запахов в жизни современного человека, который сохранил лишь гигиеническую личностную оценку, и утрату обонятельным анализатором своей первостепенной адаптационной роли, в некоторых популяциях, где доминирует правополушарный образный тип переработки информации, эта функция обоняния выражена достаточно отчетливо. В процессе психической адаптации этих людей запахи могут иметь выраженное сигнальное значение.* (В разделе о Магадане я приводил пример того, как коренное население Чукотки, даже дети, ориентируются в тундре по запаху).

Утрату основной массой индивидов с левополушарным типом реагирования обонятельного фактора в адаптации едва ли можно рассматривать как положительный момент. Тревога, которая может при этом развиваться, является моментом повышенного риска возникновения психосоматических заболеваний и невротозов, что определяет необходимость своеобразной обонятельной "коррекции" в экологии человека

Я продолжал так же исследования детей с диагнозом олигофрения в стадии дебильности в некоторых вспомогательных школах Латвии. Эту работу спровоцировала замечательная книга моей хорошей знакомой Марины Костенецкой «Не страшно ли тебе, яблоня, ночью одной в саду», вышедшая в Риге в 1989 году. Приведу один абзац из моей книги «Различия, которые нас объединяют»: *Следует также отметить чрезвычайно высокую образную насыщенность художественного творчества этих детей...; Рассматривая их рисунки, вникая в письма и сочинения, соглашаешься с фразой М.Костенецкой, посвященную этим детям, которая полностью отражает положение дел: "Нет, нет, эти шедевры не могли создать больные дети!". Надо полагать, что это здоровые дети, но с резко выраженным образным типом мышления. Учиться в обычной школе они не могут, потому что нет к ним правильного, адекватного, психофизиологически обоснованного подхода. Способность таких детей не отделять себя от природы (отсюда и "яблонька - мой верный друг", и бережное, преданное, священноязыческое к ней отношение), их доброта, трудолюбие и уход в себя, свое творчество - вот и все, что они могут противопоставить грозному, рациональному, эгоистическому окружению.*

Атмода – Пробуждение

Уже всюду шла Горбачевская «перестройка», но если бы кто-нибудь тогда сказал, что через пару лет распадется СССР, я бы только покрутил пальцем у виска. Это казалось удивительно, хотя, если вдуматься, ничего удивительного в этом и не было. Однако, как подмечал Сергей Довлатов «Смущает кипучий антикоммунизм, завладевший умами недавних партийных товарищей».

Мы с Таней активно присоединились к Народному фронту Латвии. Ходили на все митинги и демонстрации, принимали участие в «Балтийском пути», когда люди, взявшись за руки, образовали цепь, охватившую территорию всех трех Балтийских республик, показав тем самым свое единодушие в борьбе за независимость этих стран.

Один из митингов у памятника Свободе. Слева с цветами – председатель Народного фронта Латвии Дайнис Иванс

В противовес Народному фронту бы создан Интерфронт (одно из значений латинского слова *Inter* переводится как приставка «между», поэтому я называл его Промежностным фронтом). В него вошли все ретрограды, выступающие против самоопределения и восстановления независимости Латвии, руководимые партийным руководством республики, открыто поддерживаемые Прибалтийским военным округом и Рижским ОМОНОм. А после победы Народного фронта на выборах в Верховный Совет Латвии и неучастия в Референдуме о сохранении Советского Союза фактически установилось двоевластие.

4 мая 1990 года Верховным Советом Латвии большинством голосов была принята Декларация «О восстановлении независимости Латвийской Республики». Мы не выключали радиоприемник, слушали все выступления, а потом громко считали голоса, поданные «За» и «Против» принятия Декларации. И когда убедились, что она проходит большинством голосов, бросились на митинг в честь этого великого события.

Вся набережная Даугавы была запружена народом. Все смеялись, обнимались и целовались, поздравляя друг друга с победой, и забрасывали цветами трибуну, с которой выступали участники этого заседания. А одного из героев этого события – старика Маврика Вольфсона, который опоздал к началу торжества, подхватили на руки, и пронесли над головами собравшихся к трибуне.

А ближе к осени на Певческом поле Межепарка состоялся многотысячный Праздник песни.

Ита Казакевич
4-го мая

Лучи заходящего солнца еще выбивались из-под козырька сцены, но уже быстро темнело. В руках людей постепенно загорались свечи, и становилось светло.

Праздник песни в Межепарке в 1990 году

А все хоры, собравшиеся на сцене, и всё Певческое поле исполнили гимн Латвии *Dievs, svētī Latviju!* (Боже, благослови Латвию!) и колыхалось море красно-белых-красных флагов независимой Латвии.

Но противостояние продолжалось.

После резни в Сумгаите и начавшейся войны в Нагорном Карабахе, после саперных лопаток в Тбилиси резко обострилась обстановка в Прибалтийских республиках. Сначала штурм телецентра и гибель людей в Вильнюсе (я тогда был в Москве и стоял в многолюдном пикете против этого расстрела в подземном переходе через Сущевский вал на Олимпийском проспекте). Затем произошли кровавые события в Риге, куда вошли танки, а на Домской площади были воздвигнуты баррикады. В ночь с 19 на 20 января 1991 г.

под Бастионной горкой от пуль снайперов подразделения Альфа, прибывших из Москвы, с жизнью расстались кинооператоры Андрис Слапиньш и Гвидо Звайгзне (из киносъёмочной группы Юриса Подниека), школьник Эдийс Риекстиньш, а также милиционеры Сергей Кононенко и Владимир Гоманович, защищавшие здание МВД, которое штурмовал Рижский ОМОН.

Андрис Слапиньш и Юрис Подниекас в ночь с 19 на 20 января 1991 г.

Поминальный день у камней под Бастионной горкой, уложенных на месте гибели А.Слапиньша и Г. Звайгзне

А вскоре, 23 июня 1992, трагически погиб и Юрис Подниекас.

(Возможно, это было самоубийство – слишком он тяжело переживал печальную судьбу своих друзей и сотрудников: - они погибли, а он остался жив). Пожалуй, лучше всего на эту смерть откликнулся Абрам Клецкин статьей «Стеклянная гора Юриса Подниека»: *Так случилось, что Юрис Подниекас, как это громко ни звучит, стал одним из тех, кто обозначил собой переломную эпоху в истории современности, в истории мира, а не только его шестой части, называвшейся Советским Союзом. Ее началом в сознании общества, наряду с «Покаянием» Тенгиза Абуладзе, стало "Легко ли быть молодым?," продолжением и свидетельством для телезрителей всего мира - документальная эпопея "Мы," а шоком, обозначившим ее конец, - гибель операторов группы Подниека, Андриса Слапиньша и Гвидо Звайгзне и вслед затем - его собственная смерть. ...*

XX век заставил переоценить и пересмотреть многое в бытии человека и человечества. Засвидетельствована как истинность заповедей Старого Завета, так и их несовершенство. Авторство

одного из дополнений к Заветам принадлежит Альберту Эйнштейну. Свой вариант второй заповеди он сформулировал по-библейски коротко: «Не бойся!»). Если ты пришел к какому-то заключению, то делай и не бойся. Тебя могут убить, но победить не могут».

Юрис Дзелме нас познакомил с Андрисом Слапиньшем.

Он с семьей жил в соседнем доме, и как то у себя на квартире показал нам свой еще не озвученный кинофильм о Чукотке. Это был замечательный, справедливый и добрый к народам Севера и их традициям фильм. Мы долго делились нашими впечатлениями о судьбе коренного народа этого «края земли».

А вот еще одно (уже не помню чье) воспоминание об Андрисе и этом кинофильме, найденное а *Интернете*:

Андрис показывал свой фильм о шаманах и материал, снятый на Чукотке. Он героически и отчаянно пытался нам что-то рассказать, но все время делал паузы. Боже мой, какие нескончаемые паузы! Его мысли как бы бежали далеко впереди него, потом бросались в сторону, затем взмывали в воздух, и язык не поспевал за мыслями, Андрис не успевал их поймать. В зале постепенно установилась удивительная тишина, такая необыкновенная атмосфера! Ее нарушил один идиот (другого слова я и не подбираю), задавший какой-то двусмысленный вопрос о чукчах. И надо было видеть, как расстроился Андрис, как он переживал. Неуместную глупую шутку он воспринял как вызов, как личное оскорбление, как пощечину. В присутствии Андриса анекдоты о чукчах не проходили.

С вдовой Андриса Слапиньша Наташей Дюшан, дочкой Анечкой и сыном Андрисом, родившимся вскоре после его гибели, которые переехали в Москву, у нас установились долгие дружеские отношения. Когда они наезжают в Ригу, то всегда заходят к нам, а когда я бываю в Москве, то навещаю это семейство.

ЛОРК

В самом начале Атмоды Таня и я написали «Открытое письмо», сразу же опубликованное в разделе «Культура» как в русском, так и в латышском вариантах журнала «Родник» (1988, № 12). Письмо получило многочисленные восторженные отклики, но и вызвало бурю гневных писем и угроз, поступающих в редакцию и приходивших на наш домашний адрес. Вот это письмо:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Русскоязычному населению Латвии

Дорогие соотечественники! Русские, украинцы, белорусы, поляки, евреи! Все, для кого русский язык является родным, а Латвия стала второй Родиной!

Мы обращаемся к вам в момент необычайного подъема социальной активности всего народа, а также в период резкой поляризации взглядов на настоящее, прошлое и будущее Латвии. Недавние события — XIX Всесоюзная партконференция, Объединенный пленум творческих союзов Латвии, Учредительный съезд НФЛ, приоткрытие люков гласности — заставили многих из нас, быть может впервые в жизни, всерьез задуматься над тем, кто мы? Когда и как пришли на землю латышей? Что принесли с собой? Что сделали для своей второй Родины? Как сложились наши отношения с латышским народом? Как собираемся жить здесь дальше?

В этом обращении по ряду причин мы не касаемся ни предвоенной судьбы Латвии, ни судьбы русскоязычного населения в ней в тот период. Мы обращаемся лишь к тем, кто вместе с нами по своей воле или по воле родителей пришли в Латвию в послевоенный период. В годы, которые, как известно, относятся к периоду расцвета авторитарного режима и грубой деформации основ социализма в СССР. Механизм авторитарного режима оторвал нас от родной земли и мы пустили корни на земле латышей. Мы полюбили эту землю, и сегодня не многие из нас хотели бы ее добровольно покинуть.

Являясь жертвами всенародно осужденной системы, мы были вынуждены исполнять волю сталинского режима в Латвии. Следует признать, что лишь немногие из нас в тот период ясно осознавали как сам механизм этого режима, так и нашу роль в нем. Под влиянием сталинской национальной политики складывался определенный стереотип нашего мышления: нас послали в Латвию, чтобы освободить ее от фашистских захватчиков, чтобы помочь восстановить разрушенные города, чтобы охранять границы СССР на ее территории, и заполнить рабочие места на вновь строящихся фабриках и заводах. В соответствии с этим наше самоощущение и поведение здесь подчинялись определенной логике: мы являемся освободителями и покровителями латышского народа. У нас вырабатывалась психология «старшего брата», которому надлежит поучать, но не обязательно прислушиваться к подопечному, и тем более, осваивать его язык, историю и культуру. Нам более подходила идеология, освобождающая нас от этих «мелочей», принуждающая брата к «взаимопониманию» на удобном для нас языке.

К сожалению, этот дух господствует и по сей день. Тому немало примеров. Телепередача «Горизонт» (16.10.88) — один из них. Старшеклассники одной из русскоязычных школ в ответах на вопросы журналиста начали с деклараций об уважении к латышам, их языку, истории и культуре, а закончили признанием того, что имеют об этом весьма туманное представление. Один из них признался, что «не видел ничего привлекательного в национальной культуре латышей». Мы хотим спросить у вас, дорогие соотечественники, должен ли человек, живущий на территории другого народа, относиться к его культуре как к развлекательной программе? И не является ли нежелание знать язык коренного населения, язык, являющийся единственным ключом к его культуре, нарушением суверенитета Республики? Следует с горечью признать, что национальное высокомерие наших детей есть результат бескультурья, неинтеллигентности родителей и учителей.

Многие годы мы видели, что авторитарный режим подавлял любую попытку латышей отстаивать свое национальное достоинство. Такая ситуация позволяла нам жить спокойно, а официальной информации — представлять межнациональные отношения в Латвии (как и во всем Союзе) образцом дружбы народов. И лишь единицы русскоязычного населения, способные считать боль любого народа своей болью, а честь своего народа — своей честью, лишь они испытывали стыд и горечь за позорное поведение своего народа — «победителя». Однако, голос этих людей оставался «гласом вопиющего в пустыне» (а порой продолжал звучать в Сибири или на Колыме). Такое положение загнало знойник межнационального напряжения глубоко внутрь.

Обнажить уродливость межнациональных отношений, вскрыть этот знойник стало возможным лишь в условиях гласности в обсуждении вопросов истории Латвии, в анализе грубых ошибок ее экономического развития, правовых норм, экологической ситуации. Она побудила нас, русскоязычных, задуматься и поставить перед собой ряд острых вопросов.

1. Обязательно ли народу-освободителю следует оставаться на освобожденной территории? Не жажда ли ежедневной благодарности за акт осмозгательного задержала нас здесь почти нп 50 лет?

2. Нельзя ли было помочь восстановлению и развитию Латвии после войны тем же путем, каким мы помогли ГДР, Польше и другим странам, не переселяя массы народов СССР на ее территорию?

3. Не следовало ли своевременно спросить у самого народа, его специалистов (экономистов, демографов, историков), какой путь экономического развития Латвии наиболее соответствует национальному укладу жизни, прежде чем разрушать хутора или бездумно развивать промышленность без местных сырьевых и трудовых ресурсов? И не является ли наша «помощь», которой мы так гордимся, грубым вмешательством в суверенитет Латвии? Кто оплатит новые и немалые затраты на ликвидацию экологических, экономических и социальных последствий такого «благоедеяния»?

4. Не слишком ли гипертрофировано наше чувство хозяина на этой территории, которую мы позволяем себе рассматривать в качестве удобного места захоронения радиоактивных предметов из Чернобыля?

5. Не способен ли сам народ Латвии, давший Октябрю латышских красных стрелков, самостоятельно решать вопросы обороны своей страны и заключения соответствующих договоров о военной взаимопомощи?

Если мы честно ответим на эти и другие вопросы, то неизбежно придем к выводу, что наша помощь, мягко говоря, была предложена народу не в той форме, которая соответствовала его нуждам и представлениям о демократии. Эта «помощь» сильно деформировала пути развития Латвии, лишила ее экономической самостоятельности.

Менторский стиль отношения к малым народам, великодержавный шовинизм, наделал немало бед не только в Латвии. Более 10 лет мы в системе Академии наук СССР (в Институте биологических проблем Севера) участвовали в изучении биологических и социальных проблем «малых» северных народов (чукчей, коряков, эвенов). И здесь проблему улучшения жизни северных народов решили по-своему и «с плеча». Постановили: детей с 2-х летнего возраста поголовно отнимать от матери и помещать в «цивилизованные» интернаты, где они получают воспитание в рамках европейской культуры. Родителей — переселить из обжитых традиционных жилищ — яранг в «перспективные поселки». Результатом такой «национальной» политики явился распад семьи: ребенок — в интернате (или во вспомогательной школе), отец — в тундре, мать — одна в поселке, где, кстати, лучшее жилье предоставлялось пришлому населению. Нарушились национальные традиции, способ хозяйствования и питания. В результате началось моральное разложение, пьянство, участились случаи самоубийства, возросла заболеваемость, сократилась продолжительность жизни. Иными словами, возникла угроза исчезновения нации. Попытки ученых бить в набат наталкивались на нежелание партийных органов считать эту информацию достоверной. До недавнего времени во внимание принималась лишь фальсифицированная статистика по национальному вопросу. Что же это, как ни дискриминация под флагом интернационализма? Таким образом, национальная, а вернее антинациональная политика до последнего времени была примерно одинаковой в разных уголках нашей огромной страны, а плоды ее тем «ярче», чем меньше народ оказывал ей сопротивление.

Именно поэтому прогрессивная общественность должна приветствовать процесс национального возрождения. Это пробуждение не только объединило прибалтийские народы в борьбе с антинациональной политикой, но и заставило, наконец, многих из нас, представителей многонационального «русского» народа, задуматься над своей позицией в этом вопросе.

Как могло случиться, что живя в Латвии более 40 лет, далеко не все из нас сочли нужным овладеть языком, через который мы только и можем понять душу народа? Понять, так ли уж несправедлив его гнев, направленный против антинациональной политики? Не слишком ли мы торопимся окрестить этот гнев «национализмом» (то есть, национальным эгоизмом)? Не грешим ли мы сами национальным эгоизмом? Вольно или невольно мы повинны в том, что латыши становятся национальным меньшинством в Латвии, что их экономика, их культура развиваются не так, как хочет этого народ. Так стоит ли нам обижаться, если камень, брошенный в «систему жерновов», ненароком заденет и нас?

Находясь между двумя авторитарными государствами — фашистской Германией и сталинской Россией, Латвия не смогла сохранить свою независимость и волей или неволей (это особый вопрос) оказалась с нами. Многие латыши в то время возлагали надежды на этот союз. Мы же, как оказалось, не смогли оправдать их доверия.

Недоверие латышей, обусловленное историей наших отношений, мешает нам сегодня слиться в единый фронт, ведущий Латвию к прогрессу в областях экономики, права, политики. Мешает этому и недоверие значительной части русскоязычного населения к латышам. Оно вызвано непониманием того, что протест латышей направлен не против тех, кто осознает Латвию своей второй родиной, а против временщиков, несущих урон культуре и экономике страны. Это взаимное недоверие подстрекается людьми, не заинтересованными в демократических переменках. Это недоверие должно быть преодолено встречными шагами.

Латышский народ уже сделал этот шаг. Он поднял вопрос о необходимости этнического возрождения народов Латвии, о создании украинских, белорусских, русских, еврейских и других национальных обществ, национальных школ, национальной прессы. Мы живо откликнулись на этот призыв, порой забывая, что он впервые прозвучал на Объединенном пленуме творческих союзов Латвии, который некоторые из нас обвиняют в националистических настроениях.

Каким же должен быть наш встречный шаг? Мы считаем, что прежде всего нам следует осознать и открыто признать свою вину перед народом, доверие которого мы не смогли оправдать. Должен, наконец, свершиться акт покаяния. Многие нам возражат: «В чем вина русского народа, который сам стал жертвой сталинских репрессий и периода застоя? Ведь это наша общая беда, а не вина!» Дорогие соотечественники! Нам кажется, что наши страдания не оправдывают нас в глазах тех, кого мы принудили разделить с нами нашу беду. Известно, что каждый народ достоин своего правительства. Мы допустили сталинщину, мы не смогли противостоять ей, чтобы противостоять ей, мы были молчаливыми носителями лжи, каждый из нас виноват как перед своим народом, так и перед теми народами, на чьи плечи мы взвалили часть своей тяжести. К тому же, кто из нас выступил или хотя бы усомнился в правомерности депортации латышей в Сибирь в то время, как мы заселяли Латвию?

Нашим вторым шагом должна быть помощь латышскому народу в восстановлении его прав. Вместо того, чтобы расширять свои права, мы должны приложить усилия к восстановлению справедливости. Справедливость требует реального двуязычия не только со стороны латышей; справедливость требует принятия безотлагательных мер к увеличению относительного - и абсолютного числа представителей коренных народов Латвии: латышей, латгальцев, ливов; справедливость требует, чтобы их жилищные условия стали по крайней мере не хуже, чем у тех, кто прибыл сюда относительно недавно.

Мы должны, наконец, понять, что народ, живущий на небольшом и единственном в мире клочке земли, сам должен определять свою судьбу. (Разве помещая чукотских детей в интернаты, мы не гордились мудростью нашей национальной политики?) Наше высокомерие достигло вершин, с которых мы перестаем видеть чаяния других народов, диктуем им свою волю, вмешиваемся в решение их национальных проблем. Постыдное недоверие к здравому смыслу латышского народа — разве не есть великодержавный шовинизм?

Нам следует понять и то, что настаивая на поголовном гражданстве жителей Латвии, мы тем самым претендуем на большинство русскоязычного населения в выборах и референдумах, а следовательно, вновь рискуем навязать латышскому народу свою волю. Имеем ли мы на это право, вспоминая всю историю наших отношений? Ведь никто не может лишить нас советского гражданства. Оставаясь жителями Латвии, мы, как и прежде, сохраним за собой право влиять на судьбу страны в целом.

Что же касается гражданства Латвии, то нам кажется, что мы, русские, украинцы, белорусы, поляки, евреи, люди других национальностей должны заслужить его большой душевной работой. Работой по освоению языка, культуры, истории Латвии, работой по завоеванию белом доверия народа, на земле которого мы живем. Так давайте же работать, дорогие соотечественники!

ТАТЬЯНА АРШАВСКАЯ.

ВИКТОР АРШАВСКИЙ,

канд. биол. наук,

канд. биол. наук,

ст. научн. сотр. НИИ эксперим. и клинич. медицины,

ст. научн. сотр. Рижского мед. института

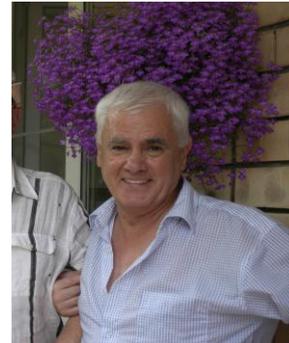
(Это письмо было написано раньше, чем организовалось Латвийское Общество Русской Культуры (ЛОРК). Но в связи с 10-ти летним юбилеем ЛОРКа вышла книга «Не стыдно оглянуться ...». (Рига, Даугава 2002), в которой первым, сразу после вступительной странички председателя общества Юрия Ивановича Абызова, шло наше «Открытое письмо». Книга готовилась тайно, как подарок. Почти никто этого не знал. Сначала я даже испугался – забыл, что там мы писали, и тут же прочел. И действительно «Не стыдно оглянуться ...»).

Фактическим первым организатором в создании Латвийского общества русской культуры (ЛОРК) случайно оказалась Таня. Вскоре после опубликования нашего «Открытого письма», ей позвонили и просили зайти в Союз писателей, где тогда располагался штаб всей этой фронды, которым руководил председатель Союза Янис Петерс. Там шло организационное заседание тогда еще только создаваемой Ассоциации национальных культурных обществ Латвии (АНКОЛ), руководителем которой была избрана Ита Казакевич. Было уже создано много разных национальных обществ, но вдруг вспомнили, что вот русское общество пока и не создали.

Это дело поручили Тане. И вся дальнейшая работа по подготовке документов к созданию Общества русской культуры шла уже у нас дома. В этой работе самое активное участие принимали Ита Казакевич, поэты и писатели Юрий Абызов, Арманд Мелналкнис, Людмила Азарова, Роальд Добровенский, Марина Костенецкая, и еще многие другие, тогда активные и яркие личности. Поскольку все остальные общества складывались на этнической основе, то против создания такой русской структуры резко высказался писатель

Ита Казакевич у нас дома

Арманд Мелналкнис

Владлен Дозорцев, обосновывая это тем, что русская культура вненациональна. Но его создание продолжалось. И в феврале 1989 г., в одной из рижских газет было опубликовано обращение инициативной группы, где провозглашалось: «Общество открыто для всех друзей русской культуры, русского языка, независимо от национальной принадлежности, социального положения, участия в других обществах. Важнейшая цель будущего общества - развитие связей между русской и латышской культурами». А учреждение ЛОРКа состоялось в здании Латвийского телевидения, и в прямом эфире показывали оба латвийских канала.

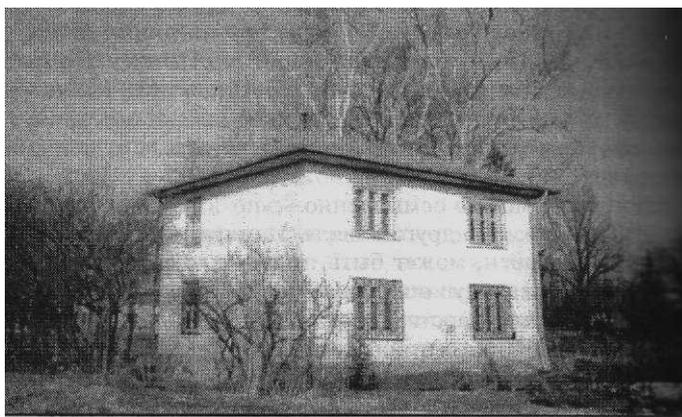
Учредительное собрание ЛОРК –
Марина Костенецкая, Людмила Азарова, Юрий Абызов,

Роальд Добровенский

Поначалу было избрано два сопредседателя ЛОРК – писатели Абызов и Добровенский. Но потом как то остался один, и долгие годы, до самой своей смерти, им был Юрий Абызов, а Таня Аршавская стала его заместителем.

Помещение для ЛОРКа – заброшенный двухэтажный особняк пробил Арманд Мелалкснис, который в ту пору являлся секретарем Рижской Думы. Когда мы подошли к этому дому, то увидели на входной двери большущий амбарный замок. Арманд где-то раздобыл ржавый топор, замок взломали и мы вошли в помещение, шутя на тему о том, что русская культура в Латвии пробивает себе дорогу топором.

Здание, где в течении 10-ти лет находился ЛОРК

Сделали ремонт, с миру по нитке раздобыли мебель, завезли даже рояль, и несколько лет безбедно жили в этом особняке.

Во время вышеописанного двоевластия в Риге, я прятал списки участников ЛОРКа у себя в лаборатории на «своем заводе».

Но безмятежные годы прошли, объявился хозяин этого особняка, и после длительного нудного судебного процесса нас из него вышибли, пришлось арендовать помещение в доме культуры «Иманта», где ЛОРК пребывает и по сей день.

Юрий Иванович сразу выдвинул тезис «Диалог всех со всеми», согласно которому ЛОРК не есть общество русских в Латвии (таких обществ с песнями и танцами потом народилось много), а является именно Обществом русской культуры, которую создавали люди многих национальностей России, и которая близка любому человеку, воспитанному в ней. «Мы не русские в Латвии, а русские Латвии». Такая постановка вопроса у многих называющих себя «русскими» вызывала раздражение. И хотя, Юрий Иванович чистый русак, возможно с некоторой примесью татарской крови, в одной такой прорусской газетенке его не единожды именовали еврейским писателем. (Почему именно еврейским?). Возможно потому, что среди членов ЛОРКа наряду с людьми различных национальностей (были и коренные латыши), нашли свое пристанище и большое количество евреев, – преданных русской культуре.

Еще до образования ЛОРКа, в 1988 году в статье «Язык и современность» Юрий Иванович писал: *«Если нам стало по плечу и даже вошло в привычку поворачивать реки вспять, срывать горы и вздыбливать равнины, пускать под бульдозер природные заповедники и вообще места с уникальной экологией, то чего прощай нарушать заповедники людские, социоэтнические структуры, не спрашивая мнения людей. Нельзя произвольно разбавлять или уплотнять этническую массу, словно это нечто косное и составляет всего лишь часть природы, от которой, как известно, не надо ждать милости, а только брать, брать и брать... .. В результате новая волна мигрантов, новая переброска рабочей силы, людей с иным складом характера, иным культурным уровнем, иными требованиями, которым, как правило, эту землю не жалко: отчих могил здесь нет».*

Юрий Иванович проводил огромную исследовательскую и архивную работу по русской литературе и публицистике в Латвии до ее оккупации и присоединения к Советскому Союзу, и опубликовал этот материал в многотомных монографиях и статьях в балтийских альманахах. Особенно большое содействие в этой работе ему оказывал историк и литературовед Борис Равдин. В ЛОРКе скопилось большая и очень ценная библиотека, основное пополнение которой сделал Ю.И.Абызов.

О деятельности ЛОРК очень хорошо рассказал один из самых активных его членов В.С.Блюменкранц в статье «Диалог всех со всеми», опубликованной в журнале «Россия и современный мир» (2010, № 3), посвященный 20-ти-летию Общества, из которой приведу некоторые абзацы.

Начальный этап деятельности Общества ... в большой степени связан с исследовательской и издательской программой ЛОРКа, когда из печати вышли сборники «От Лифляндии к Латвии. Прибалтика русскими глазами». Т. 1-2 (в них содержатся посвященные Латвии статьи и очерки преимущественно из

периодической печати 1870-1930-х годов); «Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике» (издание основано ЛОРКом совместно с аналогичными обществами Литвы и Эстонии; к сегодняшнему дню в этой серии вышло 11 книг); «Не стыдно и оглянуться...» Выступления. Интервью. Статьи. Документы.

В сборнике публикуются материалы, отражающие историю создания и деятельность Латвийского общества русской культуры за десятилетие его основания); Русский фольклор в Латвии: Частушки. Собрание И.Д.Фридриха»; «"Ruhenia" в Риге и на чужбине» (книга посвящена созданной в Риге в 1929 г. русской студенческой корпорации); роман Ирины Сабуровой «Корабли старого города», обращенный к жизни «русской Риги» между войнами; указатели, посвященные известным в русской эмиграции рижским периодическим изданиям: «Газета "Сегодня" 1919-1940». Т. 1-2; «Газета "Слово" 1925-1929».

С 1990 по 2001 г. в Латвии на русском языке было издано около 3 тыс. книг. Публикации гуманитарного профиля за этот период отчасти отражены в библиографическом указателе «Русские книги в Латвии 1990 по 2001 г.». Давние связи со Стенфордским Университетом (США), где еще на «заре перестройки» был издан подготовленный в Риге четырехтомный библиографический справочник «Русское печатное слово в Латвии». Несколько лет назад в том же Стэнфорде вышли в свет два тома «Балтийско-русского сборника».

Все эти издания в той или иной степени связаны с именем Юрия Ивановича Абызова - историка литературы, критика, переводчика, библиографа. Юрий Иванович ушел от нас несколько лет назад, накануне своего 85-летия. С его уходом завершился активный издательский этап ЛОРКа.

Общество много лет сотрудничало с издательством «УМСА-Press». Посредничество этого издательства помогло нам безвозмездно получить из Парижа много ценных книг.

... В 1993 г., выступая в Институте Гёте, Ю.И.Абызов назвал наше общество русским клубом, функционирующим на базе большой культурологической библиотеки. «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Книжное обозрение», «Вопросы литературы», «Вопросы философии» - таков перечень периодических изданий, которыми отчасти снабжает библиотеку Посольство России в Латвии.

В конце прошлого года материалы стендов библиотеки, рассказывающие о творческой биографии Юрия Ивановича и построенные на основе семейного архива, стихов Давида Самойлова и переписки старых друзей, стали предметом внимания участников Международной конференции, посвященной мемуарам первой эмиграции. Там же в Москве в Доме русского зарубежья представители нашего Общества Б.А.Равдин, А.Т.Ракитянский и автор этих строк провели вечер памяти Ю.И. Абызова и устроили презентацию Латвийского общества русской культуры.

«Взяв себе название Общества русской культуры, мы помним, что основой каждой культуры является диалог - всех со всеми, личности с личностью, народа с народом, культуры с культурой ...»

Это слова и позиция Ю.И.Абызова. Мы об этом не забываем.

В ЛОРКе шла кипучая деятельность.

Валерий Блюменкранц устраивал замечательные выставки, посвященные творчеству Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Юрия Любимова. Здесь организовывались различные интересные сообщения: о старообрядцах в Латвии рассказывал известный исследователь русской культуры, славист Борис Федорович Инфантьев, о спорных вопросах истории Латвии беседовала Илга Апиня, она же организовала вечер памяти Александра Галича, философствовал Евгений Земель, о библиотечном деле рассказывал Анатолий Ракитянский, о своем романе, посвященном Янису Райнису, поведал Роальд Добровенский. Мы тоже принимали активное участие: после выхода уже посмертной книги моего знаменитого дядьки Ильи Аркадьевича Аршавского «Мы все равноправны друг перед другом - Воспоминания об А.А.Ухтомском - Смысл и судьба доминанты нравственности» я сделал об этом доклад, Анджей рассказал о кришнаизме, а Таня, помимо большой организационной и отчетной работы, читала свои стихи. На разных мероприятиях ЛОРК посещало много гостей и устраивались веселые посиделки с вином, пирогами и другими закусками, а так же открывался рояль, на котором очень хорошо играли дети Нины и Жени Земелей, а иногда аккомпанировал себе же и пел песни Роальд Добровенский. Одно время, вплоть до окончательного закрытия (в связи с финансовыми проблемами), работала редакция журнала «Даугава», а одно время разместилась и Латвийская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (ЛАПРЯЛ).

Из тиража напечатанного в Москве сборника «От Лифляндии — к Латвии» часть книг была оставлена для распространения в Москве и потом решено было передать их в посольство Латвии для использования по своему усмотрению.

В ответ от посла Яниса Петерса было получено следующее письмо.

Председателю общества
русской культуры
господину Абызову Ю.И.

Дорогой Юрий Иванович!

Искренне признателен Вам за подарок нашему посольству. Уверен, что этот богатый материал, который содержит Ваш сборник, поможет нам приобрести больше друзей в России.

Посылаю привет Вашей семье и надеюсь на встречу в Москве или в Риге.

Может быть, у Вас есть какие-либо конкретные предложения о восстановлении творческих контактов российской и латвийской интеллигенции.

С уважением

Янис Петерс,
ПОЭТ

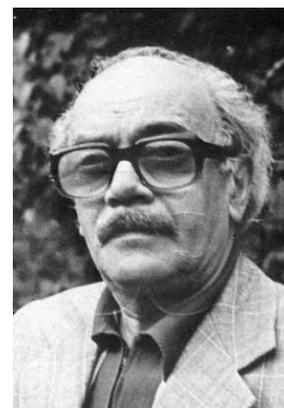
10 ноября 1994 года Москва

Юрий Иванович был в дружеских отношениях с замечательным поэтом Давидом Самойловым,

Как то Самойлов был в Риге и Абызов устроил ему выступление. Перед выходом на сцену, (а был он уже почти слепой и к тому же заряженный почти бутылкой коньяка), он попросил Таню, помочь дойти ему до стола. А на ее вопрос - «Как же вы будите читать стихи?», смеясь, ответил – «Деточка, ты только меня доведи и поставь на место, а там все пойдет как обычно, нормально». И читал он великолепно. На кем-то заданный вопрос, – «Что значит счастье?», с уверенностью ответил, - «Иметь другом Абызова».

После смерти Самойлова Абызов выпустил книгу «В кругу себя» с их шутками и приколами.

Приведу несколько выдержек из их переписки:

Давид Самойлов

Написал бы тебе что-нибудь веселое, но ничего веселого не происходит. ... И кофея я пью без всякого удовольствия.

(Самойлов↔Абызову)

«...стремиться сказать все – ложная тенденция юных гениев или настоящий предрассудок старых педантов». «Остроты – пословицы образованных людей». (Фр. Шлегель)

Номина сунт одиоза - (лат. – буквально: имена ненавистны, т.е. не будем называть имен).

(Абызов↔Самойлову)

Последние известия меня удручают. Только что хотел закупить очередную партию хрусталя, фарфора и мехов, как это неожиданное повышение заставило меня временно воздержаться. И еще хотел купить яхту, чтобы прокатиться к вам, но возросшие цены на бензин остановили. Не могу себе этого позволить! Слава Богу, цены на керамику, кажется, остались прежними, так что куплю глиняные тарелки и шесть мисок. Прожигать жизнь, так прожигать с треском!..

(Абызов↔Самойлову)

Мон Шер ами!

Ком тужур, рад был твоему письму. Из него следует, что вы все в добром здравии, что мысли у тебя играют и замыслы роятся. Слава Богу! Не то все больше сетуют и жалуются, чего-то жаждут и возделают, а о развлечении души и вовсе забыли думать. Ты же думаешь, это приятно мне знать.

Не начать ли нам переписку двух пенсионеров, живущих в провинции? О происшествиях, ценах на продукты, болезнях, небесных явлениях и прочем?

Подумай. Это может быть собрание современных фацетий (лат. – шутка, острота, анекдот).

(Самойлов↔Абызову)

Я-то думал, что ты и впрямь заболел грыжей, а ты оказывается совсем здоровый, а в больнице тебе не понравилось, потому, что там все здоровые, лежат по благу и поговорить про болезни не с кем. А также все непьющие, что тоже обидно. Скажу тебе Егор Иваныч, прямо, что ты есть не больной, а чистый симулянт, а болезнь твоя только от воображения и от диеты. Один ученый в «Науке и жизни» пишет, что если есть одну простоквашу, то проживешь на свете лишних две недели. Но стоит ли такое лишение радостей жизни типа колбасы копченой, сосисок, яичницы на свином сале или, предположим, холодца. Не стоит, Егор Иваныч, и не превращай свою жизнь в сплошной профилакторий; иначе я к тебе никогда не приеду, потому что устал от нашего вегетарианского комитета, где говорят не столько про ошибки Сталина и его зверства, сколько про диету, что противно моему военному духу. Болезнь у тебя естественная, потому что все другие болезни, то есть грыжа, происходят от возраста и у всех они есть. А ты себе навоображал, что ты самый и есть больной. А лучше перечитай статью «О старости доблестной» и действуй соответственно. Жена твоя сему препятствовать не будет, ибо женщина умная и понимает, что грыжу надо лечить приложением к телу.

Так вот. Являешься, друг, чистым симулянтом и тебя судить надо по законам военного времени. Но ввиду вывода войск из Афганистана выйдет тебе амнистия. Такова неправильность мирного времени. У нас в роте тоже был один симулянт. Он на посту стоять не хотел и водку наркомовскую менял на сахар. В санбате он уговорил врачей, что у него грыжа и эту грыжу ему вырезали. Но грыжи у него на самом деле не оказалось, а вырезали ему аппендицит, который помог ему околачиваться в тылу при кухне в тот момент, когда мы с криками ура атаковали передовые позиции врага без помощи артиллерии. Я лично был в то время ранен в грудь. А он, сукин сын, лежа в окопе второй линии, нарочно выставил наружу

задницу, куда и был ранен небольшим осколком, за что получил медаль «За отвагу». Видно, и ты, Егор Иванович, метишь на какую-то незаслуженную награду, вроде «Знак почета», за свою мнимую болезнь. Все это у тебя, я повторяю, от чтения современных фельетонов и от нежелания всерьез взяться за перестройку, а от желания получать незаслуженные награды и всяческое обеспечение от общества и жены на том основании, что ты лежал в больнице. А еще ругают Аллу Пугачеву за ее громкие песни. Ее в телевизоре можно выключить. А твою вредность выключить нельзя. Ты негромко будешь болеть, и другу (имею в виду себя), который придет тебя проведать, небось, теперь и бутылку не поставишь, а если и поставишь, то будет он ее пить в полном одиночестве, а ты в это время будешь потирать печень и корчить больное лицо.

За все это я тебя, друг, очень осуждаю.

И потому на сем кончаю письмо и иду в очередь, потому что уже без четверти два.

(Самойлов↔Абызову)

На этих (в основном плохих) фотографиях некоторые гости ЛОРКа.

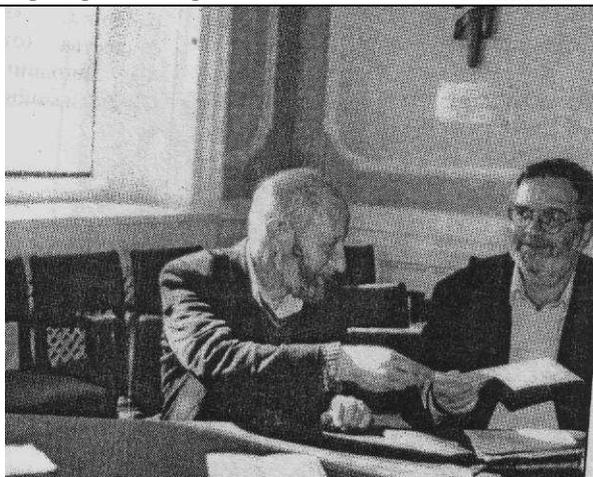
Григорий Померанц

Юлий Ким

Мариэтта Чудакова

Роман Тименчик

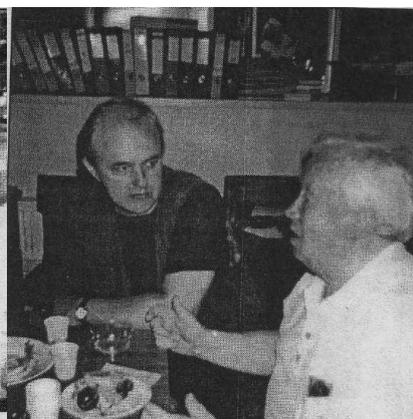
Виктор Скрунда и Петр Вайль

Никита Струве

Лазарь Флейшман

Виктор Авотыньш

Вице-мэр Риги Сергей Долгополов

Депутат Сайма и Европарламента
Борис Цилевич,

Зав.отдела нац.
меньшинств Айна
Балашка

А это мы в ЛОРКе

Полина Сикстуле, Валерий Блюменкранц, Юрий Абызов,
Галина Дзелме, Татьяна Аршавская

Юрий Абызов напоил коньяком «девушек»
Татьяну Аршавскую и Полину Сикстуле

Одно из заседаний ЛОРКа
(Таня с Зюзей)

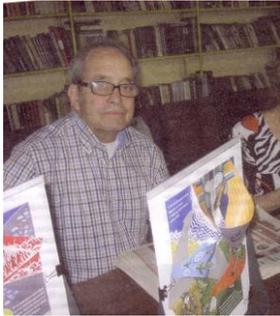
Как-то на Рождество

А это Таня Аршавская читает свои стихи

80-ти ление Юрия Ивановича Абызова)

В.С.Блюминкранц демонстрирует выставку Высоцкого

Слева от меня наш магаданский друг Женя Гельфгат, приехавший из Дрездена

А этот вечер уже после смерти Юрия Ивановича, Вечер посвященный 150-летию А.П.Чехова. Я рассказываю о том, как А.А. Ухтомский и Л.Н.Толстой восприняли рассказ Чехова «Душечка» (по книге И.А.Аршавского «Мы все равноправны друг перед другом»).

Однако, как в России, так и в Латвии все пошло не так, как ожидалось идеалистами–демократами. Демократические преобразования в России достаточно быстро захлебнулись (можно сказать, что демократы их попросту просрали). А с началом Чеченских войн и установлением национал–КГБшной и чиновно-воровской путинокрации, похоже, что все возвращается вспять, хотя и на новом, но не менее омерзительном витке истории. Можно сказать словами В. Шекспира:

*Все рушится, и связь времен пропала,
Все относительным отныне стало...
И занавес над миром опустился,
И мрак давно всех погresti готов...*

Нынешние правители России вслед за Мымрой Кадафи утверждают: «Говорят – демократия слово греческое, означающее «власть народа». На самом деле это слово арабское и образовано из двух слов: «Дем» - кресло, «Крати» - передача».

Несколько современных анекдотов:

*Задача на уроке арифметики в школе с патриотическим уклоном.
У одного мальчика – одно яблоко, у другого – четыре. Определить национальность мальчиков.*

*Объявление на дверях школы:
Экзамен отменяется – Все билеты проданы!*

Название банка. Как-то, поднимаясь на эскалаторе к выходу со станции метро «Ленинский проспект» через застекленные стены вестибюля вижу на стене дома большое красное полотнище вывески банка «БАНК ХУЕМ КРЕДИТ». Со смехом и удивлением подошел ближе и прочитал «хоум кредит».

И незамысловатый стишок

*Скупаю я по СэСэСэРу,
Где все воровали, но в меру.*

А вот стихи Фазиля Искандера, вполне отражающие суть времени:

*О чем мечтаешь, раб? / Да вот, задумал дельце – /
Хозяина убить / И стать рабовладельцем.*

Однако, скажу словами А Кабакова: «Кто при Советской власти ни жил, тот никакой другой уже не убоятся».

Но надежда всегда остается. Как говорил З. Фрейд: *«Первенство разума далеко, но не недостижимо далеко»*. И бывший раб наконец-то воспитается в аристократа. Не помню уж кто сказал: *«Аристократ – человек, умеющий увидеть ценное, сохранить его и передать другим людям»*.

Внушающие надежду лозунги Народного фронта и Атмоды с обретением Латвией независимости скоро были забыты. К власти рвались ультранационалисты. И хотя на всех выборах в Сайм они никогда не получали большинства голосов граждан, но вступая в коалиции с другими партиями, они не без успеха стремились навязать свою политику.

Единственной партией не отошедшей от этих лозунгов осталась партия «Согласие», организованная Янисом Юркансом, которая, вступив в коалицию с некоторыми другими партиями, образовала объединение «Центр Согласие». На выборах он получает все больше голосов, но занять доминирующее положение в Сайме не может и остается в оппозиции. Именно за эту партию я всегда и голосую.

Такая пронационалистическая позиция правительства, прежде всего, сказывается на основополагающих проблемах гражданства, натурализации и образовании.

Янис Юрканс – первый министр иностранных дел независимой Латвии

И Латвийское общество русской культуры, вместе с передовой интеллигенцией Латвии, активно включилось в это противостояние.

Было написано и опубликовано в газетах «Обращение к Президенту Латвийской Республики Г.Ульманису», которое подписали:

Виктор Авотиньш – прелседатель СП Латвии,
Рафии Хараджаниян – председатель АНКОН,
Роальд Добровенский – писатель,
Абрам Клёцкин – президент Медиа-фонда Латвии,
Борис Инфантьев – профессор ЛУ,
Леон Бриедис – писатель,
Улдис Берзиньш – писатель,
Юрий Абызов – председатель ЛОРК,
Татьянв Лигута – председатель ЛАПРЯЛ,
Людмила Азарова – поэтесса,
Татьяна Аршавская – зам. Председателя ЛОРК,
Марина Костенецкая – писательница,
Владлен Дозорцев – писатель, депутат Сайма.

Президент принял подписантов, внимательно всех выслушал, что-то пообещал, но ничего не сделал.

Виктор Авотыньш, Леон Бриедис, Улдис Берзиньш на встрече с президентом Латвии.

Писали и в Министерство образования, там тоже все обсуждали, но почти все разумные предложения отвергались. На этом неблагоприятном фоне сформировался экстремистский Штаб защиты школ с образования на русском языке, с которым ЛОРК принципиально не контактировал. Более того, на этой почве ЛОРК прекратил свое пребывание в АНКОН, опубликовав следующее заявление.

ЗАЯВЛЕНИЕ

*Латвийского общества русской культуры
о выходе из состава Ассоциации национально-культурных Обществ Латвии*

Латвийское общество русской культуры (ЛОПК) заявляет о своем решении выйти из состава Ассоциации национально-культурных обществ Латвии (АНКОЛ), членом которой оно являлось с момента создания Ассоциации. В течение 10 лет ЛОПК был единственным обществом русской культуры в Ассоциации и стремился выразить позиции русской интеллигенции Латвии.

Это решение вызвано отношением руководства Ассоциации к нашей позиции, в том числе и по вопросу образования национальных меньшинств. Руководству АНКОН хорошо известно наше отрицательное отношение к Программе Министерства образования и науки «постепенного перехода к среднему образованию на государственном языке и увеличению удельного веса предметов, осваиваемых на государственном языке в программе основного образования» (Программа перехода).

Вместе с другими организациями русской культуры Латвии, Литвы и Эстонии мы разработали альтернативный вариант освоения государственного языка и интеграции в рамках школьного образования. Этот путь дает возможность получать образование на родном языке, одновременно способствуя освоению государственного языка в той степени, которая позволяет полностью интегрироваться во все сферы общественной жизни. Этот вариант интеграции, связанный со специальным циклом предметов

Леттоника (в Латвии) и Эстика (в Эстонии), был разработан, апробирован и уже дал успешные результаты в Эстонии.

Наша позиция, начиная с 1997 года, широко обсуждалась в печати, а также на латвийских, балтийских и европейских форумах. Она была рассмотрена и на семинаре АНКОЛ, специально посвященном этому вопросу, где получила поддержку. Тем не менее, председатель АНКОЛ и несколько его членов, игнорируя наше мнение и даже не предупредив нас, приняли участие в разработке и утвердили концепцию государственной программы под названием «Интеграция латвийского общества», где в раздел «Образование» включена критикуемая нами «Программа перехода».

Авторы раздела «Образование» не скрывают намерений изменить этнодемографическую ситуацию в стране путем реформ в политике языка образования. И это трудно расценить иначе как попытку государственного планирования ассимиляции нелатышей. К тому же представленная в Концепции Интеграции модель билингвального образования фактически является лишь временной, промежуточной моделью, постепенно вытесняющей язык национальных меньшинств. Такая модель может привести лишь к «интеграции» малообразованных людей, не освоивших ни одного языка в той степени, которая необходима для развития культуры, в том числе и русской, традиционно являющейся культурой слова и книги.

Мы считаем, что председатель АНКОЛ, подписавший без нашего согласия Концепцию Интеграции, нарушил Устав организации, а его действия не соответствуют духу взаимного доверия. Это свидетельствует об отступлении Ассоциации от ее основополагающего принципа - содействовать развитию в Латвии мультикультурного общества, постоянно возобновляющегося путем полноценно функционирующих на родном языке национальных школ. Иного пути сохранения многообразия культур не существует.

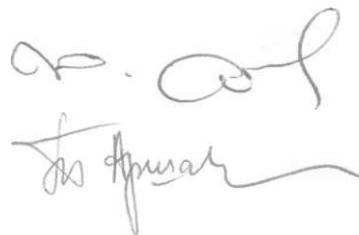
Мы покидаем АНКОЛ, потому что не можем допустить манипулирования нашим мнением ради демонстрации кажущегося единства взглядов в организации. Этот шаг обусловлен и тем, что наша позиция по вопросу образования совпадает с точкой зрения всех русских общественных организаций. И заключается она в том, что политика унификации языка образования по сути своей не способствует, а препятствует интеграции, углубляя раскол между двумя существующими, к сожалению, в Латвии общинами.

Мы надеемся, что наши последовательные шаги привлекут внимание общественности как к проблеме в целом, так и к предлагаемой нами интеграционной модели.

Председатель Латвийского общества русской культуры
Юрий Абызов

Заместитель председателя
Татьяна Аршавская

11.01.1999

По случаю моего инфаркта, о котором расскажу дальше, я отошел от активного участия в этом деле, но наблюдал и переживал эту ситуацию, и откликнулся на нее в книге, «Различия, которые нас объединяют»: Приведу несколько абзацев из нее:

Неблагоприятная ситуация может сложиться в Латвии с реализацией недостаточно продуманного и в значительной степени политизированного законопроекта о безотлагательном переводе преподавания различных точных и гуманитарных дисциплин в школах национальных меньшинств с родного на государственный язык с самого раннего школьного возраста. Это делается как будто с благой целью более полного интегрирования детей в латвийское общество и полного овладения латышским языком.

Едва ли эта бюрократически окрашенная тенденция будет способствовать лучшему изучению латышского языка, но определенно затруднит для большинства детей удовлетворительное освоение основных дисциплин. При этом чиновники от образования забывают (или не знают вовсе), что язык является не столько средством общения, связанным с функцией левой гемисферы мозга, сколько орудием глубинного мышления. Это мышление формируется в самом раннем детстве под влиянием контактов с родителями на базе образного правополушарного типа переработки информации. Родной язык является источником всей жизни индивида, его души, его прошлого и настоящего. Это безграничное поле для творчества, которое осуществляется в историческом времени и пространстве. Только в возрасте 9-14 лет, когда завершается становление типа полушарного реагирования и структур, обеспечивающих поверхностное выражение мысли в речи, когда появляется способность раскрыть мысль не только для себя, но и передать ее другим людям, можно осуществлять попытку мыслить не только на родном, но и на заново выученном языке. Это вовсе не означает, что в раннем возрасте не следует изучать другие языки. Речь идет об опасности насильственного перевода мышления на другой язык. Доминирующим в мыслительных процессах должен оставаться родной язык.

Механическая и быстрая замена уроков на русском языке уроками на латышском - это не билингвальный метод обучения, а его дискредитация. Билингвальный же метод весьма специфичен и требует специальной подготовки педагогов, специальных учебных пособий. В Латвии для "русского" меньшинства, составляющего чуть меньше половины всего населения страны, необходимо создание школы

нового типа с русским языком обучения - с хорошо разработанным блоком общеобразовательных дисциплин на родном языке и с современными методами преподавания латышского языка.

В этой связи представляется удачной инициатива некоторых русских обществ Латвии разработать и внедрить в русских школах, наряду с глубоким изучением латышского языка, особого интеграционного курса "Летоника". В его постоянно расширяющихся рамках, охватывающих весь период школьного образования, на латышском языке будут преподаваться предметы, связанные с историей, географией и литературой Латвии, традициями и фольклором ее народа. В результате внедрения такой системы к моменту окончания школы предусматривается полное овладение государственным языком, предотвращение соскальзывания в культуру межъязычья (*starpvalodu*), осознание себя в структуре латвийского государства. Это сделает выпускников русских школ конкурентно способными для дальнейшей учебы и работы в Латвии.

... Международное законодательство не случайно настаивает на праве детей получать образование на родном языке, особенно в основной школе. Задача законодательства должна сводиться не к насильственному навязыванию языка обучения, а к возможно более полному обеспечению глубокого и эффективного изучения латышского языка с возможно более раннего возраста. Преподавание в раннем возрасте школьных дисциплин не на родном, а на плохо освоенном неродном языке не только малоэффективно в изучении самого языка, не говоря уже о понимании смысла преподаваемого предмета, но и опасно для нормального психического развития ребенка. Возникает проблема "молчащего ребенка" - глубинная (правополушарная) мысль не получает логического завершения в поверхностном речевом (левополушарном) мышлении. Ребенок не может понять себя, раскрыть и реализовать свой творческий потенциал, а тем более донести его до преподавателя. В результате может развиваться "педагогическая запущенность" - база для гипердиагностики умственной отсталости, формирования "обученной беспомощности" и высокого риска возникновения лингваспихозов, неврозов и психосоматических расстройств.

Сразу после смерти Юрия Ивановича Абызова писатель Роальд Добровенский опубликовал в журнале «Даугава» прощальные слова «Жаль того огня»:

В ночь с 25 на 26 октября (7-8 ноября по н.с.) большевики свергли Временное правительство и захватили власть в Петрограде. Как оказалось - и во всей огромной России. И уже через год, два, три интеллектуальную, духовную Москву и Петербург надо было искать в Берлине, Париже, Праге и... в Риге. Выдающиеся писатели, художники, мыслители, ученые либо бежали, либо были высланы из страны по указанию «философа» и «литератора» (именно так он называл себя в анкетах) Ульянова-Ленина. Так авторами журнала «Перезвоны», газеты «Сегодня» и других рижских изданий стали Иван Бунин и Марина Цветаева, Борис Зайцев, Саша Черный, Константин Бальмонт, Дмитрий Мережковский, Георгий Адамович... Этот список можно было бы продолжать, называя одно за другим имена, не менее значительные и значащие в культуре, а следовательно и в истории России.

Минула еще четверть века, и в Риге появился 25-летний студент, бывший фронтовик Юрий Абызов. И если целый пласт русской литературы и журналистики, необычайно интересный ее период сегодня доступен исследователям и просто читателям во всех деталях, если публикации, письма, повороты судеб, документы, в том числе связанные с Латвией, в редкостной полноте сохранены, спасены от забвения - благодарить за это нужно в первую очередь Юрия Ивановича Абызова.

Он был чернорабочим культуры, неутомимым собирателем фактов, документов, событий, их толкователем, обладавшим высокой «понимательной способностью». И одновременно представителем подлинной, интеллектуальной элиты. Блестящий полемист – в свое время статьи Абызова о проблемах художественного перевода иные читатели специально искали в журнале «Дружба народов» и проглатывали с наслаждением. Эрудит, который мог даже староверам Латвии рассказать об истории и традициях, переводчик, давший русским читателям около 30 томов, переведенных с латышского, английского, польского.

Истинный русский интеллигент, он был талантлив и в повседневности. Не слишком мягкий, не беззубый – ни в коем случае! Но что ж - и спорить с ним было интересно.

Нельзя не сказать об особом обаянии, исходившем от этого человека. Помню, как в день своего юбилея он появился под ручку с женой Ниной Ивановной – в соломенной шляпе, с тросточкой ни дать ни взять чеховские персонажи, - и с каким же юмором, изяществом прохаживалась эта пара перед восхищенной публикой... До сих пор перед глазами стоит эта картина. Чувство юмора было у этого человека врожденным, как абсолютный слух у хорошего музыканта. Опубликованная переписка Юрия Абызова и поэта, тоже фронтовика, Давида Самойлова приоткрывает ту свободу, то искрящееся веселье, что царили в отношениях старых друзей.

И бескорыстие. Свойство, понемногу грозящее выйти из обихода. Он брал на себя одну тяжкую ношу за другой. Изданные Стенфордским университетом четыре тома – «Русское печатное слово в Латвии» - труд, начатый давным-давно, когда почти все русские писатели и журналисты-эмигранты в СССР находились под запретом. Молодой в то время человек взялся за огромный труд, когда казалось, что ни малейших шансов опубликовать его нет и не будет. Не только никакого вознаграждения не приходилось ждать – «нездоровый интерес» исследователя к деятелям русской эмиграции мог в ту пору обернуться для автора самыми серьезными осложнениями.

В Стенфорде издан и подготовленный Ю.И.Абызовым в соавторстве с Л.Флейшманом и Б.Равдиным пятитомный архив газеты «Сегодня» 1919-1940 г.г.) – единственный во всей эмигрантской прессе, сохранившийся, теперь уже можно сказать - сохраненный для последующих поколений с такой полнотой. А еще был составленный Абызовым двухтомник «От Лифляндии к Латвии». Были, точнее – есть 10 томов «Балтийского архива», подготовленные и изданные в столицах трех Балтийских республик по инициативе и при деятельном участии Юрия Ивановича.

С 1989 года Ю.И.Абызов – бессменный председатель Латвийского общества русской культуры. Тоже работа, и тоже бескорыстная, без расчета на награду, как большинство его дел. Собрана по-своему уникальная библиотека этого общества, — дай Бог сохранить ее в целостности и в будущем.

А конференции, посвященные русской истории и культуре, проходившие попеременно в Вильнюсе, Таллинне, Риге? — Абызов опять же был их инициатором и душой, и помнят об этом многие в трех балтийских странах.

Прощаясь с Ю.И.Абызовым на страницах «Даугавы», грех было бы не сказать о том, что многие годы он был одним из авторов, определяющих облик и дух журнала. Не забудутся не только литературные, полемические, мемуарные страницы, принадлежащие его перу, но и рассказы о достопримечательностях города, в котором он провел почти всю взрослую жизнь, который знал и любил.

Большинство из того, что сделано Ю.И.Абызовом, сделано надолго. Жизнь и труд этого человека — соединительное звено между эпохами, прямое доказательство тому, что русская культура живет и в историческом и географическом пространстве Балтии, сделавшись неотъемлемой, органичной частью ноосферы.

...С того дня, когда мне позвонили и сказали о кончине Юрия Ивановича, нейдут из головы строки Фета:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет. И плачет, уходя.*

В это же время возникла еще одна общественная организация, активно боровшаяся за сохранение «русской» школы - ЛАШОР (Латвийская ассоциация в поддержку образования на русском языке), в создании которой Таня и принимала самое деятельное участие. Мне же эта организация почему-то была не по вкусу, хотя многие ее инициативы я и разделял. Это нашло отражение в нескольких статьях, в которых затрагиваются проблемы образования, в связи с выявленными популяционными особенностями межполушарной асимметрии у коренного и пришлого населения Латвии, и в книге, отрывок из которой приведен выше.

Но, пожалуй, больше всего этот негативизм продиктован моей активной нелюбовью к руководителю ЛАШОР Пименову, которого я неизменно кликал «Пельменовым». Это бывший активный комсомольский работник с ярко выраженными карьеристскими наклонностями, «комсомольским» стилем руководства, хмурым, и, как мне казалось, скользким взглядом. Когда Таня поздно вечером возвращалась домой с регулярных, почти еженедельных, сборищ с каким-то одурманенным блуждающим взором, я часто говорил: «Ну что, опять налашорились»?!

Тогда же у меня появилось еще одно увлечение – я стал ходить в Рижскую синагогу. Однако, никакого религиозного интереса у меня не возникло. Меня подкупило обаяние замечательного ребе Натана Баркана. Он был мудрым и веселым хасидом, и никогда не проявлял какого-то религиозного экстремизма. Ну и кроме того, я как бы поминал своих прародителей, очевидно

Ребе Натан Баркан

Я в синагоге
на заседании Клуба ученых

закончивших свой жизненный путь в ямах Бабьего яра, Риги, Венспилса, Тукумса.

В синагоге встречал многих моих хороших знакомых на веселых еврейских праздниках, а также на заседаниях организованного ребе Барканом Клуба ученых. Н.Баркан и Еврейское культурное общество Латвии были инициаторами нескольких международных конференций в Риге «Евреи в меняющемся мире» (как-то я назвал эти конференции «Неменяющиеся евреи в меняющемся мире»). В двух из них я принимал участие с докладами: «Прижизненная трагедия Лины Штерн и посмертная трагедия И.П.Павлова» и «Система еврейского религиозного воспитания как фактор выживания (психофизиологические аспекты)» (в соавторстве с Вадимом Ротенбергом и Эммой Рутман); этот доклад (статья) был спровоцирован статьей Вадима в Израильском журнале «22» (№ 82, 1992) и результатами наших исследований детей в Еврейской школе Риги.

Но как и обычно, в синагоге возникли разные течения и Н.Баркан покинул свой пост, уехал в Израиль, где вскоре и умер. Новый ребе оказался полной противоположностью старому – хмурый, замкнутый, постоянно молящийся человек. Никакие «вольности» в синагоге он не позволял, и Клуб ученых прекратил свои посиделки. Вспомнив замечательный афоризм Сергея Довлатова - *«Химера еврейской исключительности сродни антисемитизму»*, я, как и многие другие, перестал посещать синагогу.

История нашей «фазенды». Всю свою жизнь я мечтал построить свой дом. Но, как говорится, если хочешь рассмешить Господа, поведай ему о своих планах. Моя мечта обернулась фарсом.

Недалеко от нашего дома прямо через Юрмальское шоссе на лесистом участке расположился огородный кооператив. Там нам выдали заброшенный участок земли. По всему периметру этой заросшей кустами и деревьями поляны мы огородили участок металлической сеткой. Завезли фанерные щиты, из которых я с большим трудом сколотил прямо на земле (т. е. без всякого фундамента) небольшую избушку и малюсенький сарайчик для огородного инвентаря и клозета. Эти "сооружения" и снаружи, и изнутри я выкрасил разноцветной краской. Притащили подержанную мебель – раскладной столик, пару стульев, тумбочку для посуды и старенький топчан, и провели электричество. Получился игрушечный «домик крошечка в одно окошечко». А около этого «дома» я посадил небольшой куст сирени, которая через какое-то время вымахала в большое деревцо.

А значит, как говорится, я прожил не напрасно, а в точности исполнил долг мужчины: родил детей, построил дом и посадил дерево!

Открытие этой «фазенды» состоялось в Янову ночь, когда мы с нашими друзьями и соседями – Юрисом и Галей Дзелме, а так же Валерием и Ириной Блюменкранц отмечали замечательно красивый языческий праздник Лиго. На костре жарили шашлыки и набранные в лесу грибы, кипятили воду и готовили грог по нашему рецепту с «хищенкой», обильно запивая все это пивом различных сортов. Цветов папоротника мы не искали, но прямо на поляне набрали много уже созревшей клубники. Как положено, мы прыгали через костер и всю ночь, до утренней зари, горланили наши любимые песни. Праздник вышел на славу!

Позже мы с трудом вскопали небольшой участок (застарелый дерн, кусты, пни и корни вырубленных давно деревьев) и высадили целое ведро картошки, которую не удобряли и не окучивали. А когда убрали урожай, то оказалось, что очень мелкие картофелины едва прокрыли донышко ведра. Анджей все время ворчал, что больше никогда не будет заниматься этим рабским трудом. Да и мне как-то расхотелось.

А зимой меня хватил инфаркт. И все дальнейшие огородные работы прекратились. Правда, еще несколько раз мы приходили «на дачу» просто отдохнуть.

Через пару лет, соседи, которые тоже имели здесь хорошо ухоженный участок, сообщили, что нас исключили из кооператива, а домик вместе с его содержимым перетащили на другое место, и в нем разместилось правление, которое будто бы обещало нам возместить стоимость - около 70-ти латов (гораздо меньше того, что мы на него затратили). Я не стал возмущаться и обещал эти деньги подарить гостившему у нас внуку Антону. И вот, мы вдвоем, предвкушая получить этот большой куш, пошли на огород. В правлении нам долго объясняли, почему нас исключили, а денег давать не хотели, но, после долгих упирательств, выдали, наконец-то, всего 15 латов. Ну и ругали мы их, особенно Антоля, почти исключительно матерным слогом.

Так окончилась наша дачно-огородная апунья!

Рига II – Об отце и моем гражданстве

Здесь будут представлены почти одни документы.

В 1956 году, отстояв очень длинную очередь в Верховном суде СССР, я получил справку о реабилитации отца.

Форма № 30

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

13 июня 1956 г.

№ 4н 04359/56

Москва, ул. Воровского, д. 13

С П Р А В К А

Дело по обвинению БЕРМАНА Вульфа Израилевича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 6 июня 1956 года.

Приговор Военной Коллегии от 15 сентября 1938 г. в отношении БЕРМАНА В.И. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/СТУЧЕК/**

Гербовая
печать:
Военная
Коллегия
Верхсуда

По этой справке в Бауманском отделе ЗАГС г. Москва было выдано свидетельство о смерти, в котором указана дата смерти 15 сентября 1939 года, а в графе «Причина смерти» стоял прочерк.

(Это свидетельство о смерти было изъято при получении нового свидетельства в октябре 1990 г.).

В 1990 году на мой запрос в Центральный архив КГБ СССР об уточнении даты гибели отца и выдачи нового свидетельства о его смерти, я получил следующие две бумаги:

ПЖ-2

14.08.90 № 10/А-А-2540

Москва

226029, Латвийская ССР,
г.Рига, ул.Русес, д.16, кв.74
Аршавскому В.В.

Уважаемый Виктор Вульфович!

По существу Вашего заявления от 26 июня 1990 года, поступившему в Центральный архив КГБ СССР из военной коллегии Верховного суда СССР, сообщаем следующее.

Берман Вульф Израилевич, 1899 года рождения, число и месяц не указаны, уроженец г. Туккум, Курляндской губернии, Латвия, еврей, гражданин Латвии, 10 июля 1938 года был арестован органами НКВД СССР и приговором Верховного суда СССР от 15 сентября 1938 года за так называемую "контрреволюционную деятельность" был осужден к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 15 сентября 1938 года в городе Москве.

Данных о месте захоронения Бермана В.И., к сожалению, не имеется.

Определением военной коллегии Верховного суда СССР от 6 июня 1956 года приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 15 сентября 1938 года в отношении Бермана В.И. отменен по вновь открывшимся обстоятельствам и дело в отношении него производством прекращено за отсутствием состава преступления. Берман В.И. посмертно реабилитирован.

Одновременно нами направлены необходимые сведения в военную коллегию Верховного суда СССР с просьбой выдать Вам новое свидетельство о смерти Бермана В.И., с указанием подлинной причины, даты и места смерти погибшего.

Заместитель начальника архива (Подпись) А.Т.Жадобин

Исп. вх. 02865

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

В отдел загс Бауманского района города Москвы
10706, г. Москва, ул. Ново-Басманная 18
Гр-ну АРШАВСКОМУ В.В.
226029, Латвийская ССР, г. Рига,
ул. Русес, дом 16, кв.74

«21» августа 1990 г

Исходящий № 4н-04359/56

121260, Москва, ул. Воровского, д. 15

Прошу перерегистрировать смерть БЕРМАНА Вульфа Израилевича, 1899 года рождения, уроженца г.Туккум, Курляндской губернии Латвия, расстрелянного 15 сентября 1938 года в г. Москве по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 15 сентября 1938 года и реабилитированного определением Военной коллегии Верховного Суда СССР 6 июня 1956 года посмертно.

Свидетельство о смерти прошу выдать гр-ну Аршавскому по вышеуказанному адресу.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

(Подпись) В.ПОЛУЯНОВ

Вот это новое свидетельство о смерти

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ка) Берман
Вульф Израилевич
фамилия, имя, отчество

умер (ла) 15.09.1938
число, месяц, год

девятьсот тридцать восемь тысяча
(цифрами прописью)

в возрасте 39 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
1955 года сентября месяца 27 числа

произведена запись за № 1023

Причина смерти Расстрел

Место смерти: город, селение Москва
район _____
область, край _____

республика РСФСР

Место регистрации архив Лавин
наименование и местонахождение органа ЗАГС

Дата выдачи 11 октября 90 г.

Заведующий отделом (бюро) _____
записи актов гражданского состояния

VIII-МО № 422435

В этом новом свидетельстве о смерти причиной смерти указан расстрел, который состоялся в тот же день, когда был вынесен приговор, а не ровно через год, как было указано в первом свидетельстве.

Значительно позже, - в 2011 году, когда уже были закончены и выверялись эти записи, у меня появилась страшная, но замечательная книга Председателя комиссии по реабилитации жертв политических репрессий Александра Яковлева «Сумерки» (вышедшая в 2005 г.), где на странице 231 вычитал, что: «12 сентября 1938 года Сталин, Молотов и Жданов утвердили 38 списков на 6013 человек, из них 4825 подлежали расстрелу».

Из этих КГБешных бумаг я неожиданно узнал, что мой отец из Тукумса, да еще и латвийский гражданин. Причиной его осуждения и расстрела могла быть не т.н. «контрреволюционная деятельность», а те поголовные репрессии, которым подверглись в 1937-1938 гг. почти все латыши и жители Латвии, находящиеся на территории СССР.

С этими бумагами я обратился в Государственный архив Латвии с просьбой найти данные о моем отце и его родне, и где -то через год получил следующий ответ:

VALSTS ARHĪVU ĢENERĀLDIREKCIJA
LATVIJAS VALSTS VĒSTURES ARHĪVS
226007, Rīgā, Slolcas ielā 16, tālr. 613118
Norēķinu konts Nr. 100609905 «Ridzenes» nod.
Rīgā. Kods 310101598
29.06.92 Nr. 3-II/19479
Uz/Na Nr. -----

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ДИРЕКЦИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ ЛАТВИИ
226007, Рига, ул. Слокас, 16, тел. 613118
Расчетный счет № 100009905 отд. «Ридзенес»
г. Рига Код 310101598

Аршавскому В.В.
•226029, Рига, ул.Русес 16-74

Архивная справка

В документах фонда "Метрические книги раввинов Латвии" - в книге регистрации родившихся Вентспилского раввината за 1859г. имеется запись № 22 о том, что 14 декабря 1859г. (по старому стилю) в Вентспилсе у сапожника Бера Бермана и его жены Хаи Берман родился сын Исроэль (так в документе) Берман. Основание: ф. 5024, оп.2, д.1212, 13л.

В книге регистрации браков Тукумского раввината за 1884г, под.№ II 21 августа 1884г. (по старому стилю) в Тукумсе зарегистрирован брак ремесленника из Виндавы (Вентспилса) Израеля Беровича Бермана, 25 лет, и Басшевы-Бер Иоселевны Энгелберг, из Пильтена, 21 года. Основание: ф. 5024, оп. 2, д. 1131.

В Тукумском раввинате было зарегистрировано рождение у Израеля Беровича Бермана и его жены Басшевы Берман детей:

1. 16 сентября 1892 г. сына Хайма-Лейба,
2. 6 октября 1894г. сына Элиаса,
3. 4 июня 1898г. дочери Хайе-Кейле.

Даты даны по старому стилю.

Основание: ф. 5024, оп.2, д. 1153;. ф. 4356, оп. 2, дд. 1, 12.

В архиве не сохранились метрические книги регистрации родившихся Тукумского раввината за 1889, 1890, 1899, 1900-1905гг., поэтому выдать справку о рождении Вульфа Израелевича Бермана не представляется возможным.

Директор

Зав. отделом

Н.Н.Рыжов

И.Г.Вейнберг

«P» Veiltspils tip. a4 430 50.000 03.03.92

Возможно, такими были мои вторые дед и бабка (Картина В.Любарова)

Оказалось, что и мои дед, бабка, да еще два дяди и тетя проживали в Тукумсе. Скорее всего, все они погибли в 1941 г. во время холокоста, и их останки, возможно, находятся где-то в массовых еврейских захоронениях этого латвийского городка.

Выходит, что оба моих деда были мелкими ремесленниками – один портной и картежник, другой сапожник, об увлечениях которого я ничего не знаю.

Как-то я сказал детям, что если власть снова захватят коммунисты и начнут требовать в разных анкетах указывать данные о социальном происхождении, то они с полным правом могут утверждать, что до 1917-го года их предки были бедными еврейскими ремесленниками.

Но вот вторая ветвь Берманов из Венспилса (скорее всего, родной брат моего деда), как выяснилось из архива Рижского медицинского института, была достаточно обеспеченной, поскольку владела значительной частью латвийской фармацевтики – несколькими аптеками в Риге, Вентспилсе и Тукумсе.

В латвийском гражданстве поначалу мне было отказано, и я написал в Департамент гражданства и иммиграции следующее письмо, которое помогла составить и написать по-латышски наша хорошая знакомая – юрист и депутат Сейма Рута Шац-Марьяш.

LATVIJAS REPUBLIKAS PILSONĪBAS UN IMIGRĀCIJAS DEPARTAMENTA
direktorān KARNUPA kungasn

NO Aršavsrai Vitālija Vulfa d.,
Lz. 1933.g. (Rīga, Ruses, 18, dz. 45)

IESNIEGUMS

Esmu dzimis 1933. gadā Maskava, Mans tēvs Bērmanis Vulfs Izraēļa dēls bijis Latvijas Republikas pilsonis, dzimis Tuķumā 1899. gadā. Par tēva dzimšanu Latvijā, Venttspilī man ir arhīva izziņa. Par to, ka mans tēvs ir dzimis Latvijā un pats ir bijis Latvijās pilsonis, apliecina PSRS Valsts drošības Komitejas Centralā Arhīva izziņa, kurā norādīts ka Bērmanis Vuilfs Izraēļa dēls, dzimis 1899. gadā Tukumā, LATVIJAS PILSONIS, 1938. gadā 10. jūlijā tika arestēts un notiesāts ar nāves sodu par t.s."kontrrevolucionāro darbību". Man pašam no mātes nostāstiem ir zināms, ka līdz arestam 1938. gadā tēvam bija Latvijas pilsonība, kas pēc viņas pārliecības bija viens no iemesliem, kādēļ tēvs tika arestēts un noslepkavots.

Saskaņā ar pastāvošo likumdošanu Latvijā man ir tiesības atjaunot savu Latvijas pilsonību. Neskatoties uz to Zemgales rajona iedzīvotāju registrācijas punktā 27.augustā 1992. g. man tika atteikts atjaunot Latvijas pilsonību pēc mana iesniegumu, un pašē ielikts zīmogs par "pastāvīgā iedzīvotāja" atatusu.

Iepazīnos ar Jūsu apstiprināto Instrukciju Nr.I "Par LR pilsoņa iesnieguma aizpildīšanu kārtību, registrējot LR pilsonību", kuras 1.4. pantā ir paredzēts registrēt LR pilsoņus arī tādos gadījumos, kad tie savu piederību LR pilsoņu kopai apliecina ar deklarāciju.

Uzskatu, ka atteikums atjaunot LR pilsonību ir pretrunā ar pastāvošo likumu un Instrukciju, lūdzu pieņemt lēnumu par manas pilsonības atjaunošanu, registrējot to likumā paredzētajā kārtībā.

Pielikumā minētie pilsonību apliecināšie dokumenti.

1) PSRS valsts drošības komitejas centrālā arhīva vēstule par to, ka mans tēvs bija Latvijas pilsonis.

2) Latvijas valsts vēstures arhīva izziņa par to, ka mani vecvectēvs un vecvecmāte, vectēvs un vecmāte kā arī onkuls un tante ir dzimuši Latvijā.

3) Dzimšanas apliecība, kas apliecina to ka mans tēvs bija Bermanis Vulfs Izraēļa d.

05.10.1992.

V.Aršavskis

В этом письме в Департамент гражданства и иммиграции Латвийской республики, ссылаясь на письмо Центрального архива КГБ СССР от 14. 08.1990 г. и Архивную справку Государственного Исторического Архива Латвии от 29.06.1992 г., я пишу, что мой отец Вульф Израилевич Берман, расстрелянный в Москве в сентябре 1938 года, мои прабабушка и прадедушка, бабушка и дедушка, дяди и тети (очевидно, погибшие в холокосте в 1941 году), были гражданами Латвии. Из рассказов матери мне было известно, что отец был гражданином Латвии, что очевидно и было причиной его ареста и расстрела по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Считаю, что в соответствии с Законодательством Латвии, я имею право на восстановление латвийского гражданства. Несмотря на это, в регистрационном пункте Земгалского предместья г. Риги мне в этом было отказано, а в паспорте проставлен штамп о статусе «постоянного жителя Латвии». Я ознакомился с утвержденной Инструкцией № 1 «О порядке заполнения заявления на гражданство», в которой пункт 1.4. предусматривает регистрацию граждан ЛР и в тех случаях, когда они свою принадлежность к общине граждан Латвии удостоверяют путем декларации. Считаю, что отказ в восстановлении моего гражданства Латвийской республики противоречит существующему законодательству и указанной Инструкции. Прошу принять решение о возобновлении моего гражданства и зарегистрировать его в законном порядке.

Прилагаются соответствующие документы.

Затем, уже без всяких осложнений, гражданство Латвии получил и Анджей. (Таня по Закону о гражданстве, естественно, не могла даже претендовать на него). И мы состряпали ехидную записку, прикрепив ее к двери клозета – «Только для граждан!».

Значительно позже в Интернете я наткнулся на Расстрельные списки Мемориала, где нашел упоминание об отце и месте его захоронения:

Берман Вульф Израилевич, род. 1899, Курляндская губ., г. Туккум, еврей,
член ВКП(б), главный арбитр Наркомата земледелия СССР.
Адрес: ул. Новослободская, д.67/69, кв. 55.
Расстрелян 15.09.1938.
Место захоронения: Коммунарка.

Как я впервые побывал на «могиле» отца.

Приехав в Москву, я первым делом позвонил Сереже Ковалеву и спросил его, как проехать в Коммунарку, где по расстрельным спискам Мемориала захоронен мой отец. Сережа ответил: «В Мемориале тебе все расскажут. А вообще-то, приходи туда – завтра там отмечается 40-летие письма в ООН, подписанного Инициативной группой, - даты с которой идет отсчет правозащитного движения в СССР».

Пошли мы туда с дочкой Лилей. Там в «подвалах Мемориала» (их зал) было много народа. И неожиданно я там увидел много знакомых. Помимо Сережи и Люси, я с удовольствием обнялся с Пашей Литвиновым, Геней Сырайчковским (это муж Нины Литвиновой), Саней Подрабинеком, Сашей Лавутом и Сашей Даниэлем. А, кроме того, Сережа представил меня Людмиле Улицкой (писательнице) и Владимиром Лукину (нынешний российский омбудсмен). Было интересно, но долго и душно, так что завершающая водка с бутербродами были уже и не очень желанны.

Когда я вышел покурить, то увидел на их доске объявлений листочек о том, как проехать в Коммунарку, и мне любезно сделали копию. Оказывается, там официальные поминальные дни 1-я и 3-я субботы каждого месяца, которые уже прошли. Но есть приписка о том, что в экстренных случаях можно звонить по такому-то телефону и договориться о посещении. Начал звонить по этому номеру, но телефон круглосуточно издавал лишь короткие гудки (то ли снята трубка, то ли аппарат сломан, то ли беспрерывно говорят по нему). Снова звоню в Мемориал и ругаюсь по этому поводу. Они отвечают – да езжайте сами, там калитка всегда открыта.

А накануне мы с Лилей были на Востряковском кладбище – прибрали могилку Аршавских, но оказалось, что новая оградка, поставленная всего два года назад, местами проржавела. Решили ее покрасить заново. Попросил старшего внука Лешеньку купить краску и кисти. И в субботу с самого сранья на его машине поехали на кладбище. Со всем там быстро управились. Я и говорю Леше: «А не съездить ли нам в Коммунарку – это вроде не очень далеко за Теплым станом сразу за МК, по Каширскому шоссе». Ну, мы и поехали.

Едим мы, сверяясь с тем листочком, что взяли в Мемориале. Оказалось, что эта Коммунарка находится сразу за Хованским кладбищем. Калитка была не открытой, а напротив, закрытой, а на ней табличка – Домофон. Нажимаем на кнопку. И нас сразу спрашивают: «Что вам нужно»? Отвечаем: «Да вот хотим положить цветочки на могилу отца и прадеда». Калитка сразу открывается, и мы входим. Только вошли, сразу же начался очень громкий и какой-то тревожный колокольный звон. Метрах в 10-ти от калитки разбита круглая клумба из камешков, травы и небольших цветочков, а в ее середине - красивый деревянный крест. Кажется, на нем что-то было написано, но от волнения я забыл прочитать. По тропинке идет какой-то дядька. Спрашиваем у него, где здесь захоронены расстрелянные люди? Отвечает: «Это Подворье Свято Екатеринбургского монастыря, а ям здесь много, весь этот огороженный участок леса, но поминальный крест установлен только здесь – один на всех. А вы сходите в церковь и помяните своих».

Тут мне вспомнилось из «Геркина на том свете»: «Был бы Бог, так помолится б, а как нету, что тогда»? Но вслух я этого не сказал. Спросил только старая ли это церковь?

Оказывается новая, построенная при содействии Мемориала, а раньше здесь была дача Ягоды.

Положили мы нашу сирень в вазу с водой (их перед этим крестом много, и в некоторых стоят уже увядшие цветы). А колокольный звон все продолжается. Пошли мы по тропинке через лес к церкви. И метров через 30 она нам открылась. Действительно новая и красивая. Высоко на колокольне стоит звонарь, и всю дергает за веревки – играет на многих колоколах сразу. Зашли в церковь. Небольшой красивый молельный зал, а в нем ни одного человека, очевидно потому, что не поминальная суббота. Стоит ящик «Для пожертвований», а рядом лежат свечи разной длины и толщины. Леша бросил в ящик тридцатку, и я выбрал самую короткую и тоненькую свечку (кто его знает, сколько они стоят?). Мы зажгли ее и поставили перед иконой у алтаря. Еще пару минут постояли и помолчали перед этой свечкой. Вышли из церкви. Я хотел поблагодарить звонаря, но он продолжал играть, и мне только оставалось, что поклониться ему.

Пошли мы к выходу, и еще минут пять постояли молча у креста. А звон все продолжается. И только мы закрыли за собой калитку, колокольный звон прекратился.

И вот здесь-то меня пробрало, и подступил комок к горлу. Я понял, что звонили только для нас двоих. Чуть-чуть не разревелся.

Вот такой получился у нас поминальный день. Теперь каждый мой приезд буду посещать не только Востряковское кладбище, но и Коммунарку.

Ну а потом Леша отвез меня в Удельную – привезли Лиле цветы – ведь это 30 мая, День ее рождения. Но ее дома нет – у нее рабочий день. Немного поболтали с Леной и поели вкусных котлет. И Леша отвез меня в Ильинку на дачу к моей внучке Яночке.

Вот такое неожиданное путешествие. Очень я Леше благодарен.

На следующий год мы побывали в Коммунарке с Лилей и Анджием.

Я попытался обнаружить фотографию отца в его «Деле», для чего обратился сразу в несколько архивных организаций:

117418, Москва,
ул. Новочеремушкинская, д. 67.
Главный Информационно-Аналитический Центр МВД РФ.

101000, Москва,
ул. Кузнецкий мост, д. 24,
Центральный архив ФСБ.

119817, Москва,
ул. Большая Пироговская, д. 17,
Государственный архив экономики.

От Аршавского Виталия Вульфовича –
гражданина Латвии,
проживающего по адресу:
ул. Русес, д. 18, кв. 45,
г. Рига, Латвия, LV – 1029

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой отец, Берман Вульф Израилевич, 1899 года рождения, уроженец г. Туккум, Курляндской губернии (Латвия). Работал главным арбитром Наркомата земледелия СССР, проживал по адресу г. Москва, ул. Новослободская, д. 67/69, кв. 55.

10 июля 1938 года он был арестован органами НКВД СССР и приговорен военной коллегией Верховного суда СССР от 15 сентября 1938 года за т.н. «контрреволюционную деятельность» к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 15 сентября 1938 года в г. Москве. Место захоронения: Коммунарка.

Определением военной коллегии Верховного суда СССР от 6 сентября 1956 года по вновь открывшимся обстоятельствам приговор был отменен и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. В.И.Берман посмертно реабилитирован.

Согласно статье 11 Закона о реабилитации жертв политических репрессий прошу предоставить мне копии следующих документов из дела В.И.Бермана:

1. Постановление на арест.
2. Протокол обыска.
3. Анкета арестованного.
4. **Тюремная фотография.**
5. Биографические сведения (Протокол первого допроса).
6. Обвинительное заключение.
7. Приговор.
8. Справка о приведении приговора в исполнение.
9. Материалы о реабилитации.

Просьба вернуть сохранившиеся в деле изъятые при аресте документы, фотографии и иные материалы личного характера.

К Заявлению прилагаю копии документов В.В.Аршавского:

1. Свидетельство о рождении.
2. первая страница паспорта.

Ответ на мое Заявление и обнаруженные в деле В.И.Бермана материалы доверяю передать моей дочери (внучке В.И.Бермана) Аршавской Лилие Витальевне, проживающей по адресу: 129594, г. Москва, ул. 3-й проезд Марьиной Роши, д. 3/9, кв. 10.

Лилия читала «Дело» в архиве ФСБ, но ни одной фотографии не обнаружилось. Однако некоторые документы были запечатаны в конверты, и их архивист унесла, сказав, что это читать не положено. Вопрос «Почему не положено»? остался без ответа.

Рига III продолжение

Защита докторской диссертаций

Наконец-то, я решил все мои данные по Северу и Латвии оформить как докторскую диссертацию. Но диссертационный том писать мне было лень, а представил к защите книгу, вышедшую годом раньше во Владивостоке.

Защищался я в Питере в Институте сравнительной физиологии им. Л.Орбели. Оппоненты – Александр Николаевич Шеповальников, Яков Абрамович Альтман, Всеволод Львович Бианки. И много отзывов не только физиологов и психологов, но и антропологов, этнографов и демографов.

Защита завершилась единогласным голосованием «За», несмотря на довольно жаркий спор с В.Л.Бианки об особой роли межполушарной асимметрии у человека.

Но особенно всех рассмешил отзыв из Магадана, за двумя подписями - демографа Виталия Задорина и члена Союза писателей Антонины Кымытваль. Такого еще на Ученых Советах никогда не было.

О Т З Ы В

на книгу В.В.Аршавского "Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности"
(К проблеме адаптации человека в приполярных районах Северо-Востока СССР).

От чего зависит счастье человека? От величайшего множества причин - ответит каждый и будет прав. И все же ту причину, которую выявил и убедительно доказал В.В.Аршавский в своей книге "Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности" (Владивосток, 1988), может занести в свой жизненный актив и учитель, и медик, и партийный работник, и директор совхоза - многие из тех, кто формирует демографическую и социально-экономическую политику в районах Северо-Востока.

... В.В.Аршавский, человек безразличный к судьбам малых народов Севера, выносит на суд читателей ряд принципиальных положений. Коренные народы Севера в основе своей тяготеют к правополушарному типу переработки информации, что имеет определенную генетическую закрепленность. Образное мышление проявляется в том, что не менее половины представителей коренных народностей Севера прирожденные художники, тонкие наблюдатели и знатоки природы, умеющие воем существом сливаться с окружающим миром тундры, тайги, моря. Это замечательно, но трудно вписывается в пропитанную сухим логическим мышлением школьную программу обучения, привнесенную из Европы (где, кстати, как доказывает своими исследованиями В.В.Аршавский, преобладают люди с левополушарным типом обработки информации). И так, уже с детского сада начинается, а затем и в школе продолжается расхождение между инструментом познания ("правополушарный тип мышления") и предметом познания (программы, методики, рассчитанные на "левополушарный тип"). Это рождает трагедии человеческих личностей: неуспеваемость по точным школьным предметам, которую начинают относить к разряду олигофренических заболеваний (природная умственная отсталость); формирование социально-психологического стереотипа, что дети т.н. "малых" народов Севера менее способны; навязывание после окончания средней школы даже способным ученикам "технических" вузов, что приводило и приводит к массовым отсевам. Даже известная доктрина 60-х годов на "индустриализацию и урбанизацию малых народов Севера", как сегодня уже ясно - провалившаяся доктрина, была навязана с учетом европейского опыта. И все это как следствие тотального перенесения печально известного принципа: "Если мне это хорошо, то почему от этого тебе будет хуже?".

Вот почему так ценен, идущий в разрез этому принципу, вывод В.В.Аршавского: "...тип межполушарного реагирования в существенной степени может определять интересы, способности и профессиональные склонности индивида. А - значит, и счастье человека.

Работа В.В.Аршавского, несмотря на столь устрашающе сложное название, тем не менее, научно не закомплексована, дает ответы на многие сложные вопросы, связанные в частности, и с концепцией развития народов Севера в ближайшей перспективе, и с проблемами адаптации пришлого на Северо-Восток населения. Можно только выразить глубокую признательность автору за столь интересную (не только с теоретической точки зрения) работу, дающую материал для размышления практическим работникам, подлинно озабоченным гармоничным развитием северных приполярных регионов.

В.И.Задорин, кандидат экономических наук, демограф,

А.А.Кымытваль-Задорина, член Союза писателей СССР.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОТДЕЛ ФИЗИОЛОГИИ И ФАРМАКОЛОГИИ
ВЛАДИВОСТОК, 1988

Рига, 10. 07. 1990.

Дорогие Антонина Александровна и Виталий Игнатьевич!

Моя защита прошла спокойно, единогласно, с доброжелательной дискуссией, без злобных выпадов. Большая Вам благодарность за отзыв – он был очень к месту.

Антонина Александровна, услышав Вашу фамилию, прозвучавшую на защите, мои знакомые тут же с ехидной улыбкой преподнесли мне 4 номер журнала «Наш Современник» с письмом ряда деятелей науки и искусства России, под которым и Ваша подпись. Был очень удивлен и расстроен. Уж больно бандитский характер этого письма, с ярко выраженной имперско-шовинистической направленностью против национальных (а не националистических) движений и фронтов, в том числе и России. Действительно русский народ, так же как и все другие народы Советского Союза, перешел ту грань, за которой только экономическая и экологическая гибель популяции, гибель всей национальной культуры, а значит и «русского характера». Но опять же, вместо поиска путей возможного выхода из этой ситуации, поиск виновных и «охота за ведьмами». И этими виновными оказываются не система, не большевики-узурпаторы, не сталинизм, которым пропитано все общество. Ими оказались, как и всегда, евреи, балтийские народы, армяне, молдаване, все северные народности (кто там следующий?), т.е. все народы, которые «навек сплотила Великая Русь!». Сами-то эти народы немоцны, безынициативны, некультурны и просто глупы. А вот «Великая Русь» их сплотила (или завоевала?), дала силу, инициативу, принесла культуру, научила уму-разуму. Не свобода, не демократия нужна всем этим народам, а сплочение, и конечно, под знаменем Великой Руси. Но почему России необходимо обязательно кого-то спланивать, а не бороться за демократию внутри собственной страны?

Во всех несчастьях и бедах всех народов, очевидно, уже бывшего Союза виноваты только сами эти народы. Бойни Освенцима, Дахау, Майданека, Бабьего Яра устроили сами евреи; Сумгаит, Баку, землетрясение в Спитяке спровоцировали сами армяне; Чернобыль – сами украинцы и белорусы; загадили Балтийское море сами народы Балтии; лишили себя родины сами крымские татары, поволжские немцы, многочисленные народы Северного Кавказа; геноцид против народов Севера устроили сами чукчи, коряки, ненцы: ну и т.д. и т.д.

Не равноправное представительство всех народов во всех органах власти, а пропорциональное их численности. Сколько же чукчей при этой «справедливой пропорциональности» будут представлять свой народ - половина, четверть или одна шестнадцатая? А еще более малочисленных народов?

Ну а нежелание евреев мириться с гонениями и уничтожением своей культуры и стремление через 2 тысячи лет вернуться на свою Родину (конечно же, не в Биробиджан), где они будут чувствовать себя хозяевами – это, конечно же, фашизм (то бишь сионизм, что, впрочем, одно и то же). Стремление балтийских народов к свободе, к независимости, к демократии - это, конечно же, национализм (то бишь тот же фашизм). Нужен референдум? Праздник песни Латвии собрал почти 1,5 миллиона участников и зрителей, т.е. почти всю Латвию, - вот вам и референдум!

«Бескорыстная русская преданность Истине» (надо полагать к коммунистической Истине) позволила за 70 лет уничтожить не только русскую культуру, но и культуру всех народов, населяющих Союз, создав, путем насильственного искусственного отбора, нечто зоологическое – «культуру советского народа». «Советский народ» (кстати, цвет которого – интеллигенция, а существо – крестьянство, было уничтожены под корень), «знающий радость осмысленного, созидательного труда (за жалкие гроши), позволил изменить лицо России» (приведя ее на грань экологической катастрофы).

Среди художников и музыкантов, подписавших это письмо, мне не известна ни одна фамилия. Набор ученых мне тоже мало известен (то, что письмо подписали известные погромщики, а не ученые, меня несколько не удивляет). Среди писателей известных мне мало (либо это бездарь, либо давно списавшийся импотент, болеющие не столько за русский народ, сколько за свое теплое место под солнцем).

Мне думается, что Вы не относитесь ни к первой, ни ко второй группе. Боль северных народов – ваша личная боль, а боль за судьбу своего народа - это и есть основа подлинного национализма.

Почему же Ваша подпись под этой фальшивкой? Очень надеюсь, что это какая - то ошибка, недоразумение.

С уважением, искренне Ваши, расстроенный Виктор Аршавский

Ответное письмо В.Задорина и А.Кымытваль: →

Наша телеграмма А.Кымытваль и В.Задорину

↓
Дорогие Антонина и Виталий!

Мы и не сомневались, и счастливы, что все разъяснилось. Постараемся опубликовать опровержение. Обнимаем, целуем. Таня и Витя Аршавские.

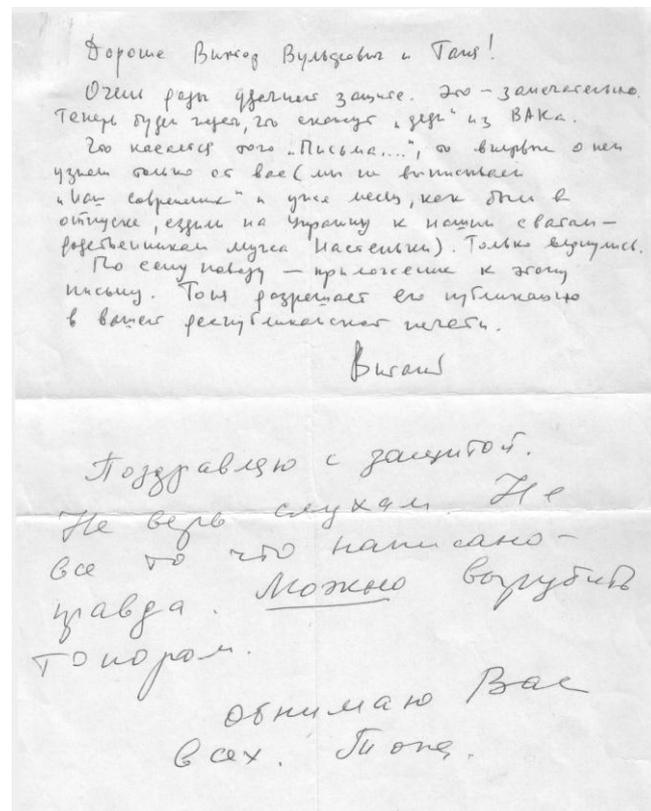
И это опровержение было опубликовано в ж. «ДАУГАВА»

ПОЧТА «ДАУГАВЫ» 1990 12

ГРУБАЯ ФАЛЬШИВКА

Творческий дар Антонины Кымытваль мне открылся много лет назад, когда прочитал сборник ее стихов в переводах рижского писателя Рояльда Добровенского. Подкупала искренность этой поэзии, ее глубина и щемящая боль гибнущих народов Чукотки. Долгие годы, проведенные мною на Севере, были овеяны теплом дружеских отношений с этим замечательным человеком. Каково же было удивление, когда имя А. Кымытваль появилось среди «подписантов» откровенно погромного «Письма писателей...» в журнале «Наш современник». Мысль была только одна: этого не может быть, это подлог! Об этом я и написал Антонине Александровне. Подтверждением этого гнусного деяния явилось ответное письмо Антонины Кымытваль, к которому приложено это «Опровержение» и ее согласие на его публикацию помимо указанных адресатов в одном из республикански изданий. Интересно, сколько же под этим «Письмом...» еще оклеветанных честных имен?

В. Аршавский

А это текст опровержения:

На днях прислал мне из Риги письмо мой добрый знакомый, который недоумевал, как я могла поставить свою подпись под «Письмом писателей, деятелей культуры и науки России», опубликованном в журнале «Наши современники» (№ 4, 1990).

Сама я не являюсь читательницей, тем более — почитательницей этого издания. Попросила друзей, и они разыскали этот номер.

Какова же была моя радость, когда я увидела, что подпись то и не моя. Фамилия моя — Кымытваль (вторая буква «ы»), а под письмом — Камытваль (вторая буква «а»). Но дело тут совсем не в возможной ошибке. Видно, очень поторопились организаторы этой акции и лень им было заглянуть в «Справочник Союза писателей СССР», где черным по белому написано: Кымытваль Антонина Александровна, поэт. На слух, то-бишь на пушку, брали!

Впрочем, ничего в этом удивительного нет. Беспардонное отношение к народностям Севера — факт исторический. Все решали за нас наверху. То отнимают родной язык, то сживают с исконных мест, вытесняют из традиционных отраслей. Подумаешь — честное имя какой-то чукотской поэтессы!

Решительно заявляю: никогда в глаза не видела «Письма...», опубликованного в «Нашем современнике», никто ко мне по этому поводу не обращался лично, не звонил по телефону, подписи своей не ставила.

Р. 5. Вряд ли журнал «Наши современники» опубликует, мое опровержение Поэтому обращаюсь с просьбой его обнародовать, ибо весть о моем «кошунстве» теперь идет не только по «всей Руси великой», но и другим республикам, о чем известил меня мой добрый знакомый из Риги.

А. Кымытваль; член Союза писателей СССР

г. Магадан

Инфаркт и последующая операция

Случилось это в ночь с 24 на 25 января. Еще днем я в лаборатории предупредил всех, что по случаю Татьянинного дня завтра себе устрою выходной, а вечером всех ждем в гости. Но вечером вдруг мне стало как-то не по себе – какое то нарастающее жжение в груди. Думал что изжога, пил соду, ложился на свой диванчик, но это жжение становилось все сильнее, я вскакивал и метался по квартире. Несмотря на мои протесты, Таня вызвала «скорую». Докторица меня осмотрела, а затем вызвала другую, уже специально кардиологическую бригаду. Когда через какое-то недолгое время раздался их звонок в дверь, я вдруг взял, да и помер. Но никаких туннелей, светящихся в конце, я не видел. Просто стало темно и тихо, больше ничего. Потом Таня мне рассказывала, что я не дышал, и ЭКГ выписывала ровную линию. Меня уложили на пол и стали прикладывать к груди что то вроде «утюгов». И только после нескольких безрезультатных электрических разрядов, сердце вдруг заработало, но как-то аритмично, я задышал и сразу стал порываться куда -то бежать. Мне поставили капельницу, уложили на носилки и отнесли в машину. Я уже начал разговаривать и спрашивал, в какую больницу меня везут, а, узнав, что в Страдыня (на базе которой работал наш институт), сказал: «А в реанимацию к доктору Андрееву».

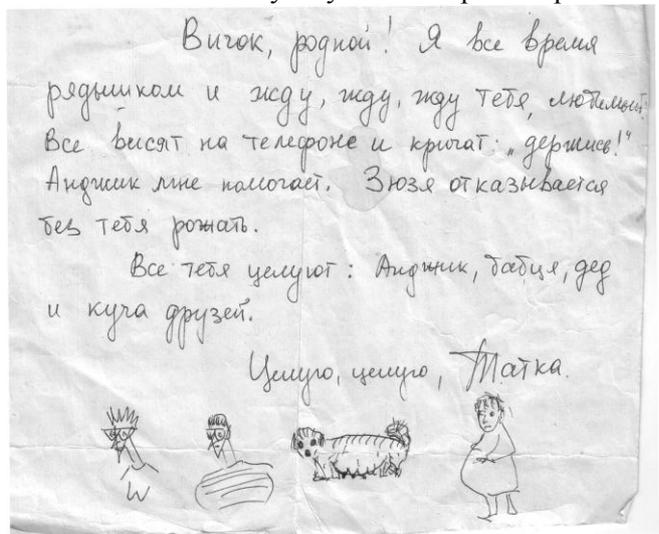
В реанимации я провалялся несколько дней, где получал вот такие письма. →

А потом меня перевели в отделение кардиологии, где я попал в руки к замечательному доктору Илье Закке, который недели через три поставил меня на ноги, после чего, тут же отправил в реабилитационный санаторий в Юн Кемери. В санатории меня навещали не только Таня с Анджином, но и приехавший из Москвы братец Юра. После санатория я ушел в отпуск, и мы с Таней провели две недели в Латгалии недалеко от Ергли, на замечательном хуторе почему то с немецким названием «Wolf».

И вышел на работу только через 6 месяцев.

Года два чувствовал себя неплохо, но потом снова появилось периодическое жжение в груди. Поехал в Москву к знакомому мне и, пожалуй, лучшему тогда кардиохирургу Владимиру Ивановичу Бураковскому. Он расспросил меня, посмотрел медицинские документы и результаты анализов и исследований и заявил: «Хочешь дальше полноценно жить - немедленно резать!» (Ну прямо с интонацией доктора из «Покровских ворот»).

Но я потянул еще года полтора, и когда уже собрался, услышал по радио о смерти В.И.Бураковского. Все же решил дальше не тянуть резину и поехал в Центр хирургии 1-го Московского медицинского Института к замечательному кардиохирургу Владимиру Белову. Он согласился делать операцию, определил сколько это будет стоить, но при этом сказал, что мне как иностранцу необходимо получить разрешение в Минздраве.

Моя хорошая знакомая по сумасшедшему дому Клавочка Шанаева тогда работала в Секретариате Минздрава. Она меня провела прямо к замминистра, которому я передал ходатайство посла России в Латвии (Таня уже работала в Посольстве референтом посла) и мои медицинские документы.

**ПОСОЛЬСТВО
Российской Федерации
В Латвийской Республике**

5 апреля 1995 г. № 228

ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РФ

А. Д. ЦАРЕГОРОДСКОМУ

Уважаемый Александр Дмитриевич!

К нам обратился гражданин Латвии доктор биологических наук профессор В.В. Аршавский, 1933 года рождения, уроженец г. Москвы, с просьбой ходатайствовать перед Вами о следующем:

В.В. Аршавский проработал в системе Минздрава РСФСР и СССР около 20-ти лет (Московский НИИ психиатрии, 2-й Московский медицинский институт, 1-й Московский медицинский Институт). Затем 8 лет работал в Магадане в Институте биологических проблем Севера АН СССР, занимаясь вопросами психической адаптации человека в условиях Крайнего Севера. Здесь на Севере у него развилось заболевание сердца. Последние 8 лет он работает в Латвийской медицинской академии.

В настоящее время В.В. Аршавский является пенсионером и инвалидом II группы после перенесенного в 1989 году крупноочагового инфаркта миокарда, развившегося на фоне ишемической болезни сердца.

Субъективное состояние больного и объективные данные (в том числе результаты коронарографии) указывают на необходимость срочного оперативного лечения - аортокоронарное шунтирование.

В Латвии операции подобного рода только осваиваются, и результаты их еще не определены.

В связи с изложенным ходатайствуем о проведении профессору В.В. Аршавскому упомянутой операции в Хирургическом центре Московской медицинской академии в порядке исключения без необходимой для гражданина Латвии оплаты.

Приложение: 1. Выписка из трудовой книжки.
2. Заключение Латвийского кардиологического центра.
(на латышском языке с переводом на русский).
3. заключение по результатам коронарографии.

ПОСОЛ РОССИИ В ЛАТВИИ

А. РАНИХ

Царегородцев их бегло просмотрел и дал распоряжение тут же оформить письмо на имя директора Центра Хирургии.

**министерство здравоохранения
и медицинской промышленности
российской федерации**

10.04.95 № 2510/929-95-21

Директору
Научного Центра хирургии
академику РАМН
Константинову Б.А.

Уважаемый Борис Алексеевич!

Министерство здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации просит госпитализировать Аршавского В.В., жителя Республики Латвия, для необходимого обследования и лечения в счёт бюджетных средств.

Медицинские документы на руках у больного.

Заместитель Министра

А. Д. Царегородцев

Таня, скрывая от меня, развила бурную деятельность и собирала какую-то денежку методом «с миру по нитке...». Большая сумма пришла от «американских» Аршавских, от каких то еще анонимных русских «иностранных», которые хорошо знали меня, и от Вадима Ротенберга, Наума Гольдштейна, Юриса и Гали Дзелие. А вот мой закадычный дружок Марк Шик (он тогда уже переехал в Израиль), когда к нему с этой просьбой обратился Вадим, заявил: «Пусть Вите помогает его братец Юра – он там в Америке хорошо зарабатывает». Когда я об этом позже узнал, то, естественно, бурно отреагировал. Ну, сказал бы, что не может помочь, но зачем же считать деньги в чужом кармане? И на этом наша давняя, с детства, дружба завершилась. Обидно.

Потом мы часть денег вернули, (некоторые просто отказались брать деньги), а другую часть не смогли из-за анонимности адресатов.

К директору Центра хирургии Б.А.Константинову с письмом от Замминистра Минздрава мы пошли вместе с Лилей. Тот принял нас весьма любезно, но сказал, что в денежных вопросах он не разбирается, и отослал к Главврачу (к сожалению, запомнил его фамилию). Тот внимательно рассмотрел все медицинские документы, а на письмо Замминистра отреагировал весьма бурно: «Пусть Минздрав сначала покроет долг Центру в 6 миллионов, тогда я смогу вас принять на операцию в счет бюджета!» Далее он сказал, что операция будет стоить 5 тысяч \$, а через неделю уже 25 тысяч. На это я ответил, что таких денег у меня нет. «А сколько у вас есть?» – спросил доктор. Я ответил, что всего 3 тысячи. Он еще раз хмуро уставился в мои бумаги, а затем в верхнем левом углу одной из них начертил: «В кассу. - Принять от В.В.Аршавского 3,5 тыс. \$ в счет оплаты за операцию». Ну и побрели мы в кассу отдавать эту денежку. (Вообще-то у меня было как раз 5 тысяч, но часть денег я решил сохранить для других расплат, связанных с этой операцией).

За день до операции приехала Таня, и они с Лилькой пришли ко мне. Мы погуляли по «Аллеи жизни», а когда они уходили, я грустно смотрел в их удаляющиеся фигуры, пока они не скрылись за поворотом аллеи.

Операция прошла удачно. Но в реанимационном блоке первое время, находясь еще в полусознательном после глубокого наркоза состоянии, как в тумане, ощущал себя еще не родившимся плодом в околоплодных водах матки. Через пару дней я уже ехал на специальной каталке в свое отделение, где уже ждали Таня и Лиля.

Через несколько дней я уже вышел на прогулку, но шел с трудом, всю дорогу опираясь на Таню. Палатным врачом оказалась какая-то разбитная бабенка, которая выглядела как с изрядного бодуна и не столько осматривала больных, сколько все время рассказывала о своих любовниках.

Но где-то через неделю, в связи с наступающими длительными майскими праздниками, меня решили выписать с условием, что я буду периодически, до снятия швов, ездить в их поликлинику на перевязки. Мне выдали эпикриз о проделанной операции, но прежде чем вызвать перевозку, врачаха распорядилась сделать перевязку. Сестра куда-то запропастилась. Таня пошла выяснять у доктора. Та вызвала сестру и повторила свое указание. Через час, снова пошли разыскивать сестру. Нашли в каком-то кабинете, где шла пьянка по поводу предстоящих праздников. Сестра сказала, что не нашла перевязочного материала и сейчас пойдет за ним в другое отделение, пообещав совсем скоро появиться. А еще через час в отделении стало совсем тихо. Оказалось, что весь персонал отделения по случаю укороченного рабочего дня уже давно разъехался. Таня разыскала дежурного врача, описала ему ситуацию. Вскоре мне наконец-то сделали эту несчастную перевязку, сразу вызвали дежурную машину и быстро отвезли нас к Лиле домой. Вот прелести «бесплатной» медицины, на которую мы ухлопали столько денег.

На последнюю беседу нас с Таней пригласил заведующий отделением, оперирующий меня профессор В.Белов. А содержание беседы почти слово в слово описано В.Войновичем в его «Автопортрете». Приведу этот разговор с очень короткими вставками, уточняющими, что разговор идет не в Мюнхене, а в Москве

- Я зашел вам сообщить, что у вас все в порядке. Вы поедете домой. Потом, если захотите, отдохнете в реабилитационном санатории, там вам будет очень хорошо, а потом... Что потом? Потом нормальный образ жизни. Самое главное не набирать вес. Избыточный вес - это наш главный убийца. ... Курить - ни в коем случае. Если будете курить, я гарантирую, что все ваши проблемы вернутся через полгода. Поэтому я вас очень прошу, я вас умоляю, никакого никотина. Никотин - это пакость, никотин ... Никотин — это тьфу, тьфу, тьфу ... Вот что такое никотин. Никакого никотина. (При этом сам он курил, особенно после операции, и даже стрелял сигареты у пациентов).

- И никакого алкоголя, - воспользовалась случаем и вставила (Таня), преувеличивавшая мою зависимость от спиртного.

- Алкоголь можно.

- Самую капельку.

- Алкоголь можно.

Алкоголь можно, - сказал (Белов).

- А путешествовать? — спросил я.

- Очень немного, - уточнила (Таня).

- Никаких ограничений. Пройдете курс реабилитации и - куда угодно, хоть в Австралию. Или в Россию.

- Алкоголь можно, - повторил профессор.

- Чутьочку-чутьочку, - сказала (Таня).

(В течении 6 месяцев после инфаркта и несколько месяцев после операции я не курил. Но, выйдя на работу, в первые же дни задымил снова).

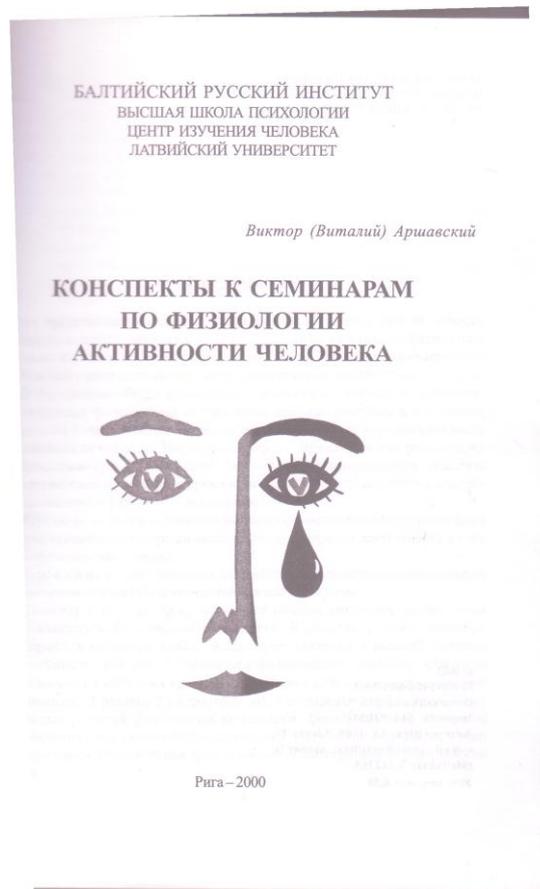
Но на этом мои «сердечные» недуги не кончились. И позже мне еще предстояло два раза подвергнуться ангиопластике (это хирургическое восстановление - реконструирование суженных или полностью заблокированных коронарных артерий), и продолжать уже пожизненно пичкать себя разными сердечными лекарствами.

Вскоре после возвращения в Ригу я провел чуть ли ни месяц за Сигулдой, на берегу чудесной реки Гауя, где на территории Национального парка располагался реабилитационный санаторий Лигатне.

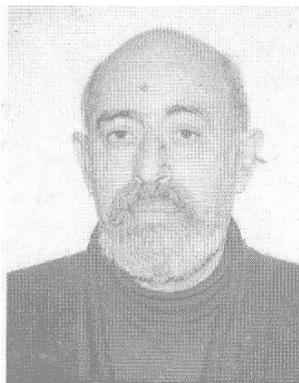
Вышел на работу где-то через 3 месяца. Но пришел как на «пепелище». Дело в том, что финансирование ЦНИЛа (Центральной научно-исследовательской лаборатории Медицинской Академии), куда входила и наша лаборатория, стало совсем жалким. Одна за другой закрывались лаборатории, люди разбегались, кто куда мог. Наш шеф (мой дорогой Наум) уехал в Германию и продолжил там свою работу. Сотрудники лаборатории предложили возглавить ее мне, но я категорически отказался, - никогда не испытывал административного ража просто из-за полного неумения руководить коллективом и понимая, чем все это закончится. Да и до вождя пенсия оставалась совсем чуть-чуть. Но до пенсии меня все-же спокойно дотянули, и сразу-же выпроводили. Через несколько месяцев лаборатория окончила свое существование.

Меня пригласил зав. кафедрой физиологии Биофака Латвийского Университета Юрис Айвар, а протом Гершон Бреслав в Высшую школу психологии Балтийского Русского Института (Балтийской международной Академии) проводить годовичные семинары по физиологии активности. Я подготовил этот курс, включив в него наши работы по поисковой активности, физиологии сна и популяционной структуре полиморфизма межполушарной асимметрии у человека, и проводил его с большим подъемом в течение нескольких лет.

Результатом этой работы стала книга, в которой обобщен этот, весьма своеобразный, лекционный курс.

Передняя обложка и титульный лист
Задняя обложка

Виктор (Виталий) Аршавский – доктор биологических наук (хабilitированный доктор биологии), специализация - физиология человека и животных. Родился в Москве в 1933 году.

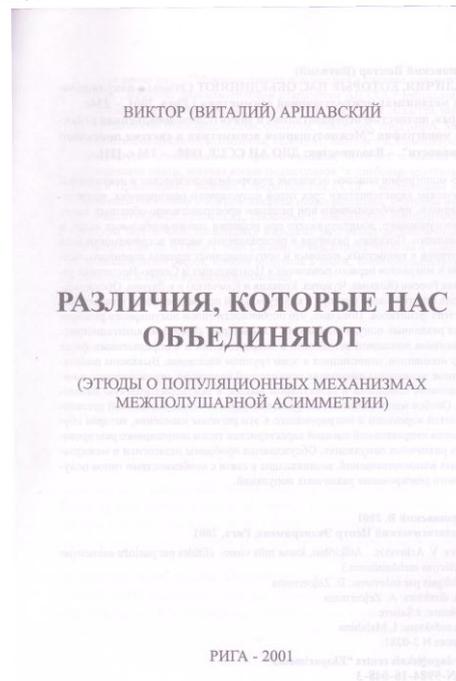
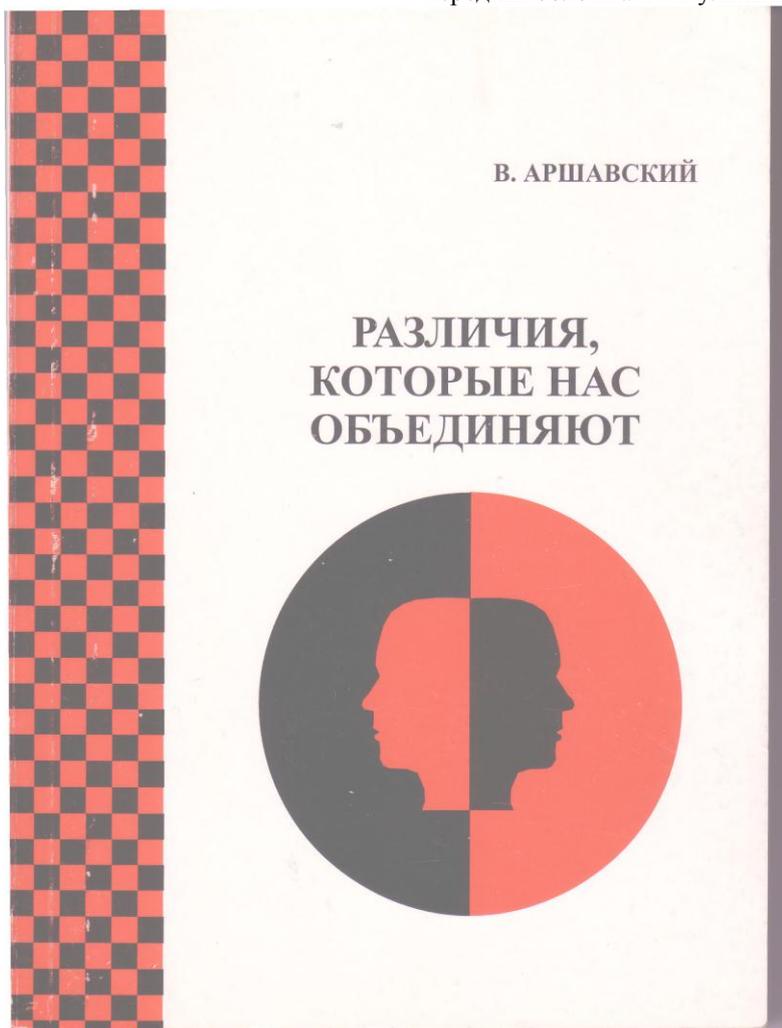
Окончил биологический факультет Московской академии ветеринарной медицины им. К.И.Скрябина (1957 г.), после чего прошёл большой практикум по физиологии человека и животных на биологическом факультете Саратовского университета (1957-1959 гг.), а в последующем специализацию по курсу «Клиническая электрофизиология» (1975 и 1989 гг.), по курсу «Психофизиология человека» (1975 и 1989 гг.) и по курсу «Педагогика высшей школы» (1975 г.).

Работал в отделе физиологии Балашовской опытной станции (1957-1959 гг.), в лаборатории электрофизиологии Московского института психиатрии (1960-1970 гг.), на кафедре физиологии 2-го Московского медицинского института им. Н.И.Пирогова, в отделе психофизиологии 1-го Московского медицинского института им. М.И.Сеченова (1977-1979 гг.), в отделе генетики и физиологии Магаданского института биологических проблем Севера РАН (1979-1986 гг.), в лаборатории физиологии, гигиены и токсикологии отдушек Латвийского медицинского Университета им. П.Страдыня (1987-1993 гг.). В последние годы проводит семинары по физиологии активности на биологическом факультете Латвийского Университета и в Высшей школе психологии Балтийской международной Академии. Является участником международного проекта «NewTeaching Strategies in Communication Age: Learner-Centered Approach».

В.Аршавский является автором около 200 научных работ, изданных на русском, английском, латышском, немецком, французском, украинском языках, в числе которых 6 монографий, главы коллективных монографий, учебные пособия, статьи в журналах и тематических сборниках, изобретения и рацпредложения по электрофизиологическим методикам. Он руководил выполнением нескольких кандидатских диссертаций научных сотрудников и дипломных работ студентов.

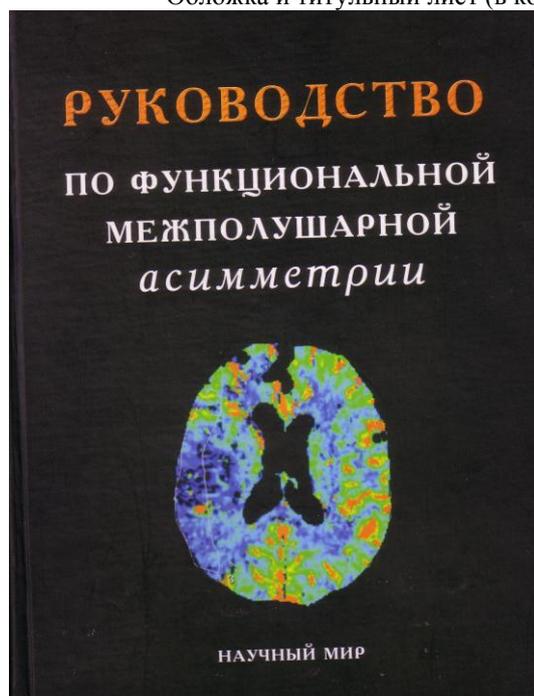
Имя В.Аршавского получило известность в широких кругах физиологов уже достаточно давно, как соавтора прогрессивной концепции поисковой активности в механизмах психической адаптации и роли сна в компенсации последствий состояния отказа от активного поискового поведения. Эта теория получила новый импульс в связи с результатами многолетних исследований автора в области популяционной структуры формирования полиморфизма межполушарной асимметрии большого мозга человека, проведенных в различных регионах России и в Латвии. Эти исследования касаются не только медикобиологических вопросов, но и выходят на сложные проблемы педагогики и межкультурального взаимодействия. Основные положения этих работ нашли свое отражение и в предлагаемом учебном пособии.

Ну а годом позже я вышла моя основная монография по межполушарной асимметрии человека.
Передняя обложка и титульный лист

А вот последняя моя научная работа - мне предложили написать большущую главу в «Руководство по МПА».

Обложка и титульный лист (в который вставлены названия раздела и моей главы)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МЕДИЦИНСКИХ НАУК
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР НЕВРОЛОГИИ
RUSSIAN ACADEMY OF MEDICAL SCIENCES RESEARCH
CENTER OF NEUROLOGY

РУКОВОДСТВО ПО ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
МЕЖПОЛУШАРНОЙ АСИММЕТРИИ

HANDBOOK OF FUNCTIONAL
INTERHEMISPHERIC ASYMMETRY

Москва, Научный мир – 2009

РАЗДЕЛ 4. СТАЦИОНАРНЫЕ И ДИНАМИЧЕСКИЕ
СВОЙСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МЕЖПОЛУШАРНОЙ
АСИММЕТРИИ

Глава 16. Популяционная структура полиморфизма
функциональной межполушарной асимметрии

(В.В.Аршавский)
(Стр. 458-520)

Тогда же стал выходить (на русском, а позже и на английском языках) журнал «Асимметрия», в редакционный совет которого включили меня и Вадима Ротенберга. (Но ни одной статьи мне на редактирование пока что не присылали. Да какой из меня редактор?).

А это медаль и грамота,

Андрей нашел в Википедии интернет-ссылку:

Виктор (Виталий) Вульфвич Аршавский (Viktors Aršavskis) — российский и латвийский психофизиолог. Специалист в области психофизиологии исследовательской активности, сна и творчества. Доктор биологических наук, диссертация «Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности: К проблеме адаптации человека в приполярных районах Северо-Востока СССР» (Ленинград, 1990).

Один из создателей (совместно с В.С. Ротенбергом, 1976) междисциплинарной концепции поисковой активности, содержащей оригинальное объяснение ряда когнитивных процессов. Данная концепция используется, в частности, при анализе внутриличностных конфликтов. В соавторстве с Ротенбергом опубликовал книгу «Поисковая активность и адаптация» (М.: Наука, 1984).

С 1990-х гг. живёт и работает в Латвии, ведущий научный сотрудник и профессор медицинского университета имени П. Страдыня и Высшей школы психологии Балтийской Международной Академии.

от American Biographical Institute. Предварительно прислали письмо с просьбой выслать им какое-то значительное количество \$. Но я им ответил, что латвийская пенсия значительно меньше этой суммы, и они почему-то прислали эту игрушку бесплатно.

Автор учебного пособия «Конспекты к семинарам по физиологии активности» (Рига: БМА, 2000). Один из соавторов изданного на латышском языке в 1999 г. «Психологического словаря».

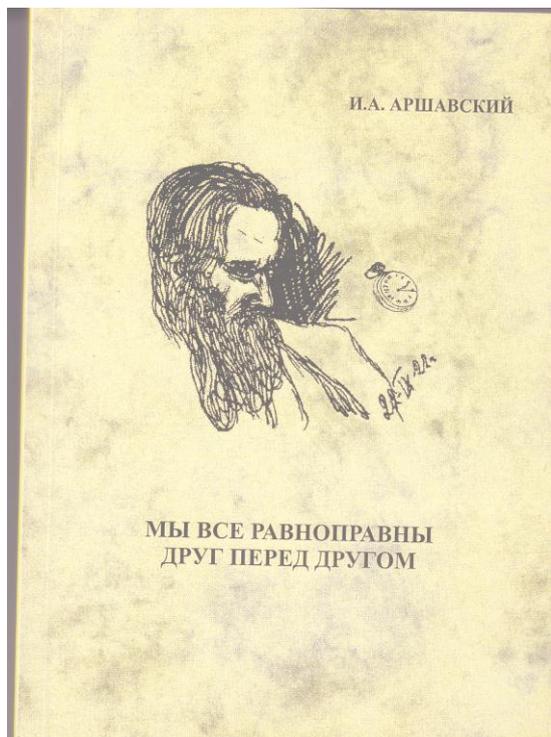
Исследовал популяционные различия функциональной асимметрии полушарий большого мозга человека. Автор монографий: «Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности» (Владивосток: АН СССР, 1988), «Различия, которые нас объединяют» (Рига: БМА, 2001), участник «Руководства по функциональной межполушарной асимметрии» (М.: Научный мир, 2009), – глава 16: «Популяционная структура полиморфизма функциональной межполушарной асимметрии».

В последние годы совместно с Т.В. Черниговской также занимался вопросами биосемиотики.

Это меня очень удивило, поскольку ничего подобного я не писал. Откуда это? Кто состряпал? А вот статей в Википедии о куда как более известных и оригинальных физиологах Илье Аркадьевиче Аршавском и Юрии Ильиче Аршавском я почему-то там не обнаружил. В тексте много неточностей, а последняя фраза о моих занятиях вопросами биосемиотики просто не верна. Действительно, с Таней Черниговской у меня есть одна совместная статья, но она связана с вопросом восприятия запахов людьми с различным типом полушарного реагирования, а вопросами биосемиотики я никогда не занимался.

Но на мне висела еще одна долговая обязанность. После смерти Ильи Аркадьевича Аршавского, Алена Аронова – специалист по истории естествознания, (его внучка, т.е. моя внучатая племянница), собрала разрозненные листы рукописи «Воспоминаний об А.А.Ухтомском», над которыми он работал много лет, но так и не завершил. И она эту рукопись передала мне для подготовки ее к печати и опубликования. С этой рукописью я возился очень долго, почти год, разбирая каракули уже более чем 90-го летнего старика с резко выраженным тремором рук, формируя по главам и убирая многочисленные повторы. Но получилась, по-моему, очень хорошая книга, высоко оцененная в Институте Ухтомского С.- Петербургского Университета.

Обложка и титульный лист

Аршавский Илья Аркадьевич

Мы все равноправны друг перед другом

(Воспоминания об А.А. Ухтомском. Смысл и судьба доминанты нравственности).
Рига, Педагогический центр "Эксперимент", 2002. – стр. 288

Подготовлена к печати:

редактирование, название (фраза из записей А.А. Ухтомского),
формирование и составление текста и разделов,
подстрочный комментарий, компьютерный набор –
хабилюированный доктор биологии В. Аршавский, Е. Аронова.

Составители выражают глубокую признательность
ст. научн. сотр. НИИ физиологии им. А.А. Ухтомского
Санкт-Петербургского университета Л. В. Соколовой,
взявший на себя неоценимо большой труд просмотреть рукопись,
добавить комментарий к ней и сделать исключительно важные и полезные
уточнения.

На обложке: карандашный набросок автопортрета
А.А. Ухтомского с часами на полях одного листа рукописи.

© Педагогический центр "Эксперимент"

I. Aršavskis. Mēs visi esam vienlīdzīgi viens pret otru.

Atbildīgais par izdevumu: B. Zeļcermans
Tehn. direktors: A. Zeļcermans
Tehn. redaktore: I. Maļuhina

Licences N 2-0281.

© Pedagoģiskais centrs «Eksperiments»

ISBN - 9984-16-055-6

Большая заслуга в окончательном оформлении этой книги принадлежит сотруднику Института А.А.Ухтомского Людмиле Владимировне Соколовой, которая первая вычитала уже машинописный текст, сделала много ценных уточнений и добавлений в комментариях.

А затем вскоре после этого Людмила Владимировна защищала там же на Ученом совете свою кандидатскую диссертацию, посвященную научному вкладу Алексея Алексеевича Ухтомского – фактическому создателю физиологии активности в противовес реактивной (пассивной) физиологии Ивана Петровича Павлова, признаваемой в ту пору «советской» наукой единственно правильной. Людмила Владимировна сделала блестящий доклад. Но вот ее оппоненты, как на подбор, оказались анохинскими прихвостнями, которые рассуждали не столько о диссертации, сколько о гениальных идеях П.К. Анохина*. Мне их было тяжело слушать, я весь извертелся и очень хотел высказать все, что о них думаю. Только Таня Черниговская удержала меня от этого безумного поступка, который мог бы повредить диссертанту. Ученый Совет проголосовал единогласно «За» и обратился в ВАК с предложением представить эту работу в качестве докторской диссертации. И через год Л.В Соколова (с уже вполне разумными оппонентами) стала доктором наук, а позже выпустила замечательную книгу «А.А.Ухтомский и комплексная наука о человеке».

*. После длительного периода диктаторского господства в физиологии «единственно верного» павловского учения, на смену ему пришли не менее диктаторские умозрительные представления П.К.Анохина «О функциональных системах организма». В основу этих представлений были положены все гениальные прозрения Алексея Алексеевича Ухтомского и разработки Николая Александровича Бернштейна о «Физиологии активности», без какого либо упоминания их имен, но лишь дополненные кибернетическими схемам Норберта Винера, тоже без ссылок на их авторство.

Таня давно уж пописывала разные смешные стишки. Помню, как я долго безудержно хохотал, когда впервые услышал от нее двустишие: *Душа стихами говорит,
Таланту же не хвата-ит...*

Но неожиданно она стала писать настоящие стихи, Да еще, к тому же, и хорошо рисовать.

Поначалу подборку этих стихотворений прочла по Латвийскому радио актриса Русского театра им. М.Чехова Евгения Солдатова – жена нашего хорошего друга и Таниного сокурсника Володи Наумова.

А потом я собрал разрозненные листы и заставил Таню сделать книгу с иллюстрациями, и кроме стихов включить в нее несколько ее замечательных рассказов. Но издательство сделало из меня почему-то редактора.

Передняя обложка и титульный лист

Татьяна Аршавская

Рига 2003

*Выражаю глубокую благодарность за поддержку и помощь
Абраму Клецкину, Владимиру Жданку,
Татьяне Лигуте, Арманду Мелналкснису,
Жанне Эзит, Евгении Солдатовой-Наумовой,
Галине Дзелме, Ренате Сидорович,
моему мужу Виктору Аршавскому,
а также за полезную критику –
Владлену Дозорцеву и Николаю Гуданцу.
Особо признательна за неоценимые советы поэту и
переводчику Людмиле Азаровой.*

Пока не обернулось утро злостью дня

Художник – Татьяна Аршавская

Редактор В.В. Аршавский
Технический редактор Рената Сидорович
Фотография В.И. Гушина
Усл. печ. л.: - 7,63
Iespesta SIA "JUM

Задняя обложка

Татьяна Аршавская - доктор биологии, переводчик, дизайнер.
Родилась в Новосибирске в 1942 году. Живет в Риге.
Окончила биологический факультет Латвийского университета и аспирантуру в Институте физиологии в Санкт - Петербурге. Многие годы занималась научной работой на Северо-Востоке России - в Магадане, на Колыме и Чукотке. В публикуемых стихотворениях, рассказах и рисунках автор делится своим видением мира и ощущением бытия.

В этом мире люди - острова, до поры до времени не открытые и не разгаданные. Татьяна Аршавская приглашает нас к путешествию, доверяет нам свои владения и ведет нас по тропинке в свою книгу. Здесь и стихотворения, и проза, и рисунки, переводы, и притчи, живые голоса и отзвуки древних наречий. Это ухоженный сад души, взращенный трудом и любовью.

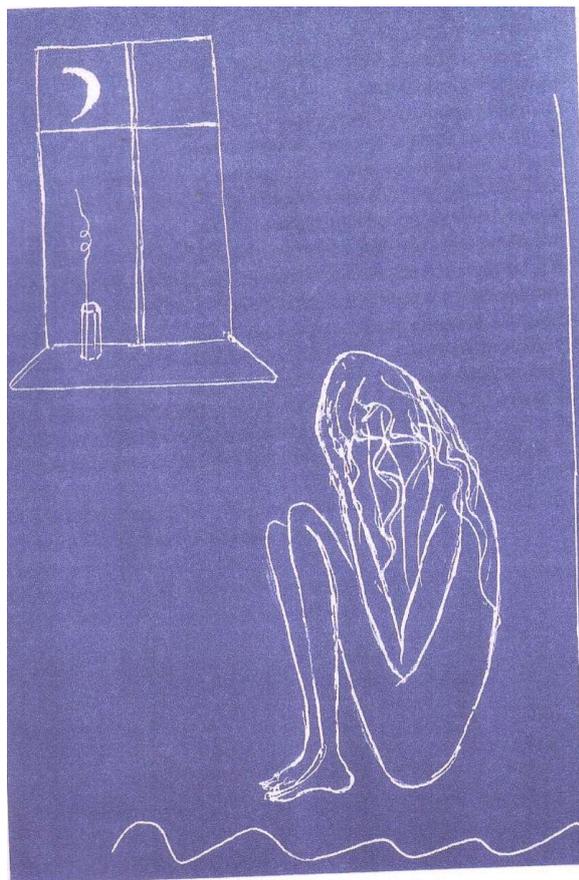
Людмила Азарова

Стихи Татьяны Аршавской - событие радостное и, следует отметить, неординарное. Все вдруг и чудесным образом явилось чуть ли не в одночасье и зазвенело на высокой духовной ноте. Стихи возносят к Богу и в то же самое время к себе, к своей душе, к своему божественному началу.

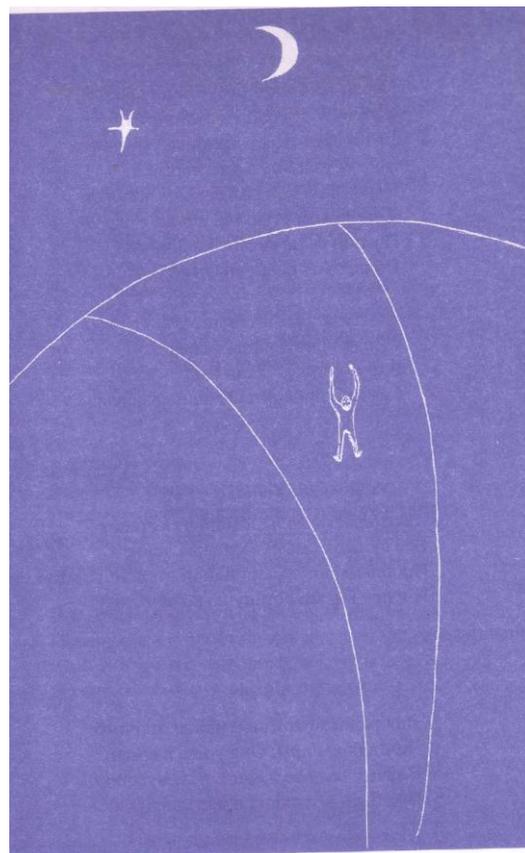
Сборник стихов Татьяны Аршавской - это уголок спасения души в обесцененном товарно-денежными отношениями мире.

Арманд Мелналкснис

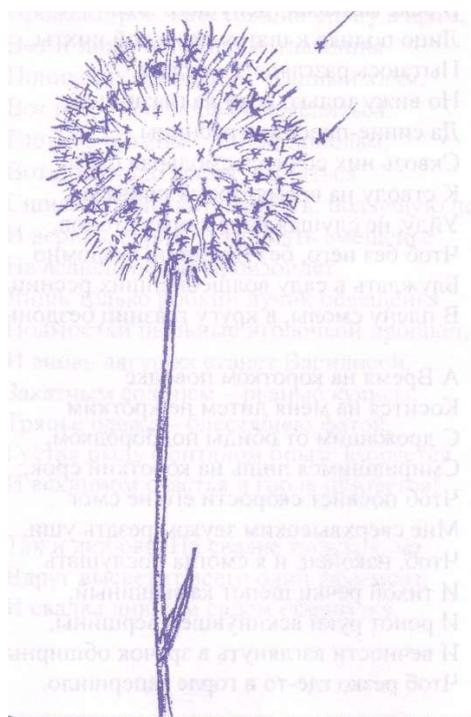
Тетради стихотворений (рисунки Тани)

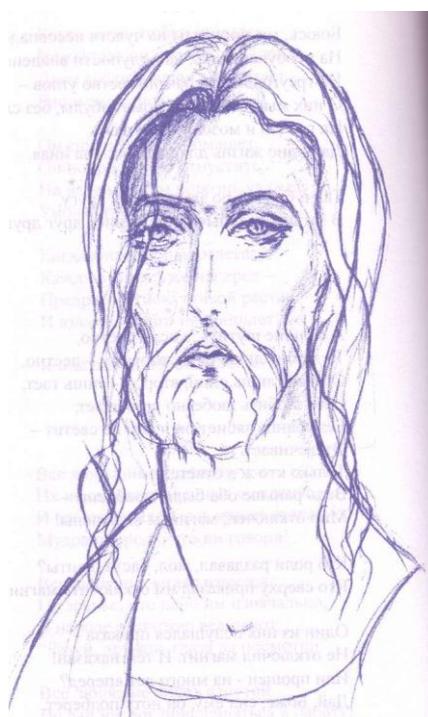
Пока я гамлетовским мучаюсь вопросом

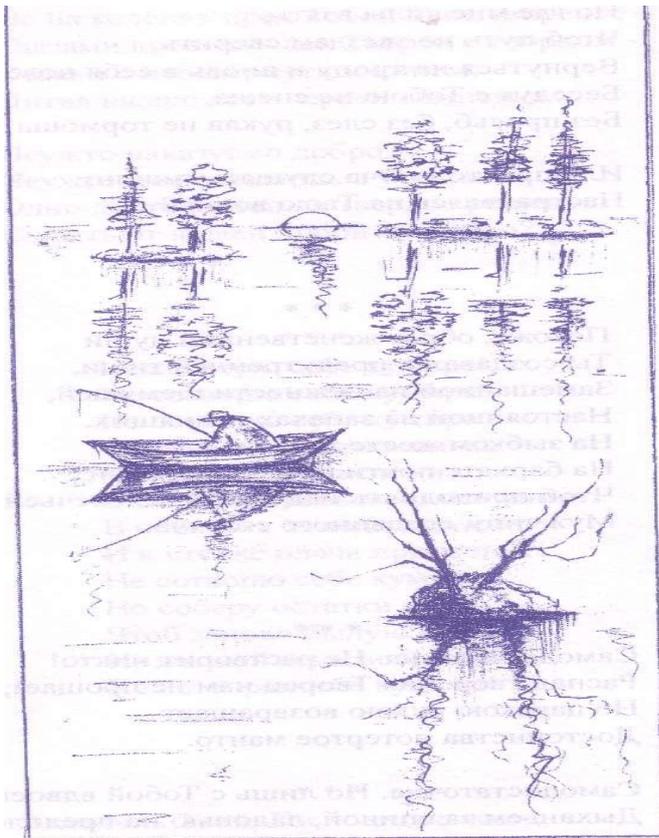
Свободен дом, и лодочка легка

Как страшно встретить близнеца

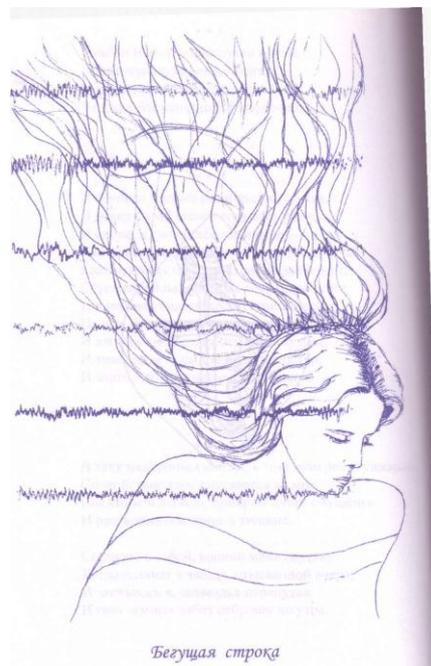
Я сеятель Твой, Господи, не жнец

Звук онемел на утреннем пороге

Страшит и манит третья глубина

Бегающая строка

*Мой Рильке
(переводы и переложения)*

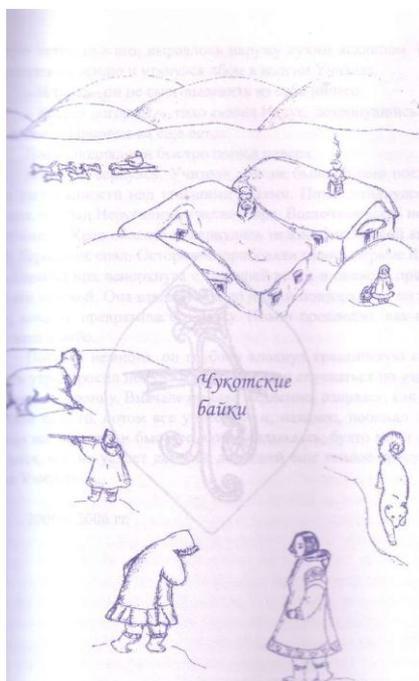

*Японские мотивы
(Переложения хайку)*

Проза

Апокриф Иоанна

Депрессия Клява

А вот мы обмываем Танину книгу
Стоят – Юрис Дзелме и я,
Сидят – Арманд Мелналкснгис,
Таня (на полу), Людмила Азарова,
Ирина Блюменкранц,
у их ног (на полу) Дюка,
и Владек Жданок.

А еще масса гостей на фотографию не поместилась.

Почему в издательстве решили назначить меня редактором этой замечательной книги? Мое «редактирование» состояло лишь в том, что я собрал разрозненные листочки и заставлял сидеть у компьютера до тех пор, пока она не сдала рукопись в издательство. А истинным редактором была поэтесса и литературовед Людмила Азарова.

Таня в Посольстве России

Таня вышла на пенсию даже раньше меня из-за своего 17-ти летнего стажа работы на Севере, и даже на 5 лет раньше, чем это позволял Пенсионный закон всем прочим женщинам. Этому способствовало и то, что их лаборатория в Институте экспериментальной и клинической медицины фактически тоже прекратила свое существование.

Но без работы она не осталась. И первый посол России в Латвии Александр Ранних пригласил ее на должность внештатного референта в Посольство России (для чего ей пришлось срочно заняться улучшением своих изрядно подзабытых знаний латышского языка). После окончания его посольского срока она до сих пор продолжает работать в посольстве, но уже в должности переводчика.

Как то утром 4-го июля в Посольстве поднялся переполох: А.Ранних, который в МИДе России заведовал отделом по странам Балтии, просил позвать к телефону Аршавскую. Оказывается, он просто пожелал поздравить ее с днем рождения, а на Танин вопрос: - «Откуда Вы об этом узнали?», ответил: - «Из Вашего замечательного рассказа «Депрессия».

А к Таниному юбилею Валерий Семенович Блюменкранц состряпал вот такой спич:

*В «МетрОполь» собрались, сумели издаться
Достойные люди в годы стагнации.
А юбиляр в это время – снимите шляпу –
Творил в Магадане. Нет, не по этапу!
Вывод: талант и добро достойно
И ярко живут даже в годы застойные.*

Но вот мне стукнуло уже 75. На этом юбилее вся большая пьяная компания устроила хоровод и распевала на мотив «Ёлочки» стишок, сочиненный Таней.

ЮБИЛЕЙНАЯ ХОРОВОДНАЯ

*В Москве родился Витенька,
В Москве чуть-чуть подрос,
Но рок войны, как серый волк,
В Сибирь его унес.*

*Когда ж прогнали Гитлера,
В Москву вернулся он,
Но дом его, родимый дом,
Уже был разбомблен.*

*И поселился Витенька
В Удельной под Москвой,
Там научился морду бить,
И дрался - ой-ой-ой!*

*С тех пор он бил начальников,
А подчиненных - нет!
Таков наш Витя-заинька,
Таков его обет!*

*Окончив Академию,
Ветеринаром стал,
А после человечесий мозг
В дурдоме изучал.*

*Еще в дурдоме Витенька
Спирт научился пить,
А также разных девушек
От всей души любить.*

*Потом с коллегой Вадиком
Он вклад в науку внес,
И аист ему в подарочек
Дочурочку принес.*

*Тенденцией миграции
Наш Витя пренебрег,
И в Магадан (не в Тель-Авив)
На 20 лет убег.*

*Родил сыночка он потом
С Татуленькой своей,
Но все ж остался он притом
Зачужчино-залатанный,
Но всеж таки еврей.*

*Но предков зов настиг его
И в Ригу притащил,
Пооди, не даром в Тукумсе
Прапрадед водку пил.*

*И Вик, спасибо прадедам,
Средь нас имеет быть,
А по такому поводу
Весь вечер будем пить!!!*

Мои дорогие потомки

(Здесь одни фотографии очень неважного качества)

Мои дети

Лиля

«Где у папы усики»? Показывает.
«А как они называются»? – «Щетка»!

Вадик и Лиля с Юрой

В Удельной

В Михайловке под Полтавой

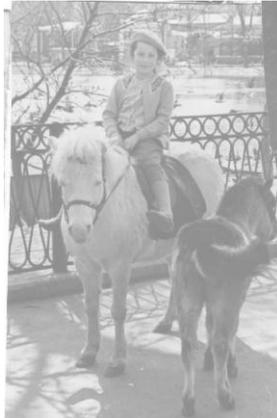
В Удельной с бабушкой Лю

В Удельной

На лыжах

В Зоопарке на пони

Вадик и Лиля с Рикудей в Удельнинском лесу

В Царском селе

Лиля и Зошка с Абулей на пароходе Москва - Астрахань

Ну а это просто хулиганство

Анджей

С бабуей Франческой и дедом Иваном

Мы втроем

О чем то грустит

Очень серьезный

А здесь снова втроем

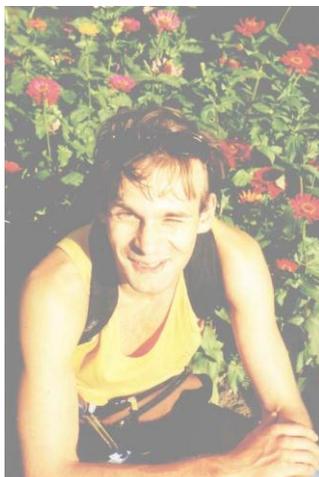

Сын к отцу пришел

Студент колледжа

Анджей, будучи еще в 7-ом классе заявил, что он самый высокий в классе, и ему как то неудобно ходить в школу в красном пионерском галстуке. В кабинете директрисы, его стали прорабатывать, и уговаривать не делать этого несоветского поступка. Но он категорически отказался. Ему пригрозили, что тогда его исключат из пионерской организации. «Ну и исключайте!» – ответил Анджей. А когда он в классе рассказал, что произошло в кабинете у директора, то все мальчики сразу же сняли галстуки. Инцидент решили замять, и никого не исключили, очевидно чувствуя скорый крах Советского Союза. Но вот потом Анджей даже и не думал подавать заявление о приеме в комсомол.

Студент МИФИ

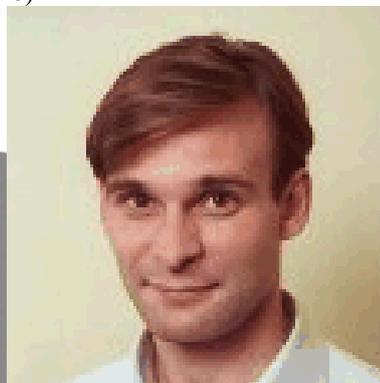

Лихой наездник

Проводы в институт

А это уже взрослые дети (Лиля даже в кухлянке)

Мои внуки

Лешенька и Антося

Лесенка вниз - Лиля с Лешей и Антошей

Алека

Тоже Лёша

На пони

Антоша

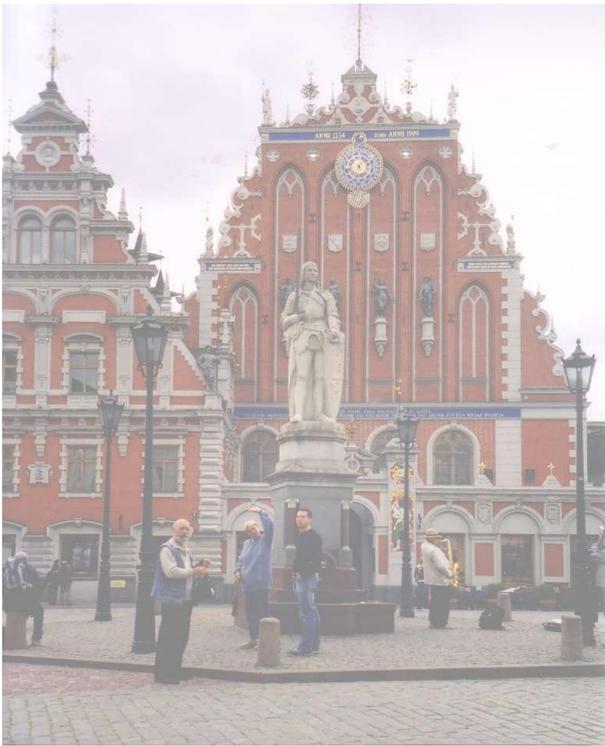
Я с Антоном

В Риге

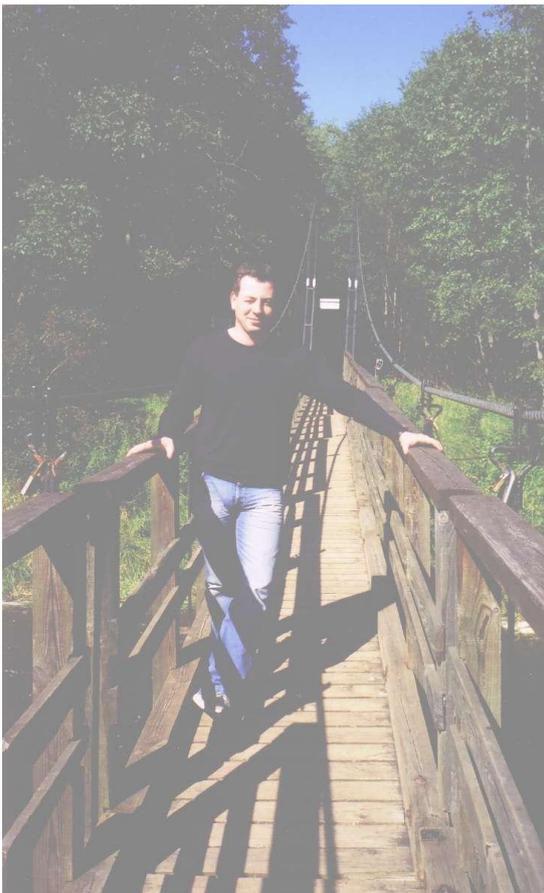
У кого то в гостях

Леша у нас в гостях

Леша на взморье

Леша в Лиготне

Антоша в Парогре

Яночка (или Ванечка)

Янка еще маленькая

Наши йоги

С бабушкой Таней

Здравствуй Дедушка Мороз!

А ты настоящая Снегурочка?

Дедушка Мороз, ты мне очень понравился. Приходи ко мне на будущий год, но только, пожалуйста, без этой Снегурочки. Она меня достала

Новый Год в Риге

Другой Новый Год в Риге

Требуем продолжения Нового Года!

Так натамцевались, что все попадали на пол

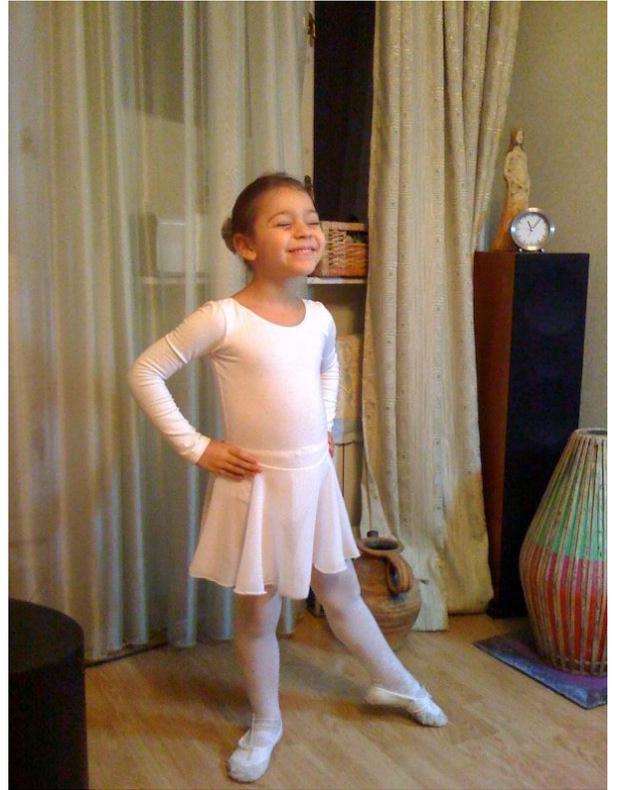
А теперь приготовим пельмени и все будем их есть

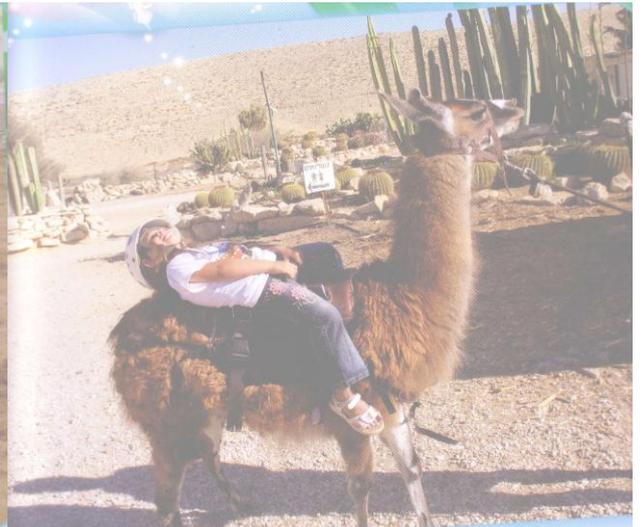
Прогулка на лошадях в Турайде (Сигулда)

Новое платье

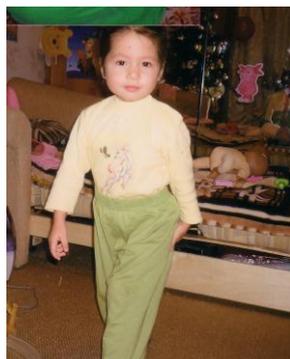

Ну а теперь займемся балетом

На побывке в Израиле

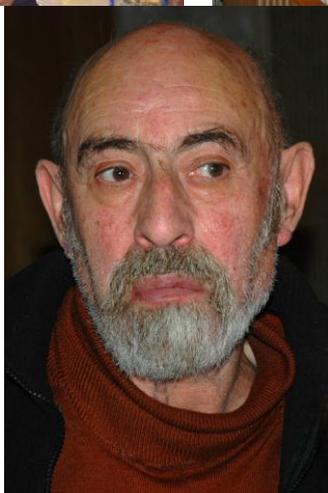
А это уже и правнучка Ксюша

Мы и наши гости

(Здесь тоже одни фотографии и тоже неважного качества)

Это всё мы – Тавики

А это наши дорогие гости

Анджей с Дюкой на море

Сын в гостях

На даче под Москвой

Дочка в гостях

С Лилей

С Ниной Геворкянц

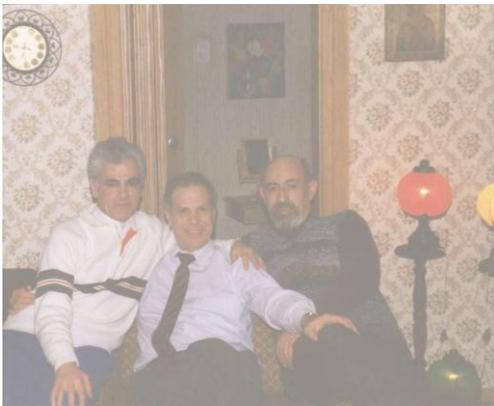
Проводы Наташи и Юры в Америку

С семейством Астрахан

Лаборатория у нас в гостях

С Наумом и Арманом

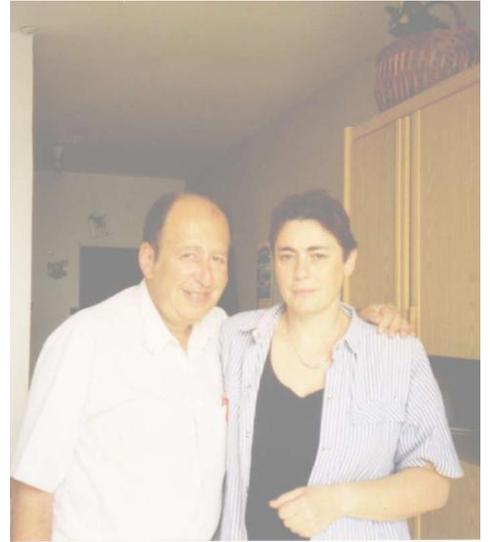
С Сережей Гроздовым

Сережа Ковалев в Риге - чистит корюшку, но позвонил телефон

Вадим и Наташа Ротенберги

Алена Аронова и Кеша с детьми в Риге

А это на даче у Гершона и Лены Бреславых

Ася и Оля

Варич в Риге

Галя Ершова

Женя Гельф-Гад в Риге

Юра Нуллер в Риге

Таня с Андреем Львовичем Поленовым в Поленове

Арманд Мелналкснис, Людмила Азарова, Ирина Блюменкранц, Владек Жданок, - обмывание Таниной книги

Таня Черниговская

Стеша Кулаева с детьми Питером и Наумом
В Риге и на Взморье в Юрмале

Варяжские гости - Женя и Гайр у нас в гостях

Варяжские гости рассматривают диковинные косточки с Врангеля

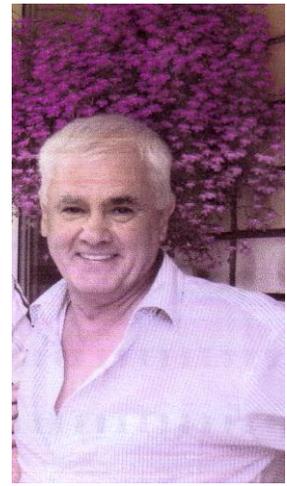
Истинные христиане – Таня, Лена, Таня,
Сильвия

Наум и Тамара Гольдштейны

Наум и Ольга Варич

Армад Мелналкнис

С Лидией Яновной Висневской

У нас Лидия Яновна Висневская и Лена Виноградова

Мы с Наилем Рашидовым

Лева Чайлахян, я, Маша Чайлахян, Ара Базян

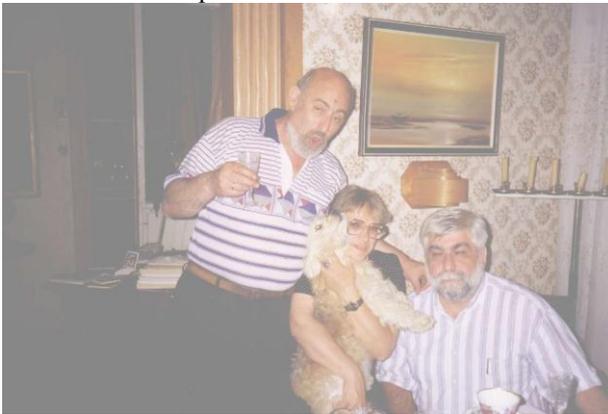
Я с неполным семейством Базянов Чайлахянов

А теперь с полным семейством

Пьянка продолжается за разговорами

Сереза и Лена Ениколоповы, Валерий Семенович и Анечка Блюменкранцы

Галя и Юрис Дзелме

Юрис и Галя Дзелме, Гершон и Лена Бреславы

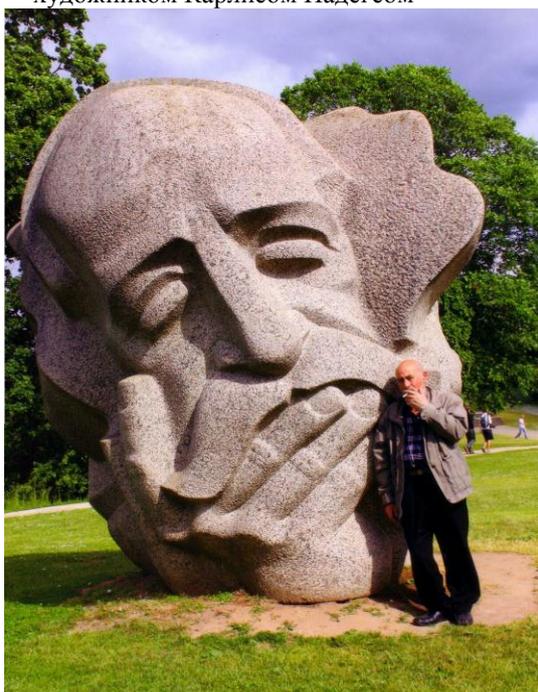
А это мы с великими

Таня с «рижским денди» -
художником Карлисом Падегсом

Вадик в Риге с художником Карлисом Падегсом

Витя с Райнисом в Турайде (Сигулда)

Таня с кем-то в Венспилсе

+ Вадик и Лидочка у дома писателей в Венспилсе

Лидочка, Вадик и я в гостях у быка в Венспилсе

Домский собор, я, Лидочка, Собор Петера

Мы с первым мэром Риги

Наши животные

Известный зоолог Модест Богданов говорил, что именно собака вывела человека в люди.

С раннего детства я любил разных животных и часто просил водить меня в Зоопарк. Но мечтой было иметь свою собаку. Однако условий для ее содержания не было. До войны в одной небольшой комнате коммунальной квартиры в Москве это было невозможно, да и для прогулок с собачкой был я еще слишком мал, мама же весь день на работе, а бабушка постоянно хворала. И оставалось только возиться с дворовыми собаками, которые с удовольствием со мной играли, почему-то вызывая ревность своих хозяев. На даче в Валентиновке все Аршавские как-то посетили только что открывшуюся Сельскохозяйственную выставку и мы вдвоем с Юрой упростили родителей купить несколько только что вылупившихся цыплят. Я с ними с удовольствием возился на террасе, где им отвели угол, кормил и поил их, Но к концу лета к моему неутешному горю их всех случайно передавили дверями. И со слезами я их по очереди хоронил, вырывая неглубокие ямки во дворе у клумбы с цветами. Во время войны в Омске я подружился с хозяйской овчаркой. Она все, даже в очень морозные, дни сидела на цепи, перекинутой кольцом через трос, протянутый вдоль всего двора, что давало ей возможность бегать от своей будки до ворот и злобно облаивать всех прохожих. Как только я появлялся во дворе, она, виляя хвостом, подбегала ко мне, передними лапами становилась на плечи, валила в снег, и мы весело катались в сугробе. За это мне ежедневно влетало от бабушки, поскольку постоянно приходилось вытряхивать снег из валенок, а потом сушить их на печке.

Мой школьный товарищ Саша Альтшулер подарил мне замечательную черную с белыми лапами собачку Майку. Летом она прожила со мной на террасе, но глубокой осенью, когда я уже перебрался в комнату, мне пришлось ее в чемодане с дырками, проделанными специально для поступления воздуха, отвести ее на поезде в Москву и подарить моему другу Марку Шикю. В их квартире Майка счастливо прожила много лет и уже в глубокой старости, выскочив на улицу, погибла под колесами машины.

Марк Шик с Майкой

Только в Удельной, когда мы переехали в отдельную квартиру, Лилька, которая уже ходила в школу, уговорила меня купить на Малаховском рынке симпатичного веселого щенка, который был назван Рики.

Это был очень ласковый и веселый пес, приносивший всем большую радость. Особенно он привязался к Лиле, и она все время с ним гуляла во дворе. Но спать он предпочитал только на моем диване, прижимая меня к стенке. К 6-ти месяцам, как и полагается, мы собирались отвести его на прививки, но, не дождавшись этого времени, он подхватил чумку, и через несколько дней в страшных судорогах скончался прямо на своем, точнее моем, диване. Похоронили его недалеко от дома в рощице под приметными березками, и потом часто приходили на его могилку.

В это время в нашем маленьком виварии в полуподвале кафедры физиологии прямо рядом с моей лабораторией годовалая собачка выкармливала своих щенят, необходимых для чьих то опытов. Мне очень нравилась эта заботливая мамаша, которая была очень похожа на Рикюлю, ну только что была мастью немногим потемнее.

Когда я на кафедре рассказал о смерти моей собачки, ребята предложили мне забрать эту собаку, поскольку свою материнскую функцию она уже выполнила.

Я позвонил Лене, чтобы она срочно приехала на кафедру. Мы посмотрели на эту собачку, всплакнули о нашем погибшем щенке, тут же обозвали ее тем же именем Рики и отвезли домой, чем вызвали Лилину печальную радость.

Мама же была возмущена нашим поступком, но потом привязалась к собаке и с удовольствием ее кормила и выгуливала.

Эта вторая Рикюля оказалась доброй и благодарной собакой. Правда, несколько раз она ненадолго сбежала с приглянувшимися ей кобельками, понуро, как бы чувствуя свою вину и прося извинение, возвращалась домой, а потом ровно через два месяца рожала по несколько щенков. Некоторых я раздавал знакомым, некоторых отвозил к дядьке в лабораторию для опытов, на которых присутствовать категорически отказывался. После такого «исчезновения» щенят Рики становилась очень грустной, отказывалась есть, лежала на диване, положив голову между лап, и с явным укором смотрела на нас. Но через несколько дней приходила в норму и становилась снова ласковой и приветливой собачкой.

Однажды вечером после такого эксцесса я валялся с книгой на диванчике, на котором так же пристроилась грустная собака. По телевизору показывали фильм «Четыре танкиста и собака». Она никогда не смотрела телевизионные передачи, но когда в телевизоре вдруг появились скулящие щенята, Рики вскочила, стала пристально смотреть на экран, затем соскочила с дивана, побежала за телевизор, но никого там не обнаружив, снова запрыгнула на диван, стала лаять и теревить меня лапами, как бы спрашивая: «А где же мои дети»? Это повторялось несколько раз в течении получаса.

Как то вечером, гуляя с собакой, мы под нашим балконом обнаружили небольшого ежа. Принесли его домой и увидели, что у него на одной задней лапке нет фаланг пальцев. Скорее всего, какая то зверюга ему откусила лапку. Он остался дома, получил прозвище Малыш, с удовольствием пил молоко, ел мелко нарезанный сыр и фрукты. Оправдывая свое имя, ёжик почему-то совсем не рос и не менял своей светло серой окраски. Он к нам настолько привык, что когда его брали в руки уже не сворачивался, не впадал в зимнюю спячку, не боялся собаки, а ночью бегал по квартире, не производя характерного цоканья коготков о пол, очевидно, из-за поврежденной лапки. Жил он у нас несколько лет, но потом «сбежал» через случайно неприкрытую входную дверь и, надо полагать, что, не имея навыка жизни в природе, вскоре где -то погиб.

А Рики перенесла тяжелую полостную операцию по поводу онкологического заболевания, но жила у нас еще долго. Умерла она уже без меня, когда я был в Магадане. Ее кремировали в ветеринарной клинике Института кролиководства, а прах захоронили в могилке ее тезки.

На этой фотографии Рики в повязке после операции →

Как-то в виварии мединститута затеяли большой ремонт и, по возможности, распихивали животных куда возможно. Я привез домой двух веселых морских свинок – Машку и Дашку. Все лето они нас забавляли. А когда осенью я отвез их обратно в виварий, то кто-то из них разродился замечательным потомством. Но кто из них нагрешил, и кто оказался Машем или Дашем? Вопрос так и остался без ответа.

А вот кошки почему-то не очень жаловали меня, всегда настораживались, шипели, и пытались исцарапать и даже укусить. Очевидно, чувствовали, что на мне лежит тяжелый грех перед ними – многих их сородичей я отправил в опытах на тот свет.

Очень нравился мне черный с белой грудью кот Юры Ротенберга и Иры Рождественской. Когда он не спал, то любимым его занятием было «произносить речи с трибуны». Он вскакивал на кресло, вставал на задние лапы, и, опираясь на спинку кресла и размахивая правой передней лапой, начинал громко мяукать, четко артикулируя какие-то свои кошачьи фразы.

Как-то во время моего отпуска моя хорошая приятельница Любочка Неробкова подарила мне изумительного трехцветного котенка, которого я назвал Шейлой и, запасшись у знакомых ветеринаров справками о ее полном здоровье и всех необходимых прививках, отвез в Магадан. Всю дорогу в самолете она сидела у меня за пазухой довольно спокойно, но вот в машине из аэропорта возбудилась, жалобно замыкала, стала вырываться и царапаться. Едва довез до дома, где она немного успокоилась, но плохо ела и все время пыталась где-нибудь спрятаться. А тут мы всем семейством отправились продолжать отпуск во Владивосток и дальше в бухту Троицы. За кошкой попросили ухаживать нашу приятельницу Асю Варич. Она все выполнила в лучшем виде, но тоже отметила странности в поведении. Когда же мы вернулись домой, то кошка разбушевалась во всю, рвала обои, шторы, гадила в любом приглянувшемся ей месте. Пришлось сплавить ее на кухню местного «сумасшедшего дома». Я ездил туда раз неделю, записывать ЭЭГ больных, и каждый раз навещал Шейлу. Она успокоилась, нашла свой угол, гуляла во дворе и раздобрела на больничных харчах, так что скоро эту красавицу было и не узнать. Но меня всегда встречала настороженно и всегда уходила в свой угол на кухне.

На острове Айон, где Таня была в экспедиции, в тундре нашли уже погибающего песца. Пытались кормить его разной пищей из плошки, но он ничего не ел. В это время на стационар приехал еще один более опытный сотрудник, и, посмотрев на умирающее животное, сказал – «Вот как надо его кормить». Открыл дверь сарая, и швырнул в сторону песца замороженную рыбину. Тот поймал рыбу налету, и с жадностью сожрал ее. После этого песец отлично ел и быстро поправился. Этого красивого зверя назвали Айоном. Он быстро приручился и бегал за сотрудниками, особенно привязался к Тане, и даже позволял ей гладить его.

Песец Айон на Чауне

Как то в Певеке за Таней увязалась красивая черная оленегонная лайка, и она, обозвав ее Ингой, взяла с собой на Врангель. Инга свободно и с удовольствием бегала с Таней по тундре, и даже пыталась подгонять к ней стада одичавших оленей. Но местные собаки, сидящие на цепи, которых хозяева кормили не часто, не одобрили такого свободного поведения Инги. И когда она демонстративно пробегала мимо их стаи, зверски лаяли, и пытались ее поймать. Однажды им это удалось, и они растерзали бедную Ингу. Таня долго о ней горевала.

Самолет улетает, а Таня остается с Ингой

Как то рано утром в Магадане в Институт забежала маленькая, дрожащая от холода, довольно грязная собачонка и пристроилась прямо при входе напротив вахтера под батареей, поднимая голову и осматривая всех входящих. Очевидно, собачка потерялась или ее бросили уехавшие «на материк» хозяева. Когда вошла Таня, собачка встала и пошла по лестнице за ней в лабораторию, где улеглась под ее столом и проспала весь день. И когда Таня несколько раз уходила из комнаты, собака просыпалась, но продолжала лежать и ждать ее возвращения, после чего снова спокойно засыпала. Ближе к вечеру она проснулась, подбежала к двери, всем своим поведением намекая, что хочет выйти на улицу. Таня ее вывела, думая, что она побежит домой, и вернулась в лабораторию. Я и Анджик пришли к ней на работу, чтобы вместе идти домой, а когда выходили из Института, то увидели эту собаку, сидящую у входа. Она подбежала, и, не раздумывая, пошла за нами. Анджуля стал просить, чтобы мы взяли ее домой. Но Таня ответила категорическим - «Нет!», а после наших уговоров сказала: «Если дойдет до дома, то так и быть». По дороге мы заходили в несколько магазинов за продуктами, но каждый раз собака ждала нас у дверей и продолжала идти за нами. Когда поднялись в квартиру она села в прихожей и вошла в комнату только после того, как Таня ее тщательно отмыла в ванной и вытерла простыней. Так у нас появился новый член семьи, которого нарекли Зюзей (вспомнив песенку А.Галича, в которой была фраза: «Ты советский человек, а не Зюзя»). Она оказалась чистой болонкой примерно годовалого возраста, а по характеру стеснительной, послушной и благодарной, я бы сказал, даже «интеллигентной» собачкой с очаровательной улыбкой.

Как-то гуляя с Таней, как обычно без поводка, Зюзя сбежала и на ступеньках Магаданского Политпросвета отдалась какому-то кобелю. Через 2 месяца собака начала рожать, но не смогла разродиться, несмотря на несколько уколов питуитрина. В ветеринарной клинике, едва не угробив собаку, по кусочкам вытащили остатки очень крупного черного щенка с большущей головой. Только через несколько дней Зюзя оклемалась и полностью восстановилась.

Вскоре настала пора уезжать из Магадана. И в самолете до Москвы, и в поезде до Риги собака вела себя очень пристойно сидела рядом со мной в одном кресле, иногда посматривая в окно, или спокойно там же спала. Стюардессы и проводницы приносили ей воду в блюдце и даже что-то поесть. А на перроне в Риге с улыбающейся мордой долго прыгала вокруг Тани и Анджика, порываясь облобызать их физиономии.

Зюзя постоянно откалывала смешные номера. Вот запомнившиеся два из них. На вопрос: «Зюзя, в Израиль поедем?», она молнией скрывалась под столом, и долго там сидела. Когда вопрос ставился по-другому: «Ну, а в Америку поедем?», – выскакивала из-под стола, скалилась в улыбке, прыгала на задних лапках вокруг тебя и сучила передними лапками, явно выражая свое согласие.

Изредка, когда она сильно расшалится, в качестве наказания ее ставили в угол мордой к стенке; через некоторое время она разворачивалась лицом к публике, начинала сучить передними лапками, уже не улыбалась и жалобно негромко повизгивала, как бы прося ее простить и разрешить выйти из угла.

В Риге, опять где - то за углом дома, Зюзя снова с кем то согрешила. На сей раз родила она без проблем, но снова всего лишь одного щенка. Когда она выкормила эту свою дочку, мы подарили ее нашему хорошему другу – поэту Арманду Мелналкснису, одному из активных создателей ЛОРКа, который ее так и обозвал Лоркой. Эта совсем уж беспородная сука оказалась очень плодовитой, и каждый год рожала большое количество щенков от папаш различных пород.

Через некоторое время Зюзя тяжело заболела. У нее на сосках образовались множественные злокачественные опухоли, которые быстро распространились на весь животик. Ветеринарные врачи отказались за «полной бессмысленностью» ее оперировать. Собака стала грустной, все время лежала в своем кресле, облизывая и расчесывая эти наросты. Вскоре несколько этих опухолевых шишек прорвалось, или она их расковыряла, залив кровью все кресло. Тут же она впала в глубокий сон и уже не проснулась. Захоронили мы ее в лесочке недалеко от дома.

В это время Лорка в очередной раз родила щенков от какого то белого небольшого пуделька. Таня просмотрела весь ее помёт и выбрала беленького щеночка, которого в полутора месячном возрасте на мой день рождения мне и преподнесли в качестве замечательного подарка.

Породу этой очаровательной Зюзиной внучки, сильно на нее похожей, мы тут же определили как «болопуд», поскольку папа был чистым пудельком, а бабушка болонкой.

Я хотел назвать ее Нучей (от внучки), но Анджей настоял на другом имени. Так появилась у нас Дюка.

Дюка оказалась очень доброй собачкой, и не только к нам. На прогулках она всегда сначала подбегала поприветствовать и поласкаться с хозяевами других собак, и лишь после этого начинает играть с их питомцами.

В гостях Дюка прежде всего бежит к холодильнику, виляя хвостом пристально смотрит на закрытую дверцу, и не отходит от него, пока ей не дадут что-нибудь вкусненькое.

Как-то к нам домой привели роскошного белого пуделька. Они как оголтелые носились по всем комнатам. А когда тот устал и скромно стал жаться к стенкам, Дюка начала всячески его тормозить. В результате, ровно через два месяца на свет появилось три похожих на нее щенка – Яша, Гоша и Тимоша. Дюка всех приходящих к нам гостей тащила в кладовку посмотреть ее потомство, и лишь после этого сама забиралась в ящик и подставляла всем троим свои сиськи.

А когда щенки немного подросли, воспитывала их Дюка очень любовно и вместе с ними гоняла по всей квартире мячик, или какую-нибудь другую игрушку.

Раздали всех щенков нашим знакомым, но у всех троих сложилась нелегкая, трагическая судьба. Тимоша оказался в соседнем доме и часто забегал к нам в гости. Он был очень похож на Дюку, и во дворе их часто путали. Но вскоре его хозяин умер и Тимоша куда-то исчез.

Тимоша в гостях у мамы Дюки

В отличие от бабушки, дома Дюка бывает своенравна и иногда привередлива, а при гостях часто делает вид, что ее в этом доме плохо кормят, и начинает лаять, выпрашивая у всех кусочки еды, хотя в ее миске всегда полно отборного мяса.

Удивительно, собаку всегда кормлю я, а она больше привязана к Тане. Днем она спит в своем кресле, но как только Таня приходит с работы, она от нее не отходит, бегают за ней хвостом и очень любит сидеть у нее на руках.

Дюка была здоровой собакой, но через несколько лет после родов у нее тоже на сисечках появились такие же шишки, как и у бабушки Зюзи. Под глубоким наркозом в ветеринарной клинике сделали очень тяжелую операцию, которая длилась около 4-х часов, во время которой ей удалили не только все пораженные молочные железы, но и некоторые лимфатические узлы, а заодно и матку вместе с яичниками. Приходила собака в себя долго, где то пару недель. Но потихоньку начала есть и поправляться. Однако, через пол-года такая же шишка выскочила на плече. Уже под более легким, оглушающем наркозом ее тоже удалили, но при введении наркоза в лапу внесли какую-то

А это Танин рисунок с Дюкой

инфекцию. Образовалась большая незаживающая язва, собака начала хромать и повизгивала от боли. Чуть было лапу не ампутировали, но после долгого лечения различными мазями и уколами антибиотиков, рана постепенно зажила. Все это время Дюка ходила с перевязанной лапой и в жестком воротнике, которым на прогулках, как бульдозером загребала снег.

То ли от перенесенных страданий, а возможно и от наступившей старости (пошел уже 17-ый год) у нее изменился характер. Она стала постоянно грустной, раздражительной, часто без видимой

причины лает, что-то требуя, плохо ест, очень много и глубоко спит, так, что иногда трудно разбудить, и принципиально не какает на прогулке, а сразу после нее и обязательно в памперсы с специально вырезанной для хвоста дыркой, которые без

всяких возражений, позволяет на себя нацепить, подставляя попку. Но вечерами, очевидно вспоминая молодость, на большой скорости носится по всей квартире, переворачивая свои миски с водой и едой, а иногда, не вписываясь в повороты, натывается на мебель и опрокидывает не очень устойчивую табуретку. И еще научилась нас строить, показывая требовательным лаем, что пора ужинать, потом гулять, потом стелить постель, ну а уж после этого, с недоумением - *«почему же не идем спать?»*.

Теперь о птичках

На 9-й день после трагической смерти Иты Казакевич к нам на балкон залетела очень красивая разноцветная канарейка и стала заливаться замечательными трелями. Открыли дверь, и она сразу влетела в комнату. Птичку нарекли Итечкой. Таня сразу побежала на рынок за клеткой и птичьим кормом. В клетке птичка почему-то перестала петь, но когда туда поставили зеркальце, то, смотрясь в него, запела еще громче и веселее. Иногда ее относили к нашим хорошим знакомым Гале и Юрису Дзелме, у которых была большая клетка с несколькими канарейками, и она их там обучала пению, выдавая целые концерты. Радовала Итечка нас несколько лет. Но потом трагически погибла – в очередной раз я чистил клетку и кормил птичку, а она подлетела к открытой дверце, которая неожиданно опустилась прямо ей на голову. И бедная Итечка перестала дышать. Захоронили ее на балконе в ящике с цветами.

У моей хорошей знакомой Людмилы Собчик жил волнистый попугайчик. Он свободно летал по комнате, а когда Люда приходила домой, то усаживался к ней на плечо и объяснялся в любви: *«Ты моя хорошая, я так тебя люблю. Дай поцелую!»*! Когда включали телевизор, по которому в те годы «перестройки» постоянно транслировались заседания Съезда депутатов, то птичка внимательно смотрела на экран, и часто комментировала: *«Я вас лишаю слова!»*, *«Агрессивно послушное большинство!»* и другие подобные фразы. И часто все это было к месту.

Это Дюка с перевязанной лапой и в воротнике

Походы и путешествия, в основном за счет государства

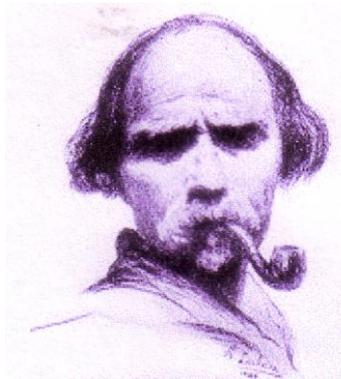
В молодости я много путешествовал, проводя отпуск в туристских походах. Некоторые только перечислю, да многое уже и забылось. Но основные впечатления остались от поездок за государственный счет в командировки на различные физиологические конференции, и особенно экспедиции на Север и Дальний Восток.

Неплохо знал тогда еще сохранившуюся старую Москву. Очень любил бродить по Подмоскovie с его многочисленными музеями. Перечислю только некоторые: Архангельское, Абрамцево, Коломна, Гжель, Сергиев Посад, Александров, Ново-Иерусалим, Дмитров, Бородино, Звенигород, Черное озеро, где заели особенно злостные комары, Дюдьково с малоизвестным музеем Танеева и Левитана, Клин, Мосальск, Подольск, Чехов, Обнинск, Серпухов, Таруса, Поленово, Пушкино, ну и конечно, мой родной Раменский район.

Часто бывал в Питере и его знаменитых предместьях, а так же в Репино, Комарово и на Черном озере, а так же в музее художника-сказочника Ивана Билибина в Иван-городе.

В Центральной России побывал в Туле, Ясной Поляне, Калуге с музеем Циолковского, Владимире, Брянске и его знаменитых лесах, Рязани и Мещерском заповеднике, Орле и музее Тургенева в Спасо-Лутовинове.

На Волге бывал в Казани, Нижнем Новгороде (тогда еще Горьком), Угличе, Плесе, Чебоксарах, а в Саранске побывал в музее моего любимого Степана Эрзя. К нему в подвал на Песчаной улице в Москве мы ходили еще в 10-м классе, и любовались изумительной скульптурой. При этом. Каждый раз оставляли бедному непризнанному старику в полулитровой баночке какую то мелочь.

Степан Эрзя

Шопот

Моисей

Толстой

Бетховен

Музыка Грига

В Саратове (еще до строительства знаменитого каскада ГЭС и многократно разлившейся реки) переплыл Волгу, но так устал, что обратно воспользовался мостом и в одних мокрых плавках бежал через весь город; а в Балашове переплыл тоже мощную реку Хопер.

Однажды из Питера, где мы были вдвоем с Лилей, решили ехать в Москву не поездом, а на теплоходе, который шел только до Ярославля. Поначалу эта водная дорога была очень красива. Ладожское озеро, остров Валаам, река Шексна, Онежское озеро, Приозерский монастырь. Но когда вошли в саму Мариинскую систему шлюзов и каналов, они оказались настолько узкие, что с

борта теплохода воды было почти не видно, и впечатление что вся эта махина, ползет по песчаной пустыне. А очень рано утром (так что ребенка будить не стал), когда вошли в Рыбинское водохранилище, я с палубы с ужасом смотрел на торчащие из воды церкви и затопленный город Молога.

(Из Интернета) Затопленная Молога: город-призрак

(Из интернета) В XIV веке Молога была центром удельного княжества, при Иване III поглощенного Москвой. В начале XX века в городе проживало больше 7 тыс. человек.

После принятия постановления о строительстве Рыбинского и Угличского гидроузлов весной 1937 года началось переселение мологжан. Однако многие отказались выезжать и предпочли погибнуть в родном городе. Согласно рапорту, 294 жителя Мологи добровольно ушли из жизни, приковав себя цепями или запершись в домах.

Уровень Рыбинского водохранилища колеблется, и приблизительно раз в два года Молога показывается из воды. Около ста потомков мологжан традиционно отправляются на теплоходе на то место Рыбинского моря,

где в свое время находилась Молога. Там священник служит панихиду, и на воду спускают венки в память о жителях «русской Атлантиды».

Осмотрев Ярославль, мы к вечеру поехали в Ростов Великий и ночевали в палатке на самом берегу озера Неро, проснувшись утром под звон колоколов знаменитой ростовской звонницы. А затем уехали в Борисоглебск. Денег уже не осталось и ближе к вечеру без билета сели на электричку, разломив один бублик на двоих, поехали домой.

Как-то на конференции в Ленинграде Эрван Шамирович Айрапетьянц спросил меня, не хочу ли я поехать в **Дальние Зеленцы** на Биостанцию в Баренцевом море. Что за вопрос? Конечно хочу! Он тут же позвонил на Биостанцию и написал туда письмо о моем приезде, а я исхитрился по телефону продлить командировку. Эту Биостанцию, точнее лабораторию сравнительной физиологии Мурманского морского биологического института и биофака ЛГУ основал Е.М. Крепс. Это была впечатляющая поездка на пароходике из Мурманска.

(Из интернета) Биостанция ДальниеЗеленцы

Меня в течение 2-х дней принимали как «важного» гостя. Показали лаборатории и на машине повозили по острову в бухты Оскара и Ярнышную, на речку Воронью, и озеро Промерное.

По Черменецким озерам. Однажды, скучая в Питере, я услышал по радио о лодочных походах по системе Черменецких озер. Купил путевку и через Лугу уехал на турбазу. Компания подобралась очень симпатичная. С некоторыми в течение многих лет я поддерживал дружеские отношения..

Вот несколько фотографий из того похода

Это к нам пришел ёжик

А столько грибов я никогда больше не видел. Достаточно было сделать несколько шагов в лес, как оказывался в их окружении, и через 10-15 минут можно было возвращаться с полным ведром отборных белых и подосиновиков.

Но до конца похода я все же не досидел. Решил воспользоваться возможностью, и сбежал осматривать Псков, Пушкинский заповедник, Святогорский монастырь, а оттуда поехал в Новгород Великий.

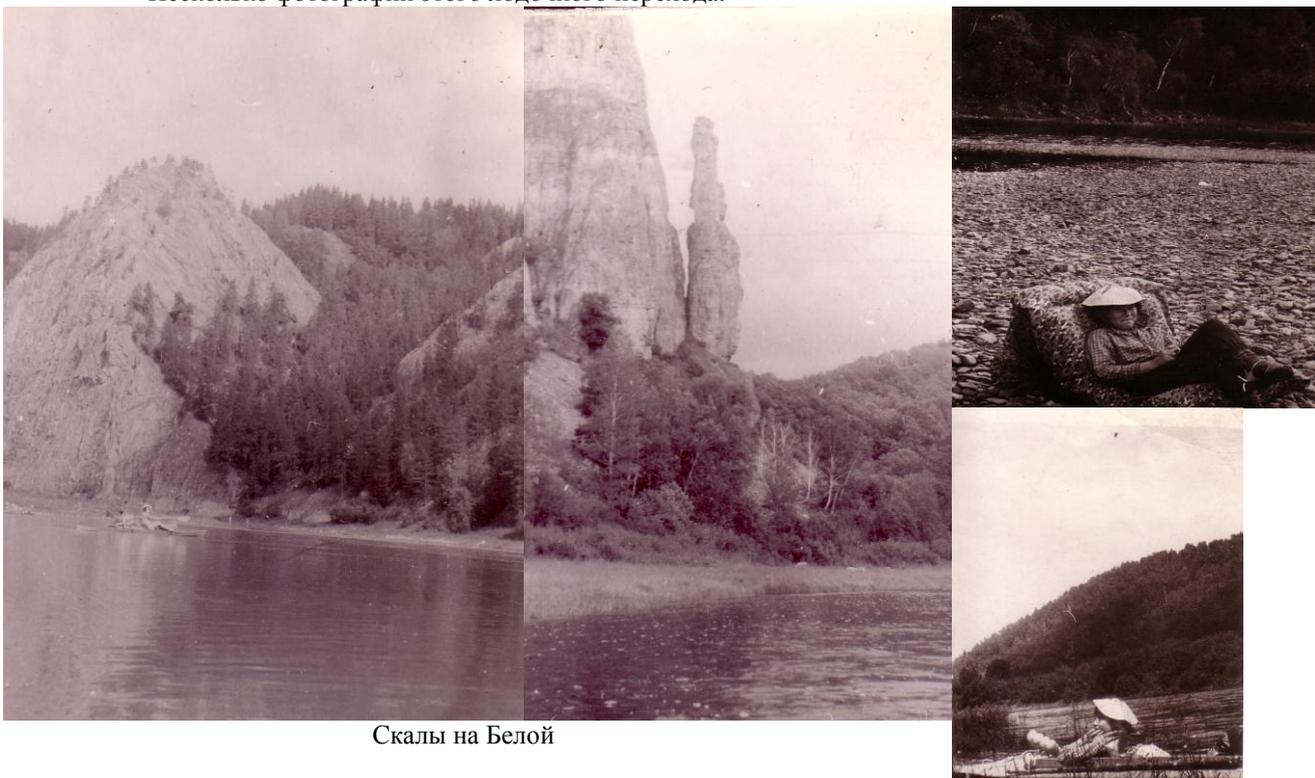
Так что поход оказался очень насыщенным.

А это меня провожают из Черемнца на автобус до Пскова

По Белой. Как-то в начале августа 1968 г. зав. оргметодотделом нашего «сумасшедшего дома» Валя Бориневич пригласил меня и еще несколько сотрудников института в поход на байдарках по р. Белой. Поскольку в этом походе участвовали сын Бориневича Андрюша, которого я хорошо знал, со своим товарищем, то я взял и Лилю – ей было тогда уже 10 лет. В Уфе нас встречал главный психиатр Башкирии, накормил нас шикарным обедом с вином и кумысом (очевидно не за свои деньги, а за счет больных). А потом устроил экскурсию по Уфе, из которой мне запомнился только замечательный музей Михаила Нестерова. А утром следующего дня на больничном «рафике», полностью забитом нашим барахлом, на котором все мы разлеглись, отправились в Верхний Авзян, расположенный на Белой, немного ниже Белдорца. Ехали мы долго, почти весь день и страшно устали от тряски по ухабам плохой проселочной дороги, а Лилька даже больно ушиблась головой о железную перекладину машины. Переночевали, а утром, быстро собрав и загрузив нашим барахлом байдарки, мы отправились вниз по изумительно красивой реке. К нашему везению, тем летом вода в Белой была достаточно высокой, и за весь поход на камнях одного из перекатов немного прорвалась только одна лодка.

Несколько фотографий этого лодочного перехода:

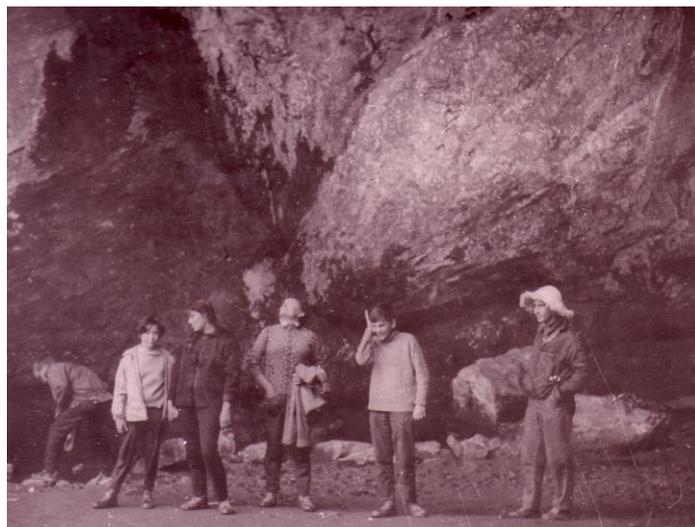
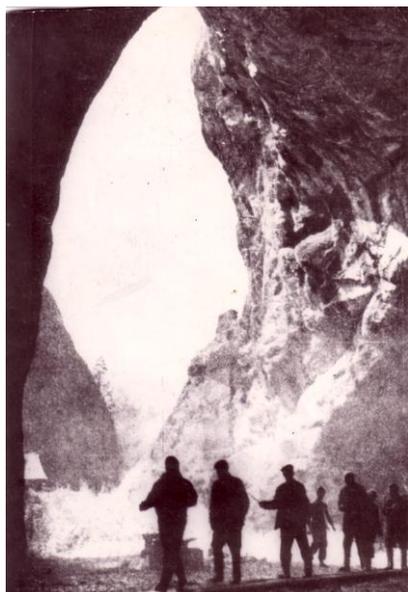

Скалы на Белой

Неизгладимое впечатление оставила (в ту пору аварийная зона) карстовая **Капова пещера** (Заповедник Шульган-Таш) с рисунками на стенах, сделанные рукой первобытного человека эпохи палеолита.

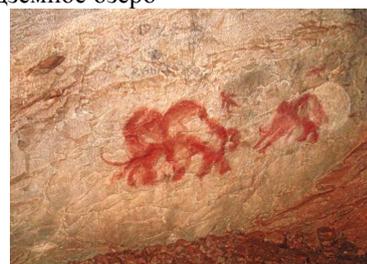
(Из интернета) Название «Шульганташ» в переводе с башкирского «Таш» значит камень, а «Шульган» - это река, впадающая в Белую рядом со входом в пещеру. Кроме того, Шульган - персонаж башкирского эпоса «Урал-батыр», младший брат главного героя - повелитель подземного мира. О происхождении названия «Капова» существует две версии. Первая - от звука капли, постоянно слышимой внутри пещеры. И вторая - от слова «капище» (храм), поскольку есть свидетельства, что в доисторические времена пещера использовалась как храм (для этой же цели были сделаны наскальные рисунки). В исторические времена (средневековье) пещера использовалась в качестве языческого капища, о чём свидетельствуют башкирские легенды и археологические раскопки.

Мы у входа в Капову пещеру

(Из интернета) Грот в скале и подземное озеро

(Наша фотография и из интернета) Рисунки на стенах Каповой пещеры

Всю дорогу нас сопровождала байдарка, в которой находились два молодых человека - рыжий Ося и чернявый Зяма. На многих скалах красовались надписи «Ося и Зяма были здесь!». Когда они нас или мы их обгоняли, то с наших лодок неизменно раздавалась одесская песенка -

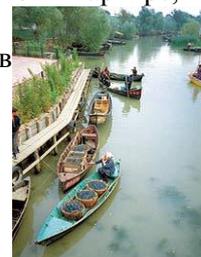
«... и Зяма с Осей будет речь держать». А еще на камнях было нарисовано много красных звезд, и Андрияша Бориневич и его приятель кидали в них гальку, поднятую со дна реки. Однажды мы пристали к небольшому острову, на котором располагалась большая пасака, и ребята набросились на предложенный им мед прямо в сотах. Дети так вымазались этими сотами, что стали похожи на липких чертей, и их вместе с одеждой долго пришлось стирать в Белой. А еще была забота выковыривать из них, к счастью в то время года уже не опасных, клещей.

Перед Юмагузином высокие скалы как бы обрываются, и на открывшейся равнине река становится широкой и загрязненной отходами деревообрабатывающего производства. Это был конец нашего замечательного похода. По телефону в Юмагузине вызвали из Уфы ту же больничную машину и отправились в обратную дорогу. Но перед этим по транзисторному приемнику узнали о введении наших войск в Чехословакию, конце «Пражской весны» и демонстрации протеста «семерых смелых» на Лобном месте Красной площади.

В **Крыму**, когда он был еще российским, я побывал всего лишь один раз совсем мальчишкой в 1947 или 1948 году. Пригласила меня бывшая сотрудница моего дядки Ильи Аркадьевича Аршавского, которая заведовала кафедрой физиологии в Симферополе (звали ее, как помнится, Полина Семеновна Красуцкая). Пешком по тогда еще почти безлюдному после войны полуострову я излазил почти все прибрежные горы и побывал во многих как русских, так и бывших татарских поселениях. Но мало что запомнил. Четко в памяти отложилась ночевка в горах, когда утром проснулся с раздирающей головной болью и какой-то не очень четкой, шатающейся походкой. Оказалось, что на ночной отдых я пристроился как раз над вытяжками подвалов Массандры.

После отвратительного распределения в Академии я поехал в **Молдавию** и пытался устроиться на работу на кафедре физиологии в местном Университете. Меня очень тепло принял зав. кафедрой проф. Вул (кажется Илья Моисеевич). Целую неделю я жил у него в квартире, но его попытки устроить меня на кафедру оказались тщетными.

Зато я много бродил по Кишиневу и его окрестностям, в частности, в совхозе в Вастерниченых попил очень хорошее молдавское вино. И еще смотался в удивительный городок Вилково, прозванный «украинской Венецией». Он расположился на берегах трех гирл дельты Дуная. Эти три разветвления реки, похожие на вилку (отсюда и название городка), и являются главными дорогами жителей, по которым они перемещаются на лодках. Хотел съездить на автобусе и в Одессу, но денег не хватило. В Одессе мне так и не довелось побывать

«Улицы» в Вилково
(Из интернета)

Но потом на **Украине** я бывал довольно часто. Хорошо знал Киев. Побывал в Бабьем Яру, где тогда никаких памятников не было, постоял над оврагом и помянул деда. Посетил своих знакомых в очень уютной Белой Церкви и Житомире. Но чаще бывал в Полтаве с ее многочисленными памятниками Полтавской битвы, роскошным музеем Николая Ярошенко, а в доме-музее В.Г.Короленко я нахально спросил у экскурсовода, есть ли у нее какие-либо сведения о письмах Короленко Луначарскому по поводу бедственного положения украинского крестьянства, но она сказала, что ни о каких таких письмах ничего не знает (искренне или просто ушла от ответа?). Под Полтавой на р. Ворскла мы провели лето в селе Михайловка недалеко от Сорочинцев, где в хозяйском саду прямо с деревьев срывали и объедались роскошными белыми сливами «ренклюд».

А после конференции в Виннице нас повезли в Немиров. В знаменитом старинном дендрарии впервые увидел деревья, высаженные корнями вверх, на извилистых (как корни) ветвях которых образовались громадные листовые кроны. И конечно я не удержался и поехал осмотреть старинные еврейские местечки – Жмеринку и Бердичев.

Ну и конечно Западная Украина, куда мы с Лилькой решили поехать покататься на обычных (не горных) лыжах в Карпатах. Началось все с большого скандала. По наущению моего ученика из Львова я решил приобрести билет со значительной скидкой, воспользовавшись его аспирантским удостоверением. Но по своему, уже бородатому, возрасту я никак не тянул на аспиранта, и на Центральном аэровокзале в Москве меня тут же разоблачили. Скандал как-то удалось замять, но пришлось приобретать нормальный билет, оставшись почти без денег. Осмотрев удивительный Львов, мы поехали в местечко Синяк, в горах которого уже почти не было снега. Но все же ребенок немного покатался на лыжах. По дешевке сняли комнату в доме у какой-то хмурой старой

венгерки. А вот несколько дней рацион наш состоял из единственной, но большой сладкой луковицы – кааба, с очень вкусным хлебом и бутылки местного вина. Оттуда мы поехали в Ужгород и Мукачев, в дегустационном зале которого мой ребенок здорово надегустировался. Обратном в Москву пришлось добираться поездом и в самом дешевом общем вагоне.

Несколько раз на различных конференциях побывал в **Грузии**. Иногда добирался до Тбилиси на самолете, но чаще на поезде.

Один раз доехав до Владикавказа, дальше напросился в кабину грузовой машины по Военно-грузинской дороге. Пересекли Главный хребет Большого Кавказа по долине Терека в Дарьяльском ущелье, вползли на Крестовый перевал и затем по долинам рек Арагви и Куры въехали в Тбилиси.

Другой раз остановился на пару дней в Сухуми, чтобы сходить в сталактитовые пещеры, Новофонский монастырь и на озеро Рица. Конечно, самое большое потрясение испытал в пещерах. Это не похоже на аварийную Капову пещеру на Белой. Электропоезд доставляет на глубину 7-и км к громадному пещерному залу, благоустроенному деревянными дорожками и железными мостиками, а вся эта подземная красота подсвечена разноцветными прожекторами.

Внутри этих пещер (Из интернета)

Вечером, чтобы как-то уложить в голове фантастические впечатления от пещер, я пошел прогуляться по набережной Сухуми и зашел в колоритное бамбуковое кафе. Попросил кофе. Принесли чашечку размером с наперсток. Кофе оказался густой как крем, с замечательным запахом и очень вкусный. Попросил еще чашечку. Выпил с удовольствием. Попросил третью. Но официант сказал, что больше кофе не принесет, поскольку мне будет плохо. Я возмутился – это мне, прожженному кофеману будет плохо от каких-то трех наперстков? Дома-то, как раз ежевечерне, выпиваю большую кружку кофе, и плохо мне не становится. Но официант был непреклонен и кофе так и не принес.

Вернувшись в гостиницу, я прилег отдохнуть. Но вдруг начались какие-то психосенсорные симптомы, похожие на те, которые бывают в детстве при высокой температуре: медленно поднимаю руку или ногу, а впечатление такое, что они летят со скоростью ракеты; по улице едут машины, а шум в ушах такой, что кажется, будто в город входит колонна русских танков. Этот эффект я назвал **Кофе по-Сухумски**. Ну и конечно, заснуть я не смог, что было весьма кстати, поскольку поезд на Тбилиси уходил в 3 часа утра.

Небольшое отступление

Обычно в Москве на Мясницкой (ул. Кирова) в стилизованном под китайский магазине «Чай – Кофе» я часто покупал кофе у одной и той же продавщицы - симпатичной старушки – армянки с черными, обильно перемешанными серебром, волосами. С ней мы мило болтали на различные несущественные темы. Однажды я купил свои полкило, дома, как всегда вечером, смолот и заварил кофе и с удовольствием выпил его. Но вскоре начались те же психосенсорные ощущения, которые проявились у меня в Сухуми. Утром, по дороге на работу, снова забегаю в тот же магазин, прошу у той же знакомой старушки продать мне тот же кофе, что и вчера, и побольше! Она смеется – того кофе уже больше нет. Случайно попался среди

других один мешок зерен чистой Мокки из которых не был выкачен кофеин, но чтобы не сбивать конъюнктуру, его распродали по той же цене. Кажется, 4 руб. 50 коп. за килограмм. Очень я был расстроен!

Я неплохо узнал и старый и новый Тбилиси. Побывал на могиле А.С.Грибоедова. Вдова знаменитого художника Давида Какабадзе Софико Андроникашвили провела нас по всему домашнему музею, все стены которого завешаны картинами французского периода с авангардными экспериментами, ставшими самобытным вариантом постфутуристического перехода к абстрактно-кинетическому искусству. Она познакомила меня с книгой Какабадзе «Искусство и пространство», изданной в 1925 в Париже на французском и грузинском языках, но не переведенной на русский. Позже она прислала мне в Магадан копии некоторых страниц из этой книги, где разбираются особенности восприятия пространства художниками Запада и Востока. Их использовал в главах книги о межполушарной асимметрии «Различия, которые нас объединяют», где рассказываю о художественном творчестве чукчей. И еще Софико устроила нам замечательную экскурсию в Художественный музей, где не только в залах, но и в запасниках мы увидели почти все творчество Пирсомани.

Мои грузинские знакомые советовали мне посетить музей Сталина в Гори, но от этого предложения я отказался. Но зато съездил в Батуми, в Мцхету – древнюю столицу Грузии. А в Кутаиси меня поразило, что главный православный храм стоит в окружении почти десятка синагог. Но особенно сильное впечатление осталось от Джвари – «... там, где сливаясь шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры, был монастырь».

(Фотографии из интернета)

В соборе этого монастыря меня поразила икона Христа, которая находилась за алтарем, где я ее увидел, случайно заглянув в кем-то проделанную дырочку. Этот портрет, который принадлежит кисти грузинского художника (кажется Сабанидзе) был сделан еще в XIX веке, а натурой послужил ему тяжело больной, уже почти перед смертью, писатель Всеволод Гаршин. Фотография с этой необычной иконы мне давно подарил мой друг Сережа Гроздов и она мне очень нравилась, но где находится сама икона я не знал. Увидев здесь ее, очень обрадовался, как будто встретил дорогого мне человека.

С посещением Джвари запомнилась еще одна «забавная»

история. Ученики Ильи Аршавского повезли туда его и его жену – мою тетку Эсю, а те прихватили и меня. Когда вошли в собор, то нас атаковала стая летучих мышей. По просьбе Ильи несколько штук, несмотря на их протесты (эти гады отчаянно царапались и кусались), были пойманы и посажены в тут же найденную стеклянную банку из-под каких-то консервов. Илья попросил меня отвести эту банку в гостиницу. А в переполненном тбилисском троллейбусе, в который я еле втиснулся, у меня из заднего кармана брюк увели кошелек со всеми моими деньгами, на которые я рассчитывал поехать дальше на несколько дней в Армению на Севан, а оттуда в Ереван на съезд физиологов. Все мои грандиозные планы рушились, и я уже собирался одалживать деньги, чтобы добраться до Москвы. Но утром ко мне в номер зашли Илья и Эся, и сказали, что они всю ночь переживали это неприятное событие и решили подбросить мне денег, чтобы я осуществил все эти поездки.

А как-то нас повезли на автобусах в Алазанскую долину и везде мы обходили винные погреба: в Цинандали, Мукузани, Напарули и многих других местечках. К вечеру надегустировались так, что с трудом забрались в обратный автобус и дружно храпели до самого Тбилиси.

Анекдот. Еще одна конференция в Тбилиси - на сей раз по вопросам межполушарной асимметрии.

Заседания, как всегда, я посещал нерегулярно. Ходил только на наиболее интересные доклады.

В холле просматриваю стендовые доклады.

По лестнице взбегают Р.С.Риджанашвили - сотрудник В.М.Мосидзе и обращается ко мне:

- «Здравствуй, дорогой, как я рад тебя видеть, ты Кауфман?»

Я хмуро отвечаю – «Кауфман – жена Балонова».

Несколько смутившись, он отошел. Но после, некоторого раздумия, снова подошел ко мне и спрашивает – «Так ты жена Балонова?»

А вот еще одна незабываемая встреча с легендарным академиком Иваном Соломоновичем Бериташвили. Но сначала немного о нем.

Он являлся одним из самых талантливых и самостоятельно мыслящих сотрудников И.П.Павлова. На Павловской сессии АН СССР летом 1950 года академик И.С. Бериташвили (на русском языке свои работы печатавший под фамилией Беритов), подвергся резкой критике за развиваемое им «антипавловское» учение об основных формах нервной и психической деятельности животных. На этой сессии многие ведущие физиологи страны были ошеломлены за свои «антипавловские» взгляды. Почти все «осуждаемые» на сессии выступали дважды – первый раз со своим проблемным докладом, второй – с покаянной речью по поводу своих «заблуждений и

И.С.Бериташвили

искренним раскаянием в них». Но это не спасло от последующих репрессивных действий – многие подверглись гонениям, лишились работы и были вынуждены уехать в другие города страны в поисках ее. И.С. не признал своих «заблуждений», а во втором выступлении спокойно, но с несколько обострившимся своим легким грузинским акцентом сказал следующее: «Я, конечно, понимаю, что условный рефлекс и поведение не являются одним и тем же. Ну, какой бы пример привести в этой аудитории? В этой аудитории надо привести пример из жизни свиней. Когда звенит звонок и свиньи на этот сигнал бегут к кормушке – это, конечно, условный рефлекс. Но когда свиньи своим рылом откинут крючок, запирающий вход в отсек, где они находятся, выбегут из свинарника и извалятся в грязи – это конечно поведение, а не условный рефлекс». Весь зал ахнул, и наступила гробовая тишина, молчали даже члены президиума, сидящие на сцене. После этого заявления он вышел из зала и в тот же день первым поездом покинул Москву, вернувшись в Тбилиси. Несмотря на сильный нажим из Москвы, грузинская школа отличных физиологов, выпестованная И.С., не выдала его на «порушение» и он еще долгие годы оставался директором, а до самой смерти научным руководителем Института физиологии Грузии, который носил его имя.

На одной из конференций в Тбилиси, за несколько лет до его смерти, И.С. принял у себя дома группу физиологов. На этот прием попал и я. После долгой и интересной беседы за столом с очень вкусными грузинскими угощениями, И.С. сказал: «Извините меня, но мне пора сходить в Институт имени меня». Все рассмеялись и быстро покинули гостеприимный дом. Но не разошлись, а дружно отправились в ближайшую харчевню - есть хаш, к которому полагалось потреблять уже не грузинское сухое вино, а обязательную банальную водку, а еще лучше виноградную водку чачу. На нескольких конференциях побывал в **Армении**.

Неизгладимое впечатление произвела архитектура нового Еревана.

Особенно Институт древних рукописей Матенадаран.

И конечно Эчмиадзин - центр Армянской Апостольской Церкви, где находится Престол

Католикоса Всех Армян.

(Из интернета) Матенадаран

Эчмиадзин

Благодаря Левону Чайлахяну мы попали в дом Мартироса Сарьяна, где совсем уже дряхлый, но доброжелательный старичок поводил нас по своей богатой мастерской.

Но значительно большее впечатление на меня произвели необычно бедный, но гостеприимный дом – мастерская и авангардная живопись только что возвратившегося на родину из эмиграции в Сирию художника Арутюна Галенца

Арутюн Галенц и один из его натюрмортов
(Из интернета)

Ну и конечно Севан. Однажды мы были на этом красивейшем озере большой компанией, и по полуострову дошли до церкви Св. Карапета. Здесь Левон Чайлахян, увидев вдалеке три небольших лодки, заявил: «А вот это и есть знаменитый Военноморской флот Армении!» В роскошном ресторане «Ахтамар» знаменитая севанская и очень дорогая форель оказалась совсем невкусной, но вот в небольшой и не очень чистой забегаловке под названием «Ишхан» (что по-армянски и есть форель), расположенной прямо на берегу озера, этот ишхан был необыкновенно вкусно приготовленным.

Видели развалины разрушенного замлетрясением Гарни - античный древнеармянский языческий храм (I в. до н. э.). Теперь этот храм восстановлен поднятыми из ущелья остатками сохранившихся блоков, а недостающие части дополнены современными стройматериалами. У знакомых, посетивших этот восстановленный храм, все же остается впечатление новодела.

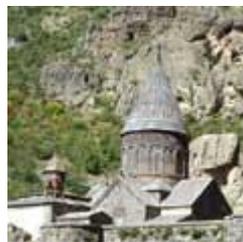

Восстановленный Гарни
(Из интернета)

При подходе к развалинам храма шеренгами стояли местные жители и предлагали отведать еще несозревшего вина – маджари. Мы со Славой Шахнаровичем так упились

этой, довольно невкусной, жидкости (не прислушавшись к советам не пить там по дороге, а отведать маджари в одном из ближайших поселков), что вкус настоящего маджари уже не ощутили.

Побывали мы и в пещерном городе монастыря Гегард, и в монастыре Гошаванк (XII-XIII вв.). Поездка в Гош оказалась связана с удивительной историей. На автобусе вдоль Севана мы доехали до Дилижана, и пошли по дорожному указателю в горы. Через несколько километров нам навстречу промчался самосвал, но тут-же развернулся и подъехал к нам. Шофер, назвавшись Суреном, спросил, куда мы идем? «В Гош» – ответили мы. – «Это еще 12 км. Садитесь,

Монастырь Гегард (Айриванк) и пещерный город

Монастырский комплекс Гошаванк (Нор Геті)
(Из интернета)

за небольшую плату я вас подброшу». – «А куда садиться?» – удивились мы. – «Ну не «мерседес» же я вам предлагаю, лезьте в кузов!» Залезли в кузов самосвала, ухватились за железную скобу над кабиной и примчались в монастырь. В Гоше нас окружили местные хмурые детишки в довольно обтрепанной одежде, которые стали улыбаться только после того, как Юра Аршавский всех угостил откуда-то взявшимися у него конфетами. Более хорошего экскурсовода, чем шофер Сурен, я в жизни не видел, Он провел нас по всему монастырю, подробно рассказал о каждом строении. А видя, что мы уже торопимся назад (а торопились мы в Ереван на поезд), обратно он уже ехал не только по серпантину, а на некоторых участках дороги прямо спускаясь вниз по горе. Было очень страшно, но приехали мы в Дилижан за несколько минут до отправления нашего автобуса. Я шепнул Юре, которому были отданы наши скромные сбережения, чтобы он дал Сурену больше обговоренной платы. Но когда Юра попытался это сделать, Сурен разволновался и с обидой в голосе сказал, что от всей души показывал нам монастырь, отказался и от договоренных и от лишних денег и успокоился лишь после того, как сфотографировался с нами. Расцеловавшись со всеми, он попрощался и уехал. Лера Петриевская уже из Москвы эту фотографию ему послала.

В Цахкатзори состоялась очередная конференция по исследованию мозжечка. Я тогда занимался изучением тормозного влиянием мозжечка на судорожную активность. Юра пригласил меня принять участие в этом сборище. Поселили нас на только что построенной олимпийской базе, находящейся в горах на той же высоте, что и Мехико, где должны были состояться очередные Олимпийские игры. Сразу после тренировочных сборов олимпийцев на этой базе состоялась эта конференция. Мы занимали целый этаж гостиницы, а больше там никто и не жил. Но специально для нас каждый день работала шикарная баня с громадным бассейном. Заведовал этим сооружением какой то очень низкорослый человек, не лишенный еврейского остроумия. При входе в баню, он повесил написанную от руки записку: *«Просьба не шуметь и не давать советов»*.

Помимо работы конференции, заседания которой я, как и всегда, посещал нечасто, нам был показан совершенно изумительный, но тогда запрещенный к показу, как слишком националистический, документальный фильм *«Семь песен об Армении»* (по очеркам Геворга Эммина). Можно было и не путешествуя влюбиться в эту страну. Но мы путешествовали, и все описанные выше походы были предприняты именно в эту поездку.

Во время одной из прогулок в окрестностях Цахкатзори мы набрали на небольшой водопад с теплой водой. Мы всей мужской компанией (Юра, я, Гриша Орловский и Володя Смолянинов) быстро разделись, и встали под эту теплую струю воды. Но наслаждались всего пару минут, а потом вдруг полилась очень холодная вода, и мы выскочили из-под этого водопада. Оказалось, что это не естественный поток, а слив воды из электростанции.

Платон Костюк – директор института физиологии АН Украины и секретарь отделения физиологии АН СССР, в наших походах не участвовал. Его специально возили по другим местам. Как то вечером, вернувшись с Севана, я первый поднялся на наш этаж и увидел в коридоре зело пьяного и матерящегося Платона. Спросил его, что случилось? – *«Да вот был на коньячном заводе и узнал, как эти суки испортили коньяк. Оказывается, вместо дубовых бочек они заливают спирт в алюминиевые и бросают туда дубовые опилки, а выдерживают его не несколько лет, а всего пару месяцев»!* Ну как тут было не напиться?

Израиль Моисеевич Гельфанд устроил нам еще одно незабываемое путешествие. Созвонившись с Пединститутом в Горисе, он отправил нас туда осмотреть Татевский монастырь. Туда мы ехали на поезде до Кафана, где поджидала машина пединститута, которая отвезла нас в Горис.

Поезд из Еревана в Кафан идет вдоль обозначенной колючей проволокой границы с Турцией, а через нее во всем снежном блеске предстают вершины Арарата – как бельмо в глазу каждого армянина

Татев

(Из интернета)

Мы в Горисе

На развалинах монастыря Татев (вверху) - Юра Аршавский и Лера Петриевская, (внизу) - Витя Аршавский и Оля Фуксон

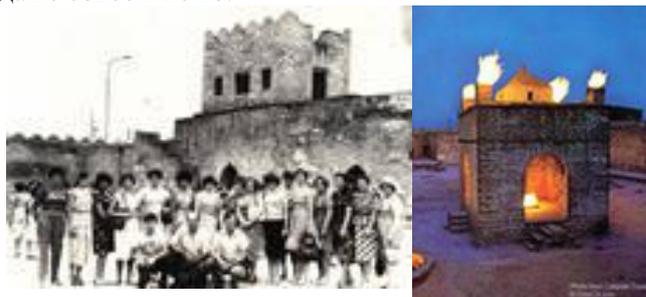
Слово «татев» в переводе с армянского означает «дай крылья». Татев, со всех сторон окруженный пропастью, буквально парит над ущельем. «Дай крылья, Татев!»

Мы решили не загружать наших гостеприимных хозяев и тепло распрощавшись, обратно до Кафана добирались обычным рейсовым автобусом. Маленький автобус ЛАЗ был битком набит пассажирами – наша группа, основная масса шумных армян, а на заднем сидении приютились трое тихих, смущающихся азербайджанцев. Дорога длинная, армяне пели свои замечательные песни, потом мы знакомые нам бардовские. А когда петь устали, то тут же выискался какой-то приземистый армянин и с передней площадки автобуса стал рассказывать анекдоты, и все о том, какие идиоты эти азербайджанцы. Те, кто сидел на заднем ряду, еще глубже вжались в кресла, а мой умный братец Юра поднялся с кресла и раздраженно громко на весь автобус заявил – *«Извините, но нам ваши анекдоты не нравятся!»*. Все в автобусе нахмурились и смолкли. Создавалось впечатление, что на перевале, где автобус делает остановку, нас собираются побить. Я видел, что Володя Смолянинов роется в своем рюкзаке, явно нащупывая свою двенадцатикилограммовую гирю. На перевале все вышли из автобуса. К нам подходит группа армян и все сразу стали извиняться и говорить, что мы их не так поняли, ничего плохого они и не думали. Тут же появилась бутылка водки, и предложили распить ее «за дружбу народов». С Юрой пытались говорить по-армянски, но когда он сказал, что он не понимает, что он не армянин, а еврей, ему ответили: *«Это не важно кто ты, но свой язык знать нужно!»*. И кто-то даже добавил, что-то вроде того, что патриотизм ненависти, какой он патриотизм!?

В неуклонной вере в примирение, в единении всех в добре - ах мечты, мечты...

В Баку Павел Васильевич Симонов организовал конференцию «Поисковая активность и сон». Мы с Вадимом Ротенбергом поначалу восхитились этим названием, прямо взятым из нашей концепции, но оказалось, что это не совсем, и даже совсем не то.

Но мы много походили по Баку – красивому городу с великолепными парками, осмотрели ансамбль Дворца Ширваншахов и Девичью башню, музей азербайджанских ковров. Были на хорошем концерте в консерватории, но больше восхитило выступление в цирке «печального мима» Леонида Енгибарова. А еще «Танцы народов мира» Махмуда Исанбаева.

(Наше фото и из интернета) Храм огнепоклонников

По красивой набережной ходить трудно – задыхаешься от запаха нефти. И пляжей в Баку нет. Нас отвезли на пляж какого то санатория, километрах в пятидесяти от города. Дорога туда пролегла через выжженную землю, усеянную нефтяными качалками. В море тоже всюду просматриваются платформы с нефтяными вышками. Но в этом месте Каспийское море оказалось на удивление чистым. А купались мы в 6-ти бальный шторм – ощущение удивительное, особенно когда тебя накрывает, и тащит обратно в море громадная волна. Даже очень хорошая пловчиха – жена Фили Березина, заплыв не очень далеко от берега, запросила помощи.

На Северном Кавказе побывал в Минеральных водах, Железноводске, в Пятигорске поднимался на Машук на место гибели М.Ю.Лермонтова. Из Нальчика проехал всю Кабардино-Балкарию до поселка Эльбрус, где поднялся до Приюта 11-ти. Был и у подножья Казбека.

Казбек

Эльбрус

«У Казбека с Шат-гороу был великий спор» (Из интернета)

А недалеко от Гагр в 1991 г. на даче Сталина на Холодной речке состоялся постоянно действующий семинар Дипломатической Академии «Гуманитарная инициатива» под названием «Духовное единение человечества», на который я был приглашен с докладом о своих исследованиях на Колыме и Чукотке.

Эта дача находится высоко на горе. С моря она не просматривается, а попасть в нее можно только на лифте, шахта которого проделана в горе.

Сама дача производит гнетущее впечатление, но терраска, на которой я в одиночестве расположился, выходила в лесопарк, и это позволяло отделаться от тяжелых мыслей. На столе стоял небольшой графин из темносинего стекла, каждый день пополняемый красным сухим вином, и единственная рюмочка - из того же материала. Милая уборщица мне рассказала, что раньше рюмочек было много, но все их разворовали. – «Да вы заберите ее с собой, чтоб уж не мозолила глаза, а сюда мы поставим другие». И вот теперь «почетных» гостей я угощаю вином из сталинской рюмки.

Вся эта говорильня была довольно скучной и, очевидно, не очень продуктивной, и больше времени я провел разъезжая по достопримечательностям **Абхазии**.

Небольшие отступления, связанные с именем Сталина

Как-то раз ко мне пришел мой школьный товарищ (он еще жив, поэтому фамилию не называю) и сказал, что на месте Сталина он прежде всего учредил бы орден Сталина. Тогда я только рассмеялся и спросил – «А зачем это нужно?»

Смерть Сталина В общежитии – Проснулся рано утром и услышал по репродуктору сообщение о смерти Сталина. У меня к горлу подступил комок. Бужу Ваню Кондрахина – сообщаю ему эту новость. Он отвечает – «отстань, дай поспать. И перестань ныть – вот сегодня на митинге будет по этому поводу рыдать декан Углов, а ты через пару лет поймешь, какая эта была сволочь». Ваня был крестьянским сыном и все ужасы сталинского режима в деревне до и после войны видел собственными глазами; пострадала и его семья.

Все же в Колонный зал я чудом прорвался. С Пушкинской площади в толпе через оцепление пройти было невозможно. Перелез через железные ворота и несколькими дворами прошел до других ворот выходящих на улицу Чехова. Перелез и через них, а дальше спокойно пошел в медленно продвигающейся очереди прямо к Дому Советов. Но сам труп, лежащий в гробу, и почетный караул вокруг него, и сменяющиеся траурные мелодии уже не вызвали никаких эмоций – спокойно вошел и спокойно вышел, спустился в метро и уехал домой.

Следующим летом я работал в приемной комиссии, и в качестве поощрения получил два билета на посещение только что открытого Мавзолея Ленина-Сталина. Из Москвы все разъехались – дома оставалась только тетя Эся. Предложил ей сходить в Мавзолей. Она отказалась и сказала, что подождет, пока там все они не соберутся.

На Общем собрании в Ветеринарной академии нам зачитывают заключительный доклад Хрущева на XX съезде партии. Начал «прозревать» после этого и следующего доклада Хрущева на XXII съезде партии, когда тело Сталина вышвырнули из Мавзолея и захоронили у Кремлевской стены, установив памятник. И стало ясно, что «Оказался наш отец / Не отцом, а сукою» (А.Галич)

Впервые с репрессированным человеком я познакомился в 1948-м году. Как-то выходя из метро к Казанскому вокзалу, нас с мамой обогнала маленькая женщина с перекрученным чулком. Мама ее окликнула: «Сара Исааковна! Я Вас узнала по всегда перекрученному чулку». Это оказалась вернувшаяся из лагеря сотрудница Наркомзема, с которой мама вместе работала. Мы доехали домой в Удельную. А после нехитрого обеда мама отправила меня ночевать к нашим хорошим знакомым, предупредив, чтобы я помалкивал о нашей гостье. Содержание этого ночного разговора мама мне не рассказала. А жаль. Но много потом рассказывал мой бывший тесть по первой жене Михаил Иосифович Коган, который 18 лет отсидел сначала в Магаданских лагерях, а потом в ссылке в Казахстане, но при этом не изменивший своих коммунистических убеждений. В спорах со мной он говорил: «А ты меня с партией не суди!»

На даче Сталина на Холодной речке

Значительно позже, уже работая во 2-м меде, я, будучи здорово пьяным, швырнул камень в бюст Сталина у Кремлевской стены. Тут же подошел молодой дядька в штатском, но фирменном пальто, и вежливо попросил меня удалиться. Последствий не было – тогда уже кгебешники не находились в смятении но просто очевидно попался добрый парень.

Один мой хороший знакомый, прошедший лагеря, услышал по радио о болезни и Чейн-Стоковском дыхании Сталина, находясь где-то в Казахстане в ссылке. Была глубокая ночь и магазин закрыт. Продавщица жила в том же доме. И он начал барабанить ей в дверь, требуя продать водку. Продавщица спросила – «Что, уже сдох»? – «Да нет еще, но Чейн-Стокс не подведет»!

Другой мой знакомый, участвующий в войне, рассказывал, что на следующий день после освобождения какой-то железнодорожной станции на границе Украины и Белоруссии он увидел на одной половине станции плакат «Хай живе великий Сталин!», а на другой - «Не хай живе великий Сталин!». Он встал как раз посередине и громко произнес «Так Хай или Не хай?». Забрали его не за это, а значительно позже, уже после войны.

У Г.М.Маленкова - партийного деятеля, занимавшего высокие посты при Сталине (даже был премьер министром) было два сына – Егор и Андрей – оба стали биофизиками. С Андреем я был знаком - он несколько раз приходил к нам в лабораторию в сумасшедшем доме и даже намечалась работа, которая так и не осуществилась. Он рассказал забавную историю из своего детства. В их доме как-то собрались гости, а тогда еще маленькие дети играли в другой комнате. На что-то разозлившись, заикающийся Андрей, на весь дом заорал «А я э-э э того С-с-с-тлин-н-на у-у-убью!». Родители были в панике, а смущенные гости быстро разошлись. Как-то все обошлось, очевидно, в связи со скорой смертью Сталина.

Как-то Таня Харитон (дочка академика Юлия Борисовича Харитона - одного из основоположников ядерной физики) пригласила ребят из университетской биофакской группы на дачу для работы над статьей. Вдруг на эту дачу пожаловала дама с сыном – подростком, которые, как выяснилось потом, оказались - мадам Светлана Аллилуева с сыном Иосифом (внуком Сталина). За столом Харитон попросил Леву Чайлахяна спеть. Это очень смутило Левона, поскольку он знал много песен, но все они были нелицеприятны - или про Сталина, или про физиков. Остановился он все же на песне про «гадов – физиков, раскрутивших шарик наоборот», что не понравилось академику.

У Марка Шика был аспирант Стен (фамилию забыл) из Швеции. Как-то он пришел в лабораторию очень веселый и рассказал: «Был в «Детском Мире» и купил детям игрушку. Называется «Мавзолей». Нажимаешь на кнопочку, и из мавзолея выезжает гроб Сталина». Но игрушку так и не показал. Очевидно, придумал всю эту историю.

Наш знакомый Женя Гельфгат, переехавший в Германию? как то рассказал немецкую байку о псевдонимах:

Ленин - (по-немецки *lenken* – направляющий, посланец) – Ангел смерти.

Сталин – (по-немецки *stehlen* – воровать, грабить) – Грабитель.

Коба, прозвище, данное ему русскими социал-демократами в эмиграции. Они его презирали, но пользовались его награбленными деньгами.

Любимая песня поляков: «Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек». (вольно - *wolno* на польском языке означает медленно, ели-ели, едва-едва, чуть-чуть)

В республиках Средней Азии, несмотря на неоднократные приглашения в Узбекистан, я никогда не был. Все отговаривался тем, что полечу туда только на сверхзвуковом самолете. Но на конференцию в тогдашний Целиноград (теперь Астана) в Казахстане мне командировку не дали (не помню уже почему, но в то время был запрет на такие дальние поездки). А потом этот единственный сверхзвуковой лайнер был и вовсе отменен.

Но вот в **Киргизию** мне ненадолго удалось смотаться. В столице Фрунзе (теперь Бишкек) вроде бы смотреть было нечего, да и жара стояла ужасная.

Поехал в какой то высокогорный аул вблизи сказочного озера Иссык Куль. Но поразила меня не столько эта красота природы, а гостеприимство людей. Хозяин, в доме которого я остановился, повозил меня на ишаке по окрестным горам. Он рассказывал, что когда выходит из дома по каким либо делам, жена дает ему еды на двух человек и еще один халат. А на вопрос – почему на двоих? ответил: «Если кого-нибудь по дороге встречу (особенно незнакомого), то смогу его накормить и согреть».

На Иссык Куле

Из Киргизии я еще успел слетать на пару дней в **Бурятию на Байкал** в только что основанный Байкальский государственный природный биосферный заповедник. Но времени было мало, и мне пришлось полюбоваться этими красотами только с борта небольшого рыбацкого катера, хозяева которого показали наиболее примечательные места, а заодно угостили выловленным ими и засоленным омулем.

(Из интернета) Но Байкале

А с Таней мы в один из длинных магаданских отпусков съездили в Выборг, а потом **Карелию** – Петрозаводск, по Онежскому озеру добрались до Кижей. А оттуда на автобусах проехали почти по всей сей **Прибалтике**.

В **Эстонии** побывали в Нарве, Тарту, где осмотрели старинный Дерпский Университет, а не найдя места в гостинице, переночевали в садике под окнами анатомического корпуса медицинского факультета, откуда поехали в Таллин. Здесь слегка пьяненький экскурсовод провел нас по Вышгороду, при этом утверждал, что даже документальный фильм о старой Риге (Вецрига) частично снимался именно в Старом Таллине.

В **Литве** мы осмотрели Палангу и Клайпеду, Вильнюс и Каунас, где побывали в музее моего любимого Микалоюса Чюрлёниса и в музее чертей, недалеко от Шауляя побывали у Священной горы крестов.

(Из интернета) Крестовая гора

А с поездкой на Куршскую косу случилась целая история. В Вильнюсе мы зашли в Институт зоологии, директором которого был Витаутас Контримавичус. Он оказался в командировке, но узнав, что Витас - бывший наш директор ИБПС в Магадане, нас тут же очень любезно напоили кофе, и рассказали, что просто так туда поехать сложно (пограничная зона), а вот через их биостанцию на берегу лимана нас могут переправить на косу на лодке, и вручили соответствующую бумагу. Приехали мы на эту биостанцию вечером в пятницу. Нас устроили на ночлег, при этом, не выдав никакого постельного белья и ничего не предложив поесть. Утром же на лимане разыгрался сильный шторм и поездка откладывалась на неопределенное время. Поскольку магазин в поселке в выходные дни не работал, то мы испытывали заметный голод. И только очень симпатичный, достаточно молодой человек, который в летнее время подрабатывал на станции ремонтом машин, несколько раз угощал нас удивительно вкусной домашней колбасой и домашним яблочным вином. На третий день, когда шторм немного утих, нас на моторной лодке переправили в самый центр Куршской косы – прелестный, прямо игрушечный городок Ниду. Вся Литовская часть косы очень зеленая и обихоженная. Но вот сразу на границе с Россией, где начинается Калининградский анклав (бывшая Восточная Пруссия), сплошной лес как будто обрывается и до самой материковой части коса предстает в виде песчаных и изрядно замусоренных дюн с участками бурелома. Но близ поселка Рыбачий находится заповедная зона Орнитологической станции "Фрингилла" (по-латыни - "зяблик"), основанной аж 1901 году, - перевалочный пункт сезонной миграции многих птиц.

Через симпатичные зеленые городки въезжаешь в столицу **Восточной Пруссии** Кёнигсберг, теперь именуемый Калининградом. Сам город стоит на почему-то изрядно подванивающей реке Преголя, где на острове находится разрушенный (но теперь уже восстановленный) собор и могила Иммануила Канта. Впечатляют старинные здания Университет им. И.Канта - наследника бывшего Кёнигсбергского университета Альбертина. (Из интернета) История Альбертины - одного из старейших вузов Европы - насчитывает более 460 лет. В разные годы здесь преподавали и выступали с лекциями И. Гаман, И. Гердер, Ф. Бессель, К. Якоби, Ф. Линдерман, А. Гурвиц, Д. Гилберт, Г. Гельмгольц; изучал богословие основоположник литовской литературы К. Донелайтис; слушал лекции по философии писатель и композитор Э.Т.А. Гофман. Но сам город, кроме сохранившихся небольших участков не разрушенного старого Кёнигсберга, не представляет какого либо интереса.

Ну и конечно, **Латвия**, с ее замечательными старинными городками, замками, и совершенно удивительной Ригой и Вентспилсом, необыкновенной красоты озерами и хуторами. Все это я не только объездил сам, но и возил наших многочисленных гостей.

Но все же самые неизгладимые впечатления я получил в экспедициях на **Дальний Восток, Колыму и Чукотку**, которые начались с поездок из Москвы - командировки из лаборатории психофизиологии Феликса Березина, и продолжились полевыми работами в Институте биологических проблем Севера в Магадане.

Хабаровск - город не очень выразительный, но с очень красивым Успенским собором и замечательным парком, простирающимся по склону вдоль всего берега Амура. В центре парка какой-то кургузый памятник Ленину, поставленный на совершенно изумительный пьедестал. Оказалось, что этот пьедестал с 1891 года занимал монумент Муравьева-Амурского, созданный великим Александром Опекушиным – автором памятника А.С.Пушкину в Москве. Теперь этот памятник, воссозданный Л.Аристовым, занял свое законное место.

Успенский собор
(Из интернета)

Памятник
Муравьеву-Амурскому

Биробиджан получил свое название совсем не из еврейского, а из эвенкийского языка. («бира» - «река» и «биджен» - «постоянное стойбище»). В начале 1930-х гг. сюда переехало довольно много евреев не только из различных мест СССР, но и иммигрантов из США, Аргентины, Европы, Эрец-Исраэля и других стран и регионов мира. Но теперь уже евреев осталось совсем мало. Однако здесь до сих пор популярна поговорка: *Евреем можешь ты не быть, но по-еврейски жить обязан.*

Привокзальная площадь Биробиджана – Минора и памятник первому переселенцу – еврею-бедюжнику. (Из интернета)

Вспомнился анекдот. В океане встретились 2 парохода, - один из Дальнего, другой из Ближнего Востока. Пассажиры скопились на бортах, и приветствовали друг друга характерным жестом, - крутя указательным пальцем у виска.

И еще один мой любимый анекдот, но уже не имеющий отношение к Биробиджану: Пришел к евреям Мессия. Все евреи собрались, нет только Рабиновича. Ждут его, ждут, а он все не идет. Мессия не выдерживает, отправляется к Рабиновичу узнать, почему тот задерживается, и застаёт его спокойно торгующим в своей лавке. «В чем дело? – спрашивает Мессия – Мы все собрались, ждем только тебя. Сколько же можно ждать?» «А я тебя сколько ждал?! – ответил Рабинович.

Вокруг Биробиджана нам показывали целые поселки невооруженных барачников, построенных в 1951-52 гг., якобы предназначенных для предполагаемой депортации ссыльных евреев со всего Союза. Позже, уже в конце семидесятых годов, когда евреев с большой неохотой принимали в институты многих крупных городов и пытались очистить от них научно-исследовательские институты, разнесся слух, что Биробиджанский пединститут будет преобразован в Университет. На это Левон Чайлахян откликнулся фразой: «*Вот Сорбонна то будет!*».

В одном рыболовецком совхозе под Биробиджаном при нас с сейнера стгрузили громаднейшую, длиной более 11 метров, редкую осетровую рыбину под названием калуга, ясык с икрой которой весил более 60 кг. Этой черной икры попробовать не дали, но самой, очень вкусно поджаренной, рыбкой угостили.

В замечательном городе на холмах **Владивостоке** в бухте Золотой рог мы были несколько раз. Город удивительно красивой архитектуры описывать не буду. Но вот железнодорожный вокзал, расположенный бок о бок с морским вокзалом, удивил абсолютным сходством с Рижским вокзалом в Москве. Дело оказалось в том, что они оба построены по архитектурному проекту С.Бржевского, хотя и разными исполнительными архитекторами – в Москве Ю.Дидериксом, а во Владивостоке Е.Базилевским. Кто у кого спер? - не знаю.

А вот Находка нам показалась совсем неинтересным городком. И хотя это большой морской порт, но приличного пляжа в нем мы так и не нашли; он располагается далеко за городом.

И правда, один к одному (из интернета)

Но вот залив Петра Великого в Японском море Тихого океана, с многочисленными островами и необыкновенно красивыми бухтами полуострова Гамова оставляет неизгладимое впечатление.

В первую поездку мы посетили остров Русский и Морской музей на острове Попова, куда нас отвезли на катере Андрея Капицы – Президента Дальневосточного отделения АН.

Накануне в заливе был сильный шторм, но в день этой морской прогулки погода была безветренной, теплой и солнечной. На одной

Бухта Витязь (Из интернета)

Могильные сосны на его мысе

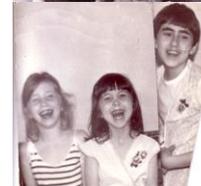
из стоянок я полез купаться и с удовольствием в теплой ласкающей тихоокеанской воде проплыл около 30-ти метров. Но когда повернул назад, то увидел, что с катера мне усиленно машут руками, и что-то кричат. Я оглянулся, и увидел в метрах двадцати от себя характерный, в виде огромного паруса, плавник косатки. В панике поплыл к катеру, а забравшись на него, увидел, что это чудовище, развернувшись, уплывает назад в море. Мне сказали, что обычно косатки в залив не заплывают, и, очевидно, эта просто зашла укрыться от шторма, да и моя паника была напрасной, поскольку на людей они нападают в редких случаях, а охотятся на нерпу. Но я же этого не знал, да и «редкие случаи» меня тоже как-то не устраивали.

Несколько раз были в экспедициях в бухте Витязь, куда прибывали на небольшом теплоходе «Гайдар», принадлежащим Дальневосточному отделению АН.

(Из интернета) У бухты очень богатая история, которая своим началом уходит в истоки развития хозяйственной деятельности на Дальнем Востоке и в Приморском крае. С конца XIX века на территории мыса Гамова существовало оленеводческое хозяйство, основателем которого был Ян Янковский. (До сих пор по ночам этот резкий «хулиганский» свист пятнистых оленей пугает загулявшие парочки). В 70-80 гг. акваторию бухты облюбовали научные институты, специализирующиеся на исследованиях океана и его обитателей. Конечно, коралловых садов в заливе Петра Великого нет. Вместо них имеются поселения беспозвоночных животных. Вертикальные стенки и валуны обрастают слоем актиний метридум, известковыми водорослями, гигантскими мидиями, асцидиями и колониями морского гребешка. Морские звезды и самые опасные животные в заливе Петра Великого – морские ежи, делают скальные ландшафты еще более привлекательными для ученых и водолазов-фотографов. Залив Петра Великого – это 1500 километров береговой линии, включая несколько дюжины островов. Он является действительно уникальным местом, где встречаются умеренная и субтропическая морская жизнь. Свыше 2000 видов беспозвоночных, около 200 видов рыб, более 300 видов птиц и до 20 видов морских млекопитающих были зарегистрированы учеными в заливе. Стаи различных мелких и довольно крупных рыб образуют гигантские скопления во время нереста. Часто встречается гигантских размеров и молодь камчатского краба, других ракообразных и трепангов. Нередко можно встретить стайки гигантских кальмаров и осьминогов, достигающих веса в 50 килограмм, и длиной до 3-4 метров. В районе мыса Гамова можно часто встретить настоящего тюленя – песструю нерпу (или ларзу), как над водой, так и под водой. Очень немногие участки побережья России по своей красоте могут сравниться с береговой линией мыса Гамова. Скальные берега, склоны которого покрыты соснами, образуют укромные бухточки, переходя в отвесные скалы. Такая сложная ландшафтная структура имеет свое отражение и под водой, когда вертикальная скала переходит в крупный бульжничко-глыбовый свал, оканчивающийся плавным песчаным склоном на глубинах 25-40 метров. Когда посреди плоского дна, поднимается подводная скала, существенно возвышающаяся над дном, образуются любимые водолазные места, называемые банками. В районе мыса Гамова есть несколько таких оазисов жизни подводного мира залива Петра Великого.

Во Владивостоке, в районе печально известной Черной речки, где располагался пересыльный лагерь заключенных, ждущих очередной пароход на Колыму, теперь находились гостиница и дома для сотрудников Дальневосточного отделения АН. Здесь мы познакомились с черкесско-еврейским семейством Лиозы Банновой и Миши Кубланова и их замечательными детьми. Миша работал в Институте биологии моря в лаборатории известного фармаколога Израиля Ицковича Брехмана, а его диссертационной работой руководил Володя Смолянинов, работающий в Москве в Институте проблем передачи информации, с которым я был давно знаком.

Вверху (слева на право):
Миша Кубланов, Володя Смолянинов,
Анджей, Витя и Таня Аршавские,
Лиоза Баннова,
а внизу ее дети: Амина, Белла и Нурамин

Во Владивостоке

Все вместе мы поехали на Витязь. Для кормежки Анджея мы привезли свинины (другого мяса не удалось купить), но хранить его было негде. Но Лиоза, несмотря на мусульманские запреты, которых она строго придерживалась, все же разрешила его хранить на отдельной полке своего холодильника. Как-то Нурамин, с которым Анджей подружился, пришел к нам во время обеда. Таня предложила ему котлету. Сначала он отказался, а потом сказал, что котлеты очень вкусно пахнут, и если мы ничего не расскажем маме, то, пожалуй, одну съест, и с удовольствием умял аж целых три. Как-то Володя Смолянинов увидел змею и решил ее поймать. Это оказался огромный щитомордник, который его взял да и укусил. Наутро Володя очень плохо себя почувствовал и потерял сознание. На Витязе сыворотки не оказалось, вызвали вертолет, и его отвезли в больницу Владивостока, где с трудом откачали. А вот Миша через год чем-то тяжело заболел и спасти его не удалось. Он умер, так и не успев защитить уже законченную работу.

Находясь на Витязе, мы присоединились к группе Левона Чайлахяна, затеявшей поход на озеро Ханка в пору цветения лотоса. Это незабываемое зрелище – озеро все покрытое громадными плавающими в воде листьями, на которых покачивались распусившиеся большие белые цветы, какой-то удивительно неземной формы и красоты.

Одна из наиболее интересных бухт в структуре полуострова Гамова носит название Троица, где в сказочном поселении «Лукоморье» мы с Таней и Анджином чудесно провели отпуск в домике «на курьих лапках». Вечерами у камина пили сухое вино из раковин гребешка, закусывая необыкновенно вкусным салатом из сырых их обитателей, а ночами спускались к сверкающему морю и купались голышом, разбрызгивая вокруг себя блески светлячков.

(Из интернета) Бухта Троица

Однажды из Троицы мы пошли пешком в бухту Витязь к моим хорошим знакомым – Левону Чайлахяну и всей его компании, которые были там в очередной экспедиции. По дороге туда увидели громадную бабочку махаон, которая перелетала со цветка на цветок. Стали за ней гоняться, но к счастью не поймали, и она, помахав нам крылышками, спокойно улетела. А обратно в Троицу, уже в ночи, нас доставили на моторной лодке. Таня очень тревожилась, что в темноте нас завезут в Корею, хорошо просматриваемую в дневное время.

(Из интернета) Махаон

На обратной дороге во Владивосток, садясь на паром в Славянке, мы познакомились сразу с обоими братьями Аркадием и Борисом Стругацкими.

Камчатка

Сам город **Петропавловск Камчатский** представляет собой несколько улиц, протянувшихся на сопках вдоль всей огромной Авачинской бухты, и особого впечатления не производит. Но вот неизвестное мне открытие. Крымская война 1854 года, оказывается, шла не только в Крыму, но и на Камчатке, и Петропавловск, обстреливаемый англо-французской армией, успешно оборонялся. В честь этого события в городе установлено много великолепных памятников.

(Фотографии из интернета)

Памятник "Слава" и часовня в честь обороны Петропавловского порта

Ну и конечно впечатляет возвышающаяся над городом Авачинская сопка, на которую мы осуществили восхождение.

С «Авачинскими сопками» связан и один анекдот. В одной из экспедиций на Камчатку, где мы должны были исследовать жителей корякского поселка, в связи с очень обильным снегопадом мы на несколько дней застряли в аэропорту Елизово. Несколько суток все сидели и дремали на экспедиционных ящиках и баулах. Оставляя «девочек» (т.е., пардон, лаборантов) сторожить все это многоместное барахло, мы с Женей Гельфгатом, удостоверившись,

На Авачинскую сопку

что рейс снова откладывается на неопределенное время, уезжали в Паратунку купаться в горячих источниках, или шли париться в баню. Но к обеду всегда возвращались и все шли в столовую. Однажды нас обслуживала довольно молодая, стройная и высокая дама, с грудями, остро торчащими под платьем как минимум на 20 см. Мы расхохотались. И тут же прозвали это явление вторыми «Авачинскими сопками». Особенно сильно по этим сопкам вздыхал Женя. Когда же мы все же прилетели в нужный нам поселок, у меня забарахлил электроэнцефалограф, и наш инженер Слава Старостин пытался его наладить. После одной такой попытки в качестве испытуемого мы усадили в кресло Женю и попробовали сделать запись ЭЭГ. Но вместо нормальных кривых на всех каналах прибора шли прямые линии, на которых вдруг появились два острых всплеска, амплитудой до 100 mv, после чего аппарат совсем перестал работать. Мы стали утверждать, что машина зарегистрировала Женины мечты о прекрасной женской груди, но, не выдержав этого зрелища, просто сдохла. Этот артефакт мы назвали третьим феноменом Авачинских сопок. Ведь истинные Авачинские сопки действительно похожи на две роскошные женские груди.

Я уже упомянул Паратунку. Это совершенно изумительный поселок, расположенный на одноименной речке километрах в 15-ти от Елезова. Эта река вся пронизана термальными источниками и вода в ней всегда теплая. Но купаться ходили мы не на речку, а, с разрешения знакомой докторицы, плавали в трех санаторных бассейнах, в каждом из которых температура воды повышалась от 40 до 70⁰. И это плавание в них было верхом блаженства.

Бассейны в Паратунке
(Из интернета)

В Паратунке мы наблюдали столбы черного дыма от извержения вулкана «Горелый». Такое же извержение нам удалось видеть и в другом поселке вблизи вулкана Корякский. А вот извержений Ключевской сопки с раскаленной лавой мы наблюдали с борта летящего вертолета.

Извержение вулканов: Ключевская сопка (3 первые картинки), Горелый и Корякский (Из интернета)

Побывали мы в Кроноцком заповеднике – в Кальдере Узона и Долине гейзеров, геотермальный комплекс которых объединяет более сорока гейзеров. Над одной из излучин реки Гейзерной возвышается склон Витражный, названный так за

(Из интернета) Кроноцкий заповедник - Кальдера Узона и Долина гейзеров

разноцветные за фантаны, бьющие из расположенных на нем двадцати больших и малых гейзерных отверстий

На Камчатке в поселках Корякии мы работали в основном с аборигенным палеоазиатским населением - коряками (в поселках Седанка и Тигиль), эвенами (в Эссо) и ительменами (в Ковране). (Из интернета) Основанием для такого группирования явилось отсутствие очевидных генетических связей их языков с большими языковыми семьями Северной Азии. Приставка палео-отражает общий для этих народов архаичный тип культуры. Однако они не могут рассматриваться как единая этническая группа, хотя и являются прямыми наследниками древнейших обитателей североазиатского региона.

Ительмены, (что на ительменском языке значит «сущий», «живущий здесь»), или камчадалы, хотя и относятся к палеоазиатской группе, даже внешне не похожи на палеоазиатов. Это очень красивый (особенно женщины!) и высокий, но почти вымерший народ, скорее всего являющийся помесью аборигенов с русскими колонизаторами – казаками, больше смахивающий на европейцев со слегка раскосыми глазами.

Корячка

Эвенка

Ительменка

Это только на картинках (из интернета) можно увидеть аборигенов в таких замечательных национальных нарядах. В действительности это бедно одетый, замученный жизнью, угнетенный и сильно пьющий, но добрый и отзывчивый народ.

В Седанке, которую мы обозвали «Седанка–плиз» - запомнилась гора Болиголов. Когда она затягивается облаками, действительно почти у всех возникали сильные головные боли. А утром почему-то нас всегда кормили манной кашей, перемешанной с какао. Эту еду, которая у нас с Женей Гельфгатом именовалась «ка-кашкой», я категорически не ел, о остальные очень хвалили и просили добавки.

В Тигиле после завершения работы произошел случай, который мог весьма неприятно отразиться на всей дальнейшей экспедиции. Лаборантка, которая собирала наше барахло, сказала, что упаковала все. И мы улетели вертолетом в другой поселок, где выяснилось, что под одной из кроватей был забыт рюкзак со всеми документами и огромной суммой денег. Мы сообщили по телефону врачу поселка, и она передала этот рюкзак вертолетчикам, которые следующим рейсом летели к нашему новому месту работы. Однако по радио они получили другое задание, и к нам прилетели только через 2-е недели. За это время про рюкзак они забыли. Женя как руководитель экспедиции был в панике, но после долгих поисков, разыскал этот злополучный рюкзак под одним из сидений вертолета. К счастью, все оказалось в целости.

Хотя зав нашей лабораторией Леня Соловечук хвастался, что беременность он может определить на глаз уже через 2 недели, но на этот раз он не заметил ее и на 4-м месяце у одной из наших лаборанток, и включил ее в эту экспедицию, хотя правилами безопасности это было строжайше запрещено. На Наталье (так звали лаборантку) ее положение было совсем незаметно. Мы видели только, что она как-то странно ест – делала себе огромный бутерброд (хлеб-масло-колбаса-сыр-рыба-снова хлеб с маслом), подносила эту гору к малюсенькому ротуку, и растягивала губки в огромную змеиную пасть, в которой все это сразу исчезало. Мы же с Женей в большом количестве ели рыбы молоки, запивая их спиртом с элеутерококком (что мне помогало ночами писать главу книги о поисковой активности). Когда мы рассказали это Соловечуку он заявил: «конечно, забеременеешь от этих двух кобелей, жрущих молоки».

В эту же экспедицию, я, оставив всю группу, побывал в замечательном поселке Ковран, где исследовал группу ительменов. Утром, после окончания работы, меня должны были на аэросанях доставить в аэропорт Харюзово. Но во всем поселке не нашлось ни одного трезвого, хотя бы вменяемого, мужика. Да и эти сани оказались сломанными. И только одна молодая ительменка подогнала упряжку собак, на нарты погрузила меня со всем моим лабораторным имуществом, и, ветром пролетев все 10 километров, доставила меня прямо на летное поле к уже собравшемуся взлететь самолету. Упросив пилотов немного подождать пока сбегаю в здание аэропорта за билетом, я поблагодарил и тепло распрощался (даже расцеловался) со своей спасительницей, и залез в самолет, который благополучно доставил меня в Петропавловск, где мы всей группой воссоединились, и стали ждать отлета в Магадан.

Побывал я и на **острове Беринга**, который входит в состав Командорских островов (Российской части Алеутских островов, принадлежащих Аляске). Но исследовать алеутов мне не пришлось, поскольку в селе Никольском их почти уже не осталось, да и был какой-то праздник. Побывал только на могиле Беринга и на берегу острова видел большую колонию морских котиков.

Витус Беринг

Праздник алеутов

А вот на **Сахалин** мне попасть не довелось. Миша Засыпкин, изучающий генетику морских млекопитающих, чуть ли не каждый год отправлялся в экспедицию в Корсаков, а оттуда с командой сейнера уходил в Японское море на промысел морского зверя. Он любил рассказывать о своей первой экспедиции, которую провел, будучи еще студентом биофака МГУ. Поднявшись на сейнер, он увидел изрядно пьяную команду, включая и самого капитана, а когда корабль отвалил от причала, у него создалось ощущение, что судно здорово покачивается с борта на борт, и в таком «пьяном» состоянии вышло в море. Миша уже имел кое-какой алкогольный опыт и его любимым присловиями были: «*Плохой водки не бывает, бывает мало водки*»! , и «*Что гадость, то гадость, а что пить нельзя, так то полные враки*»! Поэтому он с удовольствием принял участие в продолжение этой пьянки. Наутро его разбудил боцман и спросил: «Студент, завтракать будешь?». Миша с трудом приподнял с подушки сильно разболевшуюся голову, открыл глаза и посмотрел на стол, на котором стояла бутылка водки, банка соленых огурцов и какие-то остатки ночного пиршества. Так проходило все это путешествие, да и все последующие морские экспедиции.

Чукотка

Первая моя экспедиция была на **Остров Врангеля**.

Из Магадана самолет летел с двумя посадками. Первая была еще на Колыме в Сеймчане. Когда вышли из самолета на взлетное поле, меня прежде всего поразил необычайно острый лиственничный запах, а не авиационного бензина. Ну а «игрушечное» деревянное здание аэропорта, выстроенное еще во время войны американцами по Ленд-лизу, выглядело как сказочный домик.

А вторая посадка на **Мысе Шмидта**, где ожидая вертолета на остров, мы не остановились в гостинице аэропорта, а жили в доме гостеприимного знакомого космофизика Толи Гусева. Для того, чтобы попасть в сам поселок, надо было пройти по всему взлетному полю, а потом пробраться к этому дому по проходам в снежных туннелях.

Здесь Филя Березин сделал «научное открытие», - наличие цветного зрения у коров, поскольку увидел, что они облизывают только зеленые заборы.

А про гостиничный домик в аэропорту Мыса Шмидта рассказывают удивительные истории. Вот одна из них. *Писатель и журналист Михаил Успенский, много писавший о Севере, застрявший в аэропорту из-за сильной пурги недели на две, напился до того, что ясно разглядел, как к нему в окно второго этажа, правда, одноэтажной гостиницы, ломился белый медведь.*

До такого состояния мы не допивались, очевидно потому, что нам повезло, и через 3 дня на вертолете мы улетели на остров.

В 1867 году американский китобой по профессии и исследователь по призванию Томас Лонг назвал остров в честь русского путешественника и государственного деятеля Фердинанда Петровича Врангеля, который знал о существовании острова от чукчей, и в течение 1820-1824 годов безуспешно искал его. А пролив, отделяющий остров от материковой Чукотки, носит имя Лонга.

В 1926 году на острове Врангеля под руководством Г.А.Ушакова была создана полярная станция. Вместе с Ушаковым на остров высадились 59 человек, преимущественно эскимосов, с целью создания эскимосской колонии, занимающейся охотничьим промыслом морзверя и оленеводческим хозяйством. Но эта идея провалилась. Эскимосы вернулись на материк, а завезенные олени разбрелись по острову и одичали.

Остров Врангеля и остров Геральд, благодаря настойчивым усилиям нашего ИБПС и его директора Витаса Контримавичуса, являлись Государственным Полярным заповедником, с центром, расположенным в Ушаковском, единственно постоянно заселенном поселке острова. Существует ли заповедник сейчас мне неизвестно, во всяком случае, экспедиции на остров вроде бы прекратились.

Аэропорт Сеймчан (Танин рисунок)

(Из Таниных «Чукотских баек»)

При первом же знакомстве с топографической картой острова заражаешься восторгом первопроходцев перед этим чудом природы. Одни названия чего стоят! Мыс Блоссом, бухта Роджерса, горный массив Инакли, горы - Хрустальная, Мамонтовая, тундра Академии, реки - Неожиданная, Сомнительная, Хищники, Клер. А знаете, как называется узкой гористый мыс, далеко выступающий в Ледовитый океан на северо-востоке острова, там, где круглый год не стихают шквальные ветры? Не поверите - мыс Гавай!

На этих Гавайях и расположились пограницы, настроив свои радары на Аляску, до которой - рукой подать. Полярной ночью в пургу гавайское начальство не решалось посылать солдат на наружную вахту - их просто сдувало с поста. Зная об этом, аборигены – эскимосы и чукчи именно в такую погоду отправлялись по льду на ездовых собачках через Беренгов пролив навестить американских сородичей. С собой они брали шкуры голубого песца, да и назад возвращались не с пустыми руками - у каждого дома был припрятан хотя бы один винчестер.

(Из интернета) 20 августа 1924 года экипаж канонерской лодки «Красный Октябрь» поднял флаг на острове Врангеля; рядом могила врача Н.Л.Вульфсона

Ушаковский

Полярная станция, основанная Г.Ушаковым
(Из интернета)

Поселили нас в Ушаковском в таком вот домике, который занимал, бывший тогда в отъезде, директор заповедника Кестер (запомню, как его звали). В ожидании транспорта до нашей базы в Сомнительной мы обнаружили несколько банок хозяйского варенья, и две небольших баночки с большим удовольствием умяли. А когда Кестер вернулся, и мы ему признались в этом хищении, он так негостеприимно разгневался, что начал чинить нам препятствия с вездеходом, и я его тут же нарек Клистером. Мы пригрозили сообщить в институт, и после некоторых препирательств он все же через несколько дней выделил нам трактор с прицепом. Накануне отъезда мы в конторе пытались уточнить, во сколько все же состоится отъезд, и все нам отвечали лишь одной чукотской поговоркой, предназначенной как раз для ответа на подобный вопрос: «Рано утром, ближе к обеду, однако, ближе к вечеру».

(Из Таниных «Чукотских баек»)

Все вездеходы были сломаны, а на единственно целом директор заповедника укатил на лежбище моржей, то есть на мыс Блоссом. А там и эта машина сломалась.

Мы потребовали у администрации отправить нас хотя бы на собачьих упряжках. Ведь по договору с институтом заповедник обязан в срок доставить отряд к месту полевых работ.

- Собак нет, - ответила администрация, - идите к механику.

- Поймите же, - рвала я на себе тельняшку, - там лемминги начали размножаться!
- Тем более, - флегматично отвечал мне механик из-под трактора, - дайте им проделать это без вас.
- Вы бы лучше за своей техникой следили, чем советы давать, - обиделась я.
- А я и слежу. Вот трактор уже готов.
- Так дайте хотя бы трактор!
- А оборудование на чем повезете?
- Да хоть на плуге!
- О'кей! Завтра и поедете.

Утром - стук в дверь. На пороге - долговязый парень с блаженной улыбкой под свернутым набок носом.

- Я Ломоносов, - отрекомендовался он и в подтверждение коснулся носа, словно пытаясь вернуть его на место.

У крыльца стоял трактор. К нему был привязан кусок жести с низкими бортиками, лежавший прямо на снегу.

- А как же груз? Он ведь свалится, как только мы тронемся!

- А вы садитесь на него верхом.

Так мы и поехали. Мужская часть отряда - на жестянке с грузом, а мы с лаборанткой Ниной - в кабине по обе стороны от Ломоносова. Он оказался поразительным болтуном. Его байки под рев

В Сомнительную на тракторе с прицепом

мотора заглушали доносившуюся сзади не предназначенную для дамских ушей реакцию на ухабы. Усидеть на ящиках было невозможно, и наши мужчины восемь часов ехали, стоя на полусогнутых ногах. На вездеходе это же расстояние мы покрывали часа за четыре.

У первой же, еще не вскрывшейся, речки Ломоносов резко затормозил:

- Вылезайте! - скомандовал он. - Хищники! Спрыснуть надо!

- Причем тут Хищники? - застонали на прицепе.

- Река Хищники! 180-ый меридиан: отделяет западное полушарие от восточного. Спрыснуть надо. Иначе в делах не повезет.

Мы здесь не новички, но про такую примету слышим впервые. Узнав про невезение, мы задумались - как-никак депрессия... Страшноовато.

- Ну, что, Виктор Васильевич, может, и впрямь спрыснем?

Виктор Васильевич, начальник отряда, человек немолодой, партийный. В Магадане он был весьма добродушным и услужливым инженером при электронном микроскопе, но здесь... здесь он начальник. Получив назначение, он тут же проникся ответственностью и стал невозможному строгим.

- Никакого спрыскивания! — отрезал он.

- Ну, Виктор Васильевич! Приметы уважать надо. А вдруг лемминга не поймает?

- Нет! — продемонстрировал он нам свой профиль.

- Ну, чисто символически!

- Ладно, - поморщился он и плеснул на дно кружки немного спирта, сильно разбавив его водой. Кружка пошла по кругу. Народ причащался.

Ломоносов, довольный, уселся за руль и вдохновенно понес околесицу. Он на глазах превращался в Хлестакова. Мы с Ниной поглядывали на него с удивлением - неужели от такой дозы можно опьянеть?

Проехав пару километров, Ломоносов вновь резко затормозил перед речкой.

- Дурак! - шлепнул он себя по лбу. - Надо же так ошибиться! Вот она - река Хищники! Ну, конечно же! А та была другая, забыл, как называется.

Мы смотрели на него с издевкой.

- Ребята, не верите? Ну, честное слово! Смотрите - видите ту сопку? Вот оттуда и течет к морю река Хищники. Болван я старый!

Виктор Васильевич даже не взглянул в его сторону:

- Все! Баста! Уже спрыснули! Какая разница, у какой речки?

Но измученный народ был рад размять бока и уломал начальника повторить ритуал. Тот сначала налил в кружку воды, а уж потом капнул в нее немного «Главного Реактива».

- Хватит с вас!

После этой остановки Ломоносов до руля уже не дотрагивался. Трактор сам шел по колее. Он вдохновенно жестикулировал, а мы с Ниной едва успевали уклоняться от его широких жестов. Временами мы подправляли руль и даже попытались увеличить скорость, но сзади энергично отреагировали. В общем, Ломоносов нам только мешал.

У третьей речки он вновь театрально шлепнул себя по лбу и попытался остановить трактор, но мы с Ниной не дали. Одно удивляло - как можно было так опьянеть от столь мизерной дозы?

Отгадка валялась у нас под ногами - по дну кабины перекатывались две пустые бутылки из-под водки. Так вот откуда эта блаженная улыбка!

Поздним вечером мы добрались, наконец, до места. Мужички откровенно стонали от ушибов. А ведь еще предстояло разгрести снег у входа в дом, растопить печи, разобрать провиант...

Ломоносов, понимая, что ужин у нас будет не скоро, поспешил распрощаться и укатил на ту сторону речки Сомнительная, где стоял дом с окнами на все четыре стороны света. Там жил новый лесничий заповедника - Гаев...

Утром нас разбудил громкий стук. В дверях стоял мрачный, коренастый, чернородый мужик с брежневскими бровями, из-под которых гвоздили черные глазки.

- Гаев, - отрекомендовался он сухо. - Вот копия докладной на имя директора заповедника.
- А! Гаев! - обрадовались мы. - Очень приятно познакомиться! Проходите, располагайтесь,
- Нет. Вот копия.
- Какая, простите, копия?
- Читайте.

Виктор Васильевич достал очки и стал внимательно изучать документ. Лицо его начало багроветь. Он снял очки и сел.

- Вы это серьезно?
- Вполне. Мое дело - предупредить, - сказал Гаев и вышел.

Виктор Васильевич так и остался сидеть, уставившись на дверь.

- В чем дело, начальник?

Молчание.

- Виктор Васильевич, что случилось?

- Докладная записка. Директору заповедника. Копия - директору и парторганизации нашего института. Оказывается, мы спавали сотрудника заповедника. Докладная составлена на основании жалобы пострадавшего - тракториста Ломоносова.

- Блин!

Виктор Васильевич заболел. Более подлого удара он в жизни не испытывал. Было жаль старика. Успокоился он лишь после того, как написал объяснительную записку во все инстанции. А затем, затаив на Гаева зуб, рьяно приступил к своим обязанностям: ввел железную трудовую дисциплину, экономию, учет реактивов (особенно «Главного») и надзор за моральным обликом молодежи.

Уже зная Кестера, в Институте на эту кляузу тогда никак не отреагировали. Но припомнили много позже, когда разразились конфликты.

Через несколько дней стало достаточно тепло, снег быстро растаял, а вода в мелководной речке Сомнительной (как и во всех реках Врангеля) настолько поднялась, что ее перейти вброд стало невозможно, а широкая доска, переброшенная через нее, по которой переходили на другую сторону, уплыла в море. Но скоро вода спала, и «мостик» был восстановлен.

Наступил полярный день, и солнце только спускалось к горизонту, но не заходило за него. В ночное время можно было, совсем не пользуясь каким либо освещением, свободно читать. Но к вечеру в доме все же становилось настолько прохладно, что приходилось топить печку. Такая белая ночь совсем не нарушала ночного сна. Мешали только частые громовые раскаты набегающих в прилив на берег громадных морских волн.

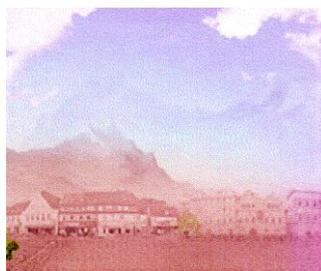
Откапываем из-под снега наш домик

А это уже стало тепло, и мы греемся на солнышке

Очень часто в небе над Врангелем возникают миражи. Мне почти постоянно виделись красивые дома большого города.

Меня поразило совсем не белый, а интенсивный голубой цвет постепенно тающих, но сохраняющихся все лето громадных льдин, плавающих в проливе Лонга.

Мираж

Голубой лед

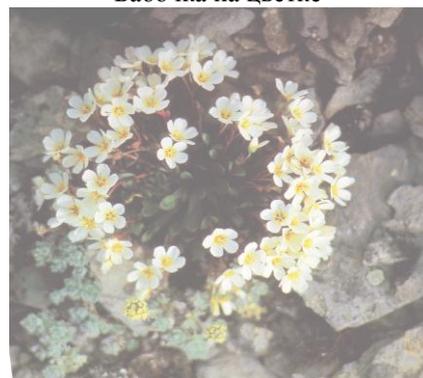
Но по-настоящему меня сразило разноцветие цветущей тундры, которая вся светится постоянно сменяющим друг-друга цветом. Начинается со слабо фиолетовой окраски пореньи, переходит в белую цветущей камнеломки, и заканчивается бледно желтой распутившихся цветов мака. Вслед за этим вся тундра постепенно начинает укрываться белым снегом.

Цветущая тундра (Из интернета)

Бабочка на цветке

Камнеломка

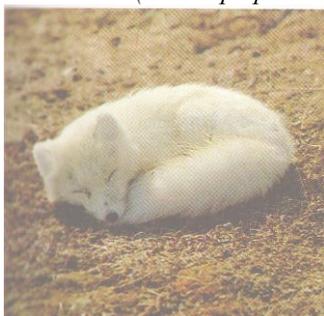
Но здесь я предоставлю слово писателю М.Кураеву, написавшему о цветущей тундре не хуже, чем это делал его знаменитый коллега, мною любимый, М.Пришвин:

. . . А мои любимицы, разбросанные кто где придется, все вместе источают... музыку тундры, полную упоительной нежности и головокружительной глубины. . . . Моей красавице с белыми, словно из снега вылепленными лепестками не хватает скудного полярного лета. И что ж ей, не жить? . . . Распускает моя милая свои лепестки, а у нее бывает и два, и три цветка на одном не осилившем кривизны стебле, и подставляет их изумленному солнцу, и шалеющему от души сжимающего запаха ветру, с достойной скромностью украшает собой безликие голые камни и ржавые мхи болот все недолгое лето, и... преспокойно уходит себе в полном цвету под снег. . . . Весной там, где спрятался на зиму цветок, солнце прогревает особенно усердно, ему же не терпится взглянуть, каково почивала его старая знакомая. За май и июнь снег с божьей помощью растает, глядь, и прямо из-под снега является моя красавица с букетиком цветов, будто бы ей и под снегом светило солнце! Но теперь ты не теряешь время, ты собрана, ты деловита, предстоит самое важное. Теплые дни наперечет, ты слышишь веселый звон хрустальной воды вокруг, ты упиваешься соками оттаявшей всего-то на полметра земли, ты торжественна и прекрасна, в тебе зреет плод, ты набухаешь плодом, полнишься волшебными семенами, готовыми повторить твою мудрость и совершенство, несущее в себе еще не явленную твою красу, моя любимая; на исходе бесконечного полярного дня во всем бесстыдстве своего счастья, ты брызгаешь спелыми литыми семенами вдогонку скатывающемуся куда-то в глубокую пропасть, на долгую ночь, солнцу! И ветер подхватит твой дар и посвятит его земле... (М.Кураев «Записки беглого кинематографиста» - Новый мир, № 8, 2001)

Ну а животный мир Врангеля! Ходишь как по зоопарку, только вот клеток, слава богу, нет.
(Фотографии из интернета)

Лемминг

Писец

Нерпа

Лежбище моржей на мысе Блоссем

Белый медведь

Олени

Овцебык

Полярная сова

Гага на гнезде

Белые гуси летят из Калифорнии

А это гуси уже на Врангеле

На птичьем базаре

Мы ежедневно ходили проверять ловушки, поставленные на леммингов вдоль берега реки Сомнительной, которых Таня вскрывала для забора и фиксации некоторых структур головного мозга, ответственных за нейроэндокринный статус животных, меняющийся по годам с различной плотности популяции этих зверьков. А часто и просто гуляли по острову, иногда далеко уходя от нашей базы..

Во время этих походов нам иногда встречались олени и одинокие овцебыки. Один такой смельчак иногда забредал к нам на помойку. Овцебыки обитали раньше на Врангеле, но были полностью истреблены. А в 70-тые годы были завезены из Америки. Они здесь прижились и даже расплодились. Несмотря на заповедную территорию, офицеры из пограничной части, расположенной в другом конце острова на мысе Гавай, так пристрастились на них охотиться, что изрядно проредили поголовье этих замечательных животных.

На этих Гаваях как-то побывала другая экспедиция ИБПС. Военные всю группу угощали водкой. Таня от такого угощения отказалась, и тогда ей принесли трехлитровую банку свежего молока, которую она всю и опорожнила. А когда она спросила, откуда у них молоко, ей ответили, что их единственная на Врангеле корова вот уже третий год доится, и даже не тяготеет отсутствием быка.

Прямо возле наших домиков утки различных пород устраивали гнезда и сидели на яйцах. Их можно было даже погладить. Мне объяснили, что эти птицы гнездятся так близко к человеческому жилью, спасаясь от нападения песцов, которые шныряют вокруг по тундре, но к самим домам подходить опасаются. А вот белых гусей мы видели только пролетом на север острова в место гнездовья с названием Тундра Академии.

В проливе Лонга часто можно видеть стада нерп, которые иногда греются на солнце, забравшись на проплывающие льдины или даже вылезая на берег. А на мысе Блоссом располагается самое большое лежбище моржей. Низко над этим мысом как-то пролетел вертолет, в котором директор заповедника Кестер решил показать это лежбище космонавту Герману Титову. От шума вертолета моржи так перепугались, что изрядно передавили друг друга.

Несколько раз мы побывали на горе Хрустальная, расположенной в нескольких километрах на другой стороне реки Сомнительная. На этой горе было много камней с вкраплениями горного хрусталя. Большинство этих блестящих камней уже выковырено различными посетителями, но все же такие камешки можно встретить и сейчас. По дороге на эту гору нас всегда атаковала белая сова, очевидно опасаящаяся за свое потомство, сидящее неподалеку в гнезде. Это неприятное ощущение, когда на твою голову, с шумом размахивая крыльями, пикирует огромная птица с выпущенными громадными когтями, явно намериваясь оставить тебя без скальпа.

На эту гору мы ходили и 4-го июля в Танин день рождения и устроили салют из ракетниц, направляя их в сторону Америки, как будто в честь Дня ее независимости.

Гора Хрустальная (Из интернета)

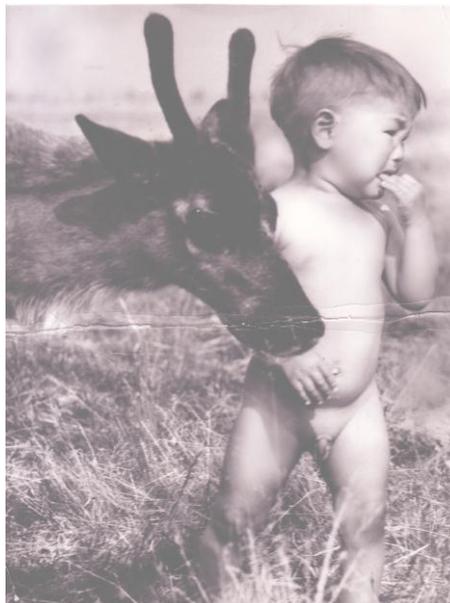
Остров Врангела считается «родильным домом» белых медведей, Но рожают они зимой. Ну а о том, как мне привелось столкнуться с этим «хозяином» острова в летнее время, поведаю немного ниже. А сейчас расскажу ходячую на Врангеле байку. На посадочную полосу в Сомнительном приземлился самолет биплан АН-2. Экипаж ушел отдохнуть, погреться и подкрепиться в домике радиста, а механик остался подготовить машину к обратному полету. Его несколько раз окликали из избушки, но он продолжал возиться у самолета. Вдруг кто-то похлопал его по плечу, но полагая, что это кто то из экипажа, он проворчал, что вот сейчас закончит и придет. Его еще раз похлопали по плечу, и, оглянувшись, он увидел за собой огромного белого мишку. С перепугу, он каким-то неведомым образом запрыгнул на крыло самолета. А медведь продолжал колотить лапой по самолету, пытаясь дотянуться до перепуганного человека. Он начал орать и звать на помощь. Из дома высыпали люди и с помощью разных подручных средств отогнали зверя. На расспросы том, каким образом он оказался на крыле самолета, вспрыгнув на 2-х метровую высоту, механик ответить не смог. (Вот замечательное это свойство симпатической нервной системы - в стрессовых ситуациях максимально активировать мышечную активность!).

На Врангеле леса, в привычном нам понимании, нет. Однако стелящиеся карликовые (длиной до 15-ти сантиметров), чаще ивовые, деревья встречаются постоянно. Ну а если есть лес, то должен быть и лесник. В Сомнительной им был тот невзрачный мужичек по фамилии Гаев. Через окно своего домика на другой стороне реки он в бинокль постоянно наблюдал, насколько аккуратно мы передвигаемся по тундре - не ломаем ли «деревья» и не рвем ли цветы. Мы старались смотреть под ноги, чтобы не примять деревца, а вот молодую поренью иногда рвали. Уж больно вкусный из нее получался салат.

На другой от нас стороне Сомнительной жил также эскимос Ульвилькот с женой Клявой и сворой привязанных возле дома ездовых собак. Ульвилькот был легендарным человеком, поскольку в молодости целый месяц пропутешествовал в океане на оторвавшейся от берега льдине и вернулся целым и невредимым.

Старожил острова охотник-промысловик Ульвилькот
(Из интернета)

Будущий оленевод

О современной жизни этой эскимосской пары Таня рассказала в «Чукотских байках»:

Но истинными аборигенами были лишь двое обитателей поселка - эскимосы Ульвилькот и его жена Клява. Впрочем, позднее у нас возникло подозрение, что Клява не здешняя. Похоже, Ульвилькот нелегально привез ее из Аляски, спрятав в мешок вместе с винчестером.

. . . Мы решили пригласить Ульвилькота и Кляву к себе в гости на чаепитие.

Они приняли наше приглашение. Отведав наше скромное угощение и рассказав несколько баек, супруги вдруг заторопились и, наскоро раскланявшись, ушли домой. Обиделись что ли? Через некоторое время в комнату заглянул дежурный по кухне и растеряно протянул:

- А канистры то нигде нет!

. . . Мы нехотя присоединились к поискам. Но вскоре стало ясно, что пятилитровая канистра с 96-ти градусным спиртом исчезла. . . Выходило, что гости и в самом деле прихватили канистру. Может быть, они решили пошутить?

. . . Шутки шутками, но речь идет о жизни людей. Как ни крути, нам предстояло произвести немедленное расследование.

. . . Задача наша заключалась в том, что бы . . . поделикатнее вернуть украденную канистру, не причинив людям обиды. Посоветавшись, мы решили нанести недавним гостям срочный ответный визит. Для выполнения этой миссии назначили двух самых тактичных представителей нашей стороны - обладателей тихого и проникновенного голоса.

Перекрестив на дороге послов, мы вытолкнули их за порог и прильнули к окнам.

Нерешительно приблизившись к дому, послы потоптались у входа и осторожно пальчиком постучали в дверь... За домом залаяли собаки, но дверь никто не открыл. Немного выждав, послы постучали чуть настойчивей. Ответа не было. Заглянули в окна. Они были завешаны изнутри, а в стеклах отражалось яркое солнце. Дернули дверь - закрыта. Это еще больше настораживало. Обычно аборигены не закрывают дверь, разве что, если медведь поблизости бродит. Собаки заходились от лая, а в доме - полная тишина. Послы собрались было отступить, но подоспела подмога. Все вместе мы окружили дом и стали стучать в окна, двери и стены. Сначала кулаками, а потом и ногами...

Многоопытный Толя (местный радист) резонно заключил:

- Опоздали. Не откроют. Дайте им проспать.

Сомнений не оставалось. Канистра обнаружила себя косвенным образом.

На следующее утро мы приступили к повторной атаке. Стучали с интервалом в полчаса, но с тем же успехом. Толик вновь пытался нас успокоить:

- Бросьте, ребята, они еще не отошпались.

Но тревога нарастала - и за людей страшно, и дело подсудное. Но ломать дверь никто не решился.

На третьи сутки дрогнул и Толя. Дым из трубы не валил, выли голодные собаки...

Мы связались по радию с административным центром острова и просили срочно прислать представителя местной власти. Руководство отреагировало на наше сообщение очень спокойно, почти равнодушно...

- И на сей раз все обойдется, - уверенно заключило руководство.

Но мы настаивали на своем.

- Ладно, высылаем вездеход. Только что прилетела дочь Ульвилькота. Она их и разбудит.

Дочь Ульвилькота - танцовщица чукотско-эскимосского ансамбля - решила провести свой короткий отпуск между гастролями у родителей. К нам она добралась на вездеходе лишь к вечеру и сразу кинулась к родному дому.

Но и ей никто не открыл. Она кричала что-то по-эскимоски, прикладываясь носом к окнам, но дом был глух. И тогда вперед выступил приехавший вместе с ней милиционер. Ему предстояло взломать дверь. Мы отошли в сторону и стали полукругом. Дочь Ульвилькота прижалась к нам, ее трясло. Все притихли в ожидании трагической развязки.

Милиционер подошел к двери и в последний раз прислушался. Все затаили дыхание. Даже собаки смолкли. Он крепко взялся за ручку... И тут неожиданно, как бы сама собой медленно открылась дверь...

На пороге стоял синий Ульвилькот. За его спиной угадывался знакомый силуэт Клявы...

Несколько минут все молча глядели друг на друга. Затем Ульвилькот осторожно переступил порог и, чуть присев, поинтересовался:

- А почему такой шум, однако?

И, видимо, догадавшись, чего от него хотят, он юркнул в сени и вынес оттуда пустую канистру. Сильно отекавшее за эти дни лицо его будто вопрошало:

- И из-за этого-то весь сыр-бор?

Его удивлению не было границ, и он был абсолютно искренен!

Глядя на него, я вдруг усомнилась в реальности происходящего. Может быть и в самом деле ничего не случилось? Просто мы по-разному смотрим на мир. Может быть мы не понимаем простых вещей, например, что спирт нельзя украсть. Разве воздух воруют? Разве воду делят?

И кто мне объяснит, виновны ли эти двое? И они ли виновны?

Как там, в Евангелии сказано? «И кто соблазнит малых сих...».

Здесь надо отметить, что спирт на Чукотке появился давно, еще до революции, со времен американских промышленников, которые расплачивались им с аборигенным населением за ценные шкуры, добытых ими пушных зверей. Но алкоголизма как заболевания на Чукотке не было. Спирт находился в руках шаманов, которые им умело манипулировали в своих магических целях. Но с установлением Советской власти, разрешившей свободную продажу алкогольных напитков, хронический алкоголизм при отсутствии у палеоазиатов фермента, расщепляющего алкоголь, стал бичом коренных народов, значительно усложняющим и без того их нелегкую жизнь.

Другой легендарной личностью на Врангеле был эскимос Иван Павлов, приехавшей сюда еще мальчишкой с первыми колонистами. Как-то наблюдая за трактором, убирающим снег на поле для взлета и посадки небольших самолетов, он, никогда не видевшей такой удивительной машины, упросил тракториста позволить ему сесть за руль и расчистил эту площадку так ловко и с такой точностью, что поразил всех, наблюдающих за его работой. И.Павлов был сиротой и так привязался к Г.А.Ушакову, что стал его верным помощником и был им усыновлен. Закончив в Москве какой-то механический техникум, Иван вернулся на остров, где долгие годы работал механиком.

Павлов жил в своем домике на берегу пролива Лонга, километрах в трех от Сомнительной, до которого надо было идти по заброшенной взлетной полосе, построенной еще во время войны американцами, доставляющими сюда грузы по договору о Ленд-Лизе. С ним у меня установились очень хорошие отношения. Он иногда приходил к нам на чаепитие, а я посещал его одинокое жилище. В этом домике кроме покосившегося стола, нескольких таких же табуреток и самодельного топчана ничего не было, и сильно пахло соляжкой, используемой для отопления. А в одном углу висел портрет Ленина работы местного умельца. Глядя на него, как на икону, Иван всегда говорил одну и ту же фразу: - «У всех народов свой Ленин; у чукчей он с раскосыми глазами».

Старожил острова охотник-промысловик Иван Павлов, помощник и друг Г.А.Ушакова (Из интернета)

(Из интернета)

А здесь Павлов уже старей

Как-то идя к нему, я еще издали увидел его, стоящим на пороге своего дома с винчестером в руках. Подойдя, я спросил: *«Ты всех гостей так встречаешь?!»*. *«А ты оглянись»* - ответил он. Я конечно оглянулся и увидел метрах в 30-ти, идущего за мной огромного белого медведя. *«Я его наблюдаю уже с полчаса»* - сказал Иван. – *«Водки однако не принес, ну тогда пошли в дом пить чай; наверно уже горячий»*.

Иван Павлов подарил мне знаменитую моржовую косточку. Но о ней лучше расскажет Таня в своих «Чукотских байках»:

Прилетела группа из Свердловска. Их было двое. Дама, специалист-генетик, и ее лаборант. Тот, правда, был не свердловчанин, а москвич, и не генетик, а кибернетик. Короче, - профессор, завлаб Института проблем передачи информации. К генетике отношения не имел. Напросился в экспедицию в качестве лаборанта к своей приятельнице, прослышав, что на Врангеле есть моржи.

Приехал он с хулиганской целью - раздобыть на острове некую кость. Как бы поделикатнее ее назвать? Ну, в общем, кость моржового полового члена. Os penis, выражаясь по-научному. Кость эта, надо признать, выдающихся размеров. Мечта же его заключалась в том, чтобы, подобрав хотя бы три равновеликие, соорудить из них табуретку для гостей (очевидно для знакомых дам).

Самое забавное, что внешне лаборант-профессор словно сошел с портрета пламенного революционера Якова Свердлова. Осознавая это сходство, он соответствующим образом стриг свои кудри и носил пенсне на шнурочке. Настоящего имени его я не помню, но мы звали его незатейливо - Свердлов.

Не откладывая дело в долгий ящик, он сразу после ужина деликатно завел разговор о цели своего приезда, мол, нельзя ли, пока он еще не слишком загружен лаборантскими обязанностями, попасть к моржам, на мыс Блоссом. Там, небось, заветные косточки валяются на каждом шагу.

- Почему бы и нет, - ответили мы, переглянувшись, - свяжитесь по радиации с мысом Блоссом. Там как раз директор заповедника скучает. Может быть, он и пришлет за вами вездеход...

Свердлов не почувял подвоха.

- Вот именно, - распаялся он, - именно сейчас, пока я свободен!

На следующий день с утра пораньше он побежал к радисту. Тот, скрывая улыбку, услужливо соединил его с директором заповедника...

Через минуту Свердлов выскочил из рубки, как ошпаренный:

- Хулиган! - возмущенно жестикулировал он

- Что? - посочувствовали мы, - Обложил?

- А вы тоже хороши! Могли бы объяснить обстановку.

- Ладно. Объясняем. Видишь дом на той стороне реки? С четырьмя окнами? Это наблюдательный пункт Гаева. Он лесник. Только не спрашивай, где лес. Леса нет. Есть лесник. С мощным биноклем он ходит от окна к окну и ведет наблюдение за природой. Вернее за нами. Если увидит в руках хоть один тундровый цветочек - конец! Выставит с острова в два счета. Ну, а если обнаружит в руках моржовую кость, заявит в милицию. В аэропорту тебя уже будут встречать. Все экземпляры этих костей на острове учтены. Так что с мечтой можно распрощаться.

Гаев и впрямь был уникам. Мрачный, замкнутый холостяк. Островитянки из поселка Ушаковский пытались женить его на себе или хотя бы соблазнить. Но любые попытки достучаться до его сердца разбивались о железный мундир образцово-показательного чиновника. Государство может гордиться таким служащим! Но он служил не государству, а природе. Ее он охранял от врагов, то бишь, от нас, биологов.

- Зачем же я ехал? - сокрушался Свердлов. - Нет, ребята, врите вы все. Поговорю-ка я с геологами.

Но геологи лишь с сочувствием потрепали его по плечу:

- Поздно спохватился, браток! Времена не те! Вот эти олухи-биологи, туды их в качель, создали на свою голову заповедник. Теперь сами под колпаком. Гаев - похлеце Мюллера будет.

- Неужели я так и уеду без ничего? Ну, хотя бы одну! Одну косточку!

- Попробуй поговорить с Ульвилькотом.

Эскимос Ульвилькот молча выслушал просьбу, опасно оглянувшись на дом Гаева и загадочно протянул:

- Посмотрим, однако...

Через пару дней он появился у нас как раз в тот момент когда мы склонились над первым пойманным леммингом. Ульвилькот потоптался у дверей и, не встретив должного приема, громко крикнул:

- Эй! Кто тут моржовый хрен заказывал?

- Я! - встрепенулся Свердлов.

- Ну, так держи! - сказал Ульвилькот, расстегивая ширинку.

Дамы отвернулись. А он, запустив в прореху руку по локоть и немного там порывшись, вытащил оттуда нечто неопишное: темно-коричневое, волосатое, длиной метра в полтора...

- Вот! - сказал он и торжественно, на вытянутых руках, как дарственную ипагу, поднес это "нечто" к самому носу близорукого Свердлова. Тот зачем-то снял пенсне, понюхал подарок и неуверенно спросил:

- А что это?

- Что-что! Хрен моржовый, вот что! Сам же заказывал!

- Но... я думал... - растерялся Свердлов, - я думал... это кость... белая...

- Здравьете! "Кость белая"! От кости дети не рождаются! А здесь тебе и кость, и мясо!

- А что мне с мясом-то делать?

- Известно что! Варить! Поваришь-поваришь, а потом ножичком, ножичком... Только гляди, чтоб Гаев не застукал!

Настали блаженные дни. Дежурные могли теперь вставать на целый час позже, ибо печь была уже растоплена. Свердлов до завтрака торопился поварить в ведре заветную косточку... с мясом. Косточка эта целиком в ведре не уместилась. Только половина. В этом режиме он и варил: до обеда - одну половинку, а после обеда - другую. Но по-настоящему она варилась лишь рано утром, до появления дежурного по кухне, который всегда безжалостно сдвигал ведро с пылу-жару в сторону. Ну, а сбоку вода кипела слабо. И моржовый член, признаться, не варился, а так себе... тушился. От этого все блюда у нас приобретали характерный, запах. Да и вкус тоже был того...

Откровенно говоря, Свердлов со своим трофеем вскоре выжил нас из дому. Захватив палатки и лопушки, мы ушли в сопки.

... Вернулись мы на свою базу. А там все как прежде: изба полна пару, в котором угадывалась фигура Свердлова, озабоченно склоненного над заветной косточкой и поминутно протирающего запотевшее пенсне...

И еще приведу заметку Стивена Фрайя из замечательной «Книги всеобщих заблуждений», которая называется «Из чего сотворена женщина»:

«Интересно, что в древнееврейском языке Ветхого Завета отсутствуют слова для обозначения пениса. Такое необычное обстоятельство привело двух ученых - Гилберта и Зевита, авторов статьи, опубликованной в «Американском журнале медицинской генетики» в 2001 году, к гипотезе, что Ева была сотворена вовсе не из ребра Адама (Бытие, 2: 21—23), а из кости его пениса. Чем объясняется одинаковое количество ребер у мужчины и женщины, а также отсутствие у мужчины пенисной кости.

Библейский отчет повествует, что после «Господь Бог закрыл то место плотью». По мнению Гилберта и Зевита, это и есть тот самый «шрамик» (известный также как garhe), что проходит по нижней стороне нашего пениса и мошонки».

Эту косточку я привез в Магадан, а сейчас она висит в холе нашей квартиры в Риге, доставляя удовольствие нашей собачке Дюке, и вызывая удивление и зависть наших гостей.

Так же как и Ульвилькот с Клявой, Иван Павлов деградировал на почве хронического алкоголизма. Последний раз я встретил его через несколько лет в Магадане, куда он приехал по каким то своим делам. Вид у него был весьма непрезентабельный, и от него здорово пахло сивухой. Мы расцеловались, и я пригласил его домой на пельмени. «Казенные пельмени? Я ими сыт по горло!» - сказал он, «Да не казенные, а Танины!» - ответил я. Он высоко оценил Танину стряпню, выпил много крепкого чая с различными сладостями. Но в конце все же заметил, что я не угостил его водкой. Мы тепло расстались. Но я навсегда сохранил в памяти образ этого очень хорошего человека.

Незадолго до конца экспедиции в Сомнительную приехал Кестер. Но здесь я снова воспользуюсь Таниными «Чукотскими байками».

Пожаловал он, на сей раз, на вертолете. У него были свои дела государственной важности. Просто так вертолет не закажешь - бешеные деньги.

Вначале вертолет долго кружился над нами и почему-то не приземлялся. Потом, несмотря на наши приветствия, он резко развернулся и полетел к сопкам. Там, насколько можно было разглядеть в бинокль, из него вышли двое, потоптались с полчаса у подножья сопки и, сев в машину, вновь поднялись в воздух. Лишь после этих загадочных маневров вертолет наконец приземлился за нашим домом. Выйдя из кабины, директор заповедника стал аршинными шагами измерять поле, на котором стояли мы. Время от времени он что-то записывал в блокнот. Мы боялись сбить его со счета.

Наконец на правах старшего Виктор Васильевич осмелился с ним поздороваться, но директор отстранил его рукой и продолжал промеры тундры. Окончив геодезические работы, он перевел дух и обратился с приветственной речью к присутствующим:

- Здрасьте! Значит, так: здесь будет крытый бассейн с пальмами, а там - гигантский парник для овощей.

- А что будет там, у сопки, где Вы сейчас были? - осмелилась я задать вопрос тоненьким голоском.

- Где? Там? Там - аэродром. Восстановим бывший военный аэродром!

Ну и ну! Гигант мысли! Вообще-то директора этого заповедника менялись часто. Но этот, видно, планировал остаться здесь надолго.

Подходила к концу наша экспедиция - самая долгожданная и самая бесполовая в нашей жизни. За все лето мы отловили меньше животных, чем в другие годы за один день. Виктор Васильевич торжественно объявил День закрытия полевых работ. Возжи железной дисциплины были вмиг ослаблены. Мы выспались, влать попарились в самодельной баньке и напоследок закатали настоящий пир. - Гуляем! - объявил Виктор Васильевич, потирая руки. Все побоку! Снимаю контроль над Главным Реактивом! Все равно репутация подмочена.

После "пятой" Виктор Васильевич вошел в раж:

- У меня, ребята, есть идея - айда хлять Гаева!

Что такое "хлять" я точно не знаю, но идея была заманчивой.

- Айда! - взревел отряд

Мы поднялись из-за стола. Дом Гаева был рядом - стоило лишь перейти мостик через речку. Но хлять его вот так сразу, без разбега, было как-то несподручно. В качестве разминки мы решили пройтись вдоль нашего берега реки к сопкам. Вышли из дома и ахнули: перед нами развернулась великодушная панорама гряда сопки с подсветкой закатного солнца за ними, багровый отсвет в реке и причудливые пурпурные тучи над головой. За спиной шумело море... Почти театральное освещение сказочного ландшафта пьянило, умножая эффект застолья. Душа рвалась наружу, и мы затянули: "Вот кто-то с горочки спустился" - и, разумеется, "Шумел камыш".

Пройдя километров семь, Виктор Васильевич принял стратегическое решение. Он выстроил отряд и произнес краткую речь:

- Орлы! Разбег взят! Переходим в наступление! Началом операции приказываю считать форсирование реки Сомнительная. Мужчины форсируют водную преграду вброд, а женщины - верхом на мне!

- Обе? - испугалась я.

- Разговорчики в строю! - рявкнул командующий операцией.

Я покорно закрыла глаза.

- Для непонятливых объясняю отдельно, - хрипел он. - Я и только я, отвечаю за всех головой! Особенно за женщины! И переправлю их на противоположный берег лично! Но по одной. Вольно!

Начал он с Нины. Водрузив ее на шею и крепко ухватив за ноги, он вошел в воду не совсем уверенным шагом. Надо заметить, что в период половодья реки на Врангеле становятся бурными и перейти их без шеста трудно даже трезвому. Но перечить начальству, принявшему судьбоносное решение, не положено. И Нина покорно зажмурилась... Шатаясь под воздействием внешних и внутренних сил, Виктор Васильевич медленно продвигался по скользким подводным камням. Справа и слева его пытались подстраховывать рядовые члены отряда, но любую попытку помочь он гневно пресекал. У противоположного берега наш начальник все же поскользнулся на камне и сполз назад в воду, однако в последний момент успел сбросить Нину на берег.

Неудача ничуть его не смутила, и он повернул назад, за мной... Сидеть на нем было и мокро, и страшно. Обеими руками я цепилась в голову, в которой зрели стратегические планы. Но мне повезло меньше. Нину он выкинул на берег сухой, а меня не успел... У самой цели мы сползли в воду.

Выжав одежду, вылив из сапог воду и пересчитав наличный состав, отряд взял курс на дом Гаева. Шли быстрым шагом с перебежками. Покрыв семь километров, мы подошли к поселку. Но, черт подери! По мере приближения к заветной цели, боевой дух отряда катастрофически улетучивался! Видно начали сказываться водные процедуры. Короче, мы трезвели. К дому подходили уже на цыпочках, как и положено вести себя приличным людям в четыре часа утра.

Окна гаевского дома грозно блестели, но не внутренним светом. В них отражалось поднимающееся из-за сопки солнце. В августе солнце на острове не садится, а лишь ненадолго присаживается. Море стихло. Наступила предутренняя тишина. В глубокой нерешительности мы остановились у самого входа в дом. Чуток постояли. Виктор Васильевич откашлялся, принял воинственную позу и обратился к двери с речью:

- Выходи немедленно, подлый Гаев!

Все, конечно, понимали, что после такой речи Гаеву ничего не остается, как, высунувшись из окошка, взмолиться:

- Ребята! Давайте жить дружно!

Но дом молчал. Интересно, Гаев спит или притворяется?

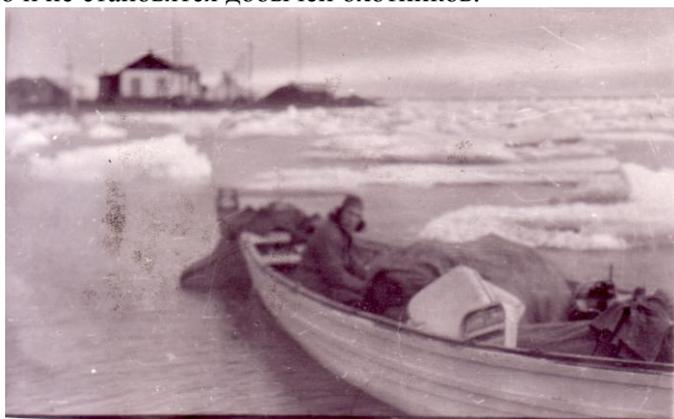
- Ладно, - решили мы, окончательно протрезвев, - пусть живет!

"Так трусами нас делает раздумье...", - сказал бы Шекспир, комментируя нашу метаморфозу.

Попутным вездеходом я проводил Таню в Ушаковский, и в тот же день посадил ее в вертолет до Шмидта, откуда она быстро улетела в Магадан. Мне же надо было вернуться в Сомнительную для того, чтобы собрать наше экспедиционное барахло и подготовить домики к зимовке. Мне предложили воспользоваться вельботом, на котором туда отправлялись Гаев и еще два молодых аборигена. Они наконец-то в конце лета получили лицензию на охоту за несколькими лахтаками (морской заяц) и моржами, из мяса которых приготавливался капальхен (перебродившее и законсервированное в земляной яме мясо морского зверя), необходимый в зимнее время для прокорма собак, а подчас и самих себя. (Кстати, аборигены не болеют цингой, потому, что в капальхине накапливается много витамина С. Однако запах этого «продукта» отпугивает европейцев). Но именно в это время года охота на морзверья уже мало результативна, поскольку убитые моржи камнем падают на дно и не становятся добычей охотников.

Отплыли мы из Ушаковского где-то ближе к вечеру, когда прекратился весь день шедший дождь, но солнце из за туч так и не появилось. На реке Хищники была сделана остановка, но уже не традиционная (опять 180 меридиан), а вынужденная, – какая то поломка в двигателе.

Я пошел гулять по берегу, и здесь стал свидетелем необычного атмосферного явления. Высоко над горами, как бы раздвигая нависшие над ними сплошные тучи, появилось какое-то яркое свечение малинового цвета, величиной с небольшой

В Сомнительную на вельботе (я где то на носу лодки)

тазик, который быстро разрастался до уже большого корыта. Из него начали подниматься в небо лучи всех цветов радуги. Достигнув какой-то высоты, эти лучи стали опадать, как бы собираясь в заново уменьшающийся таз. Когда все лучи полностью в него погрузились, малиновое свечение так же неожиданно исчезло. Но сразу же на этом месте появилось желто-оранжевое солнце, окруженное радужными кругами. Тучи вроде бы исчезли, а это солнце стало опускаться за горы, и вокруг постепенно начало темнеть.

Радуга вокруг заходящего солнца

Начал расспрашивать ребят на вельботе, что же это такое было? Но какого либо внятного разъяснения не получил. Возможно они, занятые ремонтом, и не увидели этой космической красоты.

Я назвал это явление дневным полярным сиянием. Но потом в Магадане, когда рассказывал о нем, все в один голос меня старались уверить, что это была «летающая тарелка», которые на Врангеле появляются довольно часто. Но я стойко отстаивал свою версию.

В Сомнительную приплыли уже темной ночью, ориентируясь на немногочисленные огоньки в окнах обитаемых домов.

Виктор Васильевич и Нина уже упаковали все наши ящики и баулы, и по этому поводу мы устроили шикарную баньку и прощальный вечер с изрядным выпивом. Но вдруг на другом берегу реки началась пальба. Оказывается это военные, приехавшие с Гавай (очевидно, снова поохотиться), затеяли салют, а потом, перепившись, пошли купаться в проливе Лонга. Я тоже расхорохорился, и, несмотря на энергичные протесты начальника, решил окунуться. В воду пролива я-то нырнул, но обжигающий холод воды, в которой плавали громадные льдины, моментально вышиб меня на берег.

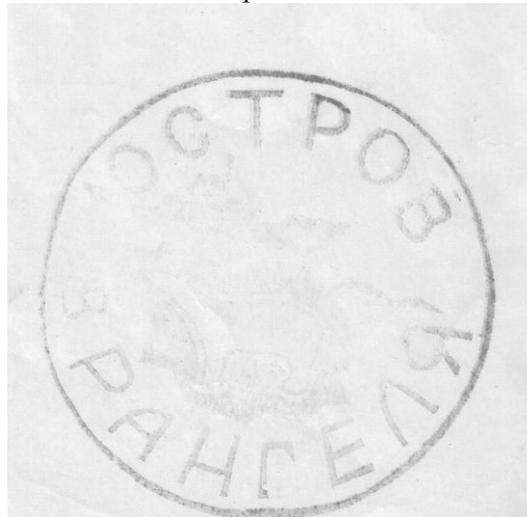
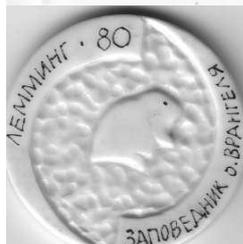

На южном берегу Врангеля (пролив Лонга) в Сомнительной

А наутро мы увидели на горах первый снег.

После легкого завтрака мы загрузили отремонтированный Виктором Васильевичем вездеход и махнули в Ушаковский. Не задерживаясь там, перелетели на мыс Шмидта, а на следующий день улетели в Магадан. Экспедиция благополучно завершилась.

На Врангеле я побывал еще раз, но уже в самом начале зимы. Там планировалось провести Симпозиум «Лемминг – 83» в рамках X конференции «Биологические проблемы Севера», который должен был состояться в Магадане в конце лета 1983 года. Правда, этот симпозиум собирались провести еще в 1980 году и были уже заготовлены значки, вырезанные на моржовой кости в косторезной мастерской в Уэлене, но по каким то причинам он был перенесен. Поскольку от руководства заповедника в институт поступали какие-то противоречивые сообщения, то меня командировали на остров с инспекционной проверкой состояния подготовки к этому мероприятию. Директор заповедника Кестер с недовольной физиономией показал мне помещения, в которых будут размещены участники симпозиума, небольшой клуб, где будут проходить заседания, и сводил на склад, где громоздились груды деревянных топчанов и матрасов для них.. Потом он показал мне договоры о заказе в Певеке комплектов постельного белья, а также и папок для участников симпозиума. А на почте уже были заготовлены конверты со штемпелями острова.

Почтовые штемпели и значок, с надписью Лемминг - 80

В этот двухдневный проезд на Врангель мне посчастливилось увидеть последние лучи заходящего на долгую полярную ночь солнца и великолепное северное сияние.

Последние лучи солнца

Северное сияние

В конце лета на остров Врангеля навалило много народа – участников

Магаданской конференции. Конечно не столько из научного, сколько географического интереса. Мне там делать было уже нечего. А вот Таню, как раз исследующую нейроэндокринный статус популяционных циклов у леммингов, на нее пригласить как бы «забыли»; тогда уже начались наши трения с руководством института.

А с папками вышла забавная история. Часть из них оказалась раритетной; на их обложках вместо «Лемминг- 1983» было выгравировано «Лемминг- 1893». Эти папки, конечно, не раздавали участникам конференции, но у ученого секретаря института они хранились. А вот на значках этого симпозиума так и значилось «Лемминг – 80».

Материковая Чукотка

В Чукотский автономный округ входят 6 районов.

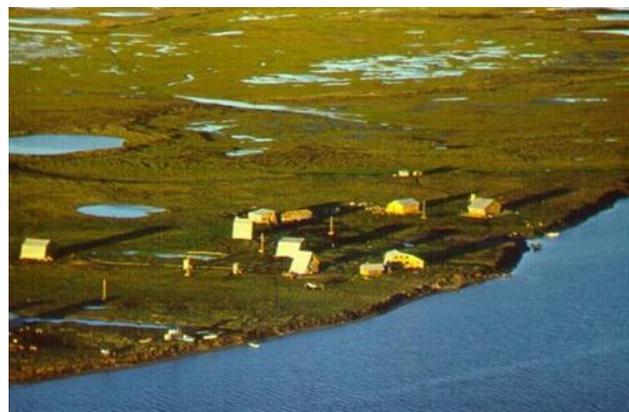
№ на карте	Русское название	Чукотское название
	Анадырь	Кагыргын
1	Анадырский район	Кагыргын район
2	Билибинский район	
3	Иультинский район	Ивылтин район
4	Провиденский район	Урэлкуйым район
5	Чаунский район	Чаун район
6	Чукотский район	Чукоткакэн район

В Усть-Чауне, на острове Айон в Восточно-Сибирском море, у входа в Чаунскую губу, куда впадает река Айон, среди густой сети рек и озер, строился первый советско-американский биологический стационар. Строили его литовские студенты – соотечественники нашего директора – академика Контримавичуса. К сожалению, я там не был.

Строители Чаунского стационара (Таня крайняя справа)

Так выглядит Чаунский стационар сегодня

И снова из Таниных «Чукотских баек» неопубликованный рассказ «Гусиные лапки».

Как-то в октябре, когда уже лежал плотный снег, в наш экспедиционный отряд, изучавший на острове Айон адаптацию песцов к низким температурам, прилетел очередной столичный журналист.

Мы, как принято, усадили его за стол и стали угощать нашей вкуснятиной. А вкуснятиной этой были песцовые ножки.

Дело в том, что для проведения научных работ нам нужны были тушки этих зверьков, которые приносили чукотские охотники, оставляя себе их шкурки. На тушках мы проводили измерения внутренних органов, а остальное выбрасывали. Но один опытный охотник надоумил нас оставлять задние лапы песца и научил нас вкусно их готовить. Чтобы отбить характерный неприятный запах жира, надо было лишь полностью удалить с мышц не только жировые прослойки, но и все пленки, а в сковородку добавить ложку спирта и специ. В результате мясо становилось удивительно нежным, ароматным и вкусным, просто пальчики оближешь!

Угощая гостя, дабы не смущать его, мы выдали песцовые лапки за гусиные. Он вроде бы слышал, что на острове Айон, в отличие от острова Врангеля, где гнездится белый гусь, этих птиц сроду не было. Пришлось соврать, что этого гуся прислали нам коллеги.

Гость ел одну ножку за другой, запивал, да нахваливал. Когда он протянул руку за четвертой ножкой этого уникального гуся, а мы приканчивали пятую и шестую я, с трудом сдерживая смех, стала рассказывать, что местные чукчи и песцом не брезгают. Гость, вежливо сплюнул на пол, покосился в мою сторону и заявил: «Ну и свиньи же эти чукчи, всякую падаль жрут!». Зажав рот и сделав вид, что подавилась, я пулей выскочила на крыльцо, чтобы дать волю сотрясавшему меня смеху.

Но картина, которая открылась моему затуманенному смехом взору, окончательно меня доконала. Я закрыла лицо руками и, застонала от хохота.

«Картина маслом». Полярная ночь. Я в сугробе у крыльца одного из пяти крохотных домиков, стоящих кольцом вокруг небольшой площади. Напротив меня - центральное здание поселка – сельмаг. На фасаде его красуется огромный портрет Ленина, а на торце – второй, с той лишь разницей, что на фасаде Ильич сильно смахивает на Мао Дзе Дуна, а на торце – на Дзержинского. Над дверью магазина на весь поселок орет громкоговоритель, по которому транслируют речь Леонида Ильича Брежнева с очередного партсъезда. В поселке темно и ни души, если не считать группы северных лаек, сидящих прямо перед громкоговорителем. Подняв к нему свои морды и наострив уши, они, казалось, внимательно вслушиваются в речь Леонида Ильича. А над всем этим великолепием высоко в небе колышутся, польхая

всеми цветами радуги, роскошные простыни северного сияния! И в этот момент Леонид Ильич строго замечает: «Данное постановление партии, товарищи, сиськимасиськи не выполняется!»... То ли мне почудилось сквозь полные глаза слез, то ли и на самом деле, две сидящие в первом ряду лайки переглянулись и осуждающе чуть качнули головой.

И тогда я «зашла» окончательно. Слава богу, кто-то выскочил на крыльцо и оказал мне первую помощь, плеснув в лицо воды.

Через пару месяцев в Магадане, я вновь встретилась с этим журналистом и рассказала, чем мы его тогда угощали. Парень снисходительно улыбнулся и похлопал меня по плечу: «Ну да, рассказывай мне байки, можно подумать, что я гуся никогда не пробовал». «С шестью лапами?» - поинтересовалась я.

И еще о чукотском юморе

Я не раз убеждалась, что чувство юмора у чукчей - отнюдь не миф. Как-то во время экспедиции на остров Айон к нам на базу пришел тракторист чукча Саня. Войдя в дом, он кинулся мне в ноги, и, стоя на коленях, молча одну за другой стал извлекать из-за пазухи бутылки вина. Выстроив на полу целую батарею, он, наконец, произнес:

- А шеф твой где?

Я глазами показала на дверь в соседнюю комнату. На пороге стоял изумленный заведующий нашей лабораторией Александр Наумович. Не вставая с колен, Саня круто развернулся и переместился к его ногам:

- Александр Абрамович, я пришел свататься к Тане.

Закашлявшись от неожиданности, тот мягко заметил:

- Во-первых, меня зовут Александр Наумович, во-вторых...

Не дав ему договорить, Саня покорно склонил голову:

- Извините, Александр Наумович, переборщил маленько!

В поселках всех других районов Чукотки мне довелось работать в экспедициях. Здесь я столкнулся с еще одной не продуманной и пагубной инициативой властей, конечно, спущенной «сверху». Велась компания по переселению чукчей из тундры в поселки. Там в щитовых домах они мерзли и в массовом порядке подхватывали простудные заболевания, тем более, что традиционно они спят на полу яранги. Мужчины по-прежнему пасли оленей в тундре, а женщины оставались в поселке без мужей и детей (которых с 2-х лет вынуждены были отдавать в интернаты), что, естественно, способствовало увеличению склонности к пьянству.

В Билибино нас повели по Атомной электростанции, но это чудо XX века на меня впечатления не произвело. А вот наша работа здесь не заладилась.

Зато в Уэлене я несколько дней работал в косторезной мастерской, и познакомился с некоторыми особенно талантливыми художниками, проводя с ними долгие часы в разговорах о их творчестве.

Гравюра Виктора Кошелева «В яранге»

В совершенно изумительном поселке Энмилен мы были в гротах, естественным путем образовавшихся в скалах на берегу Анадырского лимана. В потрясающих заключительных кадрах посредственного в общем-то фильма по повестям Юрия Рытхей «Куда киты уходят», в этих гротах разместился оркестр, играющий великолепную музыку (кажется Э.Артемьева).

У этих скал я повторил свой плавательный «подвиг», примерно с тем же результатом, что и на острове Врангеля в проливе Лонга, что и запечатлел на этом не очень удачном слайде Женя Гельфгат. Это вовсе не ночь, а яркий солнечный день. А на обратном пути в поселок мы набрали на поляну, сплошь покрытую грибами, и набрали их столько, что с лихвой хватило всей группе на ужин под спиртовое возлияние.

Я выброшен на берег Анадырского лимана

Здесь в Энмилене мы стали свидетелями одного страшного зрелища – нападения стаи касаток на большое стадо тюленей. Тюлени

перестроились в кольцо, по периметру которого находились самцы, а в центре белки с самками. А зубастые твари окружили это кольцо со всех сторон, и на страшной скорости врезались в стадо, нападая на крайних. Весь прибрежный участок моря окрасился в красный цвет тюленьей крови. И эта бойня продолжалась как минимум с полчаса, пока все оставшиеся тюлени не вылезли на берег, и, перебирая лапами по песку, поползли к более безопасному месту, где и спустились обратно в воду.

Местные жители мне рассказывали, что раньше чукчи любили охотиться на тюленей, именно во время этих схваток. Дело в том, что касатки вырывают только ливер, а туши тонут в воде. Оставалось только вовремя успеть подхватить эту тушу и втащить ее на борт лодки.

Однако такая охота в бурлящей каше была далеко не безопасной, касатки легко переворачивали утлые суденышки и многие охотники погибали. (Из интернета) Этапы битвы касаток с тюленями

Когда рейсовым теплоходом мы покидали Энмилен, разыгрался сильный шторм. Я хвастался, что меня никогда не укачивает, и стоя на палубе, наблюдал огромные волны разбушевавшегося моря. Когда спустился в салон, то увидел, что вся наша компания сидит в своих креслах в полной отключке. Наша любимая старшая лаборантка Светлана Дмитриевна, слегка приоткрыв глаза, попросила меня поискать в рюкзаке завалявшийся там лимон. Я нагнулся, нащупал этот спасительный фрукт и протянул ей. Но в этот момент вдруг меня сильно затошнило, я открыл рот, и из него струей полилось содержимое моего желудка. И в этот момент раздался визг впереди сидящего вполне интеллигентного мужчины, которому эта струя угодила на пиджак: «Молодой человек, что вы себе позволяете? Я писатель!». «А что я могу сделать!» - пробурчал я, откинувшись в кресло, в котором и задремал. Через некоторое время шторм немного успокоился, и теплоход причалил к поселку Сиреники, где наша группа (но без меня) должна была высадиться. Я уже несколько отошел, и помог им снести на берег их баулы. Но дежурный матрос, думая, что я тоже покидаю корабль, заорал: «А кто корм для рыбок собирать будет?». Но я его успокоил, сказав, что продолжаю путешествие до Провидения. Он выдал мне ведро и швабру, заявив, что тряпок нет, да и вода в туалете кончилась. Пришлось достать какие-то мои вещички, и кое-как привести в порядок салон теплохода. Сполоснувшись морской водой, ведро которое принес мне этот матросик, я остался на палубе, и всю дорогу до Провидения любовался громадными фонтанами воды, которые пускали оживившиеся после бури киты, сопровождающие теплоход почти до самого прибытия в порт.

Я хорошо поработал в интернате спецшколы в Провидение и еще до отлета в Анадырь, где вся наша группа должна была воссоединиться, успел смотаться в поселок Лаврентия.

В Анадыре нам посчастливилось попасть на замечательный концерт чукотско-эскимосского ансамбля «Эргирон»; в это удивительное зрелище я был влюблен, посмотрев несколько раз их выступления еще в Магадане.

Накануне отъезда из Анадыря, уже отправив всю экспедицию в Магадан, мы с Женей Гельфгатом всю ночь квасили остатки спирта, мешая его с различными другими напитками из буфета Рафы Альберта (нашего друга, в квартире которого мы остановились). Я перелил остатки этой смеси в двухсотграммовую бутылочку из-под пепсиколы, сохранив ее нам на дорогу, ничего не сказав об этом Жене. Но когда на пароходе переплыли лиман и штурмовали автобус, идущий в аэропорт, просил его не очень давить рюкзак. Молодые девушки на регистрации в аэропорту эту бутылочку обнаружили и спросили, что в ней содержится. Женя, увидев в бутылке коричневую жидкость, бодро ответил – «Коньяк!». Но нас попросили эту бутылочку опорожнить. Я долго пререкался с ментами, требуя показать инструкцию, в которой сказано, что спиртное нельзя в самолете провозить. Нехотя они мне указал на листок бумаги, в котором действительно имелась строчка о том, что в открытом виде спиртное провозить запрещено. Я вышел на крыльцо аэропорта, и стоя около урны еще поразмышлял, куда девать бутылочку, но потом вылил все ее содержимое себе в рот. Уже не очень твердо стоя на ногах, я вернулся на регистрацию, где менты устроили мне тщательный личный шмон, но ничего не обнаружив, пропустили на посадку. Пошатываясь, я поднялся на борт самолета, и увидел, что в нем сидят много ментов высокого ранга. (Потом выяснилось, что они летят в Магадан на какое-то свое сборище). «У, менты поганые, напоили хорошего человека» - сказал я, и со слов Жени, будто бы хотел понизить каждого в звании на одну звездочку. Но эти милицейские чины как-то на это не отреагировали. А потом я стал пытаться посватать Женю какой-то девице. Но в это время со страшным шумом со взлетной полосы стали подниматься военные самолеты. Я уселся в свое кресло и тут же отключился, а когда где то через час проснулся, наш самолет еще только заходил на взлет. Я как-то сразу протрезвел и уже спокойно мы долетели до Магадана.

Еще несколько строк из рассказов Жени Гельфгата о его экспедиции в поселок Нешкан.

Апрель. Стая ездовых собак, которые с громким лаем обследовали обширную помойку, вдруг притихли и стали повизгивать. И из тумана появляется темное пятно носа, а потом и голова белого медведя.

Гостиница. Рядом с ней выгребная яма, в которой роются собаки. А над ямой деревянный клозет. Второй секретарь Магаданского обкома по нужде посетил это заведение. Но только он присел, как собачка через очко лизнула ему задницу. Разразился скандал, после которого срочно построили каменное сооружение.

Колыма

На 23-м километре Колымского тракта, в бараках, где раньше размещались заключенные т.н. «мамкиного» лагеря, т.е. лагеря для женщин с детьми, находилась областная психиатрическая больница, в которой я первые несколько лет раз в неделю проводил исследования ЭЭГ больных, заодно и набирая материал по своей научной работе. А недалеко от нее располагался поселок Снежка, где наш институт построил базу отдыха. Мы по весне довольно часто ездили туда кататься на лыжах и эти походы всегда завершались в парной и бассейне этой базы.

Километрах в 50-ти от Магадана по обе стороны Колымского тракта располагаются два крупных поселка городского типа. Слева на берегу Охотского моря – Армань, в устье одноименной реки (очевидно, что коньяк «Арманьяк» назван в его честь), справа на берегу бухты Гертнера - Ола, тоже в устье своей одноименной речки, в которой можно горстями собирать агатовые и топазовые камешки.

В обоих поселках я исследовал детей в интернатах.

Речка Ола

Кедровый стланик

Иван чай на Оле

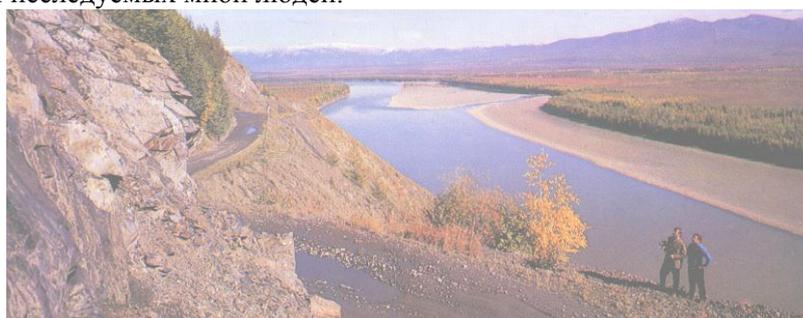
Лесное чудо

В очень холодную, первую мою зиму работы в Магадане, на Колыме - в шахтерском поселке Кадыкчан высадили большой десант ученых из Москвы (1 Мед. Институт - лаборатория психофизиологии Фили Березина), Новосибирска (СО АН), Красноярска (СО АМН), Владивостока (ДВНЦ АН - лаборатория физиологии Израиля Ицковича Брехмана), и Магадана (ИБПС - лаборатории физиологии, нейроэндокринологии и наша лаборатория экологической генетики). Такая представительная компания в течении 2-х недель разносторонне исследовала состояние здоровья и заболеваемость рабочих угольных шахт. Там я впервые опробовал мой французский электроэнцефалограф. По окончании работы вся эта большущая группа ученых возвращалась в Магадан. В поселке Сосуман, где мы ждали магаданского автобуса, в малюсеньком здании автовокзала было так тесно и душно, что я вышел покурить на улицу. На морозе свыше 50°, несмотря на теплую экипировку, я так продрог, что потом в автобусе, несмотря на срочно принятые меры в виде внутреннего потребления изрядного количества спирта, дрожал всю долгую дорогу, пока не оказался дома в Магадане. Как ни странно, я не простудился, но запомнил это неприятную дрожь на всю жизнь. Потом ездил в Кадыкчан еще несколько раз, но уже чаще летом, продолжая наблюдать за судьбой исследуемых мной людей.

В Кадыкчане - перед спуском в шахту

Однажды обратно в Магадан я возвращался не обычным путем на автобусе, а на углевозе по старому Колымскому тракту до рудника Матросова, где я тоже проводил мониторинг ранее исследуемых шахтеров, добывающих не уголь, а золото. Но основная причина

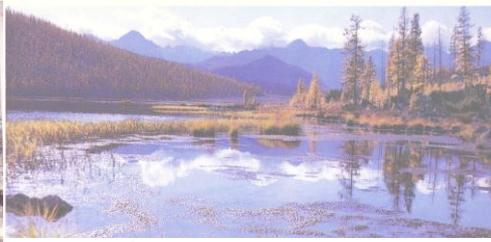

Старый Колымский тракт (Из интернета)

выбора этого более длинного и опасного маршрута была в том, что я решил в очередной раз повидать Сережу Ковалева, отбывающего там ссылку. Несмотря на очень заброшенную дорогу по горному серпантину, в ущельях которого лежали многочисленные остовы разбившихся машин, и не совсем трезвого водителя, который с большим трудом вписывал тяжело груженную машину на крутых поворотах по самому краю страшных обрывов, я не отрывал глаз от открывшихся колымских красот. Не грех и возгордиться, что и ты преодолел знаменитое колымское кольцо, а заодно и помянуть чаркой тех, кто, строя эту дорогу, навсегда остался в ней, и чьи безвестные могилы уже никогда не отыщутся.

Как нарисовано

Озеро Джека Лондона
(Из интернета)

Синегорье – Колымская ГЭС

Около поселка Ягодное мы сделали остановку у удивительной красоты и не менее удивительным названием озера Джека Лондона, а потом проехали мимо еще тогда строящейся в Синегорье Колымской ГЭС.

Ну и запомнилась еще экспедиция в Омолон. И не столько своими результатами, сколько великолепным времяпровождением. Почти каждый день молодежь отправлялась на рыбалку и возвращалась с приличным уловом. Вечерами ходили в гости, куда нарасхват нас приглашала изголодавшаяся по контактам с «приличными» людьми местная интеллигенция. Там нас угощали редким уже омолонским осетром и строганиной из другой очень вкусной рыбы. И эту вкусную еду мы обильно обмывали 70-ти градусным спиртом. А ночью шеф нашей лаборатории Леня Соловечук отправлялся по-бабам. Но работа как-то не очень клеилась, да и быстро наступала весна, и взлетное поле начинало быстро превращаться в озеро. Чтобы не застрять надолго (как минимум на месяц) в этом гостеприимном поселке, работу надо было прекращать. И к большому неудовольствию Соловечука мы собрали манатки и воспользовавшись, очевидно, последним вертолетом, улетели в ближайший аэропорт, откуда без задержки грузовым самолетом были доставлены в Магадан.

Отлет из Омолона (крайний слева я, точнее моя спина) ругаюсь с Леней Соловечуком

А вот по заграницам я ездил немного, всего 2 раза.

Первой страной была **Румыния**.

Это было очень давно, когда я еще был в «сумасшедшем доме», и только-только защитил кандидатскую диссертацию. Директор института Дмитрий Дмитриевич Федотов формировал группу для т.н. «научного туризма» в Институт неврологии Румынии. В эту группу, помимо себя, он включил, двух замдиректоров (по научной и хозяйственной части), несколько ведущих психиатров – заведующих клиниками и рангом ниже, заведующего оргметодотделом. И почему-то Федотов включил в компанию и меня. Конечно среди них обнаружили и наши собственные стукачи. Для оплаты этого мероприятия всем была выдана денежная премия – каждому по их чину. Мне перепало аж 200 р., т.е. несколько меньше моей зарплаты старшего научного сотрудника.

Ехали мы туда поездом, заняв в вагоне почти все купе. Все друг друга хорошо знали и поездка получилась довольно веселой. Поскольку наш институт числился головным психиатрическим учреждением, то чуть ли не на каждой остановке в вагон вваливалась группа местных психиатров, в основном с съестными и питейными подарками для «начальства», которые всеми нами без задержки и с удовольствием уничтожались. А в Кишиневе их целая компания подседа в вагон и на пограничной станции Унгены, где поезд долго переставлялся на колеса, способные ехать по узкой европейской колее, устроила торжественный пир.

В Бухаресте директор института – известный нейрофизиолог А.Крейндлер принял нас не очень любезно, уделил беседе не более 15-ти минут, сказав, что у него нет времени, поскольку он ждет с минуты на минуту делегацию психиатров из Америки. Дмитрий Дмитриевич таким приемом был страшно уязвлен, и заявил, что в этом институте ноги его больше никогда не будет.

Я же встретил в институте моего знакомого Димитреску (к сожалению, запомнил его имя), с которым мы в Москве вместе осваивали методику вживления в мозг животных микроэлектродов. Он как раз отлаживал эту методику у себя в институте, и, испросив разрешения у Д.Д., все 10 дней, отведенных на посещение Бухареста, я провел у него в лаборатории. Поэтому я не очень много увидел в этом красивом городе (помню только художественный музей, где впервые столкнулся с картинами Марка Шагала, и удивительную, совершенно неоглядную поляну роз). Но вот по роскошному ночному Бухаресту Димитреску меня повозил вдоволь.

Здесь я хочу пересказать байку Ольги Виноградовой. Она была в этом Институте неврологии много раньше нас, когда его директором был еще знаменитый и тогда уже очень старый Константин Пархон. Ольга привезла с собой первый советский плетизмограф (аппарат для графического определения

колебаний объема различных членов тела в зависимости от степени их кровенаполнения) и с его помощью исследовала больных. Но по договору каждый день этот прибор увозили на завод для разборки и копирования деталей, чтобы потом производить эту аппаратуру в Румынии. Конечно, после такой ежедневной процедуры плетизмограф не работал и инженер Йони его пытался настраивать. Ольга была очень способная в освоении иностранных языков. Она прекрасно знала английский и французский, а через месяц уже прилично говорила по-румынски. И как-то, разозленная этими ежедневными поломками аппарата, она ворвалась в кабинет Пархона, и на чистом румынском языке стала орать, что так работать невозможно. Каждый день они с Йони регулируют (здесь она употребила английское - regulate) прибор, а больные все ждут и ждут. При этих словах Пархон покраснел и стал хохотать, а А.Крейндлер, находящийся здесь же, вытащил ее в коридор и сказал, чтобы она никогда не употребляла по-румынски это слово. Регулировать по-румынски будет *reglat*, а *regulate* означает койтус.

В Бухаресте к нашей группе присоединились физиолог Слава Шахнарович и две обворожительные девицы Лена и Тамара (фамилии запомнил) – журналистки из АПН, с которыми мы очень сдружились.

После Бухареста, несколько дней на автобусе нас возили по различным румынским городам, которые не произвели на меня особого впечатления.

Запомнился только совершенно игрушечный город Брашов, заселенный в основном не румынами, а трансильванскими немцами. Здесь в кафедральном соборе с названием Черная церковь - лютеранская церковь святой Марии, потряс орган, трубы которого то ли проведены в колонны храма, то ли акустика здесь такая, что кажется, будто звук выходит из них. Это создает совершенно необычное, какое-то объемное восприятие музыки, кажется, что играет не орган, а весь храм целиком. Больше нигде, ни в одном соборе, я такого ощущения не испытывал.

Ну и конечно, городок с необычным названием Синай, где находится изумительная летняя резиденция румынских королей.

Черная церковь в Брошове
(Из интернета)

В Синае

Наша теплая компания в Брашове
Слева направо: Лена, Валя Бориневич, Тамара,
я и Слава Шахнарович.

Ну а затем на целых 10 дней нас отвезли на Черное море в Эйфорию.

Вообще-то Эйфория не один, а целых два городка, расположенных километрах в пяти друг от друга – Северная Эйфория и Южная Эйфория. Мы жили в Северной Эйфории. Здесь немцы из ГДР составляют основной поток туристов и все обслуживание сервисных служб говорит исключительно по-немецки. Валя Бориневич, свободно общающийся с работниками гостиницы на немецком языке, однажды подслушал такой разговор. Какой-то турист (очевидно, немец) спросил у дежурной, не немцы ли мы? И она ответила так: «Они не немцы, а *sowjetisch*, но очень хорошие

люди». Конечно, мы шибко загордились. А Южную Эйфорию оккупировали немцы из ФРГ. Различных увеселительных и игровых заведений здесь было значительно больше, но, вроде бы, никого из нас это особенно не тревожило.

Из одного городка в другой нужно было пройти по песчаной косе, с одной стороны которой было море, а с другой - лиман с абсолютной плотностью растворенной в воде соли, ну так же, как в Мертвом море. В лимане можно было купаться только на специально оборудованных пляжах, но вход на них был платный, не по нашему карману. И однажды на прогулке по косе мы все же решились нарушить запрет и искупаться в этом чуде природы. Плавать в такой воде было трудно, но вот просто лежать без всяких телодвижений, подставив пузо обжигающему солнцу было очень приятно. Но вот когда мы вылезли на берег, чем-то обтерлись, натянули на себя легкую одежку и не спеша потопали в гостиницу, нас стал одолевать зуд, а когда посмотрели в чем дело, то увидели, что вся кожа покрыта коркой соли. С шага перешли на быстрый шаг, а в конце уже и бежали, возможно, ставя рекорды. В гостинице долго стояли под душем. Но ощущение того, что кожа глубоко пропиталась этой морской солью, сохранилось до возвращения в Москву.

На морском же пляже было по курортному скучно, и мы дружно пришли к заключению, что в Крыму было бы не хуже. Слава Шахнарович порадовал нас новой песенкой:

*«На Синайском на полуострове, /где лежит государство Израиль, /
положение очень острое, /потому что воинственный край».*

*Там не ладят евреи с арабами, /часто дело доходит до драк. /
И давно пора прекратить бы нам /этот ближневосточный бардак. /
(Ну и т.д.).*

Песенка нам очень понравилась, и вместе с Д.Д.Федотовы мы дружно ее пели, к явному неудовольствию некоторых других членов нашей группы.

Несколько раз всей нашей тесной компанией мы ездили в Констанцу, где осматривали артефакты, сохранившиеся со времен древнего Рима, а потом всегда шли к памятнику Овидию и пили замечательное пиво в пивнушке, которая так и называлась «У Овидия». Нашему замдиректора, и, судя по всему, стукачу эти наши отлучки явно не нравились. Как-то он намекнул об этом Д.Д.Федотову, но тот его оборвал, сказав, что ездим мы туда по его заданию, и, следовательно, тревожиться нет никаких оснований.

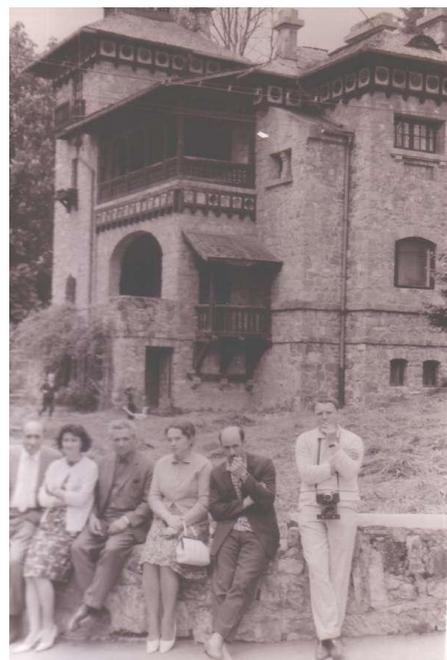
Каждый вечер мы заходили в дешевые приморские ресторанчики, заказывали на всю нашу компанию бутылку сухого с изумительным букетом Muskata Отонеля и слушали замечательные выступления различных цыганских ансамблей. Как-то зашли в немецкий ресторанчик, в котором за роялем молодой пианист исполнял исключительно немецкие мелодии. Взяли с собой бутылку вина, но предполагая, что ее может нам не хватить, спросили, до какого часа это заведение работает? И услышали совершенно необычный для советского уха ответ: *«ресторан работает до последнего посетителя».*

Конечно, той мелочи, которую нам обменяли на румынские деньги, даже при наших скромных потребностях хватить никак не могло, а обменять нашу рублевую мелочь на леи было никак невозможно. Рубль в Румынии не считался валютой. Слава Шахнарович предположил, что возможно где-то можно сдать пустую тару из-под вина. Мы обошли этаж гостиницы, который занимала наша группа, и набили почти полтора рюкзака бутылками. Но где эти бутылки принимают? Сказали, что на местном рынке есть такая палатка. Нашли ее, и на ломанном русском языке (нам казалось, что так нас лучше поймут) спросили *«Можно ли сдать тару»?* Пожилой дядька, сквозь черную с проседью бороду, на чистом русском языке, но с южным акцентом, ответил *«Канечно, дарагие! А почему же нельзя?».* И поинтересовался, откуда мы приехали... Ну а узнав, что из Москвы, с гордостью добавил: *«А я старый одесский жулик!».* Не пересчитывая бутылки, он отвалил нам, как нам показалось, кучу денег (хватило всей компании два вечера посидеть за бутылкой вина). А потом стал соблазнять нас из Южной Эйфории на небольшом теплоходе без всяких виз и паспортов прощвырнуться в Стамбул. *«Это совсем безопасно, никто ничего не проверяет! Вечером вернетесь».* Мы поблагодарили его, но на такой безумный шаг не решились. Вот так я и не попал в Стамбул.

Ну а второй страной, которую я посетил уже из свободной Латвии, был **Израиль**.

Путешествие в Израиль уже не за государственный счет, а за счет господина Дж. Сороса.

Сразу после возвращения из Израиля я написал что то вроде очерка об этом чудесном путешествии. Но здесь приводить его не буду, а отсылаю к Приложению 4. Теперь там многое изменилось и иногда возникает вопрос: *«Сохранился ли или снова погибнет государство Израиль?».*

Наша компания
с Д.Д.Федотовым в Эйфории.

Несколько эпизодов, которым не хватило места в текстах этого опуса

(Все фотографии из интернета)

Встреча с великим хирургом

Еще учась в Академии, на занятиях по оперативной хирургии я заинтересовался применением новокаина как местного анестетика. Однако полной анестезии у крупных животных достичь почему-то никогда не удавалось. По знакомству мне удалось получить аудиенцию у самого А.А.Вишневого. На мои же конкретные вопросы он никакого вразумительного ответа дать не смог. Но польза от визита была. Я присутствовал на двух полостных операциях, которые он проводил только под местной анестезией.

Резекция желудка по поводу рака. – Разговор хирурга с оперируемым больным: - «Водку пьете»? – «Пью! И каждый день. Иногда бутылку, а бывает и две и даже три. Доктор, а теперь мне пить будет нельзя? Ведь вы у меня желудок отрезаете». – «Да нет, можно, я тебе там фитюльку на триста грамм оставляю!»

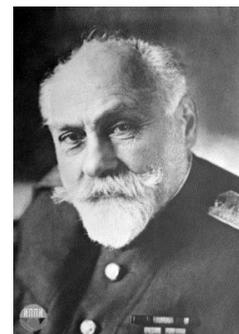
Операция по поводу аппендицита. Такие простые операции Вишневский сам давно уже не проводил, но родители молодой девушки, хорошие знакомые А.А., уговорили его самому провести операцию их единственной дочери. Он вскрыл брюшную полость, вытащил какую-то кишку и уже занес скальпель, но очень опытная операционная сестра шепчет ему – «Труба!». - Так повторялось три раза подряд. Наконец, А.А. плюнул и ушел, передав продолжать операцию другому хирургу, который быстро и успешно закончил ее. Так благодаря медицинской сестре девушка не лишилась фаллопиевых труб и избежала бесплодия.

Как я не попал в гости к Л.В.Латманисовой.

Как то я проводил лето в Ленинграде, как раз в то время, когда Юра Аршавский был на практике в Колтушах. Его пригласила в гости профессор Латманисова, которая работала на кафедре физиологии ЛГУ еще при жизни Н.Е.Введенского. Я тоже напрашивался в гости, но Юра меня не взял, посчитав это просто неудобным. Во время их беседы Юра как-то машинально взял с большого блюда бутерброд с колбасой и моментально его проглотил. Смущенный таким неприличным поступком, он сослались на колбасу, которая уж очень вкусно пахла. Какое счастье, что он не взял меня к ней в гости. Смотря на него, я бы тоже не удержался от похищения бутерброда. И получилось бы совсем уж неприлично.

Доклад Л.А. Орбели

На заседании Физиологического общества академик Директор института сравнительной физиологии Левон Абгарович Орбели, будучи уже в почтенном возрасте, делал доклад о роли симпатической нервной системы. В отличии от многих, он всегда говорил блестяще, не заглядывая ни в какие записи. И все были удивлены, когда Л.А. вдруг начал читать с написанного текста, не отрываясь от него. Он прочитал несколько фраз, тряхнул своей седой шевелюрой, прочитал этот текст заново, вскинул глаза от бумаги и заявил: «Ну, знаете, с этим я решительно не могу согласиться!». Закрыв бумаги и продолжал доклад, уже в них не заглядывая. Очевидно, за занятостью директорскими делами он попросил кого-то из своих коллег написать доклад, а ознакомиться с его работой не успел. Можно только предполагать, какой вид был у этого сотрудника. Впрочем, Л.А. был мягким, отходчивым и незлобивым человеком.

Визит Лины Соломоновны Штерн

Как-то будучи в Институте психиатрии по своим делам, Лина Соломоновна, уже возвратившаяся из ссылки, заглянула к нам в лабораторию. Она беседовала со своей старой знакомой Эсфирь Семеновной Толмасской. А все мы, не раскрывая рта, только лицецерели этот единственно сохранившийся реликт Еврейского антифашистского комитета.

Поскольку Лина Соломоновна была родом из Латвии, меня упростили сделать о ней доклад на конференции «Евреи в меняющемся мире». Но излагать научный и жизненный путь Л.С. Штерн я отказался и выступил с сообщением «Прижизненная трагедия Лины Штерн и посмертная трагедия И.П.Павлова», в котором попытался сравнить облик этих двух великих ученых.

А.Д.Сперанский – В.Н.Черниговский

Алексей Дмитриевич Сперанский и Владимир Николаевич Черниговский друг за другом возглавляли Институт нормальной и патологической физиологии АМН. Это были настоящие ученые, отличающиеся редкой в то время порядочностью и неизменно доброжелательным отношением к людям. Но обоих объединяло еще одно качество - на их лицах постоянно просматривалось желание немедленно опохмелиться. Однако, если

Алексей Дмитриевич пытался скрыть это свое пристрастие, то Владимир Николаевич нередко терял над собой контроль. Уже переехав в Ленинград и заняв пост директора Института физиологии им. Павлова, он часто навещал Москву и всегда останавливался в академической гостинице «Якорь». Каждый такой визит заканчивался тем, что из ресторана гостиницы звонили Льву Лазаревичу Шик с просьбой привести в чувство не в меру разбушевавшегося академика. На эту операцию всегда отправлялся Марк Шик, прихватив с собой и меня. С большим трудом нам удавалось отконвоировать В.Н в его апартаменты и уложить в постель, в которой он моментально отключался.

Доклад А.Н. Бернштейна

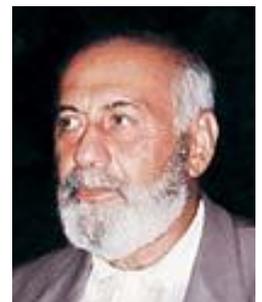
На сессии АН СССР, посвященной биологическим аспектам кибернетики, с первым длинным и нудным докладом выступил академик А.И.Берг. Затем был не менее нудный доклад академика П.К.Анохина о придуманной им теории функциональных систем. И сразу за ним выступил блестящий физиолог профессор Александр Николаевич Бернштейн. Он уже был смертельно болен и его вводили на трибуну, поддерживая с обеих сторон под руки. Но оказавшись на ней, этот пожилой, спасающийся от сильных болей употреблением морфия, человек, как-то сразу оживился и сделал замечательный, и, в ту пору еще весьма крамольный, доклад о физиологии активности, противопоставив ее «единственно правильной»

пассивной физиологии условных рефлексов И.П.Павлова. В нем он, в частности, сказал: *«П.К.Анохин «первым» высказал мысль о том, что деятельность нервной системы корректируется обратной афферентной связью с периферическими органами. Но за много лет до него эта мысль была обоснована автором настоящего сообщения»*. Зал встретил эту фразу хохотом и аплодисментами. Дело в том, что, что в 1936 году П.К.Анохин выпустил небольшую книжонку, а которой полностью содрал все основные положения книги, написанной Н.А.Бернштейном в 1926 году, без каких либо ссылок на него. Да и сама анохинская теория функциональных систем была построена на схемах, перерисованных из книги творца кибернетики Н.Винера, тоже без всяких ссылок на автора.

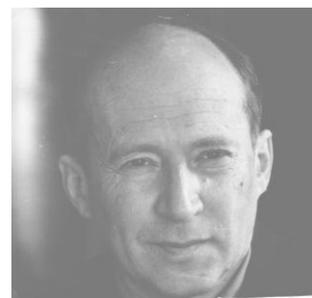
Много позже на конференции в Рязани я столкнулся с П.К. Анохиным в буфете гостиницы. Он стоял как раз передо мной, и расплачиваясь, протянул буфетчице очень крупную купюру, с которой она не могла дать сдачи. Анохин растеряно оглянулся, но никого знакомых не увидев, уставился на меня. *«Да не волнуйтесь Петр Кузмич, я заплачу за Вас»*. *«А где же я смогу вас увидеть, чтобы отдать долг?»* – спросил П.К. *«Увидеть Вы меня можете в Москве на очередном заседании Физиологического общества. Но мне будет приятнее числить Вас в должниках»* - хамски ответил я.

80-ти летие Левона Чайлахяна

Это торжество происходило в Пушкино. Планировалось его проведение не в самом Институте биофизики, а на пленэре на берегу Оки с последующей поездкой на пароходе в Поленово и Тарусу. Но в эти планы вмешалась погода - весь день шел проливной дождь, и праздник перенесли под крышу института. По случаю такого торжественного события был куплен живой барашек, которого должны были разделить на шашлык прямо на глазах у гостей. Но умный баран взял да и сбежал куда-то в лес. Пришлось обойтись уже разделанным и замаринованным бараньим шашлыком. Но это не испортило настроения, и юбилей прошел шумно и весело. А через год Левон умер. Юра Аршавский и Миша Беркенблит написали о нем теплый некролог.

В том же 2009 году умер и их мудрый руководитель великий математик **Изаиль Моисеевич Гельфанд**. В начале 60-х годов прошлого века, заинтересовавшись проблемами биологии, он организовал две нейрофизиологические лаборатории, и сколотив коллектив молодых талантливых исследователей, понуждал его к работе, постоянно индуцируя оригинальные идеи. В журнале «Вестник Российской Академии наук» Юра Аршавский опубликовал о нем замечательную памятную статью «И.М.Гельфанд о математике и нейрофизиологии».

Хотя как-то меня приглашали на его знаменитые семинары, но я их избегал, осознавая, что ничего там не пойму. А познакомился я с Изаилем Моисеевичем в Армении в Цахкадзори на конференции по исследованию мозжечка. Как-то во время одного общего завтрака И.М. распаковал и опустил в чашку пакетик тогда еще неизвестного чая «Пинкертон». Расправив упаковку, он достал ручку, обвел всех глазами и спросил – «Кому дать мой автограф»? Юра ответил, что его автографов у всех достаточно. «Подарите его моему брату Вите». И.М. внимательно поглядел на меня, расписался на этой упаковке, встал и со словами «хранить вечно» вручил мне эту бумажку. Юра шепнул мне «*Действительно храни, через несколько лет архивисты будут драться за этот автограф*». И много лет я хранил и хвастался этой бумажкой, но все же сохранить ее не смог, и уже в Риге она куда то затерялась.

На поминках Миши Цейтлина Израиль Моисеевич Гельфанд сказал: «*Евреи придумали почти все обряды, но до такого значимого не додумались*». И еще: «*Жизнь человека измеряется не количеством прожитых лет, а качеством прожитых дней*».

«Либерман вперед»

Биофизик Ефим Либерман. работал в лаборатории Института проблем передачи информации. Он, конечно, был вздорный, но умный человек. Я с ним был в неплохих отношениях. Знакомство с ним произошло при странных обстоятельствах в перерыве на защите диссертации Оли Фуксон. Как всегда, я ходил по коридору и курил. Вдруг ко мне подходит Ефим, хватая за грудки, и говорит: «*А ты что здесь делаешь? У нас и своих стукачей хватает!*». Здесь подошел Юра и сказал: «*Ефим, успокойся! Это мой родной-двоюродный брат*». Еще будучи в Москве, он стал очень религиозен и постоянно носил под цивильным пальто еврейское одеяние для молитвы с многочисленными веревочками. Кажется, последний раз мы столкнулись с ним случайно в Издательстве Наука, куда я зашел уже не помню по каким делам, приехав из Магадана. Он схватил меня за пуговицу куртки и, не отпуская ее, минимум полчаса говорил о том, что в уже в первой строке Торы описана вся волновая теория. Либерман давно переехал в Израиль. Но где он теперь, да и жив ли еще (ведь лет-то много прошло), не знаю.

Приведу анекдот, который Ефим рассказывал о себе: «*Во время войны я был на фронте помощником командира взвода. Своего командира всегда называл только по имени и отчеству – Павел Иванович, а тот меня кличил только Либерманом. Когда начиналась атака, командир кричал – «Либерман, вперед!»*, а я ему отвечал – «*Так ведь стреляют же, Павел Иванович. Ребят положим!*». Делали несколько шагов и залегали. И снова: «*Либерман, вперед!*» – «*Так ведь стреляют же Павел Иванович. Ребят положим!*». Так всю войну и провоевали».

Когда в лаборатории что-нибудь затевалось новое, то все дружно орали «*Либерман, вперед!*».

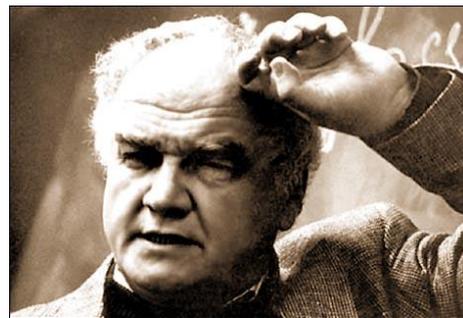
Защита диссертации Алик Шабатом

Мой знакомый еще по школьной жизни на Соколе Алик Шабат, отец которого был довольно известным онкологом, защищал диссертацию по урологии на тему о профилактике и лечении карциномы пениса. Основной вывод диссертации состоял в том, что действенным методом профилактики карциномы является обрезание крайней плоти мальчиков. Такое обрезание в медицинских, (а не ритуальных) целях уже давно практиковалась в Америке.

Ведущий онколог, тогда еще и президент АМН, Н.Н.Блохин выступил категорически против, заявив, что если ученый совет поддержит эту работу, то придется начать делать обрезание прямо сейчас с членов всех присутствующих на защите членов Ученого Совета. Диссертацию дружно завалили. Ее позже после апелляции пришлось повторно защищать уже на Ученом Совете АМН, где она с некоторыми осложнениями была утверждена.

Кома Иванов

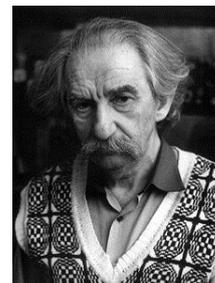
С книгой о межполушарной асимметрии «Чет и нечет» Вячеслава Всеволодовича Иванова, которого все, к его явному удовольствию, величали Кома, я был уже знаком и постоянно ссылался на нее в своих статьях. А познакомился я с ним на своем докладе в Физиологическом обществе, куда я приехал специально из Магадана. Мой доклад ему понравился, и он завалил меня кучей интересных вопросов. Позже, когда во Владивостоке уже вышла моя первая книга о межполушарной асимметрии, он меня с Галей Ершовой пригласил на его дачу в

Переделкино. Тогда он лежал на кушетке с переломанной ногой, поднятой кронштейном чуть ли не до потолка, но был приветлив и весел, и все время рассказывал интересные истории и смешные анекдоты. Поговорили мы и по делу. Ему очень понравилась моя книга, и с его слов он о ней рассказывает студентам на лекциях в Германии и Америке. За чаем с бутербродами и вкусными пряниками я рассмешил его фразой Юрия Ивановича Абызова из тогда еще не вышедшей его переписки с Давидом Самойловым: «*Был в Переделкине, обедал у Комы Иванова. Получил от него недавно вышедшую книжку насчет работы мозга, из которой видно, что мозг у него работает*».

Встреча с Юрием Михайловичем Лотманом

На знаменитых семинарах по семиотике я был всего лишь однажды. В этот раз семинар проходил не в Тарту, а в Нарва-Ис. Вадим Ротенберг после своего доклада уговорил меня выступить с коротким сообщением о результатах северных исследований. Юрий Михайлович потом долго с нами беседовал и высоко оценил эту работу. В этой беседе он в частности высказал мысль, которую я потом и нашел в Интернете: «*Мы знаем смелость. Какой же честный человек ее не будет уважать. Смелость человека, который говорит опасные вещи... Но есть и другая смелость – смелость ученого, человека, говорящего то, что другим кажется неправильным... Но вот час этой смелости тем более трудный, потому, что можно стронуть свою смелость, не выходя из общепринятой точки зрения, поменяв лишь плюсы на минусы*».

На даче у Чуковского

Приехав в отпуск из Магадана я с Сережей Ковалевым, уже вернувшимся из ссылки на Колыме, и его женой Люсей были в Переделкино на даче у Саши Нейфаха. Его теща Клара Лазовская долгие годы была секретарем Корнея Ивановича Чуковского, и она нас повела на эту знаменитую дачу, которая уже стала музеем. По этой даче нас водила внучка Корнея Ивановича Елена Израилевна (Люша). А в конце экскурсии она отодвинула какую-то ширмочку и, понизив голос, рассказала, что за ней работал и отдыхал на тахте скрывающийся от слежки КГБ Александр Солженицын.

За обедом Клара Лазовская вспомнила шуточное двустишие Михаила Светлова, когда она первый раз пришла к нему с каким-то заданием Корнея Ивановича:

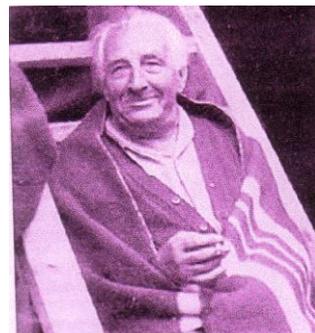
*Клара по-еврейски - Хая,
А говорят, что жизнь плохая.*

Провожая на станцию, Саша повел нас в горку через кладбище, где мы постояли у могил Бориса Пастернака и Корнея Чуковского, помянув каждого рюмкой водки. Я вспомнил, как давно, будучи в Переделкино в гостях у Изи Серебряного, он потащил меня на похороны Пастернака. Ближе нас не подпустили «люди в штатском». За оградой кладбища речей слышно не было, но многочисленные вспышки фотоаппаратов иностранных корреспондентов смотрелись как прощальный салют.

Встреча с Н.В. Тимофеевым-Ресовским

Как то приехав из Магадана в отпуск заехал в Пущино, и мои знакомые Маша Кондрашова и ее муж Симон Шноль предложили мне смотаться в Обнинск на очередной семинар Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Это был человек легендарной судьбы.

(Из интернета) *Н.В.Тимофеев-Ресовский* был учеником известных биологов С.С.Четверикова и Н.К.Кольцова. С 1925 г. по приглашению Общества кайзера Вильгельма он работал в Берлине, руководя отделом генетики и биофизики Института исследований мозга. Здесь он обосновал фундаментальные положения популяционной генетики и заложил основы радиационной генетики. В 1937г. Тимофеев-Ресовский отказался вернуться в СССР, В годы Второй мировой войны в роли интернированного иностранца он продолжает свою научную деятельность в Берлине. В 1945г. был арестован сотрудниками советских спецслужб и отправлен под конвоем в Москву, где в тюремной камере познакомился с А.И.Солженицыным и с сокамерниками организовал научные коллоквиумы. Был осужден на 10 лет ИТЛ, 5 лет поражения в правах с конфискацией имущества, и отправлен в Сунгуль Челябинской области для работы на атомном объекте. Но уже в 1947 году он становится заведующим биофизическим отделом секретной лаборатории. В 1951 году Николая Владимировича освобождают от отбытия наказания. С 1955 года он занял место заведующего отделом биофизики в Институте биологии в Свердловске, где разрабатывает научный подход, который лег в основу мероприятий по ликвидации радиационных аварий. С 1964 года Тимофеев-Ресовский возглавляет Отдел радиационной генетики в Обнинске. Он предупреждал об опасности загрязнения окружающей среды радиоактивными веществами и необходимости тщательного контроля за её чистотой. Деятельность учёного сыграла большую роль в возрождении отечественной генетики. Научная деятельность Тимофеева-Ресовского получила международное признание – он был членом многих зарубежных Академий и лауреатом различных научных премий. А вот на родине был реабилитирован лишь посмертно, только в 1992 г. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский явился прототипом героя замечательного романа Даниила Гранина «Зубр».

Конечно, я далеко не все понял из этого семинара, но, не отрывая глаз, смотрел на этого мудрого старца, который с тонким юмором рассказывал о многом, где рефреном шла фраза «Настоящий ученый не может быть плохим человеком, и наоборот».

«И Альцгеймер с нами!»

С Таней Черниговской мы познакомились давно на конференции по межполушарной асимметрии мозга в Тбилиси. По образованию она филолог, точнее лингвист, но долгое время проработала в Институте эволюционной физиологии им. Л.А.Орбели в лаборатории Льва Яковлевича Баллонова и Вадима Деглина, где разрабатывались вопросы межполушарной асимметрии. Ей нравились мои взгляды на эту проблему, и в беседах под грузинское вино с горячим, прямо из печи, лавашем, окрепла наша многолетняя дружба. Потом она, являясь одновременно и доктором биологических, и доктором филологических наук, перешла работать на филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где и стала профессором. В последующем мы даже состряпали интересную статью об особенностях восприятия запахов людьми с различным типом полушарного реагирования.

Как-то, будучи в Питере, я зашел к Тане потрепаться на факультет. Она была очень занята составлением списка лиц, приглашаемых на международную конференцию по когнитивным наукам. Список оказался очень длинным. И в конце этого списка, думая, что кого-то могла забыть включить, она написала большими буквами «И АЛЬЦГЕЙМЕР С НАМИ!». Вызвала какого-то своего аспиранта и передала ему этот список для рассылки по указанным адресам. Через какое-то время, нарушив нашу милую беседу за чаепитием (или питием чего-то другого!?), этот аспирант врывается в комнату и произносит: «Татьяна Владимировна! Вы забыли написать имя и адрес, куда отсылать письмо этому Альцгеймеру». Хохотали мы никак не менее часа. Теперь, когда я что-нибудь забываю, то всегда произношу эту коронную фразу или ее модификацию: «Нет, я-то, конечно, не забыл, это мой склеротик Альцгеймер, как всегда, забыл мне напомнить».

Сразу припомнился анекдот. Бабушка спрашивает у внука «Слушай, а как зовут того профессора, от которого я без ума»? – «Да Альцгеймер, бабушка, Альцгеймер!» – издевательски отвечает внучек.

Что-то вроде заключения

Итак, вроде бы все завершено. Поставлена последняя точка. Вроде бы больше ничего не вспомню (и не придумаю тоже). Это случилось в странный день, который обозначился одними единичками: 11.11.11. Я посмотрел на часы, на них тоже было 11 часов со сколькими то там минутами. Возможно, их было и 11, но сказать трудно, поскольку все часы дома врут – какие спешат, а какие отстают, одному Богу известно.

Около 3-х лет, если не больше, я сидел над этим опусом. Часто, по разным причинам, работа приостанавливалась надолго, - на насколько недель, даже месяцев. То здоровье подводило, то ослабевало зрение, то техника выходила из строя, то наваливалась куча самых любимых гостей, а чаще всего, просто одолевала лень.

Получилось совсем не то, что задумывалось, и вместо смешных историй из моей жизни, вышел какой-то автобиографический очерк. Как будто бы я вслух похваляюсь своими действительными и мнимыми успехами. И это уже похоже на вершину маразма. Каюсь! О своем участии в некоторых эпизодах я безбожно приврал. Но они мне настолько нравились, что невольно в своих фантазиях сделал себя участником этих событий. Уточнять эти места не стану, но их можно отнести к тем частям, которые «небыли». Ну, грешен я, грешен! По закону Паркинсона *«дорос до уровня своей некомпетентности»*. Иоганн Вольфганг Гете по этому поводу писал: *«Все, что было близко, удаляется»*. Да еще *«И Альцгеймер с нами!»* А жаль. Первая задумка мне кажется лучше и больше соответствовала бы действительному порядку вещей. Но скучные и нудные разделы можно спокойно пропускать не читая.

По поводу того, что буду делать теперь, вспомнился старый анекдот: *«Сяду в кресло-качалку и целый год буду сидеть. Ну а потом? А потом, через год, начну потихоньку раскачиваться»*.

Как видно, моя жизнь была цепью случайностей, звенья которой выстроились в какую-то закономерность. Но судьба предоставила самый лучший подарок – делать только то, что мне интересно. Очевидно, я человек счастливый – любимая работа, любимая жена, любимые дети и внуки.

Вот только виноват я перед многими людьми, в чем искренне каюсь. Особенно перед мамой, - и все время, вспоминая ее, я прошу прощения.

В жизни самое главное быть человеком, т. е. жить по заповедям – оставаться нравственным. Не помню кто сказал: *«Индивидом рождаются, личностью становятся, нравственность отстаивают. Безнравственность разрушает человека, нравственность его сохраняет. Люди, почему вы не живете по совести?»*. Но то ли Игорь Губерман, то ли его замечательная теща Лидия Либединская по этому поводу высказались весьма пессимистично: *«Эх, люди, люди,/ все вы как хуй на блюде»*.

Немного перефразировав Михаила Жванецкого, могу сказать: *«Уже подступило время, когда у меня много здоровья. И поэтому много времени я провожу в различных медучреждениях. Но там бывают длинные очереди. Ждать осталось недолго»*.

А еще вспомнился «Реквием молодости» Николая Клюева:

*Нельзя не вспомнить без улыбки
Те дни блаженства моего,
Когда все члены были гибки
За исключением одного.
Но годы шли,
И все менялось,
И не осталось ничего,
Теперь все члены стали тверды,
За исключением одного...*

А вот Константин Левин: *Мы потихонечку стареем,
Мы приближаемся к золе.
Что вам сказать? Я был евреем
В такое время на Земле.*

К великому огорчению все чаще и чаще обнаруживаю, что среди моих любимых и хороших знакомых все больше и больше умерших, которых я постоянно тепло и с благодарностью поминаю. Вспоминаются слова А.С.Пушкина: *Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.*

Из Ветхого завета помню:

*«Любезные и согласные в жизни своей
Не разлучились и в смерти своей»*

Но **Memento mori** – помни о смерти. И еще добавлю – кайся в грехах своих.

Замечательно у Иосифа Бродского:

*Шепни в ушную раковину Бога,
Закрытую от шума и дождя,
Всего четыре слога:
– Прости меня.*

А вот у Владимира Васильева:

*Конца пути не избежать.
Не перепрыгнуть пропасть.
.....
А на излете - вдруг, и раз –
... исчезнуть и пропасть.*

Из стихотворения-песни Эльдара Рязанова

*Жизнь, повернись нам
Улыбкой прощальнойю.*

Ну и наконец, одно из последних стихотворений Булата Окуджавы:

*Вот и дочитана сладкая книжка,
долгие годы в одно сведены,
и замирает обложка, как крышка,
с обозначением точной цены.*

И еще двестише, найденное в кармане пижамы, уже после его смерти:

*Предчувствовать смерть и смеяться,
Не значит ее не бояться.*

Из «Злых песен Гийома дю Вентера» Якова Харона.

Benedictus (Благодарственная молитва):
*Чтоб в рай попасть мне – множество помех:
Лень, гордость, ненависть, чревоугодье,
Любовь к тебе – и самый тяжкий грех –
Неутолимая любовь к Свободе.
Отречься от Свободы? Ну уж нет:
Пусть лучше в пекле жарится поэт!*

А вот из Ольги Бергольц:

*И все неукротимей год от года,
растет свобода сердца моего,
единственная на земле свобода.*

Ну и завершить хочу некоторыми притчами царя Соломона

Из Екклесиаста

<i>Все суета сует (hebel) и томление духа (погоня за ветром) -</i>	<i>Все произошло из праха и все обратится в прах. ...</i>
<i>Во многой мудрости много печали; и кто умножает мудрость, - умножает скорбь.</i>	<i>Сколько бы не трудился человек в исследовании - не постигнет, и даже если мудрец скажет, что знает, - не может постигнуть...</i>
<i>Всему свое время, и время всякой вещи под небом: Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбирать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберечь, и время бросить; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить и время ненавидеть; время войне, и время миру</i>	<i>Нет иного счастья для человека на земле, как веселиться и делать добро в жизни своей. И если кто видит благо в труде своем, то это также дар божий.</i>
	<i>Если не я для себя, то кто для меня? Но если я только для себя, то кто я? И если не сейчас, то когда?»</i>

А это уже после – правка черновой распечатки рукописи

Конечно, я не такой мудрый,
как этот старый еврей.

Ну, уж извините, - как получилось.

А закончить хочу замечательной абракадаброй из «Эпифаний» Имантса Зиедониса в переводе Юрия Левитанского: *«В общем, я бы сказал — иногда иногда — может быть, этот глагол хоть в какой-то мере способен выразить эту иногдаиную иногдаслучаемость жизни. Иногдается. Именно — иногдаиногдается... И все-таки меня очень это тревожит — вдруг вы подумаете... можете подумать иногда, что я временами... что мне... в общем, что вы меня иногда, может быть, могли бы понять не так... что вы могли бы меня, может быть, скажем, время от времени... понять не так».*

P.S. Уже после этой последней точки Вадим Ротенберг прислал мне выдержку из «Воспоминаний» Феликса Борисовича Березина, размещенных на его персональном сайте в Интернете, в которой он упоминает о нас с Таней: *«Ещё один готовый специалист, Виктор Вульфович Аршавский, пришёл к нам с кафедры физиологии второго медицинского института. Он был электрофизиологом и имел золотые руки, на ходу осваивая новую аппаратуру и, если это было вообще возможно, устраняя возникшие поломки. С Ротенбергом они составили полезный тандем, поскольку Вадим любил теоретически мыслить, а Виктор прекрасно умел воплощать мысли Вадима, вкупе со своими собственными, в хорошо спланированный эксперимент. Изучая ориентировочную реакцию вместе с Ротенбергом, он вышел на исследование поисковой активности, впоследствии ставшей предметом их совместной монографии. Он был единственным человеком, который покинул нас необычно. Часто бывая на Колыме, нередко в самом Магадане, он влюбился в прекрасную польку, сотрудницу Института биологических проблем севера, женился на ней, и остался в Магадане. А потом, когда Латвия получила независимость, выяснилось, что его жена имеет право на гражданство Латвии. Докторскую диссертацию, в которой важную роль играли наши исследования приполярных районов Севера, Виктор защищал уже приезжая из Латвии».*

С любовью,
всех Вас обнимаю,
а местами даже целую.

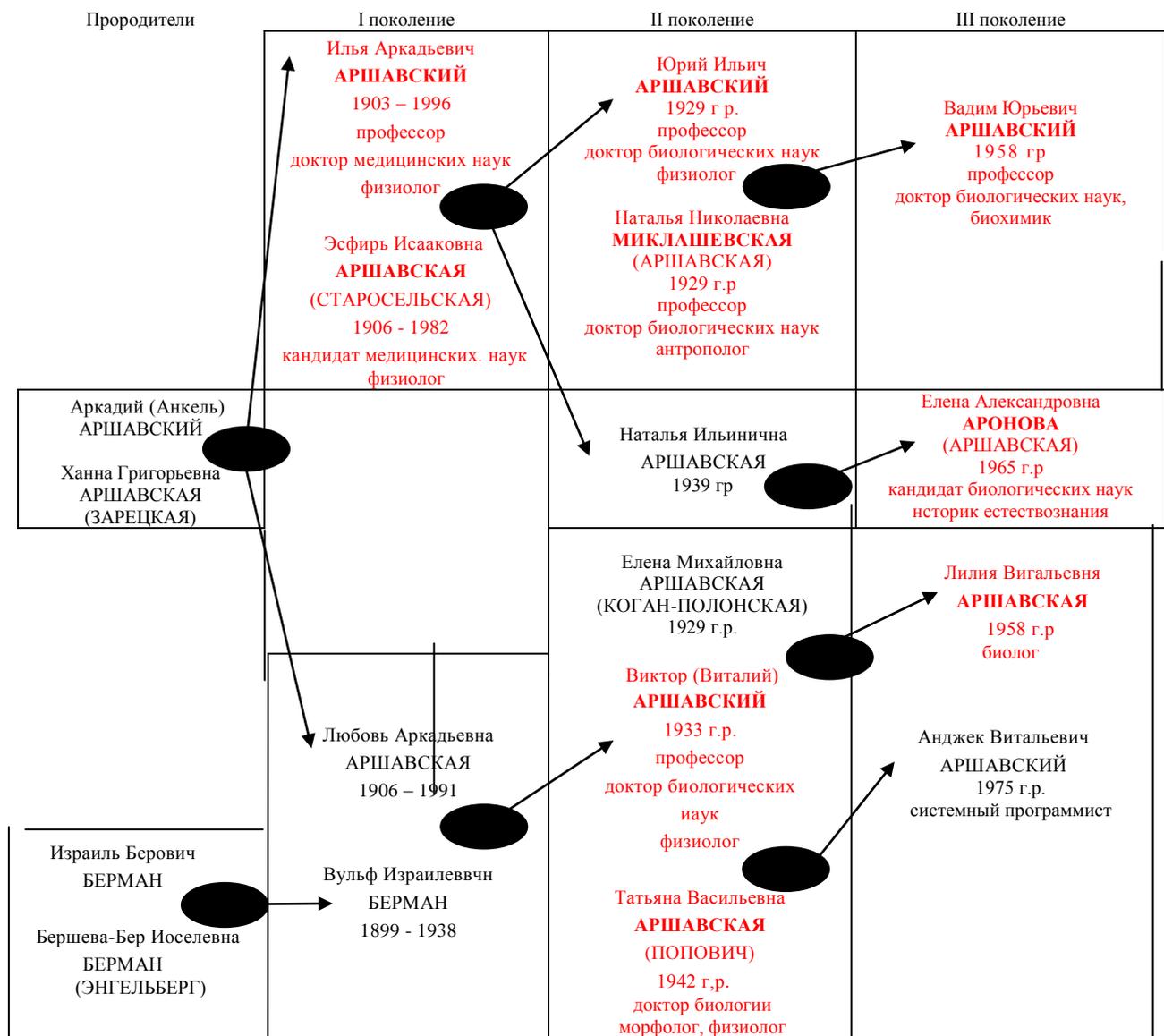
Ваш Виктор Аршавский

Ноябрь 2011 года

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Линия биологов (обозначено красным) в семейном древе фамилии Аршавских

Знапне — сила 1984 № 1

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА

КОСМОС НАШЕГО МОЗГА

В Ротенберг... Мы знаем, что...
вены два принципиально различны...
визия - абстрактно-логическое и про...

Известия 1984, 01, 15

КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ СОН

В. Крохин

Гипноз «в руках» ученого — это как...
Гипноз «в руках» ученого — это как...

Известия 1985, 01, 03

РАЗГЛАДЬВАЯ СНЫ

Е. Манучарова

Гипотеза о роли быстрого сна со сновидениями...
Гипотеза о роли быстрого сна со сновидениями...

Agents with left and right dominant hemispheres and quantum statistics

Alexandr A. Ezhov and Andrei Yu. Khrennikov

One of such arguments was presented by Rotenberg and Arshavsky...
One of such arguments was presented by Rotenberg and Arshavsky...

ПРИРОДА 1985 № 9

Психология

В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский.
ПОИСКОВАЯ АКТИВНОСТЬ И АДАПТАЦИЯ. Отв. ред. П. В. Симонов.
М Наука, сер. «От молекулы до организма», 1984, 192 с.

Как организм человека и животного отвечает на...
Как организм человека и животного отвечает на...

Игорь Губерман

Атасфер
Иерусалим
2001

Книга странствий

Доктор Ротенберг (Москву сменивший на Израиль) совместно с физиологом Аршавским...
Доктор Ротенберг (Москву сменивший на Израиль) совместно с физиологом Аршавским...

Б. И. Кочубей
кандидат психологических наук
Москва

Приложение 3

АЛЬБОМ

Материалы Аттестационной комиссии ИБПС ДВЦ АН СССР

Д Е Л О № 1487

Вопрос о предоставлении

к. б. н. В. В. Аршавскому

ученого звания «Старший научный сотрудник»

от 17 октября 1983г.

(Идея альбома к 50-ти - летию Тани Аршавской,
составили Тania Аршавская, Женя Генльфф-гад, Анджей Аршавский,
рисунки Анджея Аршавского)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Глубокоуважаемые коллеги!

Все мы знаем соискателя как

автора всемирно известных работ.

Но нам предстоит решить, заслуживает ли

соискатель высокого звания

Советского Ученого

не только с научных, но и

с моральных позиций.

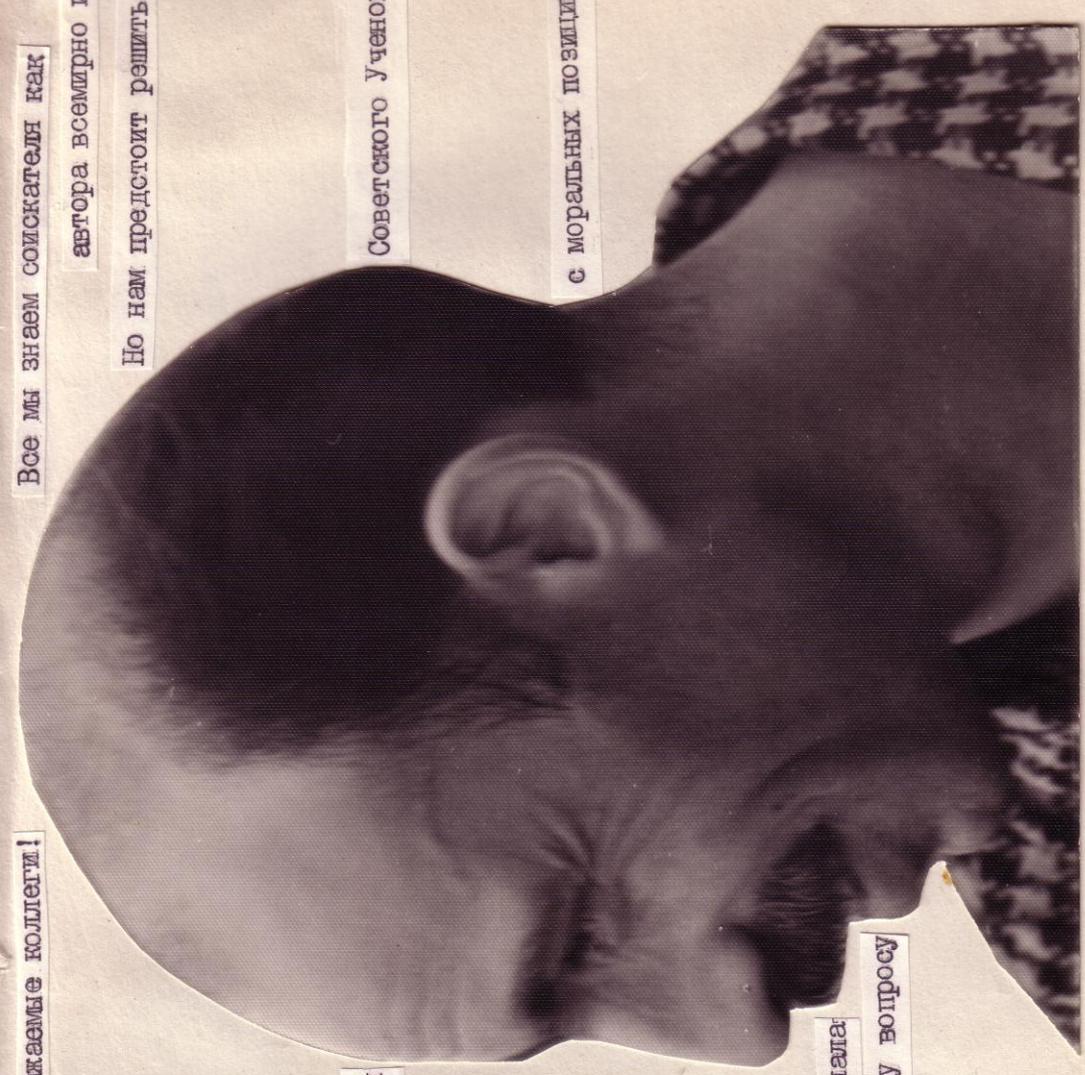
Слово для оглашения материала

по этому вопросу

АРШАВСКИЙ ВИТАЛИЙ ВУЛЬФОВИЧ

предоставляется Ученому Секретарю.

Ученый СЕКРЕТАРЬ: Глубокоуважаемые коллеги!...

Согласно метрическому свидетельству, В. В. Аршевский родился в 1933г

. В событиях 1937 года он, как и его отец, небы известный Вульф Берман.

участия

не принимал

примеря улыбки и галстуки . . .

ХОТЯ

уже в те годы подавал большие

надежды,

... 20 лет спустя, он серьезно задумался о выборе профессии.

Долго колебался между карьерой

..литератора.

и профессионального
революционера..

но победу врожденное благоразумие и он стал..

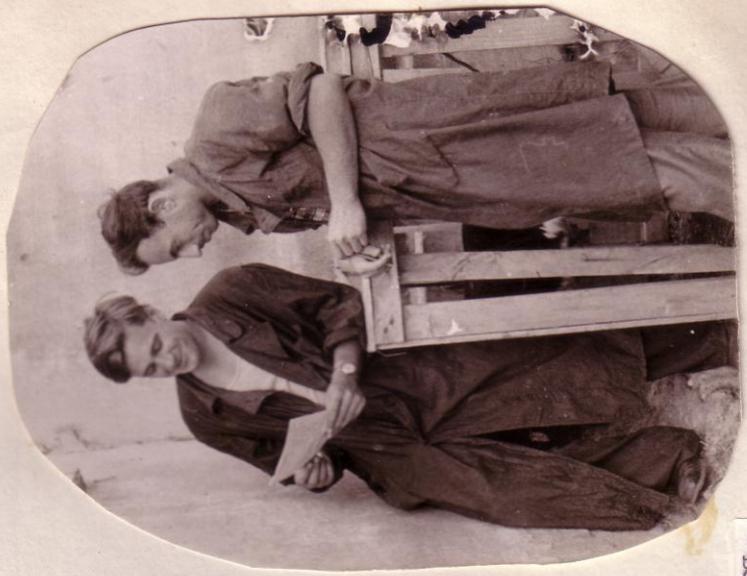
В необходимости всестороннего развития этого нового направления в Витерании он долго и безуспешно пытался убедить своего друга (высказывая, как видно на этой фотографии, факты из пальца).

... Витей — Ренаром.

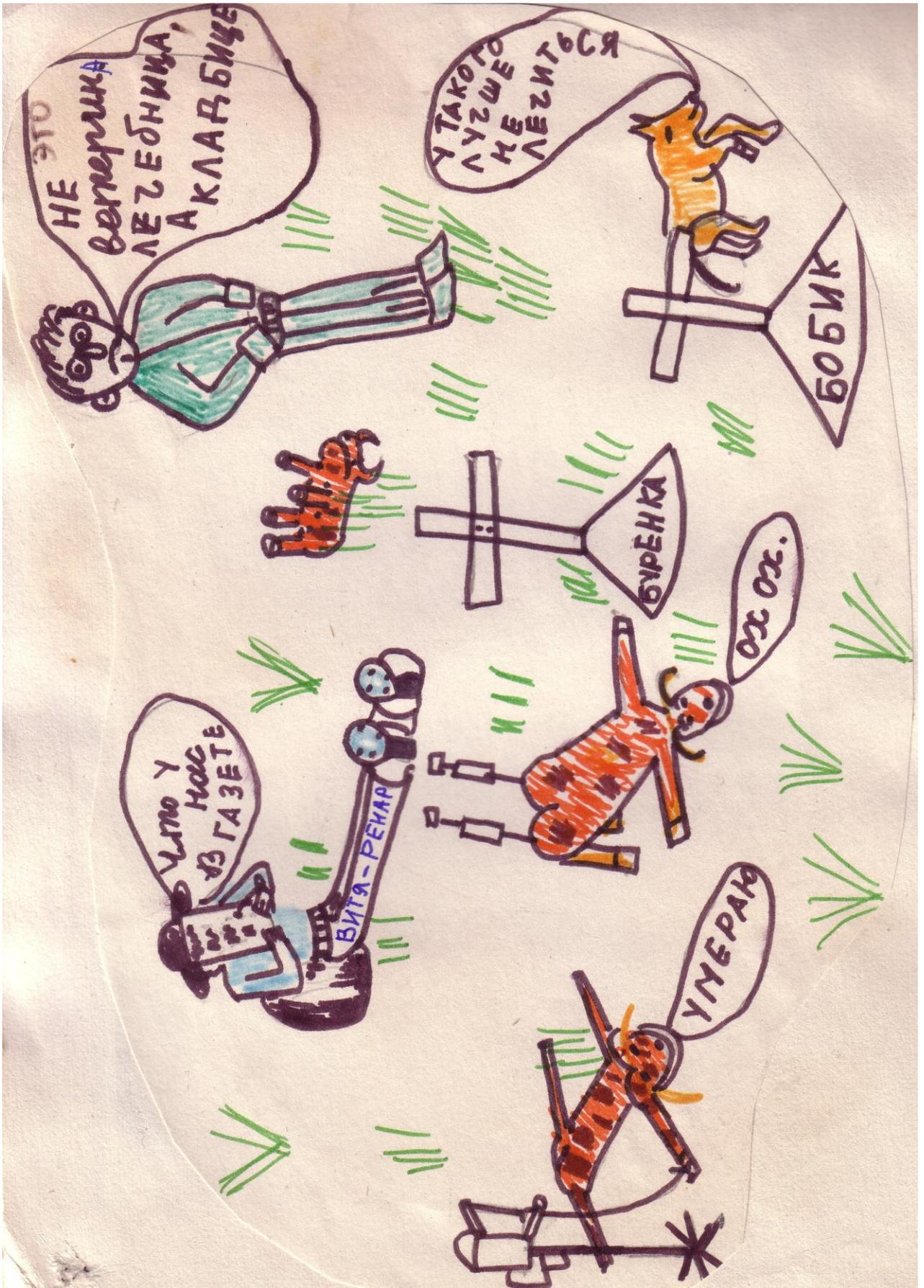
На стезе вите-ренарии он добился больших успехов:

В частности, провел серию опытов:

Добившись существенного повышения падежа крупного рогатого скота...

Когда же он показал другу свою первую научную рукопись, тот долго смеялся...

так науке стала известна "реакция избегания"

...Но В.В.Аршавский не унывал...

когда все павшие (на алтарь науки)

коровы

были съедены,

он переключился на изучение кроликов...

Когда В.В.Аршавский вживил им электроды в надежде на самостимуляцию, они

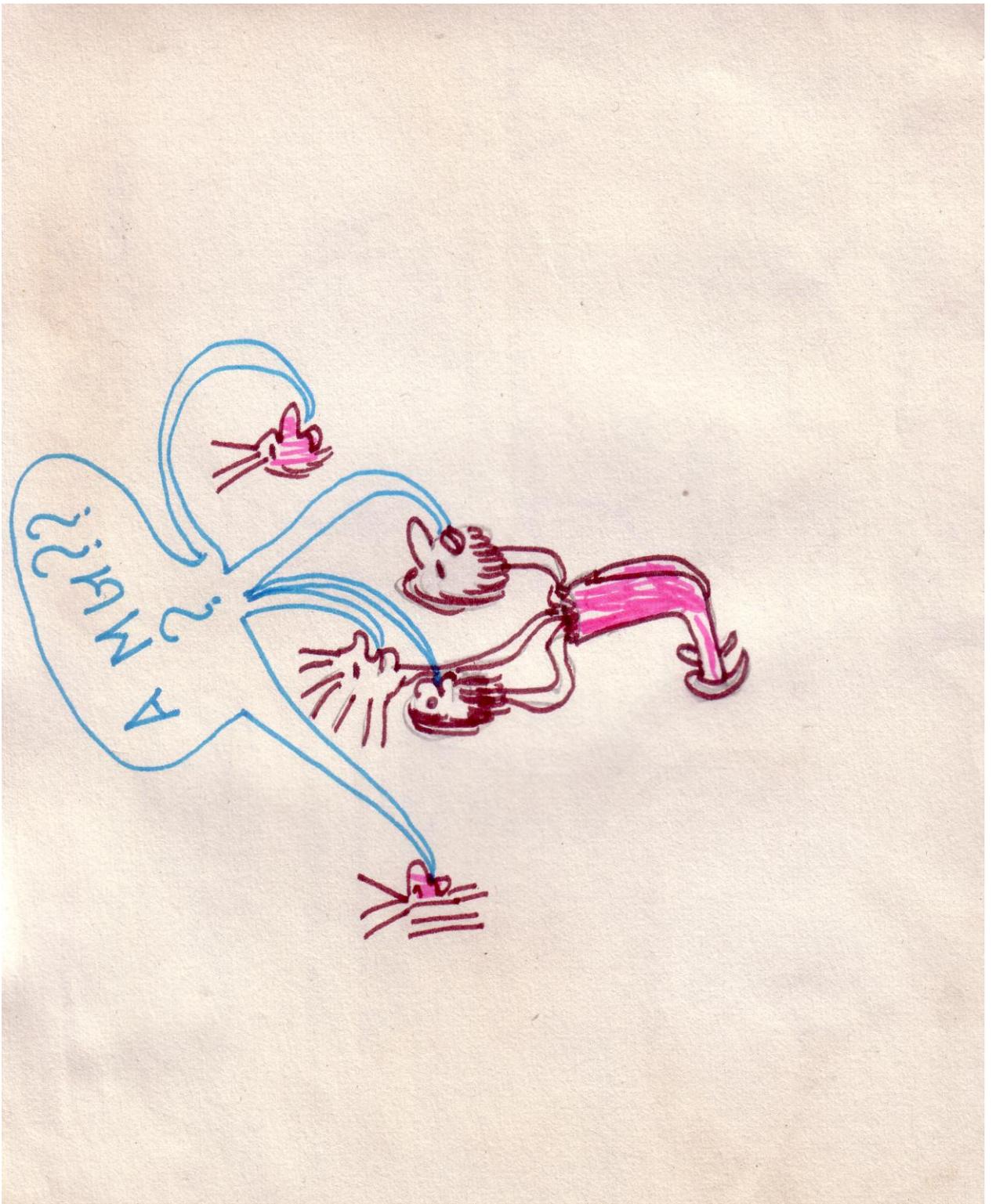
стали его избегать

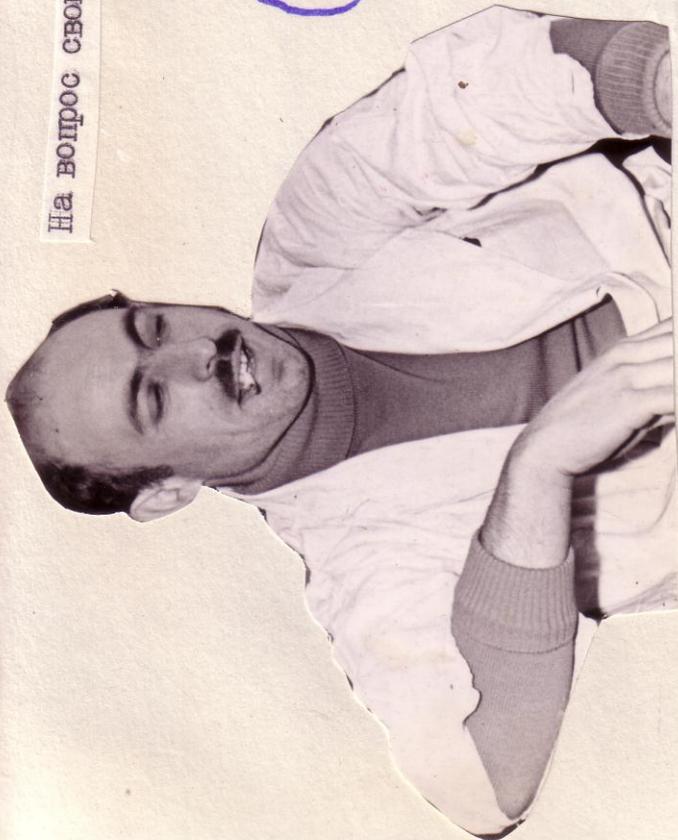
Значительно позже он осознал, что будущее ~~вита-~~ренарии

Номо sapiens →

в изучении

НА ВОПРОС СВОИХ НОВЫХ ПАЦИЕНТОВ:

"Доктор, правда ли, что я сумасшедший?"

ОН НЕИЗМЕННО ОТВЕЧАЛ:

"КАНЭЧНО, ДАРАГОЙ !"

Наука — наукой, а жизнь берет свое:

Мама — Витя и результаты партнорогенеза ...

Поднимая дочку все выше и выше,

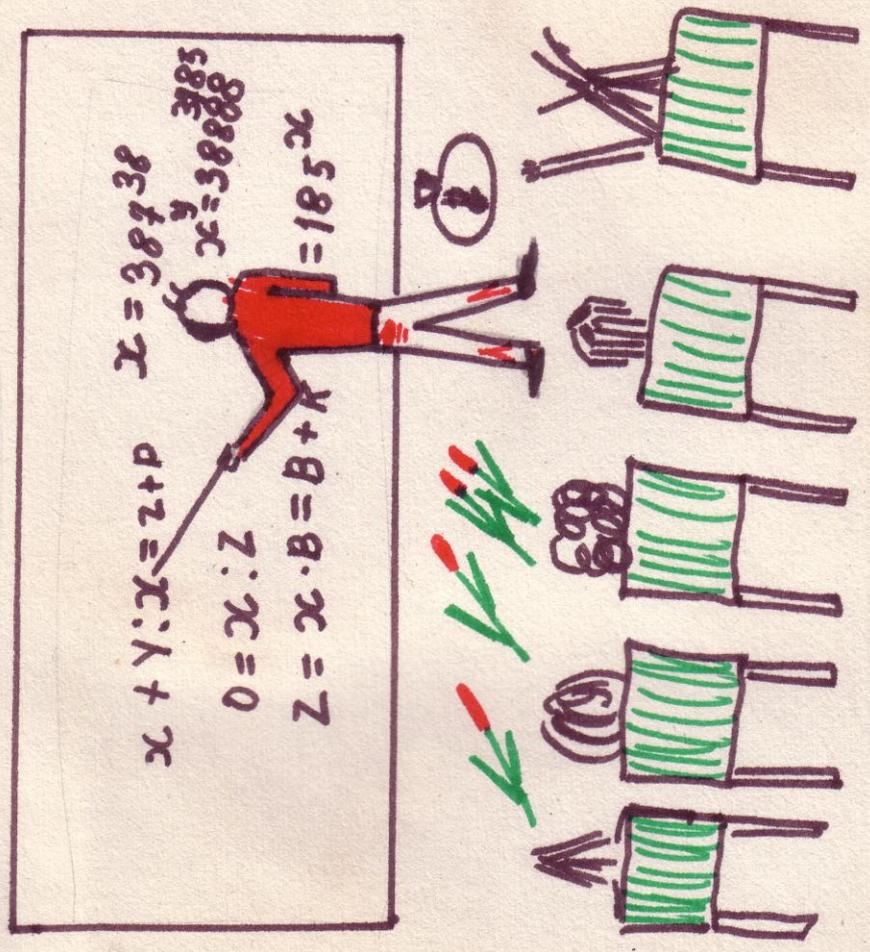
Он не заметил, как она села ему на шею...

Когда вес дочери достиг критической величины.

ножки его подкосились.....

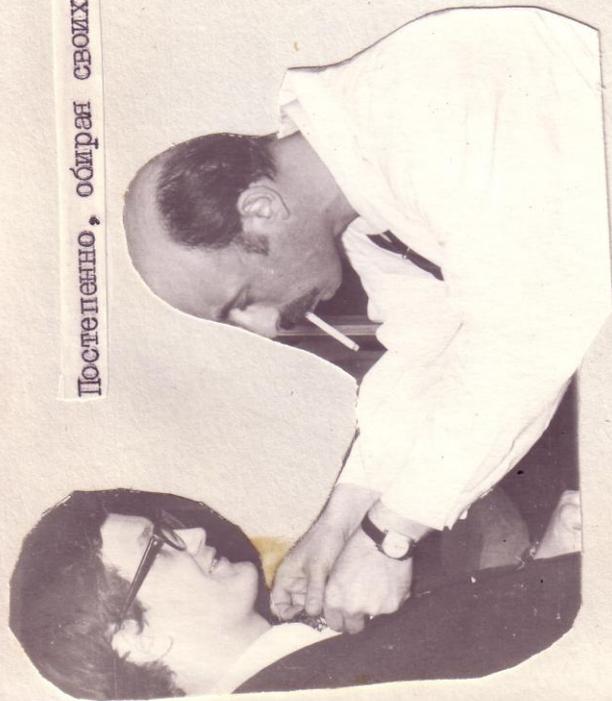
..... и ей пришлось идти своим путем....

Когда ему надоело учиться, он решил учить других...

Постепенно, обирая своих студентов...

...и студентов...

он копил материал на диссертацию...

Ответ на наиболее сложные диссертационные вопросы он

пытался выудить у

студентов на экзаменах...

... а особо выдающиеся ответы студентов

он записывал на энцефалограф...

Сие - рождение альянса

(не упустил Аршавский шанса)

ИльФ...

И... Петров

Защита диссертации прошла блестяще....

И В.В. Аршавский вышел на

международный уровень

КИВАЕТ СЯ 47 ЛЕТ
 ЧЫС
 ПРЕСТУПНИК!!!
 ИЗ ЯПОНИИ
 МИЧ
 ДОР
 ВЗЯТЬ СЛЕД
 БЫЦКИ
 ИЗ КИТАЯ
 ТРЕВ
 МОУФ
 ИЗ АНГЛИИ
 РОБИЧ
 ЗОУР
 ИЗ ОГРАБЛЕНИЯ

Но вскоре в диссертации

был обнаружен плагиат

и по инициативе его учеников

объявлен всеобщий розыск...

Разыскивается преступник:

АРШАВСКИЙ ВИТАЛИЙ ВУЛЬФОВИЧ,

1933г. рождения

ОН ЖЕ - БЕРМАН ВИКТОР ВОЛКОВИЧ

Кличка - ЛЕВ

национальность: немаршм

Прочие паспортные данные

.....	не имеет
.....	не состоит
.....	не участвует (до 17 мая 1985 участвовал)
.....	не призывант (раньше призывал)
.....	нет (к сожалению)
.....	не лечился
.....	да
.....	нет

Некоторое время В.В. Аршавский скрывался от преследования

в сумасшедшем

доме

под разными именами

"Соблазнитель"

"Робинзон Крузо"

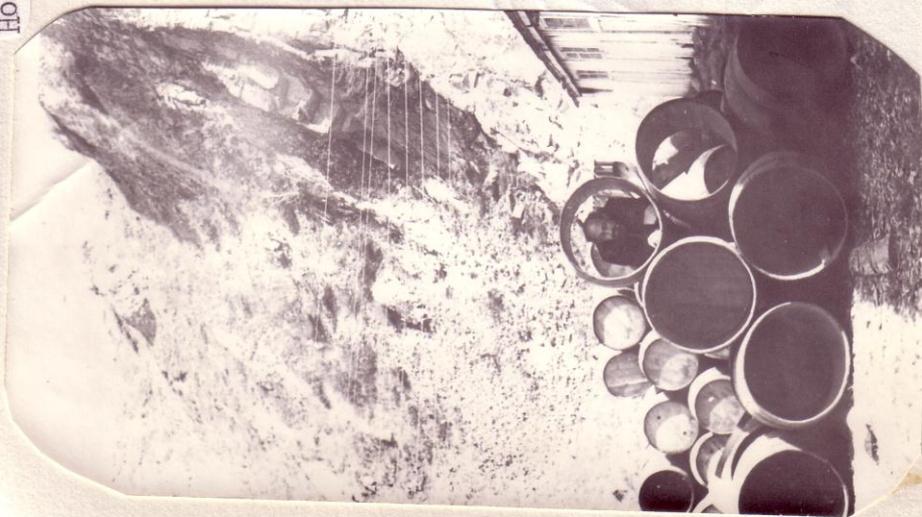

"Житов"

... хотя уверяет всех, что работал там не пациентом

Но оставаться в Москве стало опасно и ему пришлось удариться в бегу...

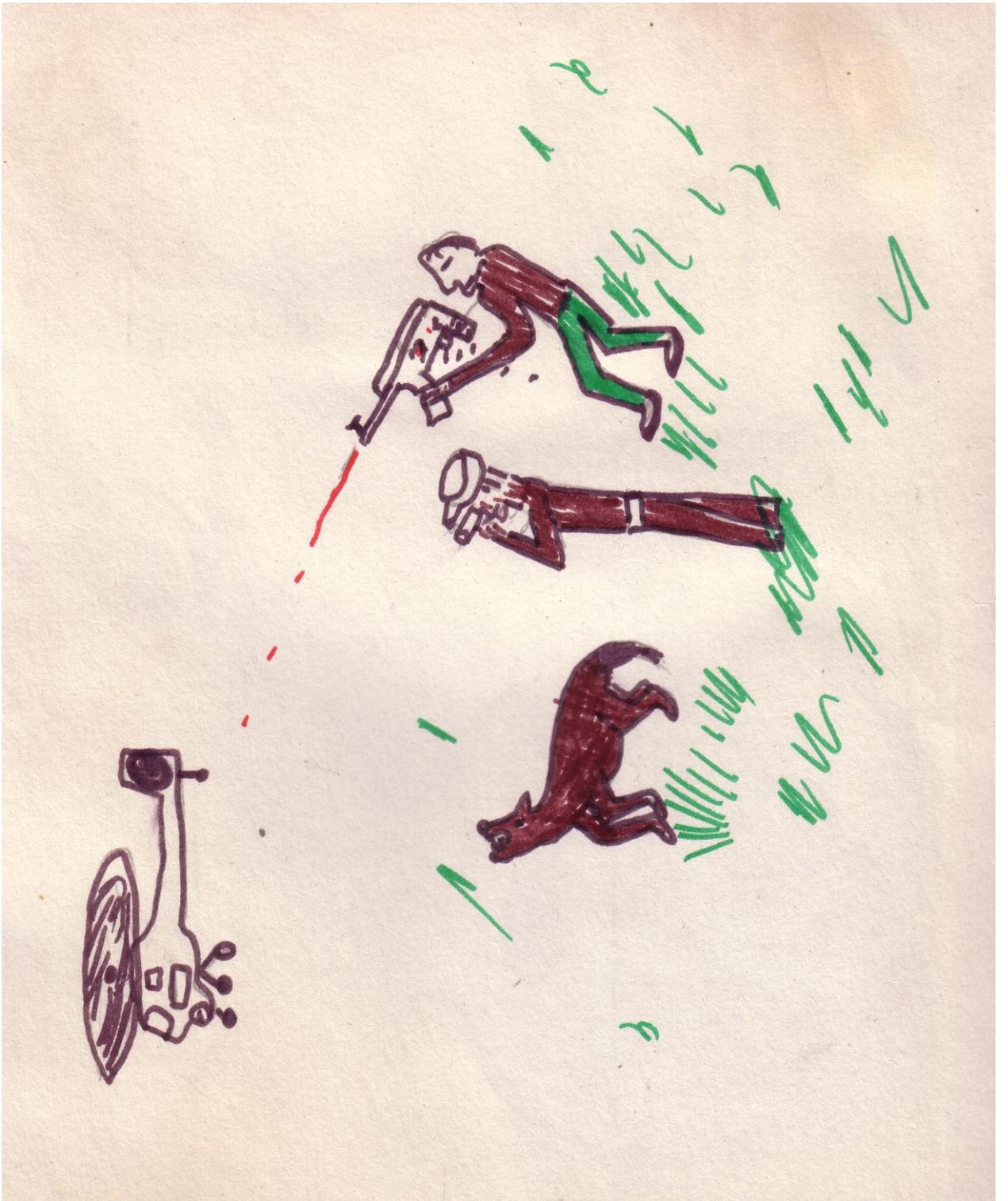

... так решался жилищный вопрос...

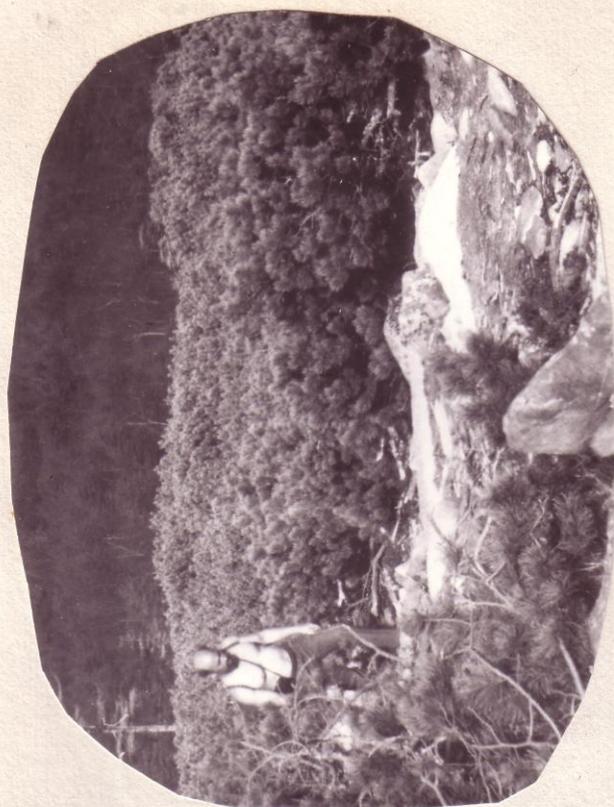
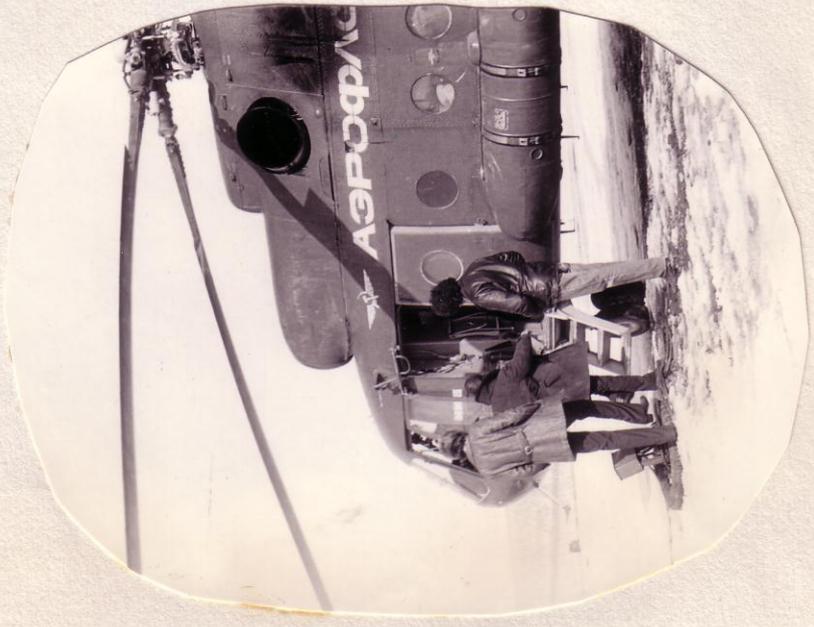
Магданская область приняла его не ласково:

... деньги добывались с большим трудом...

Чтобы замести следы,

ему часто пришлось менять место жительства ...

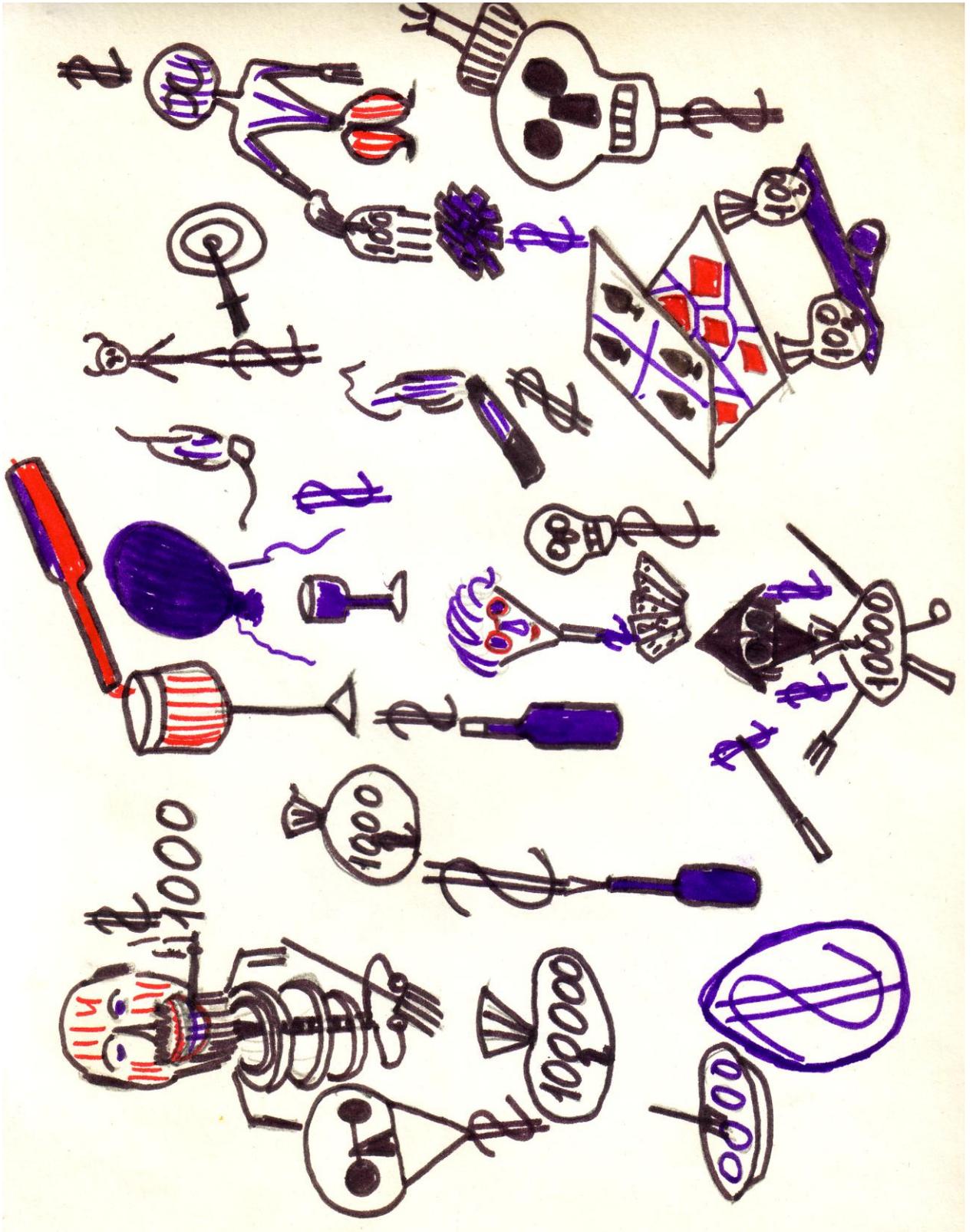
97

... ЗНАКОМИТЬСЯ

... ПОДОЗРИТЕЛЬНЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ...

... жизнь его отца

среди вина и женщин...

... И ОН КАПЛИСЯ

ВСЕ НИЖЕ

И НИЖЕ...

... и только когда fortuna повернулась к нему лицом

(и даже села на колени),

ему стали падаться, наконец, приличные люди...

Они хорошо влияли на него

Родил сына, которому передал свои вокальные данные.
что совершенно очевидно на этой фотографии

... И он начал, наконец,

задумываться над жизнью

... и даже приглядываться к работе

... тем более, что работать

он всегда уж-жасно любил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Заслушав доклад Ученого Секретаря я предлагаю на обсуждение следующий проект постановления:

1. Признать моральный облик и жизненный путь В.В.Аршавского типичным для Советского Ученого
2. Считать В.В.Аршавского выдающимся Советским Ученым
3. Ходатайствовать перед ВАК, ом СССР о не присвоении В.В.Аршавскому искомого звания.

Будут ли другие мнения?

???

Приложение 4

Мое путешествие в Израиль.

ШОЛОМ!

Как я попал в Израиль.

В конце прошлого (1993) года я получил премию Фонда Сороса (это такой фонд, основанный одним евреем из Венгрии - сейчас он миллионер и живет в Америке, который помогает науке и культуре в Восточной Европе). Иногда он дает гранты на какую-то конкретную работу, но чаще премии в размере 500 \$. Вот этих денег мне должно было хватить на чартерный рейс и визу; и еще осталось 50 \$ на две недели путешествия. Пригласили нас (меня и хорошего психолога из Риги Гершона Бреслава) прочитать лекции в иерусалимском Институте психологии. Лекция эта о популяционной структуре полиморфизма функциональной межполушарной асимметрии мозга человека (т.е. об этнопсихофизиологических ее особенностях) понадобилась в связи с тем, что они не знают, что им делать с образованием эфиопов - иудеев, которых они завезли в страну около 15 тыс., спасая от голода и мусульманского гонения. Как подойти к изучению особенностей типов переработки информации, а в связи с этим, как их учить, как они могут быстрее адаптироваться и т.д. Лекция, которую я читал, естественно, на русском языке, проходила довольно странно: из 2-х часов говорил я минут 20, не более того. И после перевода каждого положения (а перевел Леша Козулин, - психофизиолог, знакомый мне еще по Москве) эти евреи начинали обсуждать его, спорить между собой на иврите и английском, в результате чего у них возникал новый вопрос, на который я отвечал демонстрацией следующего слайда, после чего спор разгорался заново. Их споры между собой и вопросы ко мне были довольно логично построены и подготовленный мною план и порядок лекции практически не нарушился. Вроде бы все - и мэтры, и помоложе, остались удовлетворены. Кажется, еще должны были быть лекции в Тель-Авиве и Иерусалиме, но так как уже долгое время Университеты были закрыты - в связи с забастовкой преподавателей, то о них никто уже разговора не заводил. За эту лекцию мне заплатили 200 шекелей (около 60 \$). Впрочем, я не без основания подозреваю (поскольку Гершону за его лекцию почему-то не заплатили ни единого шекеля), что эту сумму просто собрал Вадим и другие мои знакомые, чтобы как-то помочь мне осуществить эту поездку. Конечно, этих денег мне бы все равно не хватило, но за всю поездку, я почти ни копейки не истратил на еду и очень мало на дорогу (кормили и почти все время меня возили знакомые).

Вот так удалось мне осуществить мечту и побывать на Святой Земле - Земле обетованной, и объехать почти весь Израиль.

Мои впечатления и ощущения.

Израиль действительно является землей овеянной Божьей благодатью, с какой-то аурой, исходящей из библейской географии и реально ощущаемой истории. Полное правильное название. Израиля - ЭРЕЦ-ИСПРАЭЛЬ, что буквально означает Земля Израиля, родина еврейского народа, Земля, данная Богом евреям - избранному им народу. Его история насчитывает 35 веков. Но только в древности (с 13 века по 586 г. до н.э) и во времена Второго Храма (516 г. до н.э. - 70 г.н.э.) - евреи существовали как независимый народ на своей земле. Почти 2-е тысячи лет на этой земле хозяйничали завоеватели: - ассирийцы, вавилоняне, персы, греки, римляне, византийцы, арабы, крестоносцы, мамилуки, турки, англичане, да кто то там еще. И название страны менялось - Эрец-Израэль, Сион (один из иерусалимских холмов,- название которого обозначало и сам Иерусалим, и всю страну). Название Палестина (от слова филистия, т.е. люди моря, пираты), как обозначение Святой Земли, впервые было введено в обиход римлянами; но евреи, жившие здесь до восстановления независимости и участвующие в войне за независимость, называли эту землю Ха-Арец, что значит просто Земля, Страна.

Здесь ни на минуту не забываешь, что евреи, ушедшие в диаспору по всему миру почти на 2 тыс. лет, через свою непреклонную веру - иудаизм, сохранили себя евреями (единственный существующий до сих пор народом древности; остальные древние народы исчезли, растворились в других этносах) и веру в возвращение на свою землю. Рассеявшись по странам Африки, Европы, Азии, затем Америки, евреи в значительной степени оплодотворили культуру многих из них, но сохранили себя как еврейский народ, единый, но противоречивый, гениальный и уродливый, одновременно глубоко верящий в справедливость и индуцирующий революции и несправедливость. Но в еврейском народе никогда не угасала вера в то, что придет время и он вернется в Сион.

Современный Израиль - страна на удивление маленькая, всего 30-ти тыс. кв. км. (почти втрое меньше Латвии!), этаким лаптем вытянулся вдоль Средиземного моря, длиной 450 км, а в самом узком месте 185 км. Большая часть территория занята горными пустынями (Иудейская пустыня и пустыня Негев), частично уже освоенными сказочным земледелием, но, в основном, остающимися выжженными пустынными и горными склонами. Климат здесь для европейца и северянина тяжелый. Летом - жара и сухость в центральной части, и еще хуже - жара и влажность вдоль побережья морей (Средиземного, Красного, Мертвого), и в долине реки Иордан, и на Тивериадском озере. "Зимой" на побережье тоже очень тепло и вполне можно купаться (в Тель-Авиве мы попали в настояния тропический ливень - стена теплой воды), а в горах и, в частности, в Иерусалиме, более прохладно, иногда идут довольно затяжные дожди, бывает (но нечасто) и снег.

Население Израиля (в то время, кажется, около 5 мл, но точно не помню) на 82% состоит из евреев. Более половины из них сабры (не только коренные жители и их потомки, но и все уроженцы Израиля, - так что обе девочки Мишки Шика уже сабры), а остальные олимь - переселенцы. Это и сефарды – восточные и африканские евреи (не потерявшие язык - иврит, но в значительной, степени, с моей точки зрения, утратившие еврейский облик, который больше похож на восточный, почти не отличающийся от арабского). К ним сабры относятся вполне лояльно, считая своим. Это и ашкенази - в основном европейские евреи (создавшие свой еврейский язык - идиш, но в меньшей степени утратившие свой еврейский облик). Сабры и сефарды их не очень любят, особенно "русских", прибывших в последний олимь. Иногда можно услышать: "катись к себе в Россию". И действительно, среди них много (чуть ли не половина) совсем не евреев, и принявших гиюр (иудаизм), и не принявших его, а появившихся в Израиле всякими правдами – ближайшие родственники, а также неправдами. Помимо этого, есть небольшая группа (около 5-ти тыс) чистых русских крестьян – иудеев, и около 15-ти тыс негров – иудеев из Эфиопии. Если бы не было общего «арабского» фактора, то все эти группы перегрызли бы между собой. Психологи считают, что эти противоречия могут исчезнуть в 3-4-ом поколении сабров. Около 18% населения - коренные арабы - граждане Израиля - мусульмане и христиане, бедуины, друзы, черкесы, армяне (многие из них были лояльны Израилю, но последние годы, с интифадой и постоянным запугиванием, они часто становятся противниками еврейского государства). Ну а арабы на оккупированных территориях (Газа, Хеврон, Галаны, Западный берег Иордана) вместе с израильскими арабами составили бы около 50% населения. Это, естественно, создает напряжение - арабские террористы и еврейские экстремисты, - как религиозное, так и просто захватническое - "всех арабов (или всех евреев) выгнать, а лучше вообще перебить". Еврейские экстремисты с успехом черпают себе сторонников среди неустроенных, вновь прибывших евреев, и особенно неевреев.

Еврейские поселения на "территориях" все окружены колючей проволокой и охраняются армией. Много колючей проволоки и в Иерусалиме (даже у кнесета) и в других еврейских городах и часто на дорогах, особенно важных - аэропорт и др. Это защита от террористов. Больше колючей проволоки, очевидно, было только в СССР, но и территория больше, так что менее заметно.

Жизнь на "территориях" достаточно тяжелая, в первую очередь из-за арабского окружения, особенно последние 5-6 лет, когда набрала силу интифада. Все жители (как евреи, так и арабы) вооружены, хотя это и не очень приветствуется правительством Израиля.

При мне произошел случай, потрясший весь Израиль, если не весь мир, и здорово навредивший переговорам, противников которых много как среди евреев, так и среди арабов. В Хевроне еврейский врач (фамилия его Гольдштейн) расстрелял молящихся арабов. Он был хороший врач, помогал и евреям и арабам, не оказывал им только тем, о которых определенно знал, что они террористы, но принадлежал к еврейской экстремистской организации. В еврейский праздник пурим, который совпал с арабским праздничным месяцем Рамадан, в который убить еврея особая честь, арабы через громкоговорители все время угрожали расправиться с евреями. А накануне друга этого доктора арабский террорист зарубил топором. И вот Гольдштейн, вставши очень рано, где-то в 4 часа утра, взял автомат, пришел в мечеть и разрядил все 3 диска в молящихся людей, при этом погиб и сам. Услышав выстрелы, выскочили израильские военные, охранявшие поселение, и, не разбираясь, что произошло, стали стрелять в арабов. Всего погибло более

50 человек. Этот доктор не только самоубийца - он знал, на что идет, но он оставил в заложниках семью (четверо детей, жена и пожилые родители), которую найдут террористы, куда бы ее сейчас не запрятали. Да и это поселение, и другие поселения оказались в заложниках, несмотря на присутствие армейской охраны. А когда армия уйдет?

Армия здесь своеобразная - это молодые мальчики и девочки с автоматами (иногда настолько молодые, что создается впечатление, будто им лет по 12, хотя конечно - не менее 18-ти). Они какое-то время живут в казармах, но по субботам и в другие праздники ездят домой, а к определенному сроку возвращаются к месту службы. Поэтому, кроме поселков, в которых я был или проезжал, и охраняемых дорог, в основном я видел солдат в автобусах - и городских, и междугородних.

Арабо-еврейские противоречия и противоречия внутри различных групп евреев усиливаются религиозными противоречиями. Здесь настолько перемешаны Святые места, что мечети, христианские соборы и синагоги часто и в Иерусалиме, и в Иудейской пустыне, и на Тивериадском озере стоят рядом, почти соприкасаясь друг с другом.

На храмовой горе в Иерусалиме, где находится пещера Авраама, на которой стоял еврейский Храм, теперь находится святое место мусульман - мечеть Омара; над пещерой пророка Самуила (Шмуэля) - на первом этаже разместились синагога, а на втором мечеть; над одной из пещер пророка Илии стоит христианский православный монастырь и т.д. Естественно, что такая насыщенность различных религий на одних и тех же местах часто приводит к конфликтам. Ну, а как быть с храмовой Горой? Храм может быть восстановлен, т.е. построен 3-й Храм, лишь после того, как все евреи соберутся в Святой земле, так что еще не скоро; но если это и произойдет, то как быть с мечетью Омара? Ведь евреи по библейским законам не могут ничего чужого разрушить или выгнать хозяина из своего дома; а как мусульмане могут уступить свою святыню? Во время Шестидневной войны в Иерусалиме - в Старом городе мусульмане разрушили синагогу, но после войны евреи не разрушили стоящую бок о бок с этой синагогой мечеть. Теперь это место называется "Хурва" (развалины) - это и есть только развалины этой синагоги, восстановлена только арка над входом как определенный символ варварства мусульман и терпимости евреев.

Вполне ощутимы противоречия между различными христианскими конфессиями В Храме Гроба Господня есть приделы всех христианских конфессий, но поскольку они не могут уладить денежные вопросы, то вот уже 30 лет внутри Храма стоят строительные леса, т.к. "нет средств" завершить ремонт.

Сказываются и противоречия между евреями различных религиозных направлений. Оказывается (я этого не знал), иудаизм довольно терпим к различным толкованиям. Здесь и хасиды, и хабатники, и ортодоксы, и бог знает кто там еще. Они все в разных шляпах - и простых, и меховых, и разноцветных; с бритой головой и патлами; с рыжими пейсами, очевидно закручиваемые на бигуди, длинными - чуть ли не до пояса, и без них; с бородами и бритые. Все они ходят к Стене Плача, все благодарят Бога, все молятся в синагогах о счастье евреев и о процветании Израиля. Но эта терпимость не снимает противоречия между различными направлениями иудаизма. Ну и конечно, многие евреи являются атеистами. Запрещается только пропаганда безбожия (раньше это каралось смертной казнью).

Религиозных евреев в Израиле всего около 15% еврейского населения, но при этом религия не отделена от государства, и Тору изучают все в школе с ранних лет как часть истории Израиля. И это, мне думается, правильно. Свою религиозную принадлежность человек должен определять сам и в зрелом возрасте, но на основе свободного выбора и глубокого знания и понимания существа и содержания самой религии.

Жить в религиозных еврейских кварталах неверующему человеку или человеку другой религии тяжело. Косо смотрят, если у тебя в квартире веселье в неположенный день, если работает телевизор (сами они телевизор не смотрят, так что у тебя он должен работать очень тихо). Когда начинается шабат (т.е. с первой звездой в пятницу и до первой звезды в субботу), даже свою машину нельзя поставить на стоянку возле дома. Поэтому, если ты запоздал, или куда-то надо ехать, то ее оставляют очень далеко от дома, и к нему приходится карабкаться, как правило, очень высоко в гору, потому что во многих городах дома (и особенно религиозные кварталы) расположены высоко на холмах. В шабат нигде не ходит общественный транспорт, не работает большинство магазинов (кроме арабских лавок). И если ты что-то не успел сделать или у тебя нет собственного транспорта, то остаешься не у дел целые сутки.

Богатых евреев в Израиле очевидно нет (богатые в Америке, Европе - они много помогают Израилю, но сами на постоянное жительство не едут). В основном это люди среднего или ниже среднего достатка. (Конечно, больше могу говорить о моих знакомых, у которых я был и у которых жил). В Тель-Авиве (но только там) видел и нищих, и пьяных, валяющихся на улицах, и уличных музыкантов, собирающих пожертвования за свою игру.

Но при любом достатке прожить в Израиле можно. Баснословно дешевая и вкусная еда, приправленная всевозможными восточными пряностями - овощи, фрукты и обычные, но очень красивые и аппетитные, и совсем экзотические, которых я и в глаза не видел, мясо, рыба. Все это на лотках выкатывается из лавок прямо на улицы. Особенно дешевые продукты в арабских лавках и на рынках. А к вечеру все совсем становится дешево, т.к. арабы не везут свою продукцию назад. При том, что продукты вывозятся прямо на улицу, и все же относительная грязь (хотя города все же чистенькие), нет мух ни зимой, ни летом. Куда они деваются?

Очень дорогой транспорт и особенно дорогое жилье и всякие коммунальные услуги. Государственное жилье строят недорого, но дают его редко и в основном бедным. Из приехавших в последнюю олею свои квартиры имеют немногие. Основная масса снимает жилплощадь у владельцев домов. Хотя, если есть деньги, квартиру купить можно без проблем, поскольку строят много и качественно, и в больших городах, и на территориях.

Вадим Ротенберг купил квартиру в Бат Яме (это пригород Тель-Авива), кажется, из 5-ти небольших комнаток, но въедет в нее через 1,5 года. За это время он должен выплатить хозяевам 20 тыс. \$, а остальное покроет мошканта - банковская квартирная ссуда на 30 лет, ежегодная выплата которой вполне терпима, а к концу срока даже льготна. Сейчас он снимает квартиру, также вполне приличную и в хорошем доме на тихой улице и в 7 мин. ходьбы от Средиземного моря. Но чтобы все это оплатить, ему приходится вкалывать на двух работах, а его жене даже на трех - здорово выматываются. Но это счастье, что есть работа, и работа по специальности. В последней олее очень трудно с работой. Берутся за любую - дворники, уборщицы, судомойки и т.д. Но и с этой работы могут в любой момент выгнать, т.к. она временная. Есть здесь такое понятие "квиют" - постоянство. Его получить трудно, но это гарантия, что тебя не уволят, даже если ты стал плохо работать или поругался с начальством, иначе тебе будут выплачивать такую компенсацию, что хватит до конца жизни. А не имеющих квиют уволить с работы - раз плюнуть, и никакой профсоюз тебя не защитит. Этим и пользуются разные хозяева, особенно мелкие хозяйчики. Набирают работников - новых лопухов на пару лет, платят им гроши, а потом выгоняют и набирают новых.

Профессорская зарплата Вадима в Университетской «сумасшедшей» клинике не очень большая, но зато он получил половину квиюта и его уже «наполовину» уволить не могут. (Как это понять?) Подрабатывает он еще - три раза в неделю ездит в Иерусалим - какие-то занятия и лекции по психологической защите и адаптации последней олее, а еще постоянно пишет статьи в различные популярные журналы.

Марк Шик не получил квиют, но зато получил полного профессора в Тель-Авивском Университете, поэтому достаточно хорошо зарабатывает. Квартиру он с родителями снимает неплохую в одном из пригородов Тель-Авива - Гиватаим. Пенсии родителей хватает оплачивать квартиру, а на остальное они

живут и еще немного помогают внукам. (Старики очень плохи - Лия Ильинична еле ходит - болят ноги, а Лев Лазаревич после инфарктов и инсультов изменился до неузнаваемости - какое-то растерянное лицо, нарушена координация, выражена амнезия, но меня он узнал почти сразу, и долго расспрашивал о моей работе).

Ксана Халимова после развода с Марком, как всегда, занята общественными делами и подрабатывает за какие-то гроши в местной русской библиотеке для детей, куда дети приходят, - читают, рисуют. Но чувствуется, что ей не хватает общения. Живет она с мамой, которой уже больше 90 лет, но старушка еще вполне бодрая, и поскольку не имеет трудового стажа, то получает маленькую социальную пенсию - где-то около 700 шекелей (~ 230 \$). Снимают квартиру (достаточно фигурную) в домике на первом этаже, но поскольку домик находится под горкой, то получается как полуподвал - темно и сыро. Там сейчас живет и их сын Мишка с женой Аллой и детьми - две замечательные девочки - сябры - шпарят на иврите и похуже на русском. Миша и Алла работают - он в банке, она в больничной кассе - и уже купили строящейся еще дом близ Иерусалима, но это на «территориях». А старшая дочка Таня с мужем Юрой и детьми живут уже в собственном доме в новом поселке Орот в 2-х км от Кейсарии на Средиземном море. Это чудесное место на полдороги между Хайфой и Тель-Авивом - в обе стороны езды чуть больше часа и немного дольше до Иерусалима. Сейчас строят второй этаж для детей. Все это, конечно за счет мошканти. Оба они сейчас безработные, получают пособия, вполне приличные, но Юру уже пригласили химиком-аналитиком на парфюмерный завод около Кейсарии, да еще оплачивают полгода обучения на спецкурсах в Университете.

Иосиф Моисеевич Фейгенберг купил две квартиры - себе и дочери Жене - в новом очень хорошем квартале Иерусалима. Но это он смог сделать, выгодно продав квартиру в Москве. Он уже на пенсии, но очень активен, развозжает по заграницам и сейчас организует торжественную конференцию по случаю 100-летия Николая Александровича Бернштейна в Германии. А Женья с сыном живут недалеко от него. Она работает в институте психологии.

Ну и другие знакомые живут вроде-бы относительно ничего, но они уже давно в Израиле. Вот такая "жизнь взаимы", но никто по этому поводу здесь не унывает: "Все так живут, ну и мы не хуже".

Несколько хуже здесь с общением людей - в основном из-за занятости, ну и какой-то отчужденности, правда, не в той среде, в которой я крутился.

Ну и бюрократия здесь почти как в «Совке», направленная не на помощь людям, а на то, чтобы всячески затруднить им жизнь.

Очевидно, значительные сложности у многих со знанием языка. Большинство из моих знакомых кое-как могут общаться в транспорте, магазине, а для работы используют английский. Но некоторые уже очень хорошо говорят на иврите и это дает им преимущества в устройстве на работу. А для детей овладение новым языком, очевидно, не представляет сложности и они быстро учатся и говорить, и писать.

Вероятно, есть и реиммиграция и эмиграция в другие страны, но я с этим не сталкивался, и все мои знакомые даже и не помышляют куда-то уезжать, несмотря на жизненные сложности, терроризм и постоянную военную угрозу.

Мое путешествие. (Если есть карта, то лучше следить по ней).

Проехал я почти весь Израиль, кроме сектора Газа.

Прилетели в аэропорт Бен Гурион, но никакой святости я еще не ощутил, а поразило обилие аллей из финиковых пальм (это еще можно было ожидать, хотя первое впечатление, что это натюканные для показухи деревья) и кактусов, больших и разнообразных (вот этого никак не ожидал - думал, что только в Мексике).

Встретил меня Вадим и увез к себе в Бат-Ям. Это один из замечательных зеленых городков, из которых и состоит Большой Тель-Авив. Самый колоритный из этих городков Яффо - старый арабский город на Средиземном море с мечетями и монастырями разных христианских конфессий, расположенных на холмах. Сам же Тель-Авив был раньше дачным еврейским пригородом Яффо, а теперь это большой зеленый город с высокими домами гостиниц и офисов и не очень большими - в 4-5 этажей жилыми домами, не сильно отличающимися друг от друга.

В Тель-Авиве, пожалуй, самое интересное - это музей Диаспоры, который мы прошли с Марком Шиком, когда я был у него в Университете (музей находится на территории Университета). В Тель-Авиве (как и в Иерусалиме) много интересных театров и концертных залов, где всегда можно найти пьесы и литературные концерты на русском языке (на иврите и идише, очевидно, тоже интересных) или послушать хорошую музыку. Но в театры и на концерты я не ходил - жалко было времени и не было денег. Недалеко от Тель-Авива находится Сафари - это зоопарк библейских животных (т.е. животных, упоминающихся в Библии), содержащихся на свободе в природных условиях. Кругом бегают всякие львы, тигры, гепарды, слоны, антилопы, жирафы, сайгаки и всякая прочая тварь, а посетители ездят только в машинах и не где хотят, а по определенным дорожкам и с малой скоростью. Это интересно, но необычно - ощущаешь себя в клетке, а кругом животные тебя разглядывают.

Когда я гулял по Яффо, на улице увидел много нарядно одетых детей в разноцветных кипах. Они нацепили на меня кипу и завлекли в школу при синагоге на праздник пурим. Плясали, пели, ели вкусные сладости, в т. ч. печенье, которое называется «Уши Омана» - это печенье делают только на пурим, какой то ритуал в честь победы над Оманом. Было очень весело, и никто не смущался тем, что я ни слова не понимаю, правда, некоторые мальчишки говорили по-русски - из Москвы и Днепропетровска. Когда я вышел, то в одном кафе, открывающимся прямо на улицу, знаками объяснил, что просто хочу немного посидеть,

отдохнуть. Тут же пришел хозяин - араб, принес кофе и маленькую тарелочку какой-то еды, и когда я полез за кошельком, он замахал руками и, похоже, обиделся. Он пытался понять откуда я, но, кажется, кроме "Россия", ничего не понял. Конечно, это было накануне трагических событий, произошедших в Хевроне и перекинувшихся в Иерусалим. Думаю, что на следующий день уже ничего бы мне не предложили и в лучшем случае просто выгнали, а то и забросали бы камнями. И не со зла, а из страха перед мстостью террористов.

Из Тель-Авива Вадим отвез меня в Иерусалим, где утром состоялась моя лекция. И только здесь на холмах, в центре Иудейской пустыни я ощутил себя на Святой земле, овеянной божественной аурой.

По Иерусалиму и Иудейской пустыне меня водила Ксана Халимова - она оказалась очень хорошим, знающим экскурсоводом, а возили нас на машине Саша Венгеров и Леша Козулин - мои знакомые психологи из Москвы. Иерусалим располагается на нескольких довольно высоких холмах, центральный, на котором находится старый город, носит название Сион. Старый город окружен крепостной стеной с большим количеством ворот - Сионские, Яффские, Мусорные и др. Внизу храмовой горы остатки Западной стены Храма - это и есть Стена Плача. У Стены Плача я был в кипе, подаренной мне Мишкой Шиком еще в Москве (без кипы там вообще находится как-то неловко). Приложившись рукой к Стене я благодарил Бога за то, что он сделал мою жизнь интересной и счастливой, дал мне самую замечательную любимую жену, хороших любимых детей и внуков, что я смог похоронить маму, что работа у меня была интересная; правда, всегда не хватало денег, ну так что ж - вот в Земле Обетованной побывал, в чем тоже помог Бог, с участием господина Сороса. Так что все хорошо! Рядом со Стеной Плача в скале две синагоги - мужская и женская. Синагога, это совсем не храм - Храм может быть только один, и 3-й Храм должен быть восстановлен только на месте прежних двух, когда все евреи соберутся в Израиле; синагога это - только молельный дом. В синагоге можно поставить свечи. И я зажег свечу и еще раз возблагодарил Бога. Среди других святынь Старого города Башня Давида - строителя Иерусалима и Храма. Это остатки от его дворца, правда, как и у всех еврейских правителей (кроме Соломона и Ирода), достаточно скромного.

Затем мы прошли по всей Виа Де Ла Росо - весь крестный путь-Христа, со всеми 14-тью остановками, по узким улочкам, идущим лесенками в гору на Голгофу. Остановки отмечены очень плохо, небольшими табличками с римской цифрой, показывающей номер остановки, а что здесь происходило, неясно. В храме Гроба Господня много приделов, принадлежащих различным христианским конфессиям, но поражают строительные леса внутри Храма, стоящие уже 300 лет - ну никак не могут договориться о деньгах для ремонта. В центре Храма камень, на котором умощали тело Христа. Рядом с Голгофой в православном приделе находится пещера, куда можно попасть только низко согнувшись, где лежало тело Христа. Туда можно войти и поставить свечку - я так и сделал. При входе в пещеру стоит колонна с разломом, из которого когда-то, еще при крестоносцах, вырвался огонь и зажег свечу только у православного священника. Скол на этом разломе, похожий на лицо человека, назван ликом Адама. Вообще-то все эти священные христианские места достаточно условны. В начале VII века (кажется так), еще до Константинопольского собора, в Иерусалим приехала Елена (мать Константина) и постановила - это будет там, а это тут. Поэтому в Гефсиманском саду, тоже в черте Старого города, где состоялась Тайная Вечеря, есть другая Голгофа, а в иных местах тоже обнаруживаются «дубликаты» некоторых христианских святынь. Какие из них правильные, никому не ясно.

На самой Храмовой Горе, там, где находится пещера праотца Авраама и был и 1-ый, и 2-ой еврейские Храмы, сейчас стоит мечеть Омара с золотым куполом. К самой мечети сейчас подойти нельзя - в первые трагические дни после террористического акта вообще были закрыты ворота в эту часть города, но потом их открыли, и израильский полицейский пост стоит метрах в десяти от мечети, так что всю сине-белую очень красивую мазанку можно хорошо рассмотреть. Внутри мечети есть камень со следом копыта жеребца, на котором Магомет вознесся к Аллаху.

Старый город внутри очень колоритен, он многоэтажен, точнее многоуровневый - одна улочка находится над другой, верхние дома упираются в крыши нижних. Улочки узкие, по ним машины не ходят, каменные ступени ведут вверх в гору. В самые разнообразные лавки по обеим сторонам улочек, и на рынок, товары доставляются на тележках, а для них проложены между лестницами специальные дорожки-скаты. В первые дни после трагедии арабские лавки в знак протеста были закрыты, но продавцы намеками зазывали посетителей, оглядываясь по сторонам, заводили их внутрь и там начинали предлагать товары; выводили из лавки тоже с предосторожностью. Похоже на то, что они не столько протестуют, сколько боятся мести террористов. Еврейские, мусульманские, христианские (арабские, русские, греческие, армянские, грузинские и всякие другие) кварталы перемешаны и находятся на всех уровнях старого города. Тут же пролегает раскопанная римская улица - кардова - с колоннами, фонтанами и, как и другие улицы, крытая сверху. Кругом много полиции и солдат с автоматами на случай всегда возможных волнений. Некоторые экскурсии тоже ходят под охраной армии.

Вокруг старого города, окруженного крепостной стеной, находится ров. Это Геена Огненная - место ада. Там сжигались или самовозгорались трупы животных (а возможно, и людей). Сейчас на этом месте выстроен симпатичный в псевдоклассическом римском стиле амфитеатр. С северо-восточной стороны к старому городу спускается Масличная Гора. Именно оттуда и пришел Христос и на украденном для него осле въехал в Иерусалим. Под Масличной Горой находится кладбище пророков (патриархов). Есть ли там патриархи, неясно, но там собраны надгробные камни и их довольно много - из Старого Города это по-

библейски красиво смотрится. На Масличной горе располагается монастырь Вознесения - это именно то место, откуда Христос вознесся. И там же находится небольшая церквушка, издали напоминающая каплю; так она и называется "Капля" - это как символ слезы Богородицы.

За пределами Старого города тоже много монастырей и мечетей. Русское подворье (духовная русская миссия) с великолепным Собором. Эти земли откуплены, и собор и вся миссия построены на деньги Александра Ш. Недалеко от Кнесета, у входа в который великолепная каменная минора (семисвечник), которая и является символом государства Израиль (а совсем не магендовид), находится Грузинский монастырь. Там будто бы находится могила Шота Руставели, но где эта могила, никто не знает.

За Гееной Огненной находится караван-сарай - это место было откуплено в прошлом веке английским банкиром Моше Монтефиори, переделано, и являлось первым поселением евреев вне стен Старого города. Там же находится и одна из мельниц Монтефиори, построенных им дабы приучить евреев к сельскому хозяйству. Опыт оказался неудачным, мельница никогда по назначению не использовались. Но она стала архитектурной достопримечательностью города. В этой мельнице сейчас место сбора литературной, художественной и артистической богемы.

Очень красивы виды и всего Иерусалима, и, в частности, Старого города с нескольких специальных смотровых площадок в разных местах города. Одна из них - скопус - около Еврейского университета - Хар Адцафим. В Иерусалиме есть еще еврейский Университет Бар-Илан, и арабский университет. Хорошие вид на Старый город открывается с балкона верхнего этажа Ирии (мэрии). Весь Иерусалим, и старый и новый, построен из белого камня и на заходе солнца он становится розовым - ну очень красивое зрелище; это мы наблюдали из окна квартиры Саши Венера. А ночной Иерусалим, тоже очень красивый в ярких разноцветных огнях, мы смотрели из окна квартиры Жени Файгенберг.

Из многочисленных музеев посетили только три. Музей Израиля очень большой, много зданий с подземными переходами и много самых разных разделов. Сад с большим количеством разных скульптур - старых классических и новых модернистских, тоже несказанно хороших. Обойти этот музей за один день просто невозможно. Были только в замечательном отделе археологи. Там к нам, очевидно соскучившись по русскому языку, пристала смотрительница одного из залов - довольно молодая тетенька из Питера - здесь она уже 7 лет. И провела с нами часа полтора в разговорах о жизни у них, и жизни у нас, и показала некоторые: интересные экспонаты, которые мы могли бы пропустить (например, очень древнюю, вроде бы первую найденную серебряную пластинку свитка Торы).

Интересен - и своим внутренним убранством, и расположением экспозиции, и архитектурой, и интерьером - Храм Книги, где расположены кумранские рукописи. Снаружи это холм, на вершине которого только плоский купол - крышка кувшина, в которых найдены эти свитки. А само помещение вырублено внутри холма в виде скального грота.

Также были в музее Яд - Вашем - (Рука и имя, что слитно обозначает Память), - это музей Катастрофы. Ходили здесь конечно без экскурсовода - все ясно и так. Больше всего поразил детский зал - совершенно темный внутри скалы. Идешь по трапу, держась за поручни, а тусклый свет большого количества свечей отражается со всех сторон, и снизу, и сверху, в стекле и зеркалах, и создается впечатление миллионов звезд, каждая из которых символизирует невинно загубленную детскую душу. Все время на фоне тихой печальной музыки произносятся имена погибших детей (конечно, далеко-далеко не всех, а только выясненных). За стенами этого холма на большой территории музея высажены многочисленные аллеи деревьев - Лес Праведников - всех тех известных (а сколько еще неизвестных?) людей мира, помогавших спасать евреев в Холокосте. Около каждого дерева табличка, - кто и из какой страны. Есть здесь и деревья, высаженные праведникам Латвии, в частности, Жанису Липке.

Очень колоритен многообразием и изобилием всяких продуктов, особенно овощей и фруктов, как известных, так и вполне экзотических, рынок, на одном из которых недалеко от Старого города мы побывали. Вполне восточный базар - очень красивый, очень запутанный и очень шумный. Говорят, что в последнее время стало много тише, после того как один житель из окрестных домов подал иск на то, что нарушают его покой и выиграл судебный процесс. Суд постановил, что продавцы на рынке не должны повышать голос выше скольких-то там децибел. Как же там было шумно, до этого решения суда? На этом рынке есть такая небольшая забегаловка - ресторанчик, тесный - одна небольшая комнатка, душный и чадный. Называется он на жаргоне "У Кисима". Это какой-то курдский еврей, который сообразил подавать к обычным восточным вкусностям русскую водку. И здесь собираются исключительно русские, пьют водку, а кто и вино, и пиво, едят обжорочительные восточные яства - всегда очень острые, и все посетители орут: «Хариф, Хариф!» - (легко запомнить это слово, означающее «Остро, Остро!»). Но самое главное здесь - общение знакомых и незнакомых людей. Мы только вошли и сели, как за столом появились «русские» из Риги, один из которых учился в той же школе, которую окончила моя жена Таня, а позже Гершон Бреслав. Этот дядя в Израиле живет уже лет десять. Как выяснилось потом, эту забегаловку часто посещает и Миша Шик, иногда с мамой - Ксаной Халимовой.

Вокруг Иерусалима находится Иудейская пустыня - скалы и горы. Кругом арабские поселки, - старые и новые, еврейские поселки на «территориях», и много бедуинских стоянок - большие, многоместные палатки, днем открытые для проветривания. Верблюдов не видел, но осликов и овечьих стад вокруг этих палаток много, - пасутся на склонах гор. Есть и бедуинские поселки, но их пока что мало - не очень-то хотят расставаться с кочевой жизнью.

На северо-востоке от Иерусалима в этой пустыне находится православный монастырь Св. Георгия, вырубленный в скалах в долине ручья Вацех-Кельт. Расположен он на месте пещеры пророка Илии - там он сидел один-одинешенек, а пищу ему приносил ворон. Там же неподалеку могила пророка Шмуэля (Самуила), над которой построен дом, в котором одновременно (но на разных этажах) располагаются и синагога и мечеть. Там же во дворе растет одно из самых старых деревьев - смоква (инжир), плоды которого вкушал еще Христос. На юге от Иерусалима расположен Вифлием (Бет-Лехем) - это арабский городок. Здесь на месте рождения Христа находится Христорождественский собор. Сюда из Назарета бежали Мария и Иосиф, спасаясь от преследований Ирода, и именно здесь родился Христос.

В Хевроне конечно я не был - помешали описанные выше трагические события. Но в километрах семи от Хеврона был в гостях у одного профессора психофизиолога в поселке Хал-хул, расположенном на "территориях". Пригласил он Вадима и меня после моей лекции. Но Вадим не поехал, отговорившись тем, что была пятница и он боится застрять в Иерусалиме (а может быть и испугался, что вполне объяснимо). Перед тем, как сесть в машину, этот профессор тщательно проверил автомат на заднем сидении и пистолет за поясом. Хороший дом, две машины, гостеприимная семья, особенно приятны две маленькие, лет по 6-7 девочки. Но жить не сладко. И в самом поселке, и по дороге в машине или автобусе можно попасть под град камней или обстрел, хотя и поселок и дорога охраняются военными. К счастью, все обошлось, и весь этот арсенал на сей раз не пригодился, а обратно, после окончания шабата, я уехал на автобусе, и тоже благополучно.

Из Иерусалима на автобусе по Иудейской пустыне, через арабский город Иерихон, который считается самым старым городом в мире (по видам из окна довольно симпатичного), мы поехали на Тивериадское озеро по долине Иордана. Сам Иордан оказался речушкой маленькой, ну чуть больше старой нашей Македонки в Удельной. Но долина очень красивая - зеленая и плодородная. По обе стороны дороги поля под пленкой (какой-то золотистой и серебристой), и трубки капельного орошения. На них выращивают самые разные овощи и фрукты, а так же необыкновенную клубнику величиной чуть меньше моего кулака. Здесь же растут цитрусовые и фруктовые деревья. Есть и поля, засеянные злаками (хлеба тоже своего хватает).

По долине Иордана доехали до городка Бейт-Шеан. Здесь самый большой на Ближнем Востоке раскопанный римский город с площадями, улицами, основаниями домов, терм, лавок и магазинов, колоннадами - коринфскими, дорическими и какими там еще. Но самое большое сооружение - это римский амфитеатр. Удивительно, как эти римские строители владели секретами акустики? Гершон Беслав нормально разговаривал внизу - на сцене, а в верхнем ряду амфитеатра, несмотря на изрядный разноязыкий гомон различных туристов, все прекрасно было слышно.

Недалеко от этого городка находится место, где Иоан Креститель крестил в Иордане самого Христа. Поскольку времени было мало, то мы лишь взглянули на эту купальню и бегом побежали обратно к автобусу.

Подъехав к священному озеру Кенерет (Тивериадское озеро, оно же Галилейское море), мы остановились на восточной его стороне в кибуце Эйн-Гев у подножья Голанских высот. Это один из самых старых кибуцев. Из-за жары полевые и огородные культуры здесь не растут. Основные земледельческие культуры здесь финиковые пальмы, бананы, авокадо, маслины, кактусы (оказывается, их плоды едят - мне не понравилось), фруктовые сады, а ближе к горам - виноградники. Большое промышленное стадо дойных коров - средний удой более 9 тыс. литров. Поскольку пастбищ нет, то коровы содержатся в стойлах, но летом в жару им устраивают три раза в день душ, а зимой всего лишь один раз. Помимо этого есть промышленная страусиная ферма - перо, пух, яйца и мясо, которое сами они не едят, а в консервах отправляют в Америку и Европу - очень дорогой деликатес. Имеется там так же питомник крокодилов - кожа. Один крокодил недавно сбежал в Кенерет, его ещё не поймали и теперь многие боятся купаться в озере. Есть небольшое коневодство, но только спортивное и для отдыха молодежи. Но всего этого богатства не хватает, чтобы кибуц сделать прибыльным. Поэтому завели промышленное производство одеял с электрообогревом, большой кемпинг на берегу озера с домиками для отдыха туристов и большой ресторана на берегу озера, где фирменным блюдом является рыба, которая водится только в Кенерете (и еще в африканском озере Чад). Она называется Сан Питер фиш - та самая рыба, которой Христос (не помню, одной или тремя) накормил целый народ - «Да не оскудеет рука дающего!» Рыба в жареном виде, вкусная, но с большим количеством мелких косточек, и особой святости я не испытал.

Живут в этом кибуце в одноэтажных домиках, по 2-4 семьи в каждом. Квартиры по 2-5 комнат (в зависимости от семьи) со всеми удобствами. Столовая общая (но кухни есть и в каждой квартире и ты сам решаешь, где тебе удобнее питаться) - очень вкусная и изобильная еда, т.е. берешь себе что хочешь и сколько хочешь. Одежду и белье получаешь прямо из прачечной, где за ее состоянием следят, и рваное старье тебе не подсунут. Своих машин нет, но есть они в кибуце, и, если тебе надо, всегда можно ими воспользоваться. И за все эти коммунальные услуги жители кибуца напрямую ничего не платят, а все оплачивается с их счета. Но и прямую зарплату они не получают, но если ты уезжаешь, то выплачивается значительная сумма. Удивительно, но там много молодежи и молодых семей с детьми. Есть детский сад, школа младшей ступени, а в более высокую ступень школы детей возят на автобусах в соседний городок. После армии и 2-х - 3-х лет путешествий и поисков своего места в жизни, или учебы в университетах за

счет кибуца, около 40% молодежи возвращаются в кибуц и обзаводятся семьями (а это очень хороший процент).

В кибуцах живет около 3% всего населения Израиля, и еще 3,5% в хозяйствах близкого, но другого типа - мошава. Здесь тот же принцип хозяйства, но жители живут в своих домах, имеют свое хозяйство и получают зарплату. Вот эти 6-7% населения, да еще арабские крестьяне, и обеспечивают то изобилие продуктов, которого хватает с лихвой, и на Израиль, и большая часть которого экспортируется.

Водила нас по кибуцу очень уважаемый здесь человек и очень интересная старушка - много за 70- лет - Эстер Файн. Она приехала из Латвии и прекрасно сохранила и русский, и латышский язык. Когда началась война, она училась в Рижском Университете и ее семью отправили в эвакуацию куда-то на Волгу. Но вскоре она ушла медсестрой на фронт, где оставалась до конца войны. После войны жила в Латвии, но в 1947 году через Польшу каким-то образом уехала в Израиль и всю последующую жизнь прожила в этом кибуце, работая медсестрой. Муж ее недавно умер, осталось четверо сыновей, трое из которых живут с семьями в этом же кибуце, а один - генерал на Голанах. Несколько лет назад, будучи уже в почтенном возрасте, она окончила языковой факультет (иврит) Бар-Иланского Университета в Иерусалиме и стала писательницей. Одна книга на русском языке вышла недавно в Англии. В ней описана вся ее жизнь в Латвии, в эвакуации, на фронте и до приезда в Израиль. Эту книгу, написанную очень сочным языком, живо и талантливо, мы одолели за ночь, проведенную в ее доме. А несколько книг на иврите мы, конечно, оценить не могли. Эстер оказалась очень добрая, умная и живая старушка, внешним видом и поведением много моложе своих календарных лет. Она нас водила в столовую, где мы очень сытно поели, рассказывала, как здесь живут и работают люди, ночью повела на берег Кинерета - как раз их бригады на лодках ставили рыбацкие сети. Ночью Кинерет очень красив - видно все озеро, по берегам которого и на горах ярко горят огни городков и поселков, которые отражаются в воде.

Утром, после обильного завтрака в том же кибуце, на автобусе мы поехали в Тверию на западном берегу озера Кенерет. Это очень симпатичный курортный городок на холмах по берегу озера, Вдоль берега большие красивые гостиницы для туристов. Место это тоже святое, - именно здесь Христос сошел на воду и *«шел по воде, аки по-суху»*, до самого того места на восточном побережье, где теперь находится кибуц Эйн-Гев. У места схода Христа на воду монастырь, который спускается прямо к воде. Недалеко крепость крестоносцев. Здесь же разрушенная синагога с очень красивой, сохранившейся цветной мозаикой на полу. Есть в городе и несколько интересных мечетей. Выше в горах находится пещера пророка Якова.

Из Тверии через арабский город Назарет, где церковь Богоматери (ее видели только из окна автобуса), и другие арабские поселения мы приехали в Хайфу.

Хайфа - большой промышленный город. Недалеко от города находится самый крупный в Израиле химкомбинат (его многочисленные трубы все же дымят), и самый крупный порт Израиля. Водила и возила нас по Хайфе знакомая Гершона Фаина. Они вместе кончали психологический факультет Московского Университета. Она в Израиле уже больше 15 лет. Хайфа очень красивый и зеленый город расположился на горном хребте, который ступенями спускается к Средиземному морю. Поэтому он имеет три уровня: Верхний город - Кармель (находится на горе Кармель), Средний город и портовый Нижний город. Особняки и большие дома замечательно вписываются в горы, отовсюду просматривается море. В Верхнем городе находится монастырь кармелитов. Здесь тоже повторен весь иерусалимский крестный путь Христа (и, пожалуй, лучше, чем в Иерусалиме). На каждой стоянке хорошие мозаики, на которых изображено, что же конкретно на них происходило. И это впечатляет так же, как и сама Виа Де Ла Роса. Рядом с монастырем пещера пророка Илии, где он жил вместе со своим семейством. В средней части города наибольшее впечатление производит бахайский Храм (первый Храм бахаизма построен именно в Хайфе). В сам Храм мы не попали (он открыт только до 2-х часов дня, и мы чуть опоздали), но хорошо погуляли в храмовом саду с металлической скульптурой в индийском стиле - различные птицы и животные, входящие в бахайский ритуал. А напротив этого сада, чуть выше в гору, библиотека бахайского храма - это дом в виде греческого храма с колоннами, очень красивый и тоже окруженный прекрасным садом.

Затем нас повезли высоко в горы Кармель в друзские деревни. Друзы чем-то отличающиеся от арабов, мусульмане, и в общем-то, так же как и бедуины, были лояльны Израилю и доброжелательны. Посетили друзский ресторанчик. Очень изобильно и очень вкусно - "хариф, хариф". Всего два блюда: салат - много различных тарелочек со всевозможными овощами и приправами, занявшие весь стол, к салату еще далма (но моя - не хуже, а может и лучше) и шашлыки из различных сортов мяса. Замечательное сухое вино "Кармель" - густое, темное, почти черное и очень вкусное с неповторимым вкусовым букетом. Всего так много, что ни салата, ни далму, ни шашлыки полностью съесть не смогли, как ни старались.

На следующий день на переговоры о совместной работе Гершона с психологами из местного Университета я пойти не захотел. И меня повезли в строящийся в долине поселок сельского типа (муж этой психологини был начальником этого строительства). Очень чистый воздух и плодородная земля, кругом арабские и еврейские поселки (это не «территории»). Замечательные небольшие одноэтажные домики на две семьи - 2-3 комнаты и все удобства, энергия от солнечных батарей, которые по 2 или 3 штуки стоят на каждом доме. Ездили мы с этим дядей много по разным участкам и везде нас гостеприимные арабы поили вкусным кофе. Прорабом у этого дядьки работает недавно приехавший из Питера мужик лет под пятьдесят - инженер-электронщик. Оказался он племянником академика М.Д.Машковского - фармаколога. Был удивлен, что этот вполне процветающий при Советской власти академик оказался евреем.

Из Хайфы мы поехали в Ора-Каша (Орот). Здесь живет Таня Шик с семейством. Это в 2-х км. от Кейсарии на Средиземном море между Хайфой и Тель-Авивом. Кейсария очень красивый городишко - зеленые сады и роскошные особняки. Но, конечно, главное в нем - это роскошный римский город, резиденция наместников римских кесарей. Они почему-то не любили Иерусалим и наезжали туда только по праздникам вершить суд, как это и сделал Понтий Пилат, «умывший руки», чем фактически приговоривший Христа к распятию в последний день еврейской Пейсех. С гор хребта Кармель спускается акведук, почти полностью сохранившийся и сейчас, по которому к Кейсарии шла вода. Раскопаны римские карды (улицы) с колоннами различных типов, фундаменты дворцов и просто домов, частично сохранившиеся здания и стены города, термы и лавки. И здесь, самое интересное - амфитеатр. На арене какие-то американские баптисты тихо пели песни, и слышно было во всех рядах.

На следующий день Таня и ее муж Юра вместе с детьми и собакой повезли меня на машине на Голанские высоты. Проехали город Афула и арабские поселки на горах с совершенно изумительной красоты виллами, но замусоренными улицами. Очень богатые арабы, которым принадлежат эти дома, тоже в них не живут постоянно, а обитают где-то в других странах. Проезжали мимо хребта Армагодон - место Страшного Суда. Оказывается, все евреи, где бы они ни жили, уже занесены в списки на Страшный Суд.

С Голан хорошо видна снежная вершина горы Хермон, там израильтяне занимаются горнолыжным спортом. Дети хотели ехать именно туда, но к их неудовольствию мы поехали в Кацрин - новое поселение, построенное евреями после войны. Там находится какой-то важный технический центр, имеющий отношение к космосу и военным. А рядом расположен старый Кацрин - древний еврейских город, с остатками жилищ, синагог, лавок и римских строений. Но самое интересное - это базальтовые скульптуры, нагромождения обработанных каменных глыб, которые представляют какие-то фигуры, имеющие ритуальное значение. Это очень древние сооружения языческого периода, еще до написания Торы. Здесь мы пили вино с виноградников на Голанах - оно, пожалуй, еще ароматнее и вкуснее, чем Кармель. И это несколько исправило то паршивое настроение от сплошных рядов колючей проволоки вдоль всей дороги.

Из Кацрина мы поехали в Цфат. Это очень красивый городок в горах - религиозная столица евреев. Поскольку была суббота, то создавалось впечатление, что город заполнили вороны - все люди в черных сюртуках, черных шляпах, самых различных фасонов, из-под которых выглядывают рыжие или черные очень длинные пейсы и бороды, покрывающие уголки белых сорочек. Цфат также город художественной элиты. Здесь много картинных галерей, но посмотреть мы их не могли, поскольку в субботу они закрыты. А в горячих серных источниках и горячем озере, к радости детей, мы искупались.

Отсюда выехали к Средиземному морю на ливанскую границу в городок Рошха-Никра. Самое красивое там - скальные гроты и лагуны, как очень маленькие, величиной с небольшую комнату, так и достаточно большие озера. Через скалы самой причудливой формы пробивает солнце, но его не видно, а только лучи, свет которых яркими бликами отражается в воде. И это необыкновенно впечатляющее зрелище.

На обратном пути проехали современный курортный городишко Акко на северной стороне Хайфского залива, но устав от впечатлений, мы его уже не осматривали. А поскольку стало уже темнеть и дети так и заснули в машине, то нигде не останавливаясь, покатались домой.

Очень рано утром на микроавтобусе таниного соседа (он развозит работников разных предприятий и детей в школы в Натанию и другие городки) я вернулся в Иерусалим. Здесь шел довольно густой снег, но быстро таял, превращаясь в мокрую кашу. Но после солнца Галилеи и на Средиземном море, на это чудо природы я любоваться не стал. А бросив у Ксаны Халимовой вещи, сразу поехал на Мертвое море.

Автобус шел мимо горы, на которой, как в кратере вулкана, находится крепость Ирода Великого, и горы, на которой находится Масада - крепость, тоже выстроенная Иродом, но ставшая известной по героическому сопротивлению zelотов в 673 г. н.э. Самой крепости я не видел, а только горы, на которых они расположены. И Кумран, вблизи которого были найдены рукописи мертвого моря, я только проехал, и этот арабский поселок на меня впечатление не произвел.

Остановился в кибуце Эйн-Гедн, расположенном на горе. Отсюда, с высоты, Мертвое море смотрится очень красиво, действительно, как жемчужина. Спустился вниз к морю - пляж со всеми удобствами и рестораном, раздевалками, душевыми. Но почему-то вход на него свободный, т.е. бесплатный (очевидно потому, что зима), и кибуц много на этом теряет. Я, конечно, искупался - ощущение интересное, плавать активно нельзя, можно лежать, сидеть, с трудом двигать руками и ногами. (Но впечатление молодости на Румынском лимане между Северной и Южной Эйфорией, где плотность и соленость воды тоже абсолютная, было куда как более сильным).

Отдыхая после душа здесь же на пляже, разговорился с молоденькими солдатами - одна девочка и двое мальчиков, но с автоматами и при полной экипировке. Один из них оказался из Латвии (из Резекне). В ходе разговора выяснилось, что они ждут машину - едут в командировку в Эйлат. Спросили, не хочу ли я съездить с ними? Что за дурацкий вопрос? Конечно, хочу! Подъехал открытый джип и все мы расселись в нем, поехали по пустыне Негив. Это путешествие оказалось тоже удивительным. Это каменистая горная пустыня, иногда переходящая в песчаную. Проехали несколько каньонов - это разломы в горах, противоположная сторона полностью повторяет ту, на которой ты находишься. Они, очевидно, не такие глубокие, как в Америке, но все же впечатляют. Но самое удивительное зрелище - это зацветающая пустыня. Такое богатое разноцветье, и очень похоже на расцветающую тундру, только маки там желтые, а в

пустыне красные, но обилие цветов такое же. Это одно из самых сильных ландшафтных впечатлений. Конечно, как и в тундре, вся красота продолжается всего пару недель, а потом все исчезает. И пустыня становится настоящей – знойной и выжженной, остается только верблюжья колючка. Но и эта пустыня, благодаря капельному орошению, начинает потихоньку оживать. Проехали Бер-Шеву - город новый, не очень интересный, но здесь вроде бы хороший университет.

Вот так за 4 часа проехали всю пустыню до Эйлата на Красном море. Это курортный город, возможно, не такой уж интересный. Но там есть Морской музей и Аквариум. Спустился в красивый павильон, находящийся ниже уровня моря и наблюдал удивительно красивую морскую жизнь. Пробыл там недолго, минут около 30-ти (торопился на машину в обратную дорогу, и даже искупаться не успел).

Приехал в Иерусалим уже глубокой ночью; Ксана волновалась и здорово меня ругала (ведь я не предупредил, а звонить было некогда). И всю эту ночь, болтая о нашей жизни, не заметили, как умяли бутылку коньяка.

А утром уже поездом поехал в Тель-Авив и на следующий день Вадим проводил меня в Аэропорт Бен-Гурион, где нас с Гершоном (как и всех других пассажиров) долго и нудно расспрашивали, что у нас в чемоданах, да мы ли сами их укладывали, но не особенно шмонали.

- - -

Вот каким было мое неожиданное, необычное путешествие в Израиль!

Когда-то давно приемный отец моей хорошей знакомой, Лиды Варик - звали его папа Шура, по фамилии, кажется, Мирер, известный литературный критик, написал очень интересное исследование о "Мастере и Маргарите". Там есть такая фраза: *«У Булгакова нет Истории, но очень точно указана география Израиля времен Йешуа»*. В романе может и нет, а вот в Израиле есть все. Здесь есть и очень точная История и очень точная География, и не только времен Христа, но и всех исторических периодов, как до, так и после Христа.

Противостояние на этой Богом данной Земле сохраняется, как и много веков назад. Это и противостояние арабского терроризма и ортодоксального иудаизма. Самые-самые ортодоксы не признают Израиль как государство – «государство неверных», и даже чтобы выехать по каким-то делам в другие страны они должны просить разрежения не у израильских чиновников, а обращаться прямо к королю Иордании, считая себя хотя и угнетенными, но его подданными, а тот им, с издевкой, отказывает. Это и противостояние, являющееся наследием двухтысячелетней диаспоры. Здесь украду некоторые соображения латвийского писателя Леонида Коваля, с которыми я в основном согласен: *«Народ (не только евреи), собравшийся из очень многих стран в «свою Землю», это конечно, ещё не народ. Ему предстоит только стать народом, объединенным единым менталитетом, едиными критериями Добра и Зла, подлинным ощущением братства и любви. Сколько же времени потребуется для этого? Очевидно, это зависит и от того, какие гении и пророки возглавят его становление и движение в истории. Земля Эрец Исраэль, как мать сыновей, собрала свой народ для новой жизни, чтобы спасти его от галута, от угнетения и ненависти. Теперь все будет зависеть от людей. За кем пойдут израильтяне? С мудрецами или торгашами. С Богом или с Дьяволом. С вековой мечтой о Добре или с соблазнительными чертами Зла. Станет ли брат брату своему или унизит и обкрадет его. Будет ли кланяться злему и наглому бюрократу или поведет с ним борьбу со свойственной нетерпимостью к корысти. Но как бы не пошло развитие этой страны, Земля Эрец-Исраэль - единственная, где еврей может стать полноправным гражданином мира»*.

На этой благодатной (местами еще захламой) земле могли бы жить в мире и счастье и евреи, и арабы, и все мировые религии. Всем бы хватило места, и много, очень много трудной, но благодатной работы по возражению жизни в пустыне и мира на земле Бога. Но будет ли это? Окажутся ли люди, достойны замыслу Творца?

ШОЛОМ АЛЕЙХЕМ! ДО ВСТРЕЧИ В ИЕРУСАЛИМЕ!

23 февраля - 9 марта 1994 года.

Виктор Аршавский

В. Аршавский.
Были, а, возможно, и небыли
или «Выбранные места из ...»
(Калейдоскоп воспоминаний из моей жизни)
Рига - 2011